

БЕЛОРУССКИЙ П/ОТДЕЛ
ОТДЕЛА ПРОСВЕЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
Н. К. П.

КУРС Белоруссоведения.

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ В БЕЛОРУССКОМ НАРОДНОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ В МОСКВЕ ЛЕТОМ 1918 ГОДА:

- В. И. Пичета—История белорусского народа.
Д. Н. Анучин—К вопросу о белорусской территории.
И. П. Силинич—Географический очерк Белоруссии.
А. Ф. Фортунатов Из сельскохозяйств. статистики
пяти белорусских губ.
Е. М. Чепурковский Антропология белоруссов.
Н. А. Янчук—Этнографический очерк Белоруссии.
П. А. Расторгуев—Белорусская речь в ее современном
и прошлом состоянии.
Д. Ф. Жылунович—Беларуская літаратура.
М. И Силищевский—К вопросу о методике родиноведения.
-

С БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ УКАЗАТЕЛЕМ ПО КАЖДОМУ ВОПРОСУ И С
ПРИЛОЖЕНИЕМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ БЕЛОРУССКОГО ПЛЕМЕНИ
АКАД. Е. Ф. КАРСКОГО.

***

1918—1920 г.г.
МОСКВА.

Москва, Друкарня А. П. Яроцкого, Остоженка, Молочный пер., д. 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Курс Белоруссоведения составился из лекций, читанных в Белорусском Народном Университете в Москве летом 1918 г. По независящим от редакции причинам в „Курс Белоруссоведения“ не вошли лекции по следующим вопросам: 1) Земледелие в Белоруссии, 2) Лесоводство в Белоруссии, 3) Кооперация в Белоруссии, 4) Из истории национальных и революционных движений в Белоруссии, 5) История образования в Белоруссии, 6) Элементы театра в Белорусской народной поэзии и 7) Очерк этнографии Белоруссии, взамен которого помещен „Этнографический очерк Белоруссии“, написанный другим автором специально для настоящего издания. Значительно запоздалый выход в свет настоящей книги, равно как и следы на ней неаккуратной работы обусловлены событиями переживаемой нами эпохи, в частности, бумажным и типографским кризисом.

Систематический цикл лекций по курсу Белоруссоведения, проведенный летом 1918 года в Москве в Белорусском Народном Университете, имел целью, с одной стороны, „сквозь хмары ценные“ осветить белорусский вопрос, поднятый мировой войной и углубленный великой русской революцией, а с другой, дать учителю школы Белоруссии сборник таких сведений, которые необходимы ему в деле коренного переустройства школы на новых трудовых, подлинно народных началах. Белоруссия, как страна, географически лежащая между Россией и Польшей, на территории которой живет многочисленное разноязычное население, была в течение многих веков ареной не только национальной и политически-экономической борьбы народов, но также ареной и борьбы религий и вообще культур, главным образом, русской и польской. В общем ходе исторических событий белорусский народ не сохранил своей собственной государственности и общественности, растерял свои лучшие живые и творческие силы, отдавши их на строительство государственности и культуры соседних народов. Отсутствие местных научно-культурных центров Белоруссии в лице высшей школы вместе с исключительными историческими условиями жизни белоруссов служат причиной того, что в настоящее время русское общество и даже сами

белоруссы очень мало знают этот во многих отношениях своеобразный, богатый и интересный край и что около белорусского вопроса, поднятого ходом исторических событий, создается целый ряд недоразумений и предубеждений. Между тем „пагаржаные век, съяпые, глухие“ белоруссы, разбуженные стихийным движением трудящихся к новой лучшей жизни, стали на широкий „чырвоны шлях“ национального самоопределения. В связи с признанием огромной важности национального вопроса в современном положении России, правильное решение которого может определить форму политически-социальных и экономически-культурных отношений народов России, особый интерес к Белоруссии, территория которой, как и встарь, представляет собой арену небывало острой борьбы разнообразных интересов, проявляется со стороны Антанты, германцев, поляков, литовцев, русской прессы и особенно среди разрозненной белорусской интеллигенции, мысль которой направляется между тремя политическими ориентациями: „западной“, „восточной“ и ориентацией на „независимость“ Белоруссии. Вполне естественно и целесообразно, кажется, поэтому, было попытаться путем создания в Москве Белорусского Народного Университета и организации при нем в первую очередь курсов Белоруссоведения, по возможности, шире и глубже, цельнее и полнее осветить белорусский вопрос, дать слушателю в научно-популярной форме сумму таких знаний о природе, жизни и культуре Белоруссии, которые помогли бы ему ориентироваться в современном национально-социально революционном движении белоруссов.

Однако, хотелось удовлетворить не только неотложные политически-общественные запросы наших дней, но и посильно содействовать разрешению педагогически-школьной проблемы сближения школы с окружающей природой и жизнью. Хорошо известно, что школа старого типа в особенности стала всеми своими педагогическими недостатками на разнотипенных окраинах России: в Украине, Белоруссии, Литве и др. Школа Белоруссии, по преимуществу на низшей ступени церковно-приходская, сильно страдала, прежде всего, чрезмерной оторванностью от окружающей ученика природы и жизни, от его непосредственных впечатлений, наблюдений и знаний, от его материнского языка. Весь учебный материал, бюрократически нивелированный в обязательные предметы, скованные при этом общероссийским планом, программой и учебником „проходился“ в школе чисто механически, „зазубривался“ в форме наибольшего количества готовых слов, сводился в сущности к китайскому идеалу образования:

„побольше слов на кончике языка, побольше букв на кончике пера“ „Ни один из учащихся, подробно рассказывавших мне при посещении мною училищ, говорит в одном из циркуляров директор народных училищ Могилев. губернии, о Москве, Куликовом поле, Петербурге, Волге, Ледовитом океане, Северном крае, о Петре Великом, Екатерине II и т. д., ничего не мог сказать об исторических уголках и событиях данной местности Могил. губ., прославленных великими деяниями... и это не смотря на то, что некоторые училища стоят рядом с этими историческими уголками и местностями“ Попытки обновить школу и ее учебный материал при помощи старых средств: „местного“ учебника и выделения особого предмета в виде „родиноведения“ или „краеведения“ при сохранении общего духа и общих методов школьного образования, конечно, не могли дать сколько-нибудь существенных результатов.

Единая трудовая школа, пришедшая на смену старой и несущая с собой „соединение производительного труда с обучением и гимнастикой“, совершенно устраниет вопрос о сближении школы с окружающей жизнью через локализацию „учебного предмета“. Исходя из данных психологии детей и окружающего их народного трудового быта, внимательно и бережно относясь к интересам здоровья учащихся, к их живой разговорной материнской речи, предоставляя „своему естественному течению взаимодействие живого и литературного языков,“ трудовая школа ведет учащихся сообразно прогрессирующему их развитию в современный мир трудовой индустриальной культуры всего человечества, не отчуждая ученика, подобно прежним школам, от жизни и народа, но „воспитывая народника до мозга костей, знающего народ и любящего народ.“ Локализация всего школьного учебного материала, как общий метод построения школьной работы в духе самостоятельного наблюдения и деятельного исследования местной природы, жизни и культуры, ставит учащихся трудовой школы лицом к лицу с окружающим миром в его целом, вводит их в современную жизнь, неизбежно связывает обособленные предметы, познаваемые при выполнении различных жизненно-необходимых задач в одно гармонически целое и дает возможность ученику пережить, „переоткрыть“ для себя всякий передаваемый ему научный факт. Но осуществление локализации школьного материала во всем объеме ставит и учителя перед проблемой всестороннего изучения окружающего мира в его целом.

Настоящая книга, состоящая из научно-популярных лекций по курсу белоруссоведения, к сожалению, не совсем полному, имеет целью оказать посильную помощь учителю новой трудовой школы Белоруссии в деле изучения им местного родного края, дать ему суммарно итоги местного изучения, основные научные данные и методы изучения и таким образом, ввести его в круг вопросов современного научного изучения края, ближе подвести к пониманию очередных задач „местного исследования“. Предлагаемые небольшие очерки по отдельным вопросам курса белоруссоведения с кратким перечнем по каждому вопросу важнейшей литературы должны помочь учителю лишь при предварительной ориентировке его в деле ознакомления и изучения окружающей природы, жизни и культуры края в его прошлом и настоящем.

Надо надеяться и верить, что учителя школы Белоруссии в творческом идейном порыве создать новую трудовую, самую лучшую в мире, школу, найдут в себе достаточно сил и умения овладеть основными началами и методами изучения родного многострадального края. планомерно покроют его тысячью местных исследовательских кружков, семинариев, лабораторий, студий, кабинетов, развернут широко дело школьных экскурсий и периодических учительских съездов, школьных и районных музеев природы и жизни края и дружными коллективно-творческими усилиями вместе с широкими народными массами построят единую трудовую, подлинно народную школу Белоруссии.

Ф. Турук.

10/ X 19.
Москва.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ БЪЛОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ.

I. ТЕРРИТОРИЯ и ЕЯ НАСЕЛЬНИИ.

Характеръ території. Славянская прародина. Готскія и Гунскія передвиженія. Раннія ізвѣстія о славянахъ. Славянская колонизація. Археологическія раскопки и географическая номенклатура. Славяне въ эпоху разселенія. Религіозныя вѣрованія славянъ.

Территорія, на которой приходилось Бѣлорусскому племени переживать свои перемѣнчивыя историческія судьбы, является частью восточно-европейской равнины, помѣщенной въ четыреугольникъ рѣкъ Западной Двины, Нѣмана, Припяти, Днѣпра съ Березиной. Вся эта территорія—почти сплошная равнина, изобилующая рѣками, рѣчками, болотами и озерами, и покрытая густыми лѣсами. Только на Сѣверѣ и Западѣ можно отмѣтить рядъ холмовъ, являющихся водораздѣломъ Западной Двины и Нѣмана. На Сѣверѣ Валдайскія горы отдѣляютъ бассейнъ З. Двины отъ бассейна р. Великой и Ловати. На холмахъ беруть начало главныя рѣки въ бассейнѣ З. Двины, Днѣпра, Березины и Припяти. Бассейны рѣкъ близко подходятъ другъ къ другу, что облегчало сношенія и взаимодѣйствіе поселенцевъ. Бассейнъ З. Двины черезъ Дрисну и озеро Себежъ соединялся съ р. Великой. Лѣвые притоки З. Двины подходили къ самому Днѣпру черезъ Касплю, озеро Касплю и рѣку Катанну. Р. Ловать, черезъ мелкія свои притоки и З. Двины, соединяется съ бассейномъ З. Двины. Верховья З. Двины, подходя къ верховьямъ Волги, соединяются другъ съ другомъ бассейны этихъ рѣкъ. Лѣвымъ притокомъ Дисной и Жемянной, правымъ притокомъ Виліи бассейнъ Нѣмана соединяется съ бассейномъ З. Двины. Черезъ лѣвый притокъ Уллу З. Двина соединяется съ Березиной, а р. Поней-Березина подходитъ къ бассейну Виліи. Наконецъ, верховья Днѣпра соединяютъ бассейнъ Днѣпра и Волги съ Окой. Р. Припять своимъ устьемъ привязывается къ среднему Днѣпру, а верховьями приближается къ З. Бугу и Вислянскій водной артеріи. Системы рѣкъ по территоріи Бѣлоруссіи должны были облегчать передвиженія населенія. Обиліе лѣсовъ въ тоже время задерживали колонизацію территоріи. Населеніе, двигаясь по рѣкамъ, въ тоже время было вынуждено ютиться по берегамъ рѣкъ, ставшими центрами осѣдлости. Территорія Бѣлоруссіи была колонизована славянскимъ племенемъ. Славянское племя—исконное племя на территоріи Европейской равнины. Съ этимъ согласны всѣ видные русскіе и иностранные ученые, какъ-то:

Шрадеръ, М. Грушевскій, академикъ А. А. Шахматовъ. Сходясь въ признаніи славянъ автохтонами Европы, ученые расходятся между собою въ определеніи мѣста славянской прародины. Во всякомъ случаѣ ею былъ не Дунай, и извѣстію «Начальной Лѣтописи» не приходится въ этомъ отношеніи придавать большого вѣса и значенія. Самое слово «Дунай», благодаря изслѣдованию лингвистовъ, оказывается не славянскимъ, а кельтскимъ. По мнѣнію чешскаго ученаго Л. Нидерле, территорія, бывшая для славянъ прародиной, была мѣстностью богато покрытой лѣсами: букомъ, дубомъ и березою, изобиловавшей зоологическими и водными богатствами, и свободной отъ всякихъ естественныхъ преградъ. По наблюденіямъ Нидерле—границей славянской прародины на юго-западѣ было Карпатское плоскогоріе. Затѣмъ она поварабивалась на западъ по направленію къ Вислѣ и на сѣверъ къ бассейну праваго южнаго берега Припяти. Лѣвые притоки Припяти-литовскаго наименования. На сѣверо-востокѣ граница доходила до города Могилева. На востокѣ славяне заняли бассейнъ средняго Днѣпра, а на югѣ граница пересѣкала верховья рѣкъ: Серета, Прута, Днѣстра, южнаго Буга, доходя на Днѣпръ до впаденія въ него Псела. Славянскія племена были сдвинуты со своей прародины и пришли въ движение благодаря движению готовъ. Послѣдніе жили по берегамъ Балтійскаго моря и были соѣдѣніемъ славянъ съ сѣвера. Готы успѣли объединиться, имѣли сильную княжескую власть и достигли довольно значительного культурнаго развитія. Готская металлическая культура была высокаго качества. Готы преимущественно приготавляли оружіе. Готы составляли восточную вѣтвь германцевъ и занимали побережье Балтійскаго моря къ востоку отъ Вислы. Во II в. готскія племена двигаются на югъ въ Черноморскія степи, черезъ Пинское Полѣсье. На югѣ готы оставались въ теченіе III и IV в.в. и заняли большое пространство между Дунаемъ и Днѣпромъ. Днѣстръ раздѣлилъ готовъ на 2 части: на вестготовъ и остготовъ. Готское вліяніе распространилось на соѣдѣніе народы, и, вѣроятно, славянскія племена попали въ сферу ихъ вліянія. Торговыя и военные связи съ Византіей содѣйствовали христіанизации готовъ. Общее массовое крещеніе готовъ произошло въ половинѣ IV в.

Въ концѣ IV в. изъ Азіи двигается урало-алтайское племя — гунны. Остатки старыхъ иранскихъ племенъ отошли къ югу: къ Кавказу и Крыму. Гунны покорили восточныхъ готовъ, а западные готовы перешли за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи. Разрушивъ готское царство, гунны двинулись въ Паннонскую низменность и основали большое государство, распавшееся въ половинѣ V в. Въ VI в. появляется болгарская орда, отколовшаяся отъ гунновъ и застрявшая на Азовскомъ побережье, по Дону и Кубани. Болгарская орда раздѣлилась въ VII в. на 3 части: западные болгары двинулись за Дунай на Балканскій полуостровъ, часть стала на Сѣверномъ Кавказѣ; восточная вѣтвь болгаръ двинулась вверхъ по Волгѣ, гдѣ они основали большое государство. Въ VI—VII вв. появились въ степяхъ авары, нападавши на славянскія племена, жившія около Карпатъ. Они переходили и за Дунай, въ предѣлы Византійской имперіи.

Точныя извѣстія о славянахъ идутъ съ VI в. О нихъ говорятъ греческіе писатели Прокопій, Маврикій и Іорданъ. Славянскія племена дѣлились на 2 группы: собственно славянъ и антовъ. Первые жили между Дунаемъ и Днѣстромъ и къ сѣверу отъ Вислы, а вторые къ сѣверу и востоку отъ Днѣстра.

Прокопій и Маврикій рисуютъ жизнь славянъ суровой и малокультурной. Общеславянскій языкъ говоритъ о развитіи среди славянъ земледѣлія и огородничества. Слова: жито, рожь, пшеница, ленъ, конопля, рало, сѣно, лукъ, чеснокъ, садъ, овощи — являются общеславянскими. Ведя полукочевой образъ жизни, славяне занимались скотоводствомъ, рыболовствомъ и бортничествомъ. Славяне умѣли выдѣлывать различные гончарные изделия, обрабатывать кожу, шерсть и дерево, строить жилища, приготавливать пищу, медъ, напитки, различные шейные и ручные украшения. Отъ сосѣдей готовъ славяне научились выдѣлывать оружие и разнаго рода металлическія изделия. Отъ нихъ же заимствованы слова: князь, мечъ, деньги, нѣкоторые термины земледѣльческаго и скотоводческаго быта. Славяне жили племенами, были очень воинственны, неоднократно переходили за Дунай, вмѣстѣ съ готами и гуннами нападали на Восточную Имперію.

Черноморскія степи были издавна заселены различными народами. О нихъ говорятъ, Гомеръ и Гезіодъ, — сообщаетъ довольно подробная свѣдѣнія Геродотъ. Эти племена задерживали славянское движение на востокъ и югъ. Отдѣленные племенами отъ грекоримской имперіи славяне до I в. послѣ Р. Х., были неизвѣстны римскимъ писателямъ, но Пліній, Тацитъ и Птоломей уже слышали о славянахъ. Первые 3 вѣка христіанской эры — время германскихъ передвиженій. Двигаясь на Римскую Имперію, германцы оставили за Вислой свободное пространство, которое сейчасъ же было занято славянами. Въ началѣ III в., готы, направляясь отъ береговъ Балтійского моря на югъ, разрѣзали славянскую прародину на 2 части и потѣсили славянъ къ западу по Вислѣ и за Карпаты къ Дунаю. Славяне вошли въ составъ готской державы. Вмѣстѣ съ вестготами они вошли въ составъ и гуннской державы. Паденіе послѣдней въ V в. и уходъ остготовъ въ Италію освободилъ славянскія племена отъ иностранного владычества.

Готское нашествіе заставило славянъ двигаться въ глубь лѣсовъ со сѣдей-финновъ и литовцевъ. Эта колонизация становится особенно замѣтной въ VII — IX вв. Со Средняго Днѣпра славяне поднялись на сѣверъ, къ Верхнему Поднѣпровью, оттуда къ Западной Двинѣ, заняли Среднюю и Верхнюю Двину. Съ Средней Двины черезъ р. Великую славянскіе колонисты дошли до Чудского озера, а съ Верхняго Днѣпра, дойдя до верховья рѣки Ловати, внизъ по послѣдней спустились до озера Ильменя. Эта территорія была занята кривичами. Съ Верхняго Днѣпра славяне двинулись на востокъ — бассейнъ рѣки Десны, Сейма, Сулы и Сожа. Эти племена назывались сѣверянами и радимичами. Славянскія племена, жившія истари по Припяти, назывались дреговичами, а по Бerezинѣ — древлянами. Въ XI столѣтіи ильменскіе кривичи колонизо-

ровали Верхнюю Волгу и бассейнъ Оки. Спускаясь внизъ по Днѣпру, славяне дошли до устья Днѣпра, а по Днѣстру, къ берегамъ Чернаго моря—до Дуная. Здѣсь жили племена: уличи и тиверцы. Занявъ бассейнъ Верхняго и Средняго Днѣпра, славянскія племена двинулись на сѣверовостокъ къ Верхней Окѣ—это были вятичи, на юго-востокъ по Сейму къ верховьямъ Дона и далѣе по Дону. Поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Пслу и Ворсклѣ, славяне дошли до верховья Донца. Въ X столѣтіи сѣверяне добрались до устья Кубани, видномъ торговомъ пунктѣ, между греческими городами и Хозаріей, и основали городъ Тмутаракань. Славяне двигались по рѣкамъ, не встрѣчая никакого активнаго препятствія и заняли огромную территорію. Въ X столѣтіи колонисты съ Дона и съ Донца, подъ вліяніемъ кочевниковъ, должны были уйти. Южное Поднѣпровье было также очищено отъ славянскихъ колонистовъ. Граница славянскихъ поселеній на югъ шла по линіи рѣки Роси. Колонисты съ Дона были вынуждены подняться вверхъ по Дону къ верховьямъ Оки, въ землю вятичей. Славянскія племена легли въ основу трехъ русскихъ народностей: бѣлорусской, украинской и великорусской.

Кого застали славянскія племена въ бассейнѣ З. Двины, Днѣпра и Припяти—вотъ первый вопросъ, на который необходимо дать тотъ или другой отвѣтъ. Вопросъ—самъ по себѣ, конечно, весьма важный, но на который можно дать весьма не точный отвѣтъ. Изслѣдователь для этой цѣли располагаетъ весьма незначительными данными: географической номенклатурой и археологіей. Данныя первой—несомнѣнно во многихъ мѣстахъ не славянского происхожденія. Озера: Пеппо, Саблаго, Охватъ, Отолово, Бойно, Грасно, Волхото, рѣчки: Березно, Медина, Нечесла, Волкота, Вужь, Нога, Осотня, Ломна, Супрута, Межа, Обша, Аржать, Ельмя, Воня, Конеда, Сапиза—всѣ наименованія, чуждыя славянскому языку. Притоки Березины—Мрой, Гњуть, Нога, Усвяжь, Зора—также не славянскія. Припять съ правыми притоками—безусловно славянского корня. Рѣки Бобръ, Стырь, Случь, Горынь, Стырь, Быстрица, Струбля, Веселуха, Стоходъ, Млынокъ, Болотница, Зимуха, Плотница, Жалобница, Бѣгунька, Вилія, Ровъ, Иква, Тростенка, Гнилопять—носятъ славянскую номенклатуру. Географическая номенклатура указываетъ на исконность на территоріи Бѣлоруссіи элемента, чуждаго славянскому племени, но не решаетъ вопроса о культурѣ и его происхожденіи. Археологическая раскопки въ районѣ З. Двины и Днѣпра обнаружили обиліе предметовъ, относящихся къ неолитической эпохѣ. Съ другой стороны, открыто немало могиль съ разными формами погребальныхъ обрядовъ. Въ районѣ «Кривичей» сожженіе покойниковъ доминировало подъ трупопогребеніемъ. Въ районѣ Днѣпра и Сожи замѣчается обратное соотношеніе. По Припяти и Березинѣ попадаются могилы, материаломъ для которыхъ служить земля, исключительно съ трупопогребеніемъ. И въ тоже время по лѣвымъ притокамъ З. Двины можно встрѣтить и притомъ въ довольно большемъ количествѣ курганы, обложенные камнями, а по Березинѣ около Борисова съ каменными сводами. Такого

рода курганы находятся по р. Бобру и на правомъ берегу З. Двины. Эти курганы принадлежать къ какому-то иному народу. Можно думать, что они относятся къ алтайскому племени—финскому. Точно также географическая наименование съ окончаниемъ на ва, за, ма, ра, са, ша—можно считать финскими по своему происхождению. Наконецъ, по лѣвымъ притокамъ Припяти, отчасти на берегахъ Западной Двины славянамъ, пришлось столкнуться и съ литовцами.

Славянскія передвиженія содѣйствовали разложенію родовыхъ союзовъ, смѣнившихся общинами, союзами, основанными на сосѣдствѣ. Въ центральныхъ мѣстахъ общинъ возникли укрѣпленные поселенія, называвшіяся городами. Послѣдніе стали политическими и экономическими центрами, тянувшими къ себѣ населеніе. Такъ возникъ у полянъ Киевъ, у ильменскихъ славянъ—Новгородъ, у кривичей—Смоленскъ, у сѣверянъ—Черниговъ и Любечъ, у подвинскихъ кривичей—Полоцкъ, а на сѣверовостокѣ—Ростовъ.

Археологическія раскопки указываютъ на занятія земледѣліемъ. Остатки кожи, шерсти, мѣховъ въ одеждѣ, скелеты лошадей—говорятъ о скотоводствѣ. Остатки тканей, разныя желѣзныя издѣлія, могильные срубы, глиняные сосуды свидѣтельствуютъ о ремеслѣ, обиліе арабскихъ монетъ—диргемъ и византійскихъ солидовъ—говорить о торговыхъ связяхъ съ Востокомъ и Югомъ.

Общіе экономические интересы заставляли племена тянуть къ тому или другому укрѣпленному пункту. На этой почвѣ разбивались племенные связи и возникали новые политическіе союзы, городовыя волости, ставшія основой будущихъ областей XI—XIII в. в. Экономическія связи съ Киевомъ связывали всѣ волости въ одно политическое цѣлое и подготавливали государственное объединеніе восточнаго славянства.

Сначала славяне думали, что вся природа оживлена. Каждый предметъ, каждое явленіе природы были одушевлены. Въ каждомъ предметѣ предполагалось присутствіе живого духа. Эти духи могли переселяться въ другія оболочки и принимать разныя формы. Духи могли принять форму звѣрей, людей или смѣшанную. Къ духамъ предметовъ или явленій природы относятся: русалки, лѣшіе и водяные. И материальная культура имѣла своихъ духовъ—покровителей. Житный дѣдъ и полевикъ были покровителями скотоводства и земледѣлія. Съ развитіемъ культа предковъ и представлений о душахъ умершихъ появляются духи родовые или семейные. Домовой, родъ, рожаница были духами родовыми и семейными. Есть и злые духи, приносящіе страданія людямъ: упыри, волкодлаки, демоны, лихорадки. Это мифологическая религія продолжала жить среди славянъ и послѣ принятія христіанства. Съ теченіемъ времени религіозное развитіе славянъ значительно подвинулось впередъ. У славянъ были высшія божества. Каждое племя имѣло своего высшаго бога. Обще-распространеннымъ культомъ былъ культъ Перуна—бога грома и молніи. Славянскіе высшіе боги—это боги князей, дружины, аристократіи. Народная масса стояла на болѣе

низкой ступени религіозного розвитя. Когдя въ X столѣтїи произошло обєдиненіе всѣхъ славянъ, то культи мѣстныхъ высшихъ боговъ были переведены въ Киевъ. Религіозное обєдиненіе укрѣпляло единство экономическое и политическое. У славянъ были праздники, связанные съ круговоротомъ года. Къ нимъ относятся: коляда и овсень—въ декабрь; маслянина среди зимы. Весной—красная горка, радуница, нарадъ день. Русаліями заканчивались весенніе праздники. Лѣтомъ наканунъ жатвы совершились такъ называемые купальскіе обряды съ хороводами, зажженными кострами и прыганьемъ черезъ нихъ. Славяне вѣрили въ существованіе души послѣ смерти. Загробная жизнь представляется имъ, какъ земная. Покойнику необходимо дать въ могилу его привычную обстановку. Могилу украшаютъ домашней утварью и всѣми дорогими предметами для покойника. Славянское погребеніе было двоякое: трупосожженіе и трупопогребение. Первая форма является болѣе ранней въ сравненіи со второй. Оставшіеся могильные курганы даютъ много вещественныхъ памятниковъ для характеристики первоначального быта славянъ.

II. КОЛОНИЗАЦІЯ ТЕРРИТОРІИ И ОБРАЗОВАНІЕ БѢЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ.

Данная историческая географія X—XIII в. Образование бѣлорусского племени.

Славянское племя-кривичи, занявшее среднее теченіе Западной Двины, медленно разселялось въ бассейнъ рѣки. Слѣдами этой колонизаціи являются сохранившіяся извѣстія о населенныхъ мѣстахъ. Древнѣйшимъ славянскимъ поселеніемъ былъ Полтескъ (Полоцкъ) при впаденіи рѣки Полоты въ З. Двину. Въ лѣтописи онъ впервые упоминается подъ 862 г., Полоцкъ, естественно, сталъ центромъ для подвинскихъ славянъ, объединившихся вокругъ Полоцка. Дать детальную картину колонизаціи бассейна З. Двины невозможно. Слишкомъ кратки и отрывочны лѣтописные извѣстія. Упоминаніе лѣтописи о томъ или другомъ поселеніи ничего не говоритъ о времени его возникновенія. На основаніи этихъ данныхъ можно только нѣмѣтть районъ распределенія колонизаціи. Изъ Полоцка колонизація пошла по разнымъ направленіямъ и, конечно, въ первую очередь ввѣрхъ и внизъ по Западной Двинѣ. На верхней Двинѣ рано возникъ Витебскъ. Вѣроятно, одновременно были колонизованы и правые притоки верхней Двины. Раннее упоминаніе (1021) о поселеніи Вѣсвячъ и Еменецъ могутъ служить отчасти подтвержденіемъ вышесказанного предположенія. Обезпечивая себѣ верховья З. Двины, полоцкіе славяне колонизовали и лѣвые притоки З. Двины. Въ лѣтописи упомянуты Стрѣжовъ (1127), Неклочь (1097). Къ половинѣ XI в. колонизація въ этомъ направленіи дошла до Рши на Днѣпрѣ (1067) и Копыса (1059). Отсюда колонизація пошла на Западъ. Около Лукомльского озера возникъ Лукомль, извѣстный съ 1113 г. Южнѣе его лежитъ Дрютскъ. Къ началу XII в. верхнее теченіе Березны

было захвачено славянской колонизацией, о чемъ свидѣтельствуетъ наименование Борисова, о которомъ упоминаетъ Лѣтопись подъ 1128 г. Можно думать, что эта территорія была захвачена колонизацией значительно раньше. Къ юго-западу отъ Борисова лежитъ гор. Минскъ, известный съ 1067 г. Этимъ было положено начало колонизации Свислочи. Къ сѣверо-западу на верховьяхъ той же рѣки былъ выстроенъ Изяславль, упоминаемый только въ 1127 г. Къ западу отъ Минска колонизация перекинулась на р. Березину, притокъ Нѣмана. Въ XII столѣтіи годъ 1162 въ лѣтописи встречается упоминаніе городка Городецъ. Довольно рано началась колонизация и по нижнему течению З. Двины. До XIII в. она шла успѣшно и проникла довольно глубоко въ землѣ латышей, о чемъ свидѣтельствуютъ археологическія раскопки. Вѣроятно, колонизация среди латышей идетъ особенно энергично въ княжескую эпоху, когда полоцкимъ князьямъ приходилось черезъ устье З. Двины поддерживать торговыя сношенія съ Западной Европой. Вся эта территорія составляла одно цѣлое въ экономическомъ отношеніи и тянула къ одному политическому центру - Полоцку. Ставъ сначала центромъ небольшой округи, Полоцкъ въ дальнѣйшемъ превращается въ центръ цѣлой земли, являясь ключемъ западной торговли для всей территории. Занимая среднее теченіе Двины, полоцкіе кривичи на югъ спустились до верховьевъ Березины и Свислочи и по лѣвому берегу средней Березины. На западъ граница Полоцкой земли соприкасалась съ литовскими и финскими племенами, на востокѣ съ ильменскими славянами и на юго-востокѣ съ радимичами. Литовскія племена не могли остановить натиска славянскихъ колонистовъ, незамѣтно появившихся среди нихъ. Въ XII—XIV в. границы Полоцкой земли расширились. Славяне спустились внизъ по Березинѣ до Бобруйска, известного съ 1387 г. Постройка Свислочи при устьѣ рѣки того же наименованія указывало на вхожденіе всей Свислочи въ сферу вліянія Полоцкой земли. Появленіе новыхъ населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ раннѣе колонизованной территоріи было слѣдствіемъ роста населенія. Внѣдряясь въ глубь литовскихъ племенъ, славяне колонизовали бассейнъ по Вилии и такъ называемую Черную Фусь по р. Егеринѣ; верхнему Нѣману и его притокамъ съ городами Новогрудкомъ, Слонимомъ, Волковыскомъ. Рѣка Припять была заселена дреговичами. Они колонизовали верхнее и среднее ея теченіе съ правыми притоками. Возникновеніе на Припяти городскихъ поселеній также слѣдуетъ отнести къ весьма раннему времени. Центромъ территоріи является городокъ, впослѣдствіи получившій название Турова. На верховьяхъ Припяти выросъ гор. Пинскъ. Оба эти города имѣли огромное значеніе. Подъ ихъ контролемъ находился торговый путь, соединявший Днѣпръ съ Привислянской водной артеріей черезъ Западный Бугъ. Кривичи верхнеднѣпровскіе должны были колонизовать территорію, занятую финскими племенами. Центромъ кривичей стала г. Смоленскъ. Отсюда и шла славянская колонизация. Довольно рано съ береговъ Днѣпра кривичи проникли въ бассейнъ Сожа, въ глубь земли радимичей. Удобное расположение бассейновъ рѣкъ дало возможность развиваться колонизации кривичей въ восточномъ

направлениі по р. Угрѣ и дальше на востокъ. Поселенія кривичей могли доходить до средняго теченія р. Москвы. Кромѣ Смоленска важными осѣдлыми пунктами были Дорогобужъ на Днѣпрѣ, Можайскъ на верховьяхъ Москвы, бывшій центромъ восточной части кривическихъ поселеній. Въ юго-восточномъ направлениі лежали города Пропойскъ, Кричевъ, Зара, бывшіе пограничными городами для Смоленской земли. Колонизация Днѣпровскихъ Кривичей захватила большое пространство, которое увеличивалось по мѣрѣ выясненія значенія Западно-Двинской и Приднѣпровской водной артеріи для торговли съ Западомъ и Византіей. На территории смоленскихъ кривичей, кромѣ кривичей, въ бассейнѣ верхней Оки застряло литовское племя, вообще оттѣсненное на западъ колонизаціоннымъ продвиженіемъ. Въ бассейнѣ Еиліи и Нѣмана славяне довольно рано столкнулись съ Литвой, а потомъ вошли и въ составъ образовавшейся государственной организаціи. Къ литовской эпохѣ надо отнести образованіе Бѣлорусской народности, оторванной отъ другихъ славянскихъ племенъ, и ставшей жить съ XIII в. единою политической жизнью съ Литвой. Ядро Бѣлорусской народности - дреговичи и подвинские и смоленские кривичи, отчасти древляне. Обособленіе бѣлоруссовъ отъ общерусской жизни привело къ образованію самостоятельнаго бѣлорусского языка, уже сложившагося въ первой половинѣ XIV вѣка. Терминъ „Бѣлая Русь“ остается до сихъ поръ еще не выясненнымъ. Впервые онъ встрѣчается у нѣмецкихъ писателей XIV в. Писавши на нѣмецкомъ языкѣ называли сосѣднюю территорію Weisse Russen, а писавши на латинсколь Alba Russia. По мнѣнію акад. В. И. Ламанскаго - выраженіе „Бѣлая Русь“ обще народного происхожденія, уже существовавшее въ половинѣ XIII в. Съ Ивана III этотъ терминъ входитъ въ официальный языкъ московскаго правительства.

III. ИСТОРИЯ БѢЛОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ ДО КОНЦА XIII ВѢКА.

Возникновеніе отдѣльныхъ княжествъ. Историческая судьбы Полоцкой, Турово-Пинской и Смоленской земель. Экономический бытъ и соціальные отношенія. Политический строй. Правовая возврѣнія. Христіанизация.

Славянскія племена, составлявшія ядро бѣлорусского племени дреговичи и кривичи, уже вслѣдствіе географического расположенія были обособлены другъ друга. Колонизация кривичами Подвіння и Приднѣпровья среди финскихъ инородцевъ, съ одной стороны разрушила родовыя связи и замѣнила ихъ союзами по сосѣдству, а, съ другой стороны, обособила кривичей подвинскихъ отъ кривичей верхнеднѣпровскихъ. Къ половинѣ IX вѣка это раздѣленіе фактически состоялось. Каждая вѣтвь кривичей объединилась вокругъ своего экономического и политического центра, благодаря чему образовалась новая политическая формация, которую можно назвать „городовой волостью“. Первобытное народоправство было формой правленія, что отмѣтилъ лѣтописецъ, говоря, что „Новгородцы же изначала, и Смоляне.

и Кіяне, и Полочане... на вече сходяться и вси власти, егда на вече сходятся, что старейшіе здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Государственная организація съверо-западнаго славянства измѣнилась съ появлениемъ скандинавскихъ викинговъ-варяговъ, соѣдей славянъ на съверо-западѣ. Неблагопріятныя климатическая условия, перенаселенность территории, внутреннія политическія недоразумѣнія заставляли варяговъ оставлять свою родину и направляться за добычей въ чужія страны. Одна часть варяжскихъ выходцевъ направлялась на западъ, другая часть на востокъ Европы по водному пути, соединявшему Балтійское и Черное моря. Варяжскіе выходцы направлялись въ страну славянъ и Византію. Варяги появлялись въ Византіи то въ видѣ воиновъ на службѣ государя, то въ видѣ купцовъ, торговавшихъ съ Византіей. Славянскія племена, испытывая нападенія со стороны кочевниковъ-печенѣговъ, нуждались въ военчай силѣ для защиты страны и для поддержанія южно-русской торговли. Въ половинѣ IX в. варяги Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ появились въ Новгородѣ, Изборскѣ, Бѣлоозерѣ, а въ Киевѣ—Аскольдъ и Диръ. Варяжскіе князья устремились на югъ. При Олегѣ смоленскіе кривичи вошли въ составъ Киевской державы. Вошелъ въ нее и Полоцкъ, правда непосредственно лежавшій вдали отъ прямого водного пути, но было крайне важно держать весь путь подъ контролемъ Киевскаго князя. Варяжскіе гости могли попасть въ Полоцкъ и черезъ устье Западной Двины. Появленіе же въ Полоцкѣ варяжскаго князя Рогволода было результатомъ осѣданія отряда викинговъ, прибывшихъ сюда черезъ устье З. Двины. И въ землѣ дреговичей оказался свой варяжскій князь Туръ, тоже подчинившійся суворенитету кievскаго князя, которому крайне было важно держать въ своихъ рукахъ торговую дорогу по р. Припяти, Появленіе Рогволода въ Полоцкѣ политически обособило Полоцкое княжество отъ Киева, съ чѣмъ Киевскіе князья, конечно, не могли помириться. Полоцкій князь угрожалъ Новгороду и могъ, прервавъ великий водный путь, тѣмъ самымъ причинить торговлю князя весьма существенныя препятствія. Политическія осложненія въ Киевѣ послѣ смерти Святослава укрѣпили политическую самостоятельность Полоцкаго князя. И Ярополкъ и Владимиръ искали политического союза съ Рогволодомъ черезъ женитьбу на его дочери Рогнѣдѣ. Самъ Рогвальдъ склонялся на сторону Ярополка, но побѣдителемъ оказался Владимиръ. Рогвальдъ былъ убитъ. Владимиръ женился на Рогнѣдѣ. Политическая самостоятельность, невозможная при экономической связанныности съ Киевомъ, была потеряна. Однако, Владимира отдалъ Полоцкъ во владѣніе своему сыну Изяславу, сыну Рогнѣды. Полоцкое княжество вновь стало политически самостоятельнымъ, и весь этотъ періодъ заполненъ постоянной и продолжительной борьбой съ Киевомъ. Полоцкіе князья дѣйствовали противъ Киева активно. Они грабили Новгородскую землю, перерѣзывали водный путь и постоянно тревожили Киевъ, причиняя кievскому князю серьезныя заботы. Особенно былъ упорно настойчивъ по отношенію къ Киеву Всеславъ Брячиславичъ, все свое долгое княженіе, проведшій въ борьбѣ съ Киевскими князьями. Съ его смертью потускнѣлъ

политескій блескъ полоцкаго князя. Внутри княжества были какія-то недоразумѣнія между князьями. Это ослабило мощь княжества, чѣмъ воспользовался Владіміръ Мономахъ, начавшій съ нимъ борьбу и разграбившій Минскъ. Его сынъ Мстиславъ рѣшилъ докончить дѣло отца. Походъ его на Полоцкихъ князей увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Князья были захвачены въ плѣнъ и отосланы въ Грецію, откуда части князьямъ удалось вернуться, но политическое вліяніе ихъ было ничтожно. Въ XIII в. Полоцкая земля раздѣлилась на удѣлы: Полоцкій, Витебскій, Минскій, Друцкій, Изяславскій, Логайскій, Слуцкій, Новогрудскій, Городенскій, Клецкій, Лукомльскій, Свислочскій. И захватъ нѣмцами устья З. Двины остановилъ колонизацію въ землѣ латышей, нанесъ ударъ первостепенной важности экономическому расцвѣту Полоцка и окончательно подорвалъ политическую мощь полоцкихъ князей. Набѣги литовцевъ заставляли часть населенія уйти въ сѣверовосточную Россію. Край пустѣль и политически слабѣль. Въ XIV столѣтіи Полоцкая земля потеряла свою политическую независимость. Витебскій удѣль перешелъ къ Ольгерду благодаря женитьбѣ на Ульянѣ, дочери бездѣтнаго витебскаго князя, а Полоцкая земля уже при Миндовгѣ чувствовала на себѣ политическое давленіе литовскаго князя. Эта зависимость осталась неизмѣнной. Въ Полоцкѣ появляются литовскіе удѣльные князья.

Географическое положеніе Смоленскихъ кривичей тѣмъ самымъ ставило ихъ въ политическую и экономическую зависимость отъ Киевскаго князя. Самъ Смоленскъ пріобрѣлъ значеніе большого экономического центра, такъ какъ здѣсь проходили главные торговые пути на Западъ, къ устью З. Двины и на югъ, къ Киеву по Днѣпру. Пока сохранялось политическое единство Киевскаго государства, и Смоленскъ входилъ въ составъ его территоріи. Съ экономическимъ паденіемъ Киева и торжествомъ областного строя, приливомъ населенія въ Смоленскую землю, послѣдняя обособилась отъ Киева и пріобрѣла самостоятельное политическое значеніе. Въ половинѣ XII в. Смоленская земля впервые получаетъ отдѣльного князя въ лицѣ Ростислава Мстиславовича, Его политика была двойная. Съ одной стороны, онъ поддерживалъ своего брата Изяслава Мстиславовича, сидѣвшаго въ Киевѣ, съ другой стороны, онъ старался оказывать давленіе на Новгородскую и Полоцкую земли, съ которой Смоленская земля была связана единствомъ экономическихъ интересовъ. Захватъ Западной Двины Литвой рѣшалъ судьбу Смоленской земли. Безъ Западной Двины Смоленскъ долженъ былъ потерять весь свой экономический вѣсъ. Потеря Смоленскомъ своей политической независимости произошла при Витовтѣ. Въ 1404 г. Витовтъ посадилъ въ Смоленскѣ своихъ намѣстниковъ „отводя ихъ отъ князя Юрия“.

Турово-Пинская земля занимала бассейнъ правыхъ и лѣвыхъ притоковъ Припяти. Уже въ конце X в. у дреговичей возникъ Туровъ, а затѣмъ въ теченіи XI-XIII в. в. упоминаются города: Клеческъ, Рогачевъ, Пинскъ, Мозырь, Случескъ. Туровская земля со своими князьями попала въ

сферу віяння кіевського княжества. Уже при Владимира Святославовича въ городъ Туровъ сидѣлъ сынъ его Святополкъ. При Ярославѣ старшіе его сыновья Владимиръ и Изяславъ также занимаютъ туровскій столъ. И Изяславъ посадилъ тамъ своего старшаго сына Святополка. Послѣ смерти Святополка Изяславовича въ Турово-Пинской землѣ утвердились его династія, но освободиться ей отъ віяння кіевского князя фактически было невозможно. Слишкомъ большое торговое значеніе имѣла р. Припять для кіевского князя. Владимиръ Мономахъ не считался съ мѣстными князьями и распоряжался въ области по собственному усмотрѣнію. Съ возвышеніемъ Волыни въ XIII в. Турово - Пинская земля чувствовала на себѣ віяніе волынскихъ князей.

Политическое единство Турово-Пинской земли прекратилось съ конца XII столѣтія. Она разбилось на нѣсколько удѣловъ: Туровскій, Пинскій, Дубровецкій, Несвижскій, Клеческій. Съ возвышеніемъ Литвы Турово-Пинские князья признали суверинитетъ литовского князя. При Гедиминѣ вся Турово-Пинская земля стала удѣломъ его сына Наримунта.

До распаденія Кіевского государства на отдельныя волости, Полоцкая, Смоленская и Турово-Пинская земли тянули къ Кіеву, къ центру западной и южной торговли. Народно-хозяйственная жизнь развивалась въ зависимости отъ потребностей вицънаго рынка, при несомнѣнномъ преобладаніи торговли. Обиліе лѣсовъ на территорії земель развивало звѣриный промыселъ: волки, медведи, бѣлки, лисицы, куницы, бобры—доставляли мѣха. Въ лѣсахъ водились олени, туры, лоси, кабаны: дикие гуси, утки, рябчики, куропатки—переполняли рѣки и озера, богатыя рыбой. Бортничество доставляло воскъ и медъ. Развитіе добывающей промышленности объяснялось спросомъ на эти предметы на иностранномъ рынке. Одновременно съ добывающей промышленностью развивалось и земледѣліе, несмотря на неблагопріятныя почвенные условія. Рядомъ со смердами, издавно занимавшимися земледѣліемъ, появилось частное землевладѣніе: княжеское, боярское и церковное. Подъ пашни расчищали и выжигали лѣса. Села отдѣлялись другъ отъ друга межами. Пустившее глубокіе корни рабовладѣніе значительно содѣйствовало частному землевладѣнію. Рабы обрабатывали землю и расчищали лѣсъ подъ пашню. Параллельно земледѣлію развивалась и промышленность для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Особенно была развита послѣдняя въ Смоленской землѣ. Среди населенія встрѣчались: плотники, мостники, городники, древодѣлы, бондари, гончары, кузнецы и слесаря, занимавшіеся обработкой металла. Они умѣли выдѣлывать: сѣкиры, ножи, мотыки, серпы, пилы, замки, копья, мечи, сабли, брони. Населенію была знакома обработка льна и конопли. На территоріи Полоцкой и Смоленской земель найдено большое количество арабскихъ monetъ VIII—X вв. Все это свидѣтельствуетъ о развитіи восточной торговли. Смоленская и Полоцкая земли были посредниками торговли между Европой и Азіей. Съ другой стороны, Смоленскъ принималъ участіе въ торговлѣ съ Византіей, дававшей въ частности много материала, необходимаго

для сооруженія храмовъ, которыми славилась Смоленская земля въ XI—XIII вв., а также для украшенія иконъ. Съ востока привозили: бисерь, разныя украшенія изъ серебра, бронзы и стекла, посуду, зеркала и восточная ткани. Съ паданіемъ арабской торговли съ половины X в. развивается торговля западная. Полоцкая земля торгууетъ со Скандинавіей и островомъ Готландомъ. Скандинавы доставляли разные предметы украшнія изъ Сронзы, серебра, мечи и стрѣлы. Западная торговля была активной. Полоцкіе купцы прѣѣзжали на островъ Готландъ. Съ начала XIII столѣтія, съ постройкой Риги, у устья Западной Двины, Рига стѣсняла непосредственное сношеніе русскихъ купцовъ съ Готландомъ. Торговля съ Русью перешла въ руки нѣмецкихъ купцовъ. Въ городѣ Смоленскѣ и Полоцкѣ нѣмцы имѣли свой дворъ. Торговыя сношенія опредѣлялись торговыми договорами. Наибольшее значеніе имѣть договоръ 1229 г., заключенный смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ отъ имени полоцкихъ и витебскихъ князей. Договоръ заключался съ Ригой, Готландомъ, Мюнстеромъ, Бременомъ Дортмундомъ, Любекомъ, Сестомъ, Касселемъ, Брауншвейгомъ. Торговый договоръ 1229 г. гарантировалъ всѣмъ сторонамъ свободный товарообмѣнъ, право свободной продажи своихъ товаровъ, свободного отъѣзда изъ Смоленска «въ инустрону». Товары иностранныхъ гостей должны быть безъ замедленія перетаскиваемы волочанами, на которыхъ падаетъ отвѣтственность за пропажу какой либо части товара. Договоръ гарантируетъ неприкословенность личности и имущества. Дѣла, рѣшенныя на мѣстахъ, являются окончательными и не подлежать «пересуду». Свободная торговля не избавляла гостей отъ уплаты мыта—пошлины. Договоръ опредѣлялъ величину этихъ таможенныхъ пошлинъ. Смоленская земля отпускала на Западъ византійскіе и азіатскіе товары и свое сырье: воскъ, мѣха, пеньку, медъ, кожи, лѣсъ, смолу, скотъ. Западъ присыпалъ въ Полоцкъ и Смоленскъ: сукна, перчатки, вина, чулки, инбирь, семгу, миндаль треску, соль, издѣлія изъ бронзы, стали и серебра.

Населеніе съверо-западной Руси въ эпоху областного строя дѣлилось на свободныхъ, полусвободныхъ и на несвободныхъ. Свободное населеніе по своему экономическому положенію дѣлилось на «вятшихъ, лучшихъ, переднихъ, черныхъ, простыхъ». Лица, близкія къ князю «княжыи мужи огнищане»—это его дружиинники, его совѣтники «бояре думающіе». Младшіе дружиинники назывались «гридую, отроками, дѣтскими». Они жили при княжескомъ дворѣ и выполняли возлагавшіяся на нихъ порученія. Дружиинники князя были обыкновенно землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Они могли въ любой моментъ оставить своего князя. Съ установленіемъ самостоятельности земель дружиинники осѣдаютъ на мѣстахъ. Къ высшему ряряду населенія слѣдуетъ отнести и земскихъ бояръ, собственниковъ земли и рабовъ, но не входившихъ въ составъ княжеской дружины. Гости и купцы занимались торговлей. Смерды составляли самую многочисленную группу населенія. Одни изъ нихъ занимались промыслами, другіе землевладѣліемъ. Смерды въ городахъ были ремесленниками. Смерды могли быть

и земельными собственниками, а также арендаторами княжеской и боярской земли. Свободный человекъ, сдѣлавшій заемъ и обязанный жить при господинѣ впредь до уплаты долга, становился закупомъ. Закупами становились и работники смерды, получившіе впередъ свою заработную плату, которую они обязаны отрабатывать. Несвободное населеніе называлось рабами. Источниками рабства былъ плѣнъ, самопрадажа при свидѣтеляхъ, женитьба на рабѣ «безъ ряда», поступленіе въ тивуны «безъ ряда», выходъ замужъ за холопа, рожденіе отъ несвободныхъ родителей, злостное банкротство, бѣгство закупа отъ своего хозяина. Политическій порядокъ областей опредѣлялся взаимодѣйствіемъ Зѣхъ силъ: вѣча, князя и княжеской думы. Впрочемъ, послѣдняя все время остается въ тѣни, и ея удѣльный вѣсъ трудно опредѣлить. Народное вѣче въ Смоленскѣ и Полоцкѣ—искусственная форма государственной организаціи. Когда въ 1127 г. Мстиславъ Владимировичъ пошелъ на полоцкаго князя, онъ предъявилъ вѣчу требованіе изгнанія князя Давида изъ Полоцка. Въ 1151 г. полоцкое вѣче прогнало своего князя Рогволода Борисовича и посадника Ростислава Глѣбовича. Обратившись за помощью къ Святославу Ольговичу, вѣче заключило съ нимъ союзъ. И литовскіе князья, заключая договоры съ Полоцкомъ, считались съ наличиемъ народного вѣча. Вообще, въ Полоцкой землѣ, какъ и въ другихъ земляхъ вѣче выступало въ такие моменты, когда было необходимо услышать голосъ всей земли. Народоправство было искусственной формой правленія и въ Смоленскѣ, о чёмъ сообщаетъ лѣтописецъ. Уставная грамота 1151 г., выданная смоленской епископіей, была составлена княземъ вмѣстѣ съ боярами. Грамота обязательна и для преемниковъ князя и для «людей» подъ которыми можно разумѣть народное вѣче. Лѣтописная извѣстія не сообщаютъ о всѣхъ случаяхъ народного вѣча въ Смоленскѣ, но, какъ и въ другихъ земляхъ, вѣче выступаетъ въ качествѣ рѣшающаго органа. Такъ договоръ 1229 г. былъ заключенъ смоленскимъ княземъ послѣ «совѣта съ людьми» т. е. вѣча. О существованіи народного вѣча существуютъ извѣстія, относящіяся къ эпохѣ литовскаго времени. Нѣсколько разъ Смоленское вѣче избирало себѣ князя. Вѣче, стоя на стражѣ интересовъ родной земли, слѣдило за тѣмъ, чтобы дѣятельность князя преслѣдовала благо родины и изгоняло нежелательныхъ для себя князей. Смѣны князей приводятъ къ образованію въ Смоленскѣ партій. Партийная борьба, временами принимавшая страстный характеръ, ослабляла политическую самостоятельность Смоленской земли и содѣствовала потерѣ Смоленскому своей политической независимости сначала въ пользу Литвы, а потомъ Москвы. По всейѣ вѣроятности, такие вѣчевые собранія имѣли мѣсто и въ Туровѣ—Пинской землѣ, хотя о нихъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Благодаря авторитету вѣчевыхъ собраній, власть княжеская все время находилась подъ бдительнымъ контролемъ самого народа, взаимоотношеніе съ которымъ всецѣло зависѣло отъ князя и его политики.

Христіанізация Руси—весъма длительный и своеобразный процессъ. Онъ идетъ обыкновенно сверху и носить принудительный для народной

массы характеръ. Съ формальнымъ усвоенъ христіанства тѣсно соединенъ вопросъ объ устроеніи церкви, ея материального быта полученіемъ церковной іерархіей ни обязательныхъ взносовъ и податей. Эта сторона христіанизації была населенію болѣе доступна и понятна, чѣмъ релігиозно—нравственная система нового ученія, которое было чуждо и непонятно массѣ народа. Христіанство распространилось изъ Киева по торговымъ путямъ. Если допустить, что Изяславъ былъ крещенъ Владимиромъ, то въ то же время произошла и внешняя христіанизація, за которой логически слѣдовала и организація новой церкви, въ видѣ епископій, приходовъ, постройки монастырей. Епископы —князья церкви стоятъ на стражѣ интересовъ новой церкви.

Мы не знаемъ, насколько успешно и быстро шла христіанизація въ Полоцкихъ волостяхъ, но упоминаніе лѣтописи о какихъ то волхвахъ, имѣвшихъ вліяніе на народную массу еще въ XI вѣкѣ, указываетъ на медленность внешней христіанизаціи Полоцкой земли, и живучесть и притомъ значительную, языческой традиціи. Территорія первоначальной епископіи не выходила за предѣлы города и все вниманіе епископской и княжеской власти сосредоточено по преимуществу на украшеніе и постройку храмовъ, какъ внешній показатель торжества нового вѣроученія. Конечно, украшается столица, а потомъ усердіемъ удѣльныхъ князей и столъные города. Полоцкая епископія была самостоятельна и только въ церковно-юридическомъ отношеніи зависѣла отъ Киевскаго митрополита. Есть данные, что и кандидатъ на должность епископа избирался Полоцкой землей. Эта зависимость была прекращена только въ 1415 году, когда по требованію Витовта былъ поставленъ для Литвы опредѣленный отъ сѣверо-восточной Руси митрополитъ въ лицѣ Григорія Цамблака.

Внѣшній процессъ христіанизаціи Смоленской земли шелъ такимъ же путемъ, какъ и въ Полоцкой землѣ. Христіанство было насаждаемо со времени Владимира I, но первое время въ Смоленскѣ не было самостоятельной епископской кафедры. Послѣдняя появляется только въ 1117 г. въ лицѣ епископа Мануила. Послѣдній заботился только о внѣшнемъ устройствѣ своей кафедры. Смоленскій князь Ростиславъ въ 1161 г. далъ уставную граммоту мѣстному епископату. Синь отдалъ ему десятину отъ всѣхъ земель Смоленскихъ, отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, кромѣ „продажи, виры и полюдья“. Ему даются и земельныя угодья, населенные села. Церковь получаетъ право суда по всѣмъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Церковная привилегія вѣчны. Нарушители ихъ клятво-преступники Самъ Мануиль грозитъ всѣмъ нарушителямъ проклятиемъ „отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ“. Усваивая христіанство по внѣшности, народная массы оставались вѣрны традиціямъ язычества. Оно живетъ въ глубинѣ сознанія народа; самое христіанство объязычивается, приспособляется къ простому міропониманію. Церковь по внѣшности побѣдила народную массу, но ея духъ остался неуязвимъ, и церковь, даже опираясь на свѣтскую власть, была бессильна что либо предпринять въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ

церковныхъ проклятій и внѣшне-формальнихъ запрещеній. Христіанізацію Турово-Пинской земли также надо отнести къ Владимиру I. Христіанство появляется въ городахъ. Насколько успѣшно шла христіанізациіа волости на это отвѣтить почти невозможно.

Славянскія правоотношенія опредѣлялись „обычнымъ правомъ“. Сущность славянскаго примитивнаго правосознанія выразилась въ наличіі кровавой мести, которая постепенно уступала системѣ компенсацій въ видѣ судебныхъ штрафовъ, продажъ и уроковъ, виръ и головничествъ. Матеріализація взгляда на преступленіе несомнѣнно большой сдвигъ въ народномъ правосознаніи. И „Русская Правда“ можетъ считаться выраженіемъ правосознанія не только одной Киевской области, а всѣхъ областей и каждой въ отдѣльности. Договоръ 1229 года съ Ригой, въ своей уголовной части, весь построенъ по системѣ композицій съ прибавленіемъ судебнаго поединка, о которомъ нѣть упоминанія въ „Русской Правдѣ“. Даже въ вопросахъ нравственности - та же матеріализація преступленія.

IV. ЛИТОВСКО-РУССОКЕ ГОСУДАРСТВО.

I. Образованіе династическаго государства; раннее средневѣковье.

Территорія Литовскаго племени, бытъ и религія. Сосѣди литовцевъ; начало объединенія. Вліяніе Руси на Литву. Княжескія отношенія въ Литвѣ. Земскія уставныя грамоты. Экономическій строй. Государственный строй. Церковь и государство.

Литовскія племена сначала занимали бассейнъ Нѣмана и Западной Двины, съверные притоки Припяти и верхнее теченіе Днѣпра и Березины, побережье Балтійскаго моря отъ устья Нѣмана до Западной Двины, и бассейнъ верхней Оки, гдѣ находилось Литовское племя голядь. Движеніе готовъ къ Черному морю отодвинуло Литовцевъ на западъ и съузило границы ихъ поселеній. Со II в. литовцы живутъ тамъ, гдѣ ихъ застаетъ исторія. Въ это время Литовскія племена заняли все балтійское побережье отъ Вислы до Западной Двины и нижнее теченіе Нѣмана съ его правыми притоками. Вся эта мѣстность въ изобиліи была покрыта лѣсами, болотами и озерами, рѣками и рѣчками. Почва была невысокаго качества. По правому притоку Нѣмана-Виліи расположилось центральное племя-литва. На правомъ берегу З. Двины лѣтъгола, а на лѣвомъ земигола. Куроны занимали полуостровъ между Рижскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Жмудь занимала нижнее теченіе Нѣмана. Между устьями Нѣмана и Вислы жили пруссы, а по притоку З. Буга-Нареву-ятвяги.

Литовцы жили родовымъ строемъ и дѣлились на племена. Каждое племя было обособлено другъ отъ друга. Живя въ лѣсистыхъ и обильныхъ водой мѣстности, литовцы занимались охотою, рыболовствомъ; имъ было знакомо и земледѣліе. Ихъ жилища были весьма примитивны: курная изба-

-преобладающая форма жилища. Отъ соседей-славянъ было заимствовано новое жилище- теплая изба, переданная литовцами западнымъ финнамъ.

Рядомъ съ примитивными вѣрованіями, культомъ природы, почитаніемъ ужей и наськомыхъ, существовалъ богъ - громовикъ - Перунъ. Привычка литовцевъ гадать, приносить въ жертву черныхъ куръ, поросятъ, барановъ, коровъ, бѣлыхъ коней, заговоры и заклятія духовъ-слѣды финского вліянія. Сохранился у литовцевъ и культь предковъ: поддержаніе непрерывнаго домашняго огня - вліяніе культа предковъ.

Сосѣдями литовцевъ были поляки и русскія земли. Галицко-Волынскіе и Полоцкіе князья дѣлали набѣги на Литву. Русская колонизація проникла въ бассейнъ Виліи и Средняго Нѣмана. Литовцы отвѣчали набѣгами на Подвинье и Поднѣпровье. Въ началѣ XIII вѣка при устьѣ Двины укрѣпился Ливонскій Орденъ. Между Нѣманомъ и Вислой утвердился Тевтонскій Орденъ. Въ 1237 году два братства соединились въ одно. Рыцари нападали на Литву, отнимали у нихъ землю, облагали населеніе налогами и заставляли принимать христіанство. Оставались независимыми только Жмудь и Литва.

Подъ вліяніемъ внѣшней опасности, Литовскія племена сплотились вокругъ Миндовга. Первоначальное ядро Литовскаго государства составила мѣстность по р. Виліи; къ ней присоединяется Черная Русь съ г. Новогрудкомъ по правымъ притокамъ Нѣмана. Миндовгу удалось подчинить своему вліянію и Полоцкую землю. Въ 1263 году литовскіе князья убили Миндовга. Литовское княжество распалось.

Натискъ нѣмцевъ способствовалъ вторичному объединенію литовцевъ. Гедиминъ объединилъ подъ своею властью всю литву и сталъ распространять свое вліяніе на сосѣднія русскія земли. При Гедиминѣ къ Литвѣ присоединились: Турово-Пинская земля, Полоцкая земля, часть Киевской земли а при Ольгердѣ:—Чернигово-Сѣверская земля, Киевская, Переяславская, Волынская, Подольская земли. Къ концу XIV столѣтія власть литовскаго князя признала и Смоленская земля.

Русскія земли, признавъ власть литовскаго князя, сохранили свою внутреннюю самостоятельность. Литовское государство было федераціей областей, слабо связанныхъ съ центромъ. Въ немъ преобладала бѣлорусская національность.

Русь оказала большое вліяніе на Литву: распространяется православная вѣра, усваивается русское право и обычай; русскій языкъ становится языкомъ государственнымъ.

Все Литовско-русское государство было раздѣлено на части еще при жизни Гедимина между братомъ и сыновьями. Вильна достался его младшему сыну. Ольгердъ скоро захватилъ Вильну. Молодое государство раздѣлилось на двѣ части: на западную и восточную. Въ первый—Кейстутъ велъ борьбу съ нѣмцами; а во второй—Ольгердъ распространялъ свое вліяніе на сосѣднія русскія земли. Послѣ смерти Ольгерда, великимъ княземъ сталъ Ягайлло. Кейстутъ скоро былъ убитъ. Князья, враждебные

Ягайллъ, лишились своихъ княжествъ и были вынуждены дать обѣщаніе вѣрной службы и военной помощи. Удѣльный порядокъ былъ уничтоженъ при Витовтѣ. Князья превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ.

При Витовтѣ области получили уставныя грамоты, подтвержденныя при дальнѣйшихъ литовскихъ князьяхъ. Земскія уставныя грамоты закрѣпляли существующія мѣстныя юридическія права и обычаи. Это были мѣстныя конституціи, существенно ограничившія власть центрального правительства.

Въ экономическомъ отношеніи молодое государство было крайне пестро.

Въ западныхъ областяхъ въ бассейнѣ Средняго и Нижняго Нѣмана благодаря приливу населенія изъ Волыни и Полоцкой земли начинается быстрое развитіе сельского хозяйства. Князья осаживаютъ дворы. Имъ слѣдуютъ бояре. Княжескій или панскій дворъ становится центромъ такого хозяйственнаго поселка. Благодаря обилію лѣсовъ и слабой плотности населенія система сельского хозяйства была чрезвычайно экспенсивной. Въ мѣстностяхъ по Двинѣ, Днѣпру преобладала добывающая промышленность. Но по Западной Двинѣ верховья Днѣпра поддерживали торговыя связи съ Западомъ, отпуская туда свое сырье. Въ юго-восточныхъ волостяхъ. Волыни, Подоліи сельско хозяйственная культура и частное землевладѣніе уже пустило глубокіе корни. Эксплоатациія лѣсныхъ промысловъ и рѣчныхъ богатствъ отступаетъ на второй планъ. Опустѣвшая Киевщина снова стала центромъ оживленной Черноморской торговли.

Въ борьбѣ съ сосѣдями падали старыя родовыя организаціи. Изъ нихъ сумѣли выдѣлиться отдѣльные лица и подчинить себѣ болѣе слабые родовые элементы. Они назывались «боярами», *nobiles*, *reguli*, *kunige*, *die edelsten*. Это все были представителями крупного землевладѣнія. Остальная масса населенія сидѣла на землѣ разросшимися семьями и общими усилиями эксплуатировала природныя и почвенныя богатства края. При дворахъ князей и землевладѣльцевъ появляется несвободное рабоче населеніе: «челядь невольная, паробки». Въ сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ земляхъ были на лицо тѣ же общественные группы, сформировавшіяся еще въ эпоху областнаго строя.

Собственно литовскія земли разбились на отдѣльныя владѣнія—княжества. Князья признавали авторитетъ великаго князя и находились отъ него въ вассальной зависимости. Сѣверо-западныя и юго-восточные земли также разбились на удѣлы. Ихъ князья считались вассалами великаго князя, связывавшаго своей личностью всѣ земли въ одно цѣлое. Литовско-русское государство было организаціею феодальнаго характера. Отношенія удѣльныхъ князей къ в. кн. опредѣлялись договорными грамотами. Внутри своего удѣла каждому князю предоставлялась полная самостоятельность. При Витовтѣ въ концѣ XIV в. князья были выгнаны изъ своихъ удѣловъ.

Языческая Литва, не смотря на миссионерскую дѣятельность ордена, крѣлко держалась за вѣру предковъ и при первой же возможности воз-

вращалась снова къ язычеству. Сліяніе Литвы съ Русью содѣйствовало христіанізациіи Литвы. Мѣстное боярство добровольно принимало христіанство по православному обряду. Строились церкви, получавшія отъ князей земельные пожалованія.

V. ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XIV—XVI ВѢКАХЪ.

I. Позднее средневѣковье.

Литовско-польскія унії. Литва и сосѣди.

Натискъ нѣмцевъ на Литву и Польшу заставилъ оба государства думать объ оборонѣ страны. Каждое государство въ отдѣльности было не въ состояніи вести самостоятельно борьбу съ нѣмцами. Мысль о соединеніи возникла у Польши, предполагавшей также мирнымъ путемъ получить Волынскую землю. Польские паны предложили в. к. Ягайллѣ жениться на польской королевѣ Ядвигѣ и соединить два государства въ одно. Ягайлло обязывался принять католицизмъ, «на вѣчныя времена присоединить къ Польшѣ литовскія и русскія земли». Унія была заключена въ 1385 г. въ Крево.

Литовская знать во главѣ съ Витовтомъ отнеслась къ уніи отрицательно. Тогда поляки заключили новое соглашеніе въ Острогѣ. Витовтъ признавался великимъ княземъ и вассаломъ польского короля. Послѣ смерти Витовта, всѣ его владѣнія переходятъ къ Польшѣ. Витовтъ смотрѣлъ на себя, какъ на самостоятельного государя. Когда татары разбили Витовта на р. Ворсклѣ (1399), поляки предложили подписать новый догооворъ, бывшій повтореніемъ договора 1392 года. Литва скоро оправилась отъ пораженія. Литовско-русскія и польскія ополченія разбили подъ Грунвальдомъ Ливонскій орденъ (1410). Послѣ этого Литва стремится къ разрыву съ Польшой. Поляки предложили новое соглашеніе. Унія 1416 года, заключенная въ Городлѣ на Бугѣ, оставляла въ Литвѣ отдѣльного государя и послѣ смерти Витовта. Государь избирается литовской знатью по еоглашенію съ польской знатью. Витовтъ и знать явно стремились къ разрыву. Для этой цѣли Витовтъ два раза собирался короноваться, но его попытки окончились неудачно (1430). Послѣ уніи 1385 года въ Литву проникаютъ католицизмъ и польская культура. Въ Литвѣ начинается борьба двухъ культурныхъ вліяній. Это усиливало національный антагонизмъ въ Литвѣ. Послѣ смерти Витовта литовское боярство посадило на престолъ Свидригайлла, брата Ягайллы. Недовольные его дѣятельностью, литовскіе бояре вмѣстѣ съ Ягайллой провозгласили великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Унія 1432 года возвращалась ко второй уніи и отдавала Подолье и Волынь Польшѣ. Но литовская знать убила Сигизмунда и избрала на престолъ малолѣтняго, Казимира, сына Ягайллы, не спрашивая

у поляковъ согласія. Въ Польшѣ въ 1444 году престолъ также сталъ вакантнымъ. Поляки избрали Казимира (1447 г.) Литва и Польша заключили только оборонительный союзъ.

Послѣ смерти Казимира (1492 г.) литовцы избрали на престолъ Александра; поляки—его брата Альбрехта. Еъ 1501 году умеръ Альбрехтъ, и Александръ занялъ польскій престолъ. Литвѣ пришлось согласиться на слияніе Литвы и Польши въ одно государство, съ однимъ государемъ, съ однимъ сеймомъ, съ одной монетой, но разными судами и должностями. Унія 1501 года не была осуществлена. Литовцы избрали въ 1506 году в. к. Сигизмунда, брата Александра. Тоже сдѣлали и поляки. Вопросъ о заключеніи унії не поднимался.

Русскій элементъ преобладалъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Первенствующее значеніе оставалось за литовцами. Великій князь Свидригайлло опирался на русскій элементъ. Его устранили литовцы и поляки. Казимиръ старался держаться примирительной политики по отношенію къ русскимъ землямъ. Для укрѣпленія связей съ Литвою отдѣльные земли получали подтверждительные привилеи. Одновременно литовскіе и русскіе землевладѣльцы уравнивались въ правахъ (1447 г.). Однако, такая политика не успокоила южно-русскихъ князей. Литовское правительство рѣшило ликвидировать княжескую власть въ южно-русскихъ областяхъ. Въ Киевъ и Болынь были отправлены намѣстники. Южно-русскіе князья отвѣтили на это заговоромъ (1481 г.). Онъ кончился неудачно: князья были схвачены и казнены.

Князья заговорщики надѣялись на помощь Москвы. Москва поддерживала сепаратизмъ удѣльныхъ южно-русскихъ князей. Въ Литвѣ образовалось довольно значительная московская партія. Образовавшееся московское государство столкнулось съ Литвой изъ-за Новгорода, который перешелъ на сторону Литвы, Чернигово-Сѣверской земли, перешедшей къ Москвѣ, по миру 1503 года, и Смоленска, отошедшаго къ Москвѣ при Василии III.

Татарскіе набѣзы дѣлали постоянныи набѣги на Киевъ и Подолье. Правительство строило валы и крѣпости, но это мало помогало. Татарскіе набѣги въ XV вѣкѣ разорили Литву. Киевъ подвергался не разъ разоренію отъ татаръ. Въ концѣ XIV в. съ Киева былъ взятъ откупъ въ 3000 руб. Въ 1416 г. были опустошены Кіевщина съ Киевомъ во главѣ и Волынь, въ 1483 г. Менгли-Гирей учинилъ погромъ Киева съ областью, ограбилъ сокровища Киева и нанесъ непоправимый вредъ его начавшемуся экономическому расцвѣту. Великій князь литовскій сталъ форменнымъ данникомъ крымскаго хана. Литва посыпала ежегодно «упоминки», но это не спасало страну отъ набѣговъ: южно-русскія земли пустѣли, населеніе разбѣгалось.

Наконецъ, литовцамъ и полякамъ удалось нанести серьезное пораженіе Ордену. Поморье и часть Пруссіи отходили къ Польшѣ (1466 г.).

II. Народное хозяйство в XIV—XVI вв.

Внешняя торговля. Торговые дороги. Вывоз и ввоз. Торговля и Польша. Торговля и города. Внутренняя торговля. Господарское хозяйство. Аграрная реформа.

Западная Двина, Днепр, Неман и Западный Буг сближали Литву с западными рынками и с рынками Востока и Крыма. К концу XV в. южная торговля упала. Она оживилась в XVI в., но для хозяйственной жизни страны это торговое направление потеряло свое значение. Центром торговли был Киев. Отсюда восточные товары и направлялись в Москву, Псков, Новгород и дальше в Швецию и Данию. В XV в. Литовцы поддерживали оживленные сношения с Новгородом. Потеря Новгорода своей независимости и закрытие в нем Ганзейского двора, прекратили торговое общение с бывшей коммуной. Постоянные войны с Москвой в XV—XVI вв. также мешали развитию взаимного товарообмена. Зато усиливается торговля с западом. Уже в начале XV в. Орден предоставил Литве право свободной торговли на его территории. Разгром 1410 года укрепил торговые связи с западом по Неману. Еще крепче стали связи с западом после отхода Гданьска к Польше (1466 г.). Равным образом с конца XV в. усиливается товарообмен по Западной Двине.

Литва вывозила продукты литовского края: мед, воск, лось. В Литву привозились сукна, сахар, желзо, сельди, различная металлическая изделия, колониальные продукты, предметы восточного производства. После производства аграрной реформы, Литва вывозить хлеб, кожу, скот, лесные изделия. Литовское сырье находило большой спрос на рынках Западной Европы.

Развитие товарообмена способствовало наплыву в страну металлической монеты. Понижение ценности денег во второй половине XV в. и поднятие товарных цен было следствием усиления товарообмена с западом.

Торговые связи с западом заставляли держаться союза с Польшей. Вислянская артерия была необходима для Литвы. Это подготавливало унию с Польшей. Торговые сношения с Ригой ставили на очередь вопрос о судьбе Ливонии, во второй половине XVI в. ставшей общим достоянием Литвы и Польши,

Под влиянием торговли западные города: Вильно, Гродно, Ковно, Полоцк—в XIV—XV в. получили самоуправление. Во второй половине XVI в. развивается самоуправление и восточных волостях.

Наибольшими привилегиями пользовались виленские купцы. Они имели право свободного проезда по всей территории страны без уплаты каких бы то ни было пошлин. Виленские купцы были самые богатые. На Вильно приходилось государственных налогов больше, чем на другие торговые города. В половине XVI в. Литовско-Русское правительство стало относиться отрицательно к принципу безмытной торговли.

Но шляхта была недовольна политикой правительства. Она требовала отмены торговых привилеевъ, отмены торговой лѣсной монополіи, освобождения отъ внутреннихъ сборовъ, безпошлиннаго ввоза иностранныхъ товаровъ, регламентациі цѣнъ на сукна и на предметы ремесленного производства, передачи ей откуповъ, свободы устройства торговъ въ частно-владѣльческихъ мѣстечкахъ.

Полученіе городомъ самоуправленія позволяло ему устраивать торги и ярмарки. Въ Вильнѣ и Гродно ярмарки бывали три раза въ годъ. Города пользуются правомъ склада. Частные владѣльцы также устраиваютъ у себя въ селахъ и мѣстечкахъ торги и ярмарки. На дорогахъ устраиваются корчмы и стодолы. Шляхта была очень озабочена получениемъ разрѣшенія на ихъ устройство.

Въ хозяйственномъ отношеніи литовской-русское государство дѣлится на двѣ части. Въ западной части уже въ XV в. развивается сельско-хозяйственная культура. Ея территорія густо покрыта частно-владѣльческими селами. Въ восточной же части до половины XVI вѣка сельско-хозяйственная культура была слабо развита. Лѣсныя пущи давали возможность заниматься населенію лѣсными промыслами.

До начала XVI в. сельское хозяйство на государственныхъ земляхъ ведется безъ всякаго плана. Подати собираются по старинѣ. Съ начала вѣка издаются уставы, стремящія регулировать хозяйство и поставить его подъ контроль администрації. Такіе уставы были изданы въ 1514, 1529 гг. и въ концѣ 50 хѣ годовъ. Они распространяли свои дѣйствія на дворы западныхъ волостей. Равнымъ образомъ издавались уставы и для восточныхъ волостей. Въ виду злоупотребленій намѣстниковъ необходимо было регулировать повинностные отношенія населенія къ государству и администрації. Въ западныхъ областяхъ сельское хозяйство соединялось съ эксплуатаціей природныхъ богатствъ въ краѣ. Но къ половинѣ XVI в. занятіе добывающей промышленности отступаетъ на второй планъ передъ сельскимъ хозяйствомъ, расчитаннымъ для вывоза на внутренній и внешній рынокъ. Въ Поднѣпровскихъ и Придвинскихъ волостяхъ—охота, пчеловодство, рыболовство, эксплуатація бобровыхъ гоновъ составляла главное занятіе населенія. Только во второй половинѣ XVI в. сельско-хозяйственная культура проникаетъ и въ восточные волости.

Центромъ сельско-хозяйственной культуры были господарскіе дворы. Ихъ территорія состояла изъ земель, отведенныхъ подъ дворовые строенія, огороды, сѣножати, дворовые пашни и дворовые лѣса. Размѣры хозяйства были небольши. Технически оно стояло не высоко. Дворовые скотоводство было мало развито. Развивалось трехполье, но удобренію подвергалось только небольшая часть пахатной земли. Во второй половинѣ XVI в. окончательно утвердились трехполье. Стало развиваться и частно владѣльческое сельское хозяйство.

Богатѣйшимъ земельнымъ собственникомъ былъ самъ господарь, но государственный земельный фондъ постепенно таялъ. Дворы съ волостями отда-

вались въ заставу крупнымъ землевладѣльцамъ раздавались земли въ частное владѣніе и захватывались шляхтой безъ пожалованія. Князья и паны были крупными землевладѣльцами. Радзивиллы выставляли на войну 626 воин. Гаштольды—466 и т. д. Крестьянское же землевладѣніе образовалось благодаря заемкѣ земель отдѣльными лицами или цѣлыми группами. Крестьянские участки называются дворищами, службами, жеребями. До половины XVI в. крестьяне свободно распоряжаются своей землей.

Для поднятія доходности хозяйства Сигизмундъ II, въ виду спроса на сырье, приступилъ къ болѣе точному опредѣленію крестьянскихъ участковъ и равномѣрному распределенію ихъ между крестьянами при условіи фиксації платежей и повинностей, до сихъ поръ бывшими неравномѣрными. Земли были раздѣлены на волоки: 19,5 десятинъ и разданы крестьянамъ. Реформа была введена въ западныхъ волостяхъ. Въ Подвиньѣ и Поднѣпровыи реформа вводилась въ концѣ XVI в. Производство реформы сопровождалось провѣркой правъ на землевладѣніе и округленіемъ господарскихъ дворовъ при условіи отвода «отмѣны» за отобранную землю. Господарю послѣдовали и частные владѣльцы. Положение частно-владѣльческихъ крестьянъ было тяжелѣе господарскихъ. И барщина была тяжелѣе, и платежи выше.

III. Общественный строй.

Образование шляхетства. Служилое шляхетство. Шляхетскія привилегіи. Шляхетское землевладѣніе. Мѣщане и самоуправление городовъ. Сельское населеніе.

Съ разложеніемъ рода въ литовскихъ земляхъ выдѣлилась землевладѣльческая аристократія. Она принимала дѣятельное участіе въ управлениі государства и засѣдала въ думѣ князя. Удѣльные князья сохранили свой титулъ, но потеряли свой политический вѣсъ и слились съ литовско-русской знатью (1447 г.). Эти двѣ группы составили «высшій станъ» литовско-русской шляхты.

Изъ лицъ, посаженныхъ на землю съ обязательствомъ несенія военной службы, образовалось служилое шляхетство. Въ его составъ вошли: средніе и мелкіе землевладѣльцы, захудавшія знатныя фамилія, военные слуги крупной знати и испомѣщенные тяглые люди.

Шляхетское сословіе организовалось втечение XIV—XVI в. Начало его организаціи связано съ привилеями Ягайллы въ 1387 г. и 1413 г. Оба привилея давали знати право владѣть и распоряжаться недвижимымъ имуществомъ и освобождали ее отъ несенія всякихъ натуральныхъ повинностей, кроме военной. Привилеи распространялись только на католиковъ. Привилей 1434 года гарантировалъ личную неприкословенность. Привилей Казимира отъ 2 мая 1447 г. распространялъ всѣ права на все шляхество, какъ Литвы, такъ и Руси. Онъ освободилъ отъ уплаты денежной подати—«серебчины» разрѣшалъ выѣздъ за границу, отдавалъ въ руки собственниковъ судъ надъ подданными, обязывался не принимать на свои земли частно владѣльческихъ подданныхъ. Привилей 1563 года отмѣнилъ

статью, запрещавшую не католикамъ занимать различныя должности въ государствѣ.

Всякій держатель земли быль обязанъ нести военную службу. Невыка на службу влечеть за собою потерю имѣнія.

Въ Литвѣ образовалось три вида землевладѣнія: къ первому относятся имѣнія, надъ которыми нѣть верховнаго собственника, ко второму и третьему относятся имѣнія, надъ которыми верховнымъ собственикомъ быль господарь или крупный панъ. Держатели земли владѣли землей условно. Впослѣдствіи многіе изъ этихъ держаній стали собственностью шляхты.

Западная часть Литвы была покрыта городами, гдѣ были развиты промыслы и торговля. Для увеличенія торговли и промышленности, правительство стало даровать городамъ самоуправлѣніе въ видѣ Магдебургскаго права. Въ 1387 г. Магдебургское право получаетъ Вильна, въ 1391 г.—Гродно и Ковно. Въ началѣ XV столѣтія рядъ городовъ на Подляшьѣ. Въ 1499 г. получаютъ самоуправлѣніе Полоцкъ и Минскъ. Все это крупные экономические центры. Въ восточной части Литвы Магдебургское право распространяется во второй половинѣ XVI в.

Во главѣ города стоитъ войтъ, назначаемый господаремъ. Вмѣстѣ съ лавниками, пожизненными присяжными изъ мѣщанъ, войтъ судить населеніе по уголовнымъ дѣламъ. Текущее управлѣніе находилось въ рукахъ городского совѣта—рады и бурмистровъ. Городская рада отдавала отчетъ въ своей дѣятельности передъ всѣми мѣщанами. Рада вѣдала полицію, судъ, городскія имущества, надзирала за торговлей, правильностью мѣръ вѣсовъ, слѣдила за нравственностью гражданъ. Въ XVI в. должность войта стала выборной. Нѣмецкое право раздавалось и крупными землевладѣльцами на территоріи подвластн.хъ имъ городовъ.

Магдебургское право опредѣлило точно характеръ тѣхъ повинностей, которыя населеніе городовъ должно было отбывать. Это обособило города отъ волости.

Несвободныя группы населенія назывались «челядью невольной, прабоками». Они были слугами при дворѣ, получали содержаніе отъ собственника или жили на небольшихъ земельныхъ участкахъ. При производствѣ аграрной реформы холопы были посажены на землю. Въ концѣ XVI столѣтія холопство слилось съ крестьянствомъ.

Для наименованія сельского населенія литовско-русское право пользуется терминомъ «мужики, подданные». Дѣленіе на разряды зависило отъ повинностей, которыя несли крестьяне. Крестьянство дѣлится на 2 группы: на частно-владѣльческое и господарское.

Тяглые люди—это крестьяне, исполнявшіе всякого рода хозяйственныя работы и платившіе оброкъ. Это главная, рабочая сила всякаго хозяйства. Второй разрядъ составлялъ данники.

Къ нимъ относятся всѣ тѣ элементы, кто платилъ государю дани изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплоатации мѣстныхъ угодій. Дань была медовая, бобровая, куничная.

Особую группу тяглыхъ людей составляли крестьяне, несшие разные специальные службы по хозяйству или занимавшіеся ремесломъ или бывшіе промышленниками. Къ нимъ относятся бобровники, бортники, осочники, плотники, ковали, кравцы, рыболовы бондари, дегтяри...

Высший разрядъ сельского населенія составлялъ слуги путные. Они несли военную службу и исполняли различного рода порученія, но также отбывали и небольшую барщину.

Въ половинѣ XV столѣтія перехожіе крестьяне стали «непохожими», потерявшими право выхода. Такіе люди назывались «отчичами». На господарскихъ земляхъ крѣпостное право развивается уже послѣ аграрной реформы. Крестьяне оказались прикрепленными къ тому участку, на который они были посажены администрацией.

IV. Политический строй.

Великій князь Центральное и областное управление. Господарская рада. Великій вальный сеймъ.

Носителемъ государственной власти былъ великий князь. До конца XV вѣка его власть ни кѣмъ не была ограничена. Съ конца вѣка онъ ее раздѣляетъ съ панами радой. Власть великаго князя также ограничивалась уставными земскими грамотами.

Великій князь принимаетъ мѣры по оборонѣ страны, издаетъ законодательные акты, назначаетъ на должности, разбираетъ спорныя дѣла, наблюдаетъ за управлениемъ господарскихъ имѣній, разбираетъ поземельная тяжбы, дѣла о грабежѣ, насилии, безчестіи.

Расширение круга обязанностей великаго князя вызвало появление органовъ центрального управления, какъ дворцовыхъ, такъ и обще-земскихъ.

Къ 1-мъ относятся: маршалокъ—земскій и дворный, подчашій, чашникъ кравчій, стольникъ, подстолій, кухмистръ, конюшій, ловчій, мечникъ, подскарбій, дворный, ложничій.

Къ 2-мъ относятся: подскарбій земскій, завѣдывавшій всѣми поступлениями въ господарской скарбъ, канцлеръ—начальникъ государственной канцеляріи, гетманъ наивысшій, командующій арміей во время войны. Эти должностные лица дѣйствовали по приказу государя. Только въ половинѣ XVI в.—эти органы начинаютъ проявлять собственную инициативу.

Въ началѣ XV в. собственно Литва дѣлился на 2 воеводства: Виленское и Троцкое. Съ начала XVI столѣтія воеводствами стали называться и отдельные земли: Киевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская. Жмудская и Волынская земля назывались старостами. Воеводства дѣлились на державы и повѣты.

Въ областяхъ сначала сидѣли намѣстники, впослѣдствіи воеводы и старости. Это—представители великокняжеской власти. На должности они назначались великимъ княземъ. Должности были пожизненными. Въ рукахъ администраторовъ была высшая судебная власть. Они были начальниками надъ военною силою области, завѣдывали хозяйствомъ господарскихъ

имъній, были сборщиками податей и пошлинъ, принимали мѣры по обороноѣ страны, заботились о раздачѣ пустой земли въ земскую службу.

Представитель низшей провинціальной администраціи назывался на мѣстникомъ-державцемъ и тивуномъ. Державы раздавались до воли господарской или до живота. Державцы кормились за счетъ своихъ держаній. Въ ихъ пользу поступали и нѣкоторыя судебныя пошлины.

Вокругъ удѣльного князя былъ совѣтъ, составлявшійся изъ мѣстныхъ бояръ. Витовтъ, ведя борьбу съ Польшой, всегда опирался на мѣстное землевладѣніе. Количество совѣтниковъ было неопределенное.

При Витовтѣ рада состояла: изъ католическихъ бискуповъ, придворныхъ сановниковъ, областныхъ правителей. Въ концѣ XV столѣтія составъ рады окончательно опредѣлился. Въ нее входили католические бискупы, воеводы и старосты, высшіе земскіе и дворные урядники.

Рада—совѣтъ при государѣ. Она дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ, но въ половинѣ XV столѣтія она обособилась отъ государя. За отъездомъ Казимира въ Польшу, рада рѣшала самостотельно многія изъ государственныхъ дѣлъ.

Политическое значеніе рады было закрѣплено привилеемъ 1506 г. Великій князь во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ былъ связанъ панами радою.

Великій вальный сеймъ развивается втеченіе XV—XVI в.в. Зародышъ его можно отнести къ 1401 г., когда заключалась III унія съ Польшой. Сначала на сѣѣздахъ участвовали только литовскіе землевладѣльцы, но со временемъ Казимира на нихъ появляются и представители русскихъ землевладѣльцевъ. На сеймѣ участвовали: князья и паны поголовно, а изъ шляхты только «старшіе» шляхтичи, При Сигизмундѣ I и при Сигизмундѣ II сеймы собирались очень часто и превратились въ постоянно дѣйствующее учрежденіе.

На сеймахъ XV в. занимались: вопросами о заключеніи унії, вѣнчаніи политикой, избраніемъ нового государя. Въ XVI в. сеймы принимаютъ мѣры по оборонѣ государства, решаютъ вопросы объ войнѣ и мирѣ, назначаютъ новые налоги, издаютъ новые законы, составляютъ Статутъ. Рѣшеніе сейма не связываетъ воли государя, но являлось фактически для него обязательнымъ.

Въ XVI в. измѣняется составъ шляхетскаго представительства на сеймахъ. Появляются выборные по 2 отъ каждого повѣта. На основаніи статута 1566 г. за 4 недѣли до сейма собираются сеймики для выбора пословъ на сеймъ. На сеймикахъ участвуютъ всѣ землевладѣльцы повѣта. Статутъ 1566 г. юридически ограничилъ власть великаго князя Великимъ Вальнымъ Сеймомъ.

Въ окончательномъ видѣ Сеймъ раздѣлился на 2 палаты: пановъ—рады и депутатовъ отъ повѣтовъ. Къ нимъ присоединились лица, получившія личныя приглашенія отъ государя.

V. Реформы 60-хъ годовъ.

Настроение шляхты. Судебные реформы. Люблинская уния.

Шляхта, учитывая свое значение въ государствѣ, выступила съ цѣлымъ рядомъ реформъ, которые должны были уничтожить влияніе литовско-русской аристократіи.

Въ каждомъ повѣтѣ учреждался земскій судъ, въ составѣ судьи, подсудка и писаря. Мѣстные землевладѣльцы выбирали изъ своей среды 4 хъ кандидатовъ на эти должности изъ числа осѣдлыхъ шляхтичей. Всѣ гражданскія дѣла шляхетскаго сословія были въ вѣдомствѣ земскаго суда, Уголовныя дѣла: поджогъ и разбой, злодѣйство и обманъ, насилие надъ женщиной, убийство шляхтича были въ вѣденіи правительственаго замковаго суда. Для земельныхъ дѣлъ вводился подкоморскій судъ.

Внѣшнее положеніе Литвы заставило поднять вопросъ о заключеніи уніи съ Польшей. Это было достигнуто на Люблинскомъ сеймѣ. (1569 г.). Литва и Польша соединились въ одно государство «Рѣчъ Посполитую» и имѣли общую главу, общий сеймъ, общую монету, но суды и должности были различные. Кромѣ того: Подляшье, Волынь, Киевщина и Литовское Подолье отошло къ Польшѣ.

VI. Бѣлоруссія въ составѣ Литовско-Русского государства.

Судьбы русскихъ областей-княженій. Областная конституція. Власть воеводы. Земельная собственность. Крестьянское землевладѣніе. Бѣлорусская шляхта на сеймахъ.

Города. Составъ сельского населенія.

Полоцкая земля, войдя въ составъ Литовско-Русского государства, долгое время имѣла отдельныхъ князей изъ Гедимина. Въ политической борьбѣ между Кейстутомъ и Ягайлой, Полоцкій князь стоялъ на сторонѣ первого. Съ укрѣплениемъ Ягайллы на велико княжескомъ столѣ, полоцкіе князья держать свою землю на феодальномъ правѣ подъ суперинтендентомъ самого Ягайллы. Во время борьбы Витовта съ Ягайлой Полоцкъ былъ на сторонѣ Витовта. Послѣдній же сталъ управлять землей съ помощью своихъ намѣстниковъ. Вѣроятно, Витовтъ утвердилъ права и вольности Полоцкой земли. Витовту подражали в. к. Сигизмундъ, Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ I. Наконецъ, всѣ вольности, права и преимущества, были подтверждены при Сигизмундѣ Августѣ 1547 г. февраля 21 дня.

Витебская земля была сначала во владѣніи Ольгерда, его сына Ягайллы и жены Ульяны, для которой она была ея «вѣномъ». При Витовтѣ она управляется великокняжескими намѣстниками. Вѣроятно, Витовтъ положилъ начало и мѣстнымъ привилегіямъ Витебской земли. Подтверждительная грамота была дана в. к. Александромъ 1503 г. июля 16. Сигизмундъ I въ 1509 г. и Сигизмундъ Августъ въ 1561 г. июня 6 дня подтвердили ее. Аналогична была судьба Смоленска, въ которомъ съ изгнаніемъ изъ города мѣстного князя утвердились Витовтовы намѣстники. Подтверждительный привилей былъ выданъ в. к. Александромъ 1505 г. марта 1 дня Ту-

рово Пинское княжество не сохранило областного строя. Оно политически больше примыкало к самой Литве. Турово-Пинские волости раздавались во владение представителям знати, однако не стоявшим ни в чьем при суде, кроме королевского.

Уставные грамоты, выданные северо-западным русским областям не отличаются единством плана и содержания, но за то имели одинаковое политическое значение. Это местные «основные законы» существенно ограничивавшие суверенитет в. кн. литовского по отношению к русским землям. Если в XV в. можно говорить о неограниченности великокняжеской власти, то последняя не была таковой по отношению к тем областям, где воля князя сталкивалась с правом и обычаями земли.

Верховным распорядителем всей земли является областное всесословное собрание. На нем присутствуют духовная и светская знать, мелкие землевладельцы, мещане, черные люди и все посольство; «бояре и мещане, и весь городъ, вся земля Полоцкая»; «князь и бояре, и слуги Витебская и войть, и мещане места Витебского и вся земля Витебская». Состав областного собрания во всех землях одинаков. Оно демократично. Сословность пока к началу XVI века не проникала глубоко во внутрь общества. От имени всей земли областное собрание имело право обращаться к великому князю. Витебское и Полоцкое областные собрания имели право избирать кандидатов на должность воеводы, утверждаемого государем. Последний должен был также отстранить его от должности, если «его обмовят» перед государем. В Смоленской земле воевода назначается по усмотрению государя; без воли населения, но зато все провинциальное управление находилось в руках туземного боярства «постарому». Это предохраняло общество от наплыва разного рода иностранцев. Представителем всей земли являлся великий князь. В его отсутствии функции великого князя исполняют воеводы. Прежде всего в руках воеводы сосредотачивалась судебная власть, но только ей ставили некоторые весьма существенные ограничения. Воевода, в своих судебных решениях, должен был руководиться только местным правом. Суд производится на месте. Вызов на суд короля в Литву не допустим. На суде воеводы присутствуют «князи, бояре, мещане, досмотревши с которыми» воевода выносить судебное решение (Витебская). В Смоленской земле воевода судить «съ окольничими и иншими врядниками». Всё эти лица, присутствующие на суде, являются хранителями местного права и обычая. Уставные грамоты гарантируют населению личную неприкословенность. Разбор дела должен происходить «на явном суде христянском». Никто не может быть лишен имущества, как только по суду. Жена быть не ответственна за преступления мужа и наоборот, если только они сами не были освобождены о преступлении, или не принимали в нем участия (Полоцкая).

Обыватели земли имеют право свободного выезда в Литву (Витебская), и «куды кто хочет, без каждой зацепки» (Полоцкая). Уходъ

долженъ быть явнымъ, а не тайнымъ (Витебская). Уходяшій обыватель можетъ распорядиться своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію. Господарь не можетъ «вступатися» въ сдѣланныя распоряженія. Грамоты гарантируютъ населенію право свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ. (Полоцкая, Витебская, Смоленская). Выморочная имущества «бездѣщина и отмѣтщина» отнюдь не спадываютъ на господаря (Полоцкая и Витебская). По смерти мужей, жены по неволѣ нельзя выдавать замужъ (Смоленская, Полоцкая, Витебская). Записанное мужемъ имущество остается въ распоряженіи вдовы даже въ случаѣ выхода замужъ. Грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый судъ, личность и имущество отъ притѣсненія мѣстной администраціи и опредѣляли обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей (Полоцкая, Смоленская, Витебская). Грамоты подтверждали права церкви и духовенства и закрѣпляли разныя гражданскія и уголовныя нормы. Разъ грамота разсматриваетъ волость—землю, какъ обособленную часть территоріи въ государства, связанную государственными узами съ литовскими великими князьями, то отсюда вытекаетъ сбѣщеніе князя не жаловать никого волостями и городами по частному праву. Земля, какъ обособленная часть государства, не можетъ быть кому бы то нибыло подарена (Витебская). Очевидно, для литовско русского господаря, земля не является вотчиной. Ему приходится считаться съ ея извѣстными правами. Уставные грамоты говорятъ объ активной политической жизни областей. Источники даютъ возможность установить функционированіе областныхъ собраній въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ. Составъ такихъ собраній далеко не одинаковъ, но въчѣ всегда выступаетъ какъ верховный распорядитель земли. На областныхъ собраніяхъ замѣтна партійная борьба «лучшихъ и меньшихъ людей». Фактически отношенія между этими двумя элементами были слѣдующія: «меньшие люди межъ себѣ раду чинять, а старшие науку даютъ». Впрочемъ, такія отношенія по существу были только въ идеалѣ. Временами партійная борьба требовала вмѣшательства власти, иничѣмъ инымъ, такъ только партійной борьбой, можно было объяснить посылку грамоты въ Полоцкъ въ 1456 г. съ тѣмъ, чтобы мѣсгные бояре, мѣщане, дворянне городовые и все поспольство были «между собою взгодѣ, а дѣла бы наши городскія вершили всѣ съ общаго согласія». И въ Смоленской землѣ эта партійная борьба рѣзко бросается въ глаза, въ особенности въ половинѣ XV в. въ моментъ сепаратистскаго движенія, охватившаго русскія волости. Самыя просьбы о подтвержденіи грамотъ должны быть формулированы только на сословномъ или всесословномъ вѣчѣ. Даже въ XVI в. когда сословность въ общественныхъ отношеніяхъ пустила уже глубокіе корни, всесословность собраній еще не исчезла. Полоцкъ «по старому справовалъ, якъ Великій Новгородъ и Псковъ».

Бѣлорусскія земли, находясь въ составѣ Литовско-русского государства, сначала управлялись намѣстниками. Съ начала XVI в. терминъ «намѣстникъ» замѣняется терминомъ «воевода». Терминъ земля сталъ равнозначимымъ съ терминомъ «область».

значущъ термину воеводство. Волости и повѣты были административными единицами, на которых дѣлились воеводства.

Въ Бѣлоруссіи свѣтская земельная собственность была трехъ видовъ: шляхетская, мѣщанская и крестьянская. Шляхетскія имѣнія носили разныя наименованія, в зависимости отъ характера владѣнія. Тутъ были «отчизны и дѣдизны», отчизна женъ» материана, отчизна жены и ея сестры, материана жены, имѣніе «по жоне», отчизна «небошыка» мужа, дѣтей, пасынковъ, опека, купли отъ шляхтичей, мѣщанъ, господарскихъ поданныхъ. Кромѣ того, шляхтичи владѣли имѣніями «въ порученствѣ, записанными и закупленными». У шляхтичей были имѣнія и на заставномъ правѣ. Не мало было выслугъ. Если судить о преобладающемъ типѣ земельной власти въ Бѣлоруссіи, то на осноааніи данныхъ Полоцкой ревизіи 1552 г. преобладали владѣнія родовыя. Второе мѣсто занимали купли, при чёмъ у господарскихъ крестьянъ скуплено было земли больше, чѣмъ даже у шляхтичей. Незначительны шляхетскія покупки у мѣщанъ. Третье мѣсто занимали выслуги на господаря. Съ конца XVI в. эти выслуги стали численно быстро увеличиваться. Не мало изъ нихъ стало, «вѣчностью», собственностью на вѣчныя времена. По всей вѣроятности, такой же характеръ носило землевладѣніе и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи.

Въ литовско-русскомъ государствѣ право землевладѣнія стало привилегіею шляхетства. Мѣщанское землевладѣніе составляло исключеніе и постепенно исчезало, но въ Полоцкой и Витебской земляхъ оно сохранилось. Мѣщане владѣли землями и были обязаны нести съ нихъ земскую военную службу. Если взять данные Полоцкой ревизіи 1552 г., то родовыя имѣнія занимали первое мѣсто. Второе мѣсто занимали купли у мѣщанъ, бояръ и слугъ путныхъ, но среди куплей—купли у мѣщанъ занимаютъ первое мѣсто. Очевидно, мѣщанскія имѣнія только циркулировали среди своего же мѣщанского круга, выходъ за предѣлы котораго для мѣщанина былъ весьма затруднителенъ. Полоцкая и Витебская земли, ставъ воеводствами, однако сохраняли въ полной неприкосновенности всѣ права земли. Благодаря этому, въ нихъ постоянно функционировали областные собранія вѣча. Сначала они были всесословными, и компетенція ихъ была весьма обширна. Областное собраніе всегда выступало, какъ верховный распорядитель судьбами своей земли во всѣхъ важныхъ моментахъ жизни земли. Областные собранія въ Бѣлоруссіи долгое время сохраняли свою всесословность. Еще въ началѣ XVI вѣка оно всесословно по своему составу, по дѣлится на две части, «мужей старыхъ и мужей меньшихъ-чертыхъ людей». Съ половины XVI вѣка областные собранія становятся сословными. На нихъ главную роль играютъ князья и паны бояре, выступающие отъ имени всей земли. Въ частности, областные собранія становятся также мѣстомъ разборъ разнаго рода судебныхъ дѣлъ въ присутствіи мѣстныхъ землевладѣльцевъ—хранителей мѣстнаго права. Съ конца XVI в. областные земскія собранія—сокращаютъ свою дѣятельность.

Бѣлорусская шляхта не была заинтересована въ ихъ сохраненіи. Созданные повѣтвовыя сеймики были показателемъ шляхетизаціи государственного строя и давали возможность шляхетскому землевладѣнію поддерживать свое влияніе въ землѣ и повѣтѣ и оказывать давленіе на характеръ общей политики правительства Речи-Посполитой. Повѣтовый сеймикъ не уничтожилъ дѣйствія областныхъ собраній, а только содѣйствовалъ въ значительной степени потерю ими своего прежняго политического влиянія, хотя польское правительство признавало права и преимущества каждой земли, если послѣдняя имѣла таковыя.

Крестьянское землевладѣніе отличалось большой пестротой и разнообразіемъ. Говоря о немъ, надо различать положеніе крестьянства въ западной и восточной части Бѣлоруссіи. Въ западной части, до введенія аграрной реформы Сигизмундомъ Августомъ, формы крестьянского землевладѣнія слагались исторически. Крестьяне сидѣли на земельныхъ участкахъ разной величины. Послѣдніе находились во владѣніи или одной семьи, или семьи разросшейся, или въ рукахъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ—сябровъ. И такія формы землевладѣнія, позволявшія сосредоточить въ пользованіи сельского населенія большиіе земельные участки, не встрѣчали до половины XVI вѣка со стороны правительства никакого противодѣйствія. Земельные участки назывались по разному: селомъ, селишемъ, дворищемъ, жеребьемъ.

До половины XVI вѣка крестьяне распоряжались своей землей по собственному усмотрѣнію и такія распоряженія не встрѣчали никакихъ возражденій со стороны администраціи. По существу, послѣдней было важно не столько то, въ чьихъ рукахъ находится земля, сколько то, чтобы лежащая на землѣ повинность исправно отбывалась лицами, сидѣвшими на земельныхъ участкахъ. Крестьяне продавали свои участки, менѣяли ихъ участками, которые они считали «своей отчиной». Эти наблюденія можно распространить на всѣ разряды сельского населенія западной части Бѣлоруссіи. Если самое правительство допускало и разрѣшало крестьянскія поземельныя сдѣлки, то это можно объяснить только тѣмъ, что само правительство до половины XVI в. не придавало землѣ той цѣнности, которую она представляла въ эпоху аграрной реформы. Впрочемъ, въ концѣ первой половины XVI в. провинціальная администрація вступаетъ въ борьбу съ правомъ свободного распоряженія крестьянами своей отчиной, считая, что земля господарская, а не собственность крестьянъ. Послѣдніе только временные держатели земли.

Въ политической жизни Бѣлорусскихъ земель, конечно, землевладѣльческое сословіе—шляхта имѣла большое влияніе и значеніе, хотя того рѣзкаго обособленія шляхты отъ остальныхъ общественныхъ группъ, какое имѣлось, и при томъ довольно рано, въ украинскихъ земляхъ, въ Бѣлоруссіи еще не было. Попись войска 1528 г. является документомъ чрезвычайной важности для изученія положенія и состоянія бѣлорусской шляхты. Въ Бѣлоруссіи, въ Полоцкой землѣ, въ началѣ XVI в. не было крупнаго шляхетскаго землевладѣнія. По попису только фамилія Корсакъ

была сравнительно зажиточнѣе другихъ. Самымъ богатымъ былъ панъ Д. Б. Корсакъ, выставлявшій на войну—33 всадника. Остальные Корсаки выставляли отъ 18—14 коней. Другіе шляхтичи выставляли значительно меньше: тринадцать, девять, восемь и меньше коней. Не мало было шляхты мелкой, выставлявшей одного—двухъ коней. Полоцквя ревизія 1552 г. знаетъ 118 шляхетскихъ отдѣльныхъ имѣній. Полоцкая шляхта выставляла на войну 323 коня. Типъ шляхетскаго владѣнія остался прежнимъ: крупное землевладѣніе пока не имѣло большого развитія. Владѣнія нѣкоторыхъ полоцкихъ шляхтичей уменьшились, такъ какъ они лежали на территории, захваченной врагомъ. Впослѣдствіи имъ дается земельное вознагражденіе за понесенные ими убытки во время военныхъ дѣйствій. Мелкая шляхта, выставлявшая на войну отъ одного до двухъ всадниковъ, составляла въ шляхетсвѣ почти третью часть. Обратимся къ даннымъ по Витебской землѣ. Здѣсь на лицо иная картина, а именно, полное отсутствіе крупнаго землевладѣнія. Самый богатый бояринъ выставляетъ только 9 коней. Почти вся шляхта, за немногими исключеніями, служила однимъ конемъ. Так же картина представляется при изученіи данныхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Мстиславской шляхтѣ. Среди мелкой шляхты, одноконной по преимуществу, какъ то затѣсался панъ Андрей Корсаковичъ, выставлявшій 18 коней. Тѣже выводы можно сдѣлать и относительно другихъ Бѣлорусскихъ земель. До половины XVI вѣка на территории Бѣлоруссіи преобладало мелкое шляхетское землевладѣніе. Не мало шляхтичей обрабатывали землю собственнымъ трудомъ, такъ какъ не имѣли на своей землѣ ни одного человѣка. Шляхетскія земельныя владѣнія были коллективными и индивидуальными. Въ Полоцкой землѣ на 118 отдѣльныхъ шляхетскихъ владѣній — 96 принадлежало владѣльцамъ индивидуальнымъ, а 22 коллективнымъ. Число совладѣльцевъ колебалось отъ 2—6. Тутъ были «недѣленные братья», «совладѣніе братьевъ и братаничей», «братьи стрыечной», «матери съ сыновьями», «малолѣтнихъ подъ опекой», «дядька своихъ». Слѣдуетъ отмѣтить, что мужское землевладѣніе рѣзко доминировало надъ женскимъ: на 118 владѣній только 11 принадлежало женщинамъ. Индивидуальное владѣніе преобладало и въ Витебской землѣ. По даннымъ пописа 1528 г. въ Витебской землѣ числилось 65 отдѣльныхъ шляхетскихъ владѣній, изъ числа которыхъ на коллективныя владѣнія приходилось только 8. Виды совладѣнія тѣ же, что и въ Полоцкой землѣ. Женское землевладѣніе совершенно растворяется въ морѣ мужского. Еще меньше корней пустило коллективное и женское землевладѣніе среди Мстиславской шляхты. Въ другихъ Бѣлорусскихъ земляхъ шляхетское землевладѣніе представляется въ томъ же видѣ. Послѣ окончанія Ливонской войны и количество владѣльцевъ увеличивается, и размѣры владѣній становятся больше. Къ тому же унія 1569 г. позволила проникнуть въ Бѣлоруссію и польскому шляхтичу. Польское землевладѣніе стало пускать въ Бѣлоруссіи весьма глубокіе корни.

На литовско русскихъ вальныхъ сеймахъ шляхта неоднократно выступала съ челобитьями о разныхъ обще-шляхетскихъ нуждахъ. Но бѣлорусская шляхта имѣла свои собственные интересы, умолчать о которыхъ, конечно, она не могла. Поэтому, присоединяясь къ обще-шляхетскимъ требованиеамъ, бѣлорусская шляхта выступала и съ своими индивидуальными пожеланіями.

Полоцкая шляхта выступила съ отдельными просьбами на сеймъ 1559 года. На Виленскомъ сеймѣ шляхтичи выразили пожеланіе, чтобы господарь поступалъ «водле привильевъ и вольностей, отъ продѣковъ его милости господарскихъ, и отъ отца его милости, и тежъ отъ самого его кролевское милости наданныхъ». Въ связи съ этимъ, шляхтичи просятъ не вмѣшиваться въ домъ Божій «Светого Софія и Светого Спаса», никому не уступать, «люди тыхъ церквей и установить опекуновъ церковныхъ» «яко то за продѣковъ вашихъ бывало». Выстарляя такое требованіе, полоцкая шляхта стремилась сократить право королевскаго «подаванья», которое государь, какъ представитель всего литовско-русского государства, имѣлъ въ Полоцкой землѣ. Это челобитіе принципіально было удовлетворено. Господарь отвѣтилъ шляхтичамъ, что онъ, «не звикъ никому привильевъ и вольностей нарушать» и готовъ всѣхъ оставить при ихъ вольностяхъ. Поэтому, государь разрѣшаетъ совмѣстно съ Полоцкимъ воеводой выбрать двухъ особъ «нато годныхъ» въ качествѣ церковныхъ опекуновъ, «абы отъ владыки и игуменья знищенья имѣнія церковные не терпѣли». Послѣ смерти вышеназванныхъ церковныхъ особъ опекуны составляютъ инвентарь оставшагося имущества и отсылаютъ его «до науки его кролевской милости». Поэтому инвентарю все наличное церковное имущество должно быть сдано тому посланному, который «владыку або игуменю Покоцкую увязывать пойдетъ». Отстаивая свои общіе-земскія «привилья», шляхта указала государю на то, что «паметное, вижковое и децкованіе должно собираться водле привильевъ и вольностей». Господарь далъ на это условный отвѣтъ. Эти пошлины будутъ впредь собираться по старинѣ, но только временно «когда статутъ новый будетъ всѣмъ землямъ выданъ». Тогда придется считаться съ нормами расцѣнокъ Статута. Рядомъ съ общіе-земскими требованиями шляхта выставила и рядъ своихъ сословныхъ пожеланій. Такъ шляхта просила государя не брать съ частно-владѣльческихъ мѣщанъ пошлины «отъ товаровъ ихъ, которые коли до Риги спускати будуть» а равно и обѣ освобожденіи тѣхъ же мѣщанъ, которые «повинность замковую платять отъ плаченія мыта», такъ какъ мѣщане совмѣстно съ господарскими мѣщанами отправляютъ всѣ замковые повинности, не принимая участія въ уплатѣ 200 копѣй грошей, которые полоцкіе мѣщане уплачиваютъ въ скарбъ согласно Магдебургскому праву. Но шляхетское пожеланіе не было удовлетворено. Господарь былъ готовъ туя вольность подле привильевъ ихъ учинити», но такъ какъ въ привилѣй обѣ этомъ ничего не сказано, то шляхетское пожеданіе не могло быть удовлетворено. Не получила шляхта удовлетворительного отвѣта и на

просьбу о предоставлениі имъ мѣщанамъ правъ безпошлинной торговли съ Ригой. Господарь нашелъ, «что то не есть зъ шкодою ихъ, кгды вольность мають торгу и съ того мыто даютъ, чимъ торгуютъ». Въ подтверждениі обще-шляхетскихъ просьбъ, полоцкіе шляхтичи просили, чтобы съ нихъ поданныхъ «не коли» не брали серебчины, освободили отъ уплаты пошлинъ съ товаровъ, отправляемыхъ въ Ригу «для набытъя коней и зброй». Наконецъ, шляхта просила объ учрежденіі судей и писаря присяжнаго «для борзейшое справедливости». На всѣ эти пожеланія былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Господарь совершенно справедливо замѣтилъ, что серебчина собирается «на потребу земскую». Такой податокъ установленъ всѣми станами. Господарь не имѣеть привычки назначать подати, а потому «и отпускасти ихъ не можетъ». Просьба о безмытной торговлѣ была удовлетворена только отчасти. Отъ уплаты мыта были свободны только товары собственного производства, а также хлѣбъ и «быдло доморослое». Вопросъ о судѣ снимался съ очереди впредь до поправы Статута. На томъ же сеймѣ выступила шляхта Витебскаго повѣта. Какъ и Полоцкая шляхта, она просила объ учрежденіі судей и присяжнаго писаря и объ опредѣленіі «паметного, вижового, децкованія» согласно привилеямъ. Отвѣтъ гоеподаря былъ такой же, какъ и Полоцкой шляхтѣ. Затѣмъ шляхта просила о неуклонномъ выполненіі всѣми землевладѣльцами военной повинности, объ укрѣплениі Витебскаго замка, о сложеніі съ повѣта установленной серебчины и объ освобожденіі его на будущее время, такъ какъ они «люди украинные». Давъ утвердительный отвѣтъ на просьбу объ обязательной для всѣхъ военной повинности, господарь далъ рѣшительный отказъ на вторую по тѣмъ же соображеніямъ, что и Полоцкой шляхтѣ. Зато господарь призналъ цѣлесообразной просьбу шляхты о томъ, чтобы всякий, который «одною клячью у собе робить, абы платилъ яко отъ поль сохи ведле давное звыкости». Господарскіе отвѣты шляхтѣ опредѣлялись той политикой, которой литовско-русское правительство держалось по отношенію къ шляхтѣ вообще. Никакихъ частныхъ изъятій принципіального характера не могло быть, не смотря на пограничное положеніе обѣихъ земель. Впослѣдствії, всѣ вопросы, возбужденные полоцко витебской шляхтой, будутъ еще разсмотрѣны господаремъ, когда послѣднему придется давать отвѣты на обще шляхетскіе требованія. Бѣлорусская шляхта выступила на сеймѣ отъ имени всей земли. Это яркій показатель развивавшейся сословности и обособленности шляхты отъ другихъ общественныхъ группъ.

До конца XV в. Бѣлорусскіе города не были обособлены отъ волости. Мѣстное населеніе было объединено общими городскими повинностями. Съ конца XV в. начинается процессъ выдѣленія города въ особую административно-судебную единицу благодаря полученню городами такъ называемаго магдебургскаго права. Послѣднее къ концу XVI в. и началу XVII в. захватило всѣ наиболѣе видные городскіе центры. В. к. Александръ 4 октября 1498 далъ Полоцку привилей на Магдебургское право, а 14 марта 1499 года получилъ привилей гор. Минскъ. Выдавая привилей, в. к. Александръ ру-

ководился обще-земской выгодой и хотѣль,, положенье мѣста нашего Полоцкого и Минского въ мѣрѣ лѣпшай «поставити, чтобы люди наши тамъ живучи и черезъ врядъ добрый, а справедливый были размножены». Права и преимущества Полоцка и Минска представляются въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ города стоитъ войтъ, получающій въ свое распоряженіе опредѣленное количество доходовъ съ различныхъ статей. Городскому войту должно быть послушно все населеніе города, которое «на вѣчные часы» освобождается «отъ судовъ и отъ моцей всихъ воеводъ, пановъ и старости, намѣстниковъ, судей и ихъ урядниковъ, отъ права городского и боярского».

Всякого рода судебнья дѣла разбираются войтомъ и бурмистрами, на рѣшенія которыхъ подается аппеляція самому господарю. И Минскъ и Полоцкъ получили рядъ финансовыхъ льготъ. Для развитія товаро-обмѣна съ Ригой въ Полоцкѣ ежегодно должны устраиваться три ярмарки, при чемъ привилей обоихъ городовъ опредѣлили тѣ мѣры, которыми надо было руководствоваться при продажѣ и покупкѣ товаровъ. Полоцкъ получаетъ особенные преимущества въ производствѣ иностранной торговли. Рижскіе купцы не имѣютъ права ъздить ни въ Витебскъ, ни въ Смоленскъ подъ угрозой потери всего имущества. Впрочемъ, привилей запрещаетъ поѣздки для покупки товаровъ, но не для уплаты долговъ. Въ господарскій скарбъ г. Полоцкъ былъ обязанъ платить 400 копѣкъ грошей, тогда какъ Минскъ только 20 копѣкъ грошей. Привилей на магдебургское право, выданный Полоцку, превращалъ послѣдній въ центръ вѣнѣшней торговли для всего Придвинскаго края, соединялъ крѣпкими экономическими узами среднюю Двину съ верховьями ея и Днѣпра. Самое развитіе Минска было во можно только при условіи расширенія товаро-обмѣна съ западомъ. Минскъ былъ торговымъ центромъ для восточной Бѣлоруссіи. Вѣроятно, весь иностранный вывозъ находился въ рукахъ виленскихъ купцовъ, такъ какъ послѣдніе пользовались въ городѣ исключительными преимуществами: могли покупать и продавать товары, не считаясь съ принятymi въ привилеѣ мѣрами. Товаро-обмѣнъ съ западомъ имѣлъ и большія культурныя послѣдствія для края, будучи проводникомъ западно-европейскихъ идей, быта, въ частности способствуя распространенію въ краѣ реформаціи. Магдебургское право распространялось по Бѣлоруссіи весьма медленно. Города, въ связи со общими хозяйственными условіями, продолжительное время не теряли связи съ волостью. Такъ Витебскъ получилъ Магдебургское право 17 марта 1597 года, а за убийство униатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича Витебска въ теченіе 1624—1641 г. былъ лишенъ городской привилегіи. Владиславъ возстановилъ Магдебургское право но, однако потребовалъ, чтобы впредь не было ни одного православнаго храма.

И Могилевъ сравнительно поздно получилъ городское право, хотя въ XVI в. вель оживленную торговлю съ Киевомъ, Гданскомъ, Лейпцигомъ. Въ 1561 г. были опредѣлены тѣ подати, которыя могилевскіе мѣщане были обязаны вносить въ казну. Полное Магдебургское право было получено

оть Сигизмунда III въ 1578 г. съ правомъ устраивать еженедѣльные торги и двѣ ярмарки въ годъ. Стоявшій во главѣ города войтъ назначался господаремъ. Городъ скоро расцвѣлъ въ экономическомъ отношеніи. Въ немъ стала развиваться промышленная дѣятельность. Уже въ XVII в. городъ сталъ средоточiemъ разнаго рода ремесленниковъ, среди которыхъ слесари и кожевники занимали первое мѣсто. Въ 1589 г. Могилевъ получилъ новыя привилегіи. Мѣщанство получило право выбирать изъ своей среды двѣнадцать особъ изъ своего сословія для распоряженія общественною суммою совмѣстно съ радою, а въ 1618 г. получило право безпошлинной торговли съ Русью за особыя заслуги оказанныя королевичу Владиславу при его попыткахъ добиться московскаго престола. Вообще, съ конца XVI в. Магдебургское право довольно быстро распространяется въ придинскихъ и приднѣпровскихъ волостяхъ, такъ какъ восточные области переходили, правда очень медленно, къ сельскохозяйственной культурѣ, и самыя области все больше и больше втягивались въ кругъ западно-европейскихъ торговыхъ отношеній. Впрочемъ, торговыя привилегіи шляхты должны были въ значительной степени парализовать экономическую жизнь въ городахъ и содѣйствовать ихъ торговово-промышленному упадку.

Крестьянскія массы въ Бѣлоруссіи, расположенные въ придинскихъ и приднѣпровскихъ волостяхъ, пользовались значительной долей самоуправлія. Они выбирали изъ своей среды старцевъ, которые являлись представителями сельскаго міра по сошеніямъ послѣдняго съ администрациєю. Господарская администрація, обыкновенно, имѣла дѣло только съ избранниками крестьянскаго міра. Послѣдніе, какъ представители крестьянскихъ самоуправляющихся общинъ, слѣдили за тѣмъ, чтобы отношенія между мірами съ одной стороны и правительственной администрациєй съ другой—опредѣлялись стариной. Впрочемъ, въ первой половинѣ XVI вѣка эта старина постоянно нарушалась, и старцамъ волостей приходилось забрасывать господаря жалобами на дѣйствія администраціи и просить о возстановленіи нарушенного права. Такія хдатайства принципіально признавались заслуживающими вѣры. Обыкновенно, въ отвѣтъ на челобитіе волости, господарь давалъ старцамъ новую уставу, въ которой старина находила свое закрѣпленіе, но сплошь и рядомъ, подъ видомъ старины вводились и «новинки», противъ которыхъ боролось и возставало мѣстное крестьянство. Въ 1560 г. для прекращенія постоянныхъ недоразумѣній съ населеніемъ, въ русскія волости были посланы ревизоры, которые должны были установить платы, проходившіеся на населеніе и тѣмъ, фиксируя послѣдніе, прекратить всякія недоразумѣнія съ мѣстной администрациєй.

Частно-владѣльческая собственность не являлась доминирующей въ восточныхъ волостяхъ. На земляхъ шляхты—жили такъ называемые «люди», среди которыхъ били люди, «отчизные», и «вольные»; или просто безъ определенныхъ занятій, огородники, а также люди несшія специальная служба: данные, куничные. Не мало было людей, сидѣвшихъ на волѣ. На земляхъ шляхты не было «челяди невольной». Такой пестрый составъ частновла-

дѣльческаго крестьянства бытъ лучшимъ показателемъ слабой развитости сельскаго хозяйства.

Повинностное ихъ положеніе состоялось въ принудительной работѣ на панскомъ дворѣ и уплатѣ разнаго рода повинностей. Эта повинностно-податное бремя отличалась большими разнообразіемъ по отдѣльнымъ шляхетскимъ имѣніямъ, какъ обѣ этомъ можно судить на основаніи Полоцкой ревизіи 1552 г.

VII. БѢЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Статутъ 1529 и 1566 г.г. Типографіи. Научно-литературныя сочиненія. Путешествія.

До начала XV столѣтія Литовско-Русское государство не имѣло общаго права. Обычное право, княжеские сепаратные указы, привилеи, судебныя рѣшенія, сеймовыя ухвалы—были источниками права. Необходимость собранія законовъ была очевидна. Въ сосѣдней Польшѣ право уже было кодифицировано. Въ 1522 г. на Виленскомъ сеймѣ было сдѣлано предложеніе о составленіи Статута. Въ 1529 г. на Виленскомъ сеймѣ этотъ Статутъ былъ утвержденъ. Первый литовскій Статутъ былъ напечатанъ, но напечатанный экземпляръ не сохранился. Широкіе слои шляхты были недовольны правомъ Статута. Въ 1544 г. на Брестскомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о его пересмотрѣ. Земельная аристократія не соглашалась уступить требованіямъ шляхетской демократіи, но подъ вліяніемъ Ливонской войны ей пришлось уступить, и второй Статутъ 1566 г. отразилъ въ себѣ правовыя возвѣнія шляхетской демократіи. Люблинская унія 1569 г. привела къ пересмотру Статута, и въ 1588 г. былъ составленъ Статутъ третьей редакціи. Кодификація литовско-русскаго права—результатъ того духовнаго подъема, который переживала Западная Русь въ XVI в. Западно-русское возрожденіе, носившее опредѣленный индивидуалистический характеръ, знакомило западно-русскую шляхетскую демократію съ римскимъ правомъ и дѣлало ее особенно настойчивой въ защите своихъ индивидуальныхъ правъ.

Индивидуалистический подъемъ особенно отразился въ распространеніи среди западно-русской шляхты протестантизма, въ видѣ лютеранства и кальвинизма. Протестантизмъ, отрицавшій церковное землевладѣніе, въ случаѣ секуляризациіи церковныхъ имуществъ, значительно усилилъ бы литовско-русскую аристократію. Рядомъ съ протестантизмомъ въ Западной Руси стали распространяться различные сектанскія вѣроученія: сициніане или антитринитаріи. Новые секты были рационалистического характера. Они отрицали все таинственное и признавали въ священномъ писаніи только то, что не противорѣчило разуму. Ставъ на точку зрѣнія индивидуального религіознаго сознанія, сектанты должны были отрицать божественность Христа, догматы Святой Троицы, тайства и обряды. Сициніанство имѣло успѣхъ по преимуществу среди городской и шляхетской демокра-

тії. Къ концу XVI столѣтія на території Литовской Руси было до 150 социніанскихъ общинъ. Рядомъ съ социніанствомъ распространялись также и другія секты, общее количество которыхъ доходило до 72. Черезъ протестантизмъ въ Западную Русь проникла западно-польская образованность, отражавшая на себѣ идеи итальянского возрожденія.

При протестанскихъ общинахъ возникаютъ школы, сначала мужскія, а затѣмъ женскія, съ довольно широкой программой. Въ нихъ преподавалось священное писаніе, грамматика, литература, польскій языкъ, исторія и древніе языки. Въ нихъ не было той церковной схоластики, которой отличалась средневѣковая школа. Протестанскія школы въ изобилии снабжались материальными средствами. Особенно имъ покровительствовала фамилія Радивилловъ. Съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ проникаетъ въ Западную Русь и книгопечатаніе. Первая западная русская типографія открывается въ 1525 году въ Вильнѣ; куда была перенесена изъ Чешской Праги русская типографія, открытая западно-руссскимъ выходцемъ Ф. Скориной. Въ половинѣ XVI в. типографіи существовали въ Вильнѣ, Несвижѣ, Заблудовѣ—гдѣ работали русскіе печатники Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, убѣжавшіе изъ Москвы. Впослѣдствіи послѣдній перенесъ свою дѣятельность въ г. Вильну, гдѣ типографію открыли западно-руssкіе дѣятели, братья Мамоничи. Благодаря книгопечатанію стало доступнымъ священное писаніе, переведенное на народный языкъ, а также различные апологетическая и догматическая сочиненія, что вообще содѣйствовало усиленію интереса къ запросамъ религіозной мысли и къ религіозному творчеству.

Распространеніе протестантизма испугало католическую церковь. Для борьбы съ ересью и схизматиками и для защиты католического правовѣрія были посланы въ Литву и Польшу іезуиты. Послѣдніе отъ обороны скоро перешли къ нападенію и нестолько противъ протестантовъ, численность которыхъ скоро уменьшилась, сколько противъ православія. Но и православные теперь были иными. Они тоже отъ обороны переходятъ къ нападенію, стараясь побивать отцовъ и іезуитовъ ихъ же орудіемъ, общими логическими соображеніями и богословскими данными. Въ этомъ отношеніи очень показательными являются два письма московскаго изгнанника кн. А. М. Курбскаго къ Кузьмѣ Мамоничу, видному представителю западно-руssкаго просвѣщенія. Кн. Курбскій считается съ іезуитскими софизмами, признаетъ іезуитовъ серьезными соперниками, а потому просить своего собесѣдника, «иже бы безъ ученыхъ наша страны не сражалися съ ними гаданными и не ходили бы къ нимъ на ихъ наказаніе». Самъ Курбскій уѣждень, что іезуитовъ можно побѣдить «двѣма нарочитыми свѣдками: съ Діонисіемъ Ареопагитцкимъ, и съ Іоанномъ Златоустымъ, и съ Іоанномъ Дамаскинымъ, и со святыми древними учителями, кои ихъ явственно обличаютъ въ новосмышленную еелогію, о происхождении Святаго Духа». Важно, конечно, не то, съ какими аргументами кн. Курбскій собирается выступать противъ іезуитовъ. Важно сознаніе, что для борьбы съ западно-

европейскимъ католическимъ богословіемъ необходима большая ссведомленность и въ восточномъ богословіи⁶ начитанность въ отцахъ восточной церкви. Собирание библіотекъ были также отраженіемъ западно-русского культурного Возрожденія. Въ библіотекахъ можно было найти различныя научно литературныя произведенія: сочиненія Цицерона, Гомера, Цезаря, работы по философіи и естествознанію. Знакомство съ филологіей особенно проявилось въ переводе Библіи на русскій языкъ. Въ концѣ XVI в. за это дѣло принялъ странствующій типографъ Василій Тяпинскій, а во второй половинѣ вѣка эту задачу блестяще выполнилъ полочанинъ Францискъ Скорина, стремившійся «къ наученію простыхъ людей русскаго языка». Книга и школа расширили кругозоръ западно-русского человека. Того же достигали и заграничныя путешествія. Литовско-русское право давало всѣмъ шляхтичамъ «вольность и моцъ выѣхати изъ земель Княжества» для науки у письмъ, цвиченя, учинковъ рыцерскихъ и лѣпшого счастья своего и тежъ будучи неспособного здоровья своего для лекарства». Конечно, за границу моглиѣздить только богатые люди, но въ концѣ XVI вѣка бывали поѣздки и представителей мелкой шляхетской демократіи. Заграничныя поѣздки измѣняли внѣшній укладъ жизни какого нибудь знатнаго пана и въ тоже время давали ему извѣстный запасъ умственныхъ впечатлений, которые не могли пройти безслѣдно для его умственнаго развитія, содѣйствовали развитію въ немъ индивидуальности. Новая культура коснулась земельной аристократіи и шляхетской демократіи, отчасти городского общества. Крестьянская масса была закрѣпошена и работала на помѣщиковъ. Если трудъ на помѣщика, дававшій средства къ жизни землевладѣльцу, былъ экономическимъ фундаментомъ индивидуализаціи шляхетскаго общества, то хозяйственный подъемъ XVI в., связывавшій Западную Русь съ Европой, былъ источникомъ индивидуализаціи городского общества. Въ этомъ отношеніи Итальянское и Западно-русское Возрожденіе одного происхожденія. За то между ними существуетъ огромная разница въ темпѣ и характерѣ самаго культурнаго движенія.

VIII. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЪ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Стремленіе къ образованію самостоятельной митрополіи. Правовое положеніе православныхъ. Имущество положеніе церкви. Право патраната. Стремленіе къ унії. Состояніе православной церкви въ XVI в. Брестская унія. Западно-русскія православныя школы.

Съ присоединеніемъ Бѣлорусскихъ земель къ Литовскому государству, каждая область сохранила свою отдельную епископію. Мѣстные епископы попрежнему оставались подъ церковною юрисдикціей кіевскаго митрополита. Съ перѣѣзdomъ послѣдняго во Владимиръ, а потомъ въ Москву, православная церковь въ Бѣлоруссіи находилась въ зависимости отъ сѣверо-восточнаго митрополита. Послѣдній, будучи проводникомъ общей русской политики, былъ неудобенъ для литовскаго великаго князя. Съ усиленіемъ

послѣдняго и съ обостреніемъ московско-литовскихъ отношеній великие князья стремились къ тому, чтобы имѣть своего собственного митрополита, который бы являлся выразителемъ интересовъ литовско-русской православной церкви и не давалъ бы черезъ церковь усиливаться русскому вліянію въ Литвѣ. Литовско-русские великие князья со временемъ Ольгерда стремились имѣть отдѣльного митрополита. Въ теченіе XIV столѣтія неоднократно случалось видѣть двухъ митрополитовъ одного въ Кіевѣ, другого въ Москвѣ. Однако, мысль объ отдѣльной митрополіи въ XIV столѣтіи пока еще не проникла глубоко въ сознаніе литовско-русского общества. И самое московское правительство тоже не могло освоиться съ мыслей о раздѣленіи митрополіи. Поэтому, литовско-русские митрополиты и московское правительство стремились къ тому, чтобы объединить въ церковномъ управлѣніи литовско-русскую и сѣверо-восточную церкви. Это, особенно, проявилось въ желаніи митрополита Кипріана соединить въ своихъ рукахъ управлѣніе обѣими церквами, что ему и удалось. Борьба за самостоятельность западно-русской церкви продолжалась въ теченіе всей половины XV столѣтія. Такъ Витовтъ созвалъ церковный соборъ въ 1416 г. и добился избранія самостоятеленаго литовско-русского митрополита. Имъ былъ назначенъ полоцкій епископъ Феодосій. Окончательное дѣленіе церквей происходитъ только 1452 г.; митрополитомъ кіевскимъ былъ избранъ Григорій. Со стороны константинопольского патріарха это окончательное раздѣленіе уже не встрѣтило возраженія. Привилей 1413 г. лишилъ православныхъ права занимать высшія должности въ государствѣ. Только въ 1563 г. православные были уравнены съ католиками и протестантами. Покровительствуя католицизму,—литовско-русское правительство не вмѣшивалось въ церковное управлѣніе и жизнь церкви. Православная церковь была независимой. Имущество церкви оставались неприкосновенными. Во время производства Сигизмундомъ II Августомъ аграрной реформы у православнаго духовенства, какъ и у католического земли отписывались на государя, взамѣнъ которыхъ она получала отмѣны. Если срѣдніе отмѣны, полученные православными съ отмѣнами католического духовенства, то послѣднія были лучше первыхъ. Православное духовенство получало отмѣны землями, значительно болѣе худшими по качеству въ сравненіи съ тѣми, которые у нея отобрали на господаря. Православная церковь, войдя въ составъ Литовско-русского государства, оказалась собственникомъ большого количества недвижимаго имущества. Послѣднее она сохранила въ неприкосновенности вплоть до униі. Церковные имущества пріобрѣтались разными способами. На первомъ планѣ идутъ пожалованія великихъ и удѣльныхъ князей и княгинь. Затѣмъ идутъ пожалованія частныхъ лицъ: князей, пановъ земянъ, бояръ и мѣщанъ. Церкви и монастыри, получившия такія пожалованія, обращались къ господарю за подтвержденіемъ. Обыкновенно, такія подтвержденія выдавались господаремъ безъ всякихъ возраженій. Право пожалованія частными лицами церквамъ и монастырямъ вытекало изъ шляхетскаго права распоряжаться землей въ предѣлахъ

определенныхъ закономъ. Кромъ того церковь покупала имущества, принимала ихъ въ залогъ, а такъ же развивала хозяйственную дѣятельность на территоіи, пока еще ни кѣмъ незанятой. Предметы церковнаго владѣнія были разнообразны. Церковь владѣла дворами съ фольварками, волостями и селами, мельницами, озерами, бортными деревьями и другими промысловыми угодіями. Въ городахъ церкви владѣли дворами и землями. Эти населенные усадьбы зависѣли отъ церкви. Уставные грамоты Полоцко-Витебской земель подтверждаютъ неприкосновенность городского церковного имущества и право получения доходовъ съ такъ называемыхъ церковныхъ мѣщанъ. Послѣдніе по обще-городскимъ дѣламъ были подсудны городскому суду, а по дѣламъ, касающимся уплаты поземельного оброка, мѣщане подлежали суду церкви. Кромъ того, церковь владѣла въ городахъ усадьбами и огородами. Въ сельскихъ мѣстностяхъ въ пользу церкви поступала церковная десятина. Съ переходомъ къ волочной помѣрѣ церковная десятина отмѣнялась, и на содержаніе церкви отводились двѣ волоки земли. Церковная земля было неотчуждаема; имущество, которымъ церковь пользовалась больше 10 лѣтъ, считалось собственностью церкви, но земская давность, по отношенію къ церковнымъ имуществамъ, находившимся въ вѣденіи частныхъ лицъ, не имѣла примѣненія. Въ 1582 г. Полоцкій архиепископъ Феофанъ Богданъ получилъ обратно земли, находившіяся во владѣніи Полоцкаго городничаго 16 лѣтъ. Церковные имущества были часто предметомъ захвата со стороны частныхъ лицъ. Правительство, посылая ревизоровъ въ русскія волости въ 1577 г., поручило имъ всѣ грунты, села и имѣнія забранные частными лицами, вернуть полоцкому епископу. Если же выяснится, что нѣкоторая земли полоцкаго владычества необходимы для господаря, то такія земли должны быть переписаны, и опись должна быть представлена на усмотрѣніе государя. Вообще, въ XVI в. государство признавало неприкосновенность церковныхъ имуществъ и недѣжало ни какихъ попытокъ къ ихъ секулиризациіи. Впрочемъ, правительство сохраняло за собою право отдачи церковныхъ земель и ихъ доходовъ въ вѣденіе частныхъ лицъ и учрежденій. Въ 1583 г. король Стефанъ Баторій, учредивъ полоцкую іезуитскую коллегію, отдалъ въ ея распоряженіе, всѣ доходы, поступавшіе со всѣхъ полоцкихъ православныхъ монастырей и церквей, за исключеніемъ только архиепископской кафедры. Въ западно-русской церкви широко развивается право подаванія или право патроната. Обыкновенно, патронами церкви являлись лица и учрежденія, способствовавшія возникновенію церкви или монастыря. Право патроната могло быть передано патронами третьимъ лицамъ. Патроны пользовались по отношенію къ церквамъ или монастырямъ извѣстными правами. Въ 1510 г. Сигизмундъ I, отдавая Виленскій монастырь Святой Троицы подъ патронатъ великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, передалъ ей право избирать архимандрита по собственному усмотрѣнію. Въ другихъ случаяхъ патрону разрѣшался выборъ архимандрита, но при условіи согласія со стороны старцевъ монастыря. Въ городахъ право патроната находилось въ рукахъ приходскихъ город-

скихъ общинъ. Послѣднія въ своихъ патрональныхъ монастыряхъ имѣли право выбирать архимандрита, контролировать имущество и доходы монастыря. Съ возникновенiemъ въ городахъ братствъ права патроната переходило къ послѣднимъ. Въ сельскихъ приходахъ право патроната находилось въ рукахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ право выбора священниковъ и вообще заботившихся о церковной жизни. Великокняжеское право патроната сталкивалось съ правомъ патроната всей земли. Такъ въ Полоцкой землѣ устанавливаются особые церковные опекуны, которые осуществляютъ право патроната надъ главными городскими церквами. Въ случаѣ вакантности церковныхъ мѣстъ опекуны составляютъ инвентарь церковного имущества и доводятъ его до свѣдѣнія господаря. Этотъ инвентарьдается тѣмъ лицамъ, которые будутъ назначены на свободныя мѣста. Право потрочата было временнымъ или постояннымъ. Въ первомъ случаѣ, оно кончалось со смертью того лица, кто являлся патрономъ. Во второмъ случаѣ—господарь отказывался отъ своихъ правъ на вѣчныя времена. Въ 1584 г Виленская городская община получила право вѣчнаго патроната надъ Виленскимъ Свято-Троицкимъ монастыремъ. Всякій патронъ, являясь покровителемъ церкви или церковнаго учрежденія, выступаетъ въ качествѣ защитника ихъ интересовъ на судѣ и передъ правительствомъ, заботится объ ихъ материальномъ положеніи, принимаетъ мѣропріятія къ упорядоченію церковной жизни. Такъ патроны Супрасальского монастыря ходкевичи принимали дѣятельное участіе въ составленіе уставовъ монастырскаго общежитія. До конца XVI столѣтія случаи патроната лицъ католическаго вѣроисповѣданія были довольно распространены, хотя великие князья Александръ и Сигизмундъ давали обѣщанія кіевскимъ митрополитамъ не назначать иновѣрныхъ патроновъ. Впрочемъ, это обѣщаніе несоблюдалось. Послѣ Брестской унії 1596 г. иновѣрческій потронатъ стать явленіемъ обще—распространеннымъ.

Унія Литвы съ Польшой при Ягайлѣ привела къ распространенію католицизма въ Литовскомъ-Русскомъ государствѣ. Католическая церковь, благодаря покровительству со стороны великокняжеской власти, заняла въ краѣ привилегированное положеніе. Впрочемъ, въ Бѣлоруссіи до половины XVI столѣтія католицизмъ почти не имѣлъ распространенія. Въ Могилевѣ, въ Мстиславлѣ, Оршѣ—до конца XVI столѣтія не было костеловъ. Въ Полоцкѣ въ XVI в. католицизмъ пустилъ нѣкоторые корни среди городскаго населенія, но среди дворянства онъ имѣлъ весьма слабое распространеніе. О приверженствѣ русскаго населенія къ православію писалъ извѣстный юезуитъ Антоній Поссевинъ. Католическая церковь, являясь отраженіемъ панской политики, прекрасно понимала невозможность обращенія всѣхъ русскихъ въ католицизмъ, пропагандировала мысль объ уніи съ католической церковью, какъ промежуточномъ состояніи при переходѣ въ католицизмъ. Когда митрополитъ Исидоръ, принявший унію на Флорентийскомъ Соборѣ, возвращался черезъ Литву въ Москву, литовско-русское и польское правительства встрѣтили его съ почетомъ и объявили о формальномъ при-

знаній унії. Однако, преемникъ Исидора Григорій не собирался принимать унію. Послѣ смерти Григорія одни изъ западно русскихъ митрополитовъ склонялись къ унії, а другіе оставались вѣрными православію. Съ появлениемъ іезуитовъ въ Польшѣ пропаганда унії пошла значительно быстрѣй. Она поддерживалась правительствомъ въ лицѣ Стефана Баторія и Сигізмунда III. Высшая церковная іерархія такъ же стала постепенно склоняться на сторону унії. Высшее духовенство было недовольно своимъ положеніемъ, и въ взаимоединеніи съ католической церковью видѣло выходъ для улучшенія своего положенія. Церковные іерархи, будучи крупными землевладѣльцами, въ нравственномъ—религіозномъ отношеніи оставляли желать многого. Епископы ссорились другъ съ другомъ, дѣлали набѣги на чужія земли, грабили и убивали. На епископскихъ кафедрахъ появлялись лица женатыя и двоеженцы. Само низшее духовенство было мало образовано, зависѣло отъ своихъ патроновъ и не могло оказывать вліянія на свою паству. Этимъ воспользовались іезуиты, указывавшіе на паденіе православной церкви, и проводившіе мысль, что только унія съ католической церковью можетъ спасти православную церковь отъ окончательного паденія. Наконецъ, высшее духовенство, не будучи уравнено въ политическихъ правахъ съ католическимъ духовенствомъ, въ заключеніи унії видѣла средство измѣненія своего политического положенія. Кромѣ того, церковные іерархи были очень недовольны зависимостью отъ братствъ, постоянно контролировавшихъ и жизнь и дѣятельность высшаго духовенства, мѣшавшаго епископамъ жить такъ, какъ имъ хотѣлось.

Западно русскія братства—стариннаго происхожденія. Они возникли около приходскаго храма и ставили своей цѣлью заботу о благоустройствѣ послѣдняго. Эти братства объединяли ремесленниковъ какого нибудь одного ремесла и напоминали собою западно-европейскіе цехи. Постепенно дѣятельность братствъ расширялась: они заботились о материальномъ поддержаніи своихъ членовъ, объ ихъ просвѣщеніи, принимали на себя материальную поддержку семьи умершаго члена. По мѣрѣ распространенія унії братства выступаютъ защитникомъ православія, открываютъ школы. Пользуясь правомъ патрона, братства свободныя церковныя должности замѣщаютъ такими лицами, которые, по ихъ мнѣнію, стойко будутъ защищать интересы церкви. Среди братствъ первое мѣсто занимало Львовское братство и Свято Троицкое Віленское братство. Въ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ, и въ 1588 г. константинопольскій—Іеремія предоставили Львовскому братству право контролировать церковную жизнь. Въ тоже время Львовское и Віленское братства были освобожданы отъ епископскаго суда. Недовольные епископы во главѣ съ львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ въ 1591 г. обратились къ королю съ просьбой о заключеніи унії. Въ 1595 г. былъ созванъ соборъ въ городѣ Львовѣ, постановившій принять унію. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцей отправились въ Римъ, признали власть папы и основные католические догматы. Унія была заключена. Давнишняя политика католической церкви

увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Послѣ возвращенія епископовъ изъ Рима въ городъ Брестъ состоялся церковный соборъ, принявшій унію и необратившій вниманія на протесты православнаго собора, такъ же собравшагося въ Брестѣ. Церковныя братства не признали уніи. Подъ ея вліяніемъ возникаютъ братства въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Пинскѣ, Брестѣ. Города въ лицѣ братствъ отстаиваютъ православіе и въ тоже самое время выступаютъ противниками той обще-шляхетской политики, которая предоставлениемъ шляхтѣ экономическихъ привилегій подрывала материальное благосостояніе купечества. Въ XVI в. при братствахъ въ Вильнѣ и Могилевѣ возникаютъ типографіи, печатавшія различныя церковныя и учебныя книги. Одновременно, при братствахъ возникаютъ училища, цѣлью которыхъ было воспитаніе молодежи въ духѣ православія. Однако западно-русскія школы не чуждались и западно-европейского просвѣщенія. Кроме языковъ греческаго и славянскаго, въ школахъ изучали латинскій и польскій языки, а также обычныхъ 7 свободныхъ искусствъ, принятыхъ въ западно-европейскихъ школахъ. Изъ православныхъ школъ вышло не мало церковныхъ дѣятелей, отстаивавшихъ интересы православной церкви.

IX. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ И ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

Іезуїты. Іезуїтскія школы. Литовско-руssкое правительство и католическая церковь. Оппозиція унії. Возстановленіе іерархіи и положеніе превославныхъ.

Распространеніе протестантизма въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ было остановлено іезуїтскимъ орденомъ. Католическая церковь, опираясь на орденъ іезуїтовъ и очистивъ себя отъ рѣзкихъ недостатковъ,бросавшихся всѣмъ въ глаза, перешла въ наступленіе и, при помощи школы, въ которой іезуїты проявили весьма энергическую дѣятельность, остановили распространеніе протестантизма.

Дѣти православнаго дворянства, обучавшіяся въ католическихъ школахъ, выходили оттуда вѣрными сынами католической церкви, что содѣствовало ихъ ополяченію и глубокому отчужденію отъ русскаго народа. До Люблинской унії 1569 г. католическая церковь не проявляла особенной агрессивности по отношенію къ православію.

Вслѣдъ за Люблинской уніей появилось сочиненіе іезуїта Петра Скари «о единстве церкви Божіей», въ которомъ онъ указывалъ на различныя догматичесія и каноническія отступленія православной церкви отъ истинной церкви. Литовско-руssкое правительство, взявъ подъ свое покровительство католическую церковь, всяческими мѣропріятіями шло навстрѣчу желаніямъ и планамъ послѣдней. Съ этой цѣлью Стефанъ Баторій издалъ указъ о принятіи всѣми православными нового календаря, но возникшія народныя волненія заставили его отказаться отъ этого закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ Стефанъ Баторій подтвердилъ судебныя права православной церкви. Поддерживая сначала іезуїтовъ, Стефанъ Баторій открылъ въ

Вильнъ іезуїтскую колегію, гдѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія было до 600—800 студентовъ. Одновременно стали проявлять широкую дѣятельность іезуїты и въ Бѣлоруссіи. Послѣ возвращенія Литвѣ Полоцка, утвердившіеся тамъ іезуїты не нашли ни одного костела. При Стефанѣ Баторіи жалованной грамотой отъ 20 января 1582 г. «для распространенія святой римской вѣры» въ краѣ была основана іезуїтская колегія, на содержаніе которой были отданы всѣ православные монастыри и всѣ православныя церкви, за исключеніемъ только одной архіепископской кафедры. Съ этого момента полоцкая іезуїтская колегія становится въ краѣ центромъ полонизма. Въ XVII столѣтіи были открыты іезуїтскія школы и въ другихъ частяхъ территоріи: въ Динабургѣ въ 1626 г. и въ Витебскѣ въ 1640 г. Іезуїтскія школы были обеспечены населенными землями и угодіями. Съ принятіемъ унії полоцкимъ архіепископомъ, католическая пропаганда дѣлала большиe успѣхи. Западно-руssкое дворянство, въ большинствѣ случаевъ ополячившееся, весьма энергично поддерживало уніатскую и католическую церковь. Нзъ сторонъ противниковъ унії стояла лишь мелкая шляхта, православное духовенство и мѣщане. Въ 1599 г. на сеймикѣ полоцкая шляхта заявила протестъ противъ унії; тоже самое было сдѣлано минской шляхтой въ 1618 г. Въ теченіе XVII в. уніатскіе архіепископы жалуются на упорство мѣщанъ и православнаго духовенства, которые вопреки всѣмъ приказаніямъ уніатскаго духовенства совершали богослуженіе въ частныхъ домахъ. Оппозиція православныхъ до 1617 г. носила пассивный характеръ. Въ 1617 г. на полоцкой уніатской кафедрѣ появляется Іосафатъ Кунцевичъ. Сынъ православныхъ родителей онъ поступилъ послушникомъ въ уніатскій Свято-Троицкій монастырь. Живя въ Вильнѣ, Кунцевичъ посѣщалъ іезуїтскую колегію, откуда вышелъ убѣжденнымъ сторонникомъ католицизма. Кунцевичъ сталъ насильственно принуждать православныхъ священниковъ принимать унію. Такая политика вызвала всеобщее недовольство. Когда Кунцевичъ хотѣлъ посѣтить городъ Могилевъ, то мѣщане не пустили его. Такая же судьба постигла его и въ Оршѣ. Въ 1620 г. съ возстановленiemъ патр. Феофаномъ православной іерархіи на полоцкую православную архіепископію былъ посвященъ Мелетій Смотрицкій, разославшій воззванія къ православнымъ съ просьбой о защитѣ вѣры. Польское правительство не признавало возстановленной іерархіи, и указомъ 1621 г. запретило въездъ въ Полоцкъ Мелетію Смотрицкому. Въ 1622 г. Кунцевичъ прибылъ въ Витебскъ, стать закрывать православныя церкви и наказывать православныхъ священниковъ за совершение богослуженій. Витебскіе мѣщане, раздраженные поведеніемъ Кунцевича, 12 ноября 1623 года убили архіепископа. Надъ убийцами было назначено слѣдствіе. Послѣднее показало, что въ заговорѣ принимали участіе, кроме жителей Витебска, мѣщане Орши, Полоцка, Могилева и отчасти Вильны. Руководители движенія были казнены. Впрочемъ, смертная казнь не испугала мѣщанъ. 12 октября 1633 г. архіепископъ Антоній Селява внесъ въ полоцкій магістратъ заявленіе о покушеніи на его жизнь нѣсколькихъ мѣщанъ.

Затруднительное ви́шнее положение Рѣчи-Посполитой, благодаря казацкимъ вы́станіямъ, заставило польское правительство издать конституцію 2 ноября 1632 г. и признать церковную іерархію. Въ Бѣлоруссії учреждалась особая архіепископія, которой были подчинены всѣ православные. Юрисдикція нового архіепископа распространялась на Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій округи. На Полоцкѣ и Витебскѣ привилегія 1632 г. не распространялась. Грамота Владислава отъ 1635 г. указываетъ, что ни въ Полоцкѣ, ни въ Витебскѣ неуніаты не имѣютъ права имѣть церкви. Помимо этого православные мѣщане не подлежали суду городской Магдебургіи. Въ 1648 г. Янъ Казимиръ, підъ вліяніемъ казацкихъ волнений, рѣшилъ отдать православнымъ нѣкоторыя церкви и монастыри въ Витебскѣ и другихъ городахъ. Впрочемъ, это постановленіе осталось только на бумагѣ. Завоеваніемъ Бѣлоруссії московскими войсками при Алексѣѣ Михайловичѣ, всѣ православные были возстановлены въ своихъ правахъ, а уніаты оказались ви́зъ закона. Послѣ Ангрусовскаго мира положеніе дѣль измѣнилось: всѣ права и преимущества были отняты у православныхъ, и уніаты были возстановлены въ правахъ. Однако, мѣщане Бѣлоруссії не обнаруживали особенной симпатіи къ уніи.

Во время занятія русскими войсками Бѣлоруссії при Петре уніаты пользовались свободой отправленія богослуженія. Впрочемъ, настоятель Полоцкаго Базиліанскаго монастыря сообщилъ папѣ Клименту XI на многія, чинимыхъ московскими войсками при завоевании Бѣлоруссії.

Въ теченіе первой половины XVIII столѣтія всѣ неуніаты фактически оставались ви́зъ закона, хотя со стороны представителей польской власти дѣлались указанія на необходимость измѣненія правительственной политики по отношенію ко всѣмъ неуніатамъ. Въ происходившихъ волненіяхъ между уніатами и неуніатами виновными во всѣхъ агресивныхъ дѣйствіяхъ оказывались послѣдніе.

Во главѣ православной церкви въ Бѣлоруссії стоялъ Георгій Конисский, державшійся великорусской ориентациіи и предполагавшій съ помощью русского правительства добиться измѣненія въ положеніи православныхъ. Екатерина II шла на встрѣчу планамъ Георгія Конисского, чтобы, подъ видомъ защиты интересовъ православія, вмѣшаться въ польскія дѣла. Конституція 1767 г. уравнивала католиковъ и православныхъ.

X. БѢЛОРУССІЯ И СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ ВЪ XIV—XVIII В.

Москва и Бѣлоруссія при Иванѣ III. Борьба за Смоленскъ при Василіи III. Бѣлоруссія и Ливонская война. Борьба за Смоленскъ въ эпоху смуты. Деулинское перемирье. Борьба за Смоленскъ про Михаилѣ Федоровичѣ. Бѣлоруссія и польскія войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Бѣлоруссія въ эпоху Сѣверной войны. Раздѣлы Польши и присоединеніе Бѣлоруссії къ Российской имперіи.

Вопросъ о Бѣлоруссії становится очереднымъ вопросомъ ви́шней политики Москвы со времени Ивана III. Московское правительство начи-

наєть заявляти претензії на Київъ, Полоцкъ и Витебскъ, какъ на «вотчины прародителей». Эта националистическая идеология по существу строилась на материальномъ фундаментѣ. Москвѣ были нужны прямые торговые пути на западъ, минуя Литву и Ливонію. Исканіе ихъ и привело къ столкновенію съ литовско-русскимъ государствомъ. Борьба ведется изъ-за Смоленска, Подвіння какъ главныхъ этаповъ къ морю, въ Западную Европу. При Иванѣ III борьба только началась. Смоленскъ еще не былъ предметомъ военного вниманія Московского правительства. За то при Василіи III Смоленскій вопросъ всецѣло захватилъ послѣднее. Борьба съ Литвой на этотъ разъ дала желательные результаты, и Смоленскъ по миру 1523 г. отошелъ къ Москвѣ. Ни Литва, ни Польша не могли остановиться на этомъ. Москва рассматривала захватъ Смоленска, какъ только этапъ для дальнѣйшаго движенія въ сторону Бѣлоруссіи, При Иванѣ IV въ началѣ его княженія война ведется ужс впереди Смоленска. Витебскъ—укрѣпленный городъ, ключъ къ Ливоніи, привлекалъ къ себѣ вниманіе московского князя и его окрестности были опустошены. Борьба за Ливонію при Иванѣ IV происходила преимущественно на территорії Бѣлоруссіи. Къ 1563 г. сердце Подвіння Полоцкъ былъ захваченъ московскимъ правительствомъ. Развивавшіяся военные дѣйствія отдали подъ власть Москвы Полоцко-Витебскіе пригороды: Велижъ, Невель. Себежъ. Въ 1566 г. Сигизмундъ II Августъ предлагалъ Москвѣ заключить миръ съ уступкой Бѣлоруссіи. Иванъ IV отказался. Продолжавшаяся война вернула Полоцкъ и всю Бѣлоруссію (1579 г.). За Москвой остались только Невель и Себежъ. Когда польскій король Сигизмундъ III, въ эпоху смутного времени, вторгся въ предѣлы Москвы, то захватъ московской территорії начался съ осады Смоленска. Въ концѣ юня 1611 г. Смоленскъ былъ взятъ. Правительство царя Михаила по Десинскому перемирью 1618 г. оставило въ рукахъ поляковъ Смоленскъ и вернуло Невель и Себежъ. Въ 1632 г. въ польское безкоролевье, московское правительство пыталось вернуть Смоленскъ но его осада кончилась сдачей въ плѣнъ всего войска во главѣ съ Шеинымъ. Присоединеніе Украины къ Москвѣ создало новую войну съ Польшей. Война велась на территорії Бѣлоруссіи, Въ 1654 г. вся Бѣлоруссія съ Витебскомъ и Полоцкомъ была завоевана Москвою. Московскій царь включилъ въ свой титулъ «царя Бѣлой Россіи». Взятие Витебска и Полоцка сопровождалось опустошеніемъ всей территорії и отправкой мѣстнаго населенія въ Москву. И въ церковномъ отношеніи Бѣлоруссія стала находиться подъ властью московского патріарха. И на этотъ разъ Москва неудержала Бѣлоруссіи. По Андрушовскому миру (1667 г.). Бѣлорусскій край обратно возвращался Польшѣ. За Москвой оставался только одинъ Смоленскъ съ городами: Невелемъ, Себежемъ и Велижемъ. Московская оккупация сопровождалась недоразумѣніями между оккупантами и мѣстнымъ населеніемъ. Особенно были напряжены эти отношенія въ Могилевѣ. 1-го февраля 1661 г. въ Могилевѣ вспыхнуло восстаніе, и обезоруженные войска были перебиты. Король Янъ Казимиръ 9 юня 1661 г. выдалъ Могилеву благодарственную

грамоту, подвердилъ его привилегіи, даровалъ нѣкоторымъ мѣщанамъ дворянское достоинство, а за другими оставилъ купленныя ими земли. Бѣлорусская шляхта также относилась отрицательно къ московскому вліянію. Часть ея бѣжала въ Литву, а оставшіеся шли и присягали Алексею Михайловичу или, оставаясь вѣрными Рѣчи Посполитой, отправлялись въ Москву въ качествѣ военнопленныхъ. Отосланые въ Казань были вынуждены присягнуть Москвѣ и даже принять православную вѣру. Вмѣстѣ съ этимъ казанскіе земельные постановили не выбирать ни накакія должности тѣхъ лицъ, которыхъ присягнули московскому правительству. Во время Сѣверной войны Бѣлоруссія была театромъ военныхъ дѣйствій. По территоріи Бѣлоруссіи проходили шведскія, русскія и польскія войска, и Бѣлоруссіи приходилось перенестъ всѣ отрицательныя стороны военнаго нашествія съ контрибуціями, насилиями.

Первое время правительство Петра слѣдило за тѣмъ, чтобы населенію Бѣлоруссіи русскими войсками не чинилось никакихъ бѣдствій. Это особенно сказалось въ мѣропріятіяхъ правительства по отношенію къ г. Могилеву. Когда же войскамъ пришлось оставить Бѣлоруссію подъ напоромъ шведовъ, то она падла опустошенію. Полному разоренію подвергались города, державшіеся Станислава Лещинскаго, сторонника шведской ориентациіи. Особенно пострадалъ при этомъ городъ Витебскъ. Разоренный въ XVII в. московскими и польскими войсками, городъ Витебскъ былъ доведенъ до такого состоянія, что въ 1671 г. король Августъ II былъ вынужденъ освободить витеблянъ отъ уплаты долговъ Ригѣ, а также отъ всякихъ налоговъ въ продолженіи 7 лѣтъ. Послѣ разоренія Витебска въ 1708 г., синь обѣднѣлъ и опустѣлъ. Нишатскій миръ 1721 г. отдалъ Ливонію съ Ригой Москвѣ. Бѣлоруссія была опять отрѣзана отъ моря. Съ другой стороны, владѣніе ключемъ Бѣлоруссіи, городомъ Смоленскомъ, грозило Бѣлоруссіи присоединеніемъ къ русскому государству. Все Подвинье въ XVIII в. было связано тѣсными экономическими узами съ русской имперіей, откуда получалось сермяжное сукно, готовья сермяки, тулупы овчінны, рукавицы, полотно, мыло, звѣринъя шкурки. Развивавшаяся торговля по Двинѣ ставила Бѣлоруссію въ экономическую зависимость отъ Москвы. Неурядицы польского государственного строя рѣшили судьбу Бѣлоруссіи. По первому польскому раздѣлу (1772 г.) Россія получила Полоцкое воеводство, Витебское Мстиславское и часть Минскаго, а по второму польскому раздѣлу (1793 г.) къ Москвѣ отошли остальная часть Минскаго воеводства и сѣверо-восточный уголъ Виленскаго воеводства. Судьба Бѣлоруссіи окончательно опредѣлилась: она вошла въ составъ Россійской Имперіи. Въковая попытка московского правительства кончилась удачно. Но для Бѣлоруссіи эта борьба стоила дорого. Разоренная войнами, она была лишена возможности поднять свое экономическое благосостояніе.

XI. ЕВРЕИ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Положеніе евреевъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Еврейскій исходъ. Колонизация евреями Бѣлоруссіи въ XVII вѣкѣ. Численность еврейскаго населенія въ XVIII вѣкѣ.

Евреи въ Литовско-русскомъ государствѣ были старинными обитателями. Уже въ концѣ XIV столѣтія существуютъ єврейскія обшины въ Брестѣ, Гродно и Трокахъ. Великій князь Витовтъ далъ евреямъ въ 1388 г. грамоту, опредѣлявшую ихъ положеніе. По привилегіи Казимира Ягеллончика въ 1441 г. трокскіе евреи получили Магдебургское право на такихъ же основаніяхъ, на какихъ пользовалось Магдебургскимъ правомъ христіанскоѳ населеніе. По всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, евреи подлежать суду еврейскаго войта, который выбирался ими изъ своей среды и пожизненно утверждался королемъ. Въ XV в. евреи имѣли большое значеніе въ Литвѣ, какъ откупщики и финансовые агенты правительства. Въ 1495 г. Литовско-русское правительство измѣнило свою политику по отношенію къ евреямъ. Великій князь Александръ, желая погасить долговыя обязательства евреямъ, постановилъ «жидову землю нашее вонь выбити». Изгнанные евреи ушли въ Польшу, Кафу и Константинополь. Имущество евреевъ было конфисковано. Часть его перешла въ руки отдѣльныхъ лицъ и учрежденій. Въ 1503 г. евреямъ было разрѣшено вернуться обратно въ Литву. Евреи получали обратно свое имущество, однако съ обязательствомъ уплатить расходы тѣмъ лицамъ, кто владѣлъ этимъ имуществомъ, кто затратилъ деньги по устройству и хозяйственному улучшенію недвижимости. Лица, купившія еврейскую недвижимость или принявшія ее подъ залогъ, имѣли право на получение вознагражденія. Въ 1507 году Сигизмундъ I подтвердилъ старыя привилегіи евреевъ, которые были внесены въ Литовскій статутъ 1529 г. Благодаря окрѣпнувшему юридическому положенію, литовскіе евреи усилили свое вліяніе, какъ въ области хозяйственной жизни страны, такъ и въ финансовыхъ операцияхъ правительства. Впрочемъ, нѣкоторый ударъ материальному положенію евреевъ былъ нанесенъ беззастѣнчивыми дѣйствіями тѣхъ сыщиковъ, которые производили розыски по поводу слуховъ о совращеніи христіанъ въ еврейство. Евреи боялись показываться на ярмаркахъ. Торговые обороты падали. Уменьшились доходы правительства. Распоряженія великаго князя Сигизмунда отъ 10 іюля 1532 г. прекратили неправомѣрные розыски среди евреевъ. Литовско-русская шляхта была, видимо, недовольна усиленіемъ еврейскаго капитала. На сеймѣ 1559 г. родовая шляхта выступила съ требованіемъ, чтобы откупщиками были христіане. Великій князь литовскій отклонилъ просьбу шляхты и предложилъ христіанамъ быть болѣе щедрыми въ назначеніи откупныхъ ставокъ и тѣмъ самыми взять въ свои руки откуп. Отрицательное отношеніе къ еврейству со стороны рядовой шляхты было полнымъ контрастомъ покровительственному отношенію евреямъ со стороны крупныхъ магнатовъ, неоднократно обращавшихся за ссудой къ еврейскимъ капиталистамъ. Съ

конца XVI столѣтія начинается процессъ разселенія евреевъ по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи. Главный притокъ эмигрантовъ шелъ изъ Чехіи, Бранденбурга, Италии и Брауншвейна. Въ половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе имѣлось въ Брестѣ, Гродно, Пинскѣ, Кобринѣ, Новгородѣ, Клецкѣ, Добучинѣ, Городцѣ. Съ 1569 г. евреи появляются въ Слонимѣ, Мстибоговѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Бобруйскѣ, Дриссѣ и Жолудкѣ. Главный притокъ еврейства въ Бѣлоруссію былъ послѣ 1648 года въ связи съ еврейскими погромами на Українѣ. Въ административномъ отношеніи еврейство вѣлилось на рядъ округовъ: Бѣлорусскую синагогу, и на округа: Минскій, Мстибоговскій, Слонимскій, Брестскій, Гродненскій, Пинскій, Слуцкій. Города Вильна и Полесскъ съ пригалками составляли особые административные округа. Для рѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся жизни еврейства, евреи собирались на обще-литовскіе и окружные—воады, постановленія которыхъ были обязательны для всѣхъ еврейскихъ кагаловъ и при кагалковъ. Общая численность евреевъ на Литвѣ въ 1766 г. составляла 157.250 человѣкъ. Богатые евреи занимались откупами. Еврейская бѣднота была занята мелкой торговлей и ремесломъ. Еврейскіе ремесленники были организованы въ цехи, хотя самостоятельная еврейская цеховая организація возникла не безъ треній и не безъ борьбы съ христіанскими цехами. Громадная часть еврейскихъ ремесленниковъ принадлежала къ цеху портныхъ, скорняковъ, шапошниковъ, мѣховщиковъ, басонщиковъ, позолотчиковъ, золотыхъ дѣль мастеровъ, пекарей и мясниковъ. Въ XVIII в. въ связи съ гайдамацкими движеніями на Українѣ шла усиленная колонизація въ Бѣлоруссію. Особенно увеличилось еврейское насиленіе въ Могилевской и Витебской губерніяхъ.

XII. БѢЛОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ВЪ XVII—XVIII В. В.

Судьбы бѣлорусского крестьянства. Экономическое положеніе западно-бѣлорусского крестьянства. Крестьянство восточной Бѣлоруссіи.

Къ концу XVI столѣтія въ Литовско-Русскомъ государствѣ исчезло свободное крестьянство. Акты того времени указываютъ на всевозможныя сдѣлки съ крестьянами. На крестьянъ вмѣстѣ съ семействами совершаются запродаожныя записи, купчія крѣпости и различные полюбовныя сдѣлки. Во всѣхъ сдѣлкахъ крестьяне рассматриваются, какъ общественная группа, потерявшая какія-либо юридическія права. Крестьянская масса, какъ и въ XVI в., дѣлилась на двѣ группы: на государственныхъ и частно-владѣльческихъ. Положеніе тѣхъ и другихъ въ значительной степени отличалось другъ отъ друга. Въ западной части Бѣлоруссіи, и правительство, и частные землевладѣльцы перешли къ волочной помѣрѣ, при чёмъ экономическое обеспеченіе и крестьянское тягло были неодинаковы въ государственныхъ владѣніяхъ и частно—владѣльческихъ. Въ первомъ случаѣ, крестьянскіе надѣлы были больше, а повинности меньше. Крестьянскій надѣлъ въ госу-

дарственныхъ имъніяхъ во второй половинѣ XVI столѣтія равнялся одной волокъ, а на земляхъ частныхъ владѣльцевъ такіе большие надѣлы являлись рѣдкостью. Въ XVII и XVIII вв. происходитъ уменьшеніе надѣловъ до половины волоки, а иногда и меньше, какъ на земляхъ государственныхъ экономій, такъ и въ частно-владѣльческихъ имъніяхъ. Къ концу XVI столѣтія стала исчезать двухдневная барщина и въ государственныхъ экономіяхъ. Ставъ съ конца вѣка трехдневной, она къ половинѣ XVIII столѣтія превратилась въ четырехдневную. Еще тяжелѣе было положеніе крестьянъ частновладѣльческихъ. Съ момента введенія волочной помѣры барщина равнялась тремъ днямъ въ недѣлю, а въ XVII и XVIII в. она мѣстами становится ежедневной. Кроме того, крестьяне были обязаны выходить на гвалтъ, нести подводную повинности, вымолячивать господскій хлѣбъ, работая для этого ночью, отправлять сторожу, работать на мельницахъ, заниматься вывозкой дровъ. Рядомъ съ увеличеніемъ барщинныхъ повинностей на частновладѣльческихъ земляхъ увеличиваются и натуральная повинности, которыми мужское и женское населеніе были обязаны своему помѣщику, обыкновенно предметами своего крестьянского хозяйства.

Крестьяне частновладѣльческіе, какъ и государственные, не могли безъ согласія администраціи экономіи уйти на заработки, продавать скотъ постороннимъ, покупать на сторонѣ водку. Частный землевладѣлецъ могъ увеличивать повинности крестьянъ по собственному усмотрѣнію. Повинностное положеніе государственного тяглого и осадного крестьянства опредѣлялось инвентарями, нарушать которые господарскій староста не имѣлъ права, и тѣмъ не менѣе такія нарушенія бывали довольно частными.

Въ общемъ, къ концу XVIII в. положеніе крестьянъ въ западной Бѣлоруссіи было очень тяжелое. Отсутствіе скота, инвентаря, орудій, полуразрушенныя хижины, убогая обстановка — вотъ картина жизни какъ частновладѣльческаго, такъ государственного крестьянина. До половины XVI столѣтія сельско-хозяйственная культура восточной Бѣлоруссіи не пустила глубокихъ корней. Помѣщичье землевладѣніе не имѣло большого развитія. Государственная и крестьянская масса, живя общинами, имѣя свою выборную администрацію, занималась эксплуатацией рѣчныхъ и лѣсныхъ богатствъ. Отношенія къ правительству въ повинностномъ отношеніи опредѣлялись стариной. Провинціальная администрація, нарушая эту старину, вызывала въ населеніи недовольство и раздраженіе. Въ 1555 г. правительство предприняло описание восточныхъ областей. Опредѣливъ повинности правительство не прекратило недоразумѣній, возникавшихъ между населеніемъ и администрацией. Со времени Ливонской войны въ Придвинскихъ мѣстностяхъ развивается частное землевладѣніе. Начинается развитіе сельско-хозяйственной культуры. Съ конца XVI в. и государство и частный землевладѣлецъ стремятся старая формы землепользованія замѣнить новыми, по образцу западныхъ волостей. Эти аграрные мѣропріятія осуществлялись съ конца XVI столѣтія и въ теченіе XVII столѣтія. Новая аграрная мѣропріятія вызывали часто волненія среди крестьянской массы.

Эти волнения приходилось усмирять военной силой. Новый аграрный мѣроприятія раздробили крупные крестьянские хозяйства и содѣствовали переходу къ индивидуальному землевладѣнію. Въ XVIII в. положеніе крестьянства, какъ и въ западныхъ областяхъ, ухудшилось. Уменьшились крестьянскіе надѣлы, но зато увеличились повинности. Къ концу XVIII столѣтія огромная часть государственныхъ имѣній стала частно-владѣльческими.

XIII. ПОЛИТИКА РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ БѢЛОРУССІИ ВЪ КОНЦѣ XVIII И НАЧАЛѣ XIX В.В.

Политика Екатерины II. Административное дѣленіе. Генераль-губернаторъ Чернышевъ и его плакатъ. Принятие населеніемъ русского подданства. Раздача имѣній. Сословная и национальная политика Екатерины II. Финансовая политика. Административное дѣленіе Бѣлоруссіи. Общий характеръ русской политики въ Бѣлоруссіи.

Первый раздѣлъ Польши оторвалъ Бѣлоруссію отъ Польши. По первому польскому раздѣлу къ Россіи перешли воеводства: Лифляндское, большая часть Полоцкаго, Витебское безъ Оршанскаго и Мстиславскаго повѣтovъ и часть Минскаго. На этой территории числилось 1.227 000 жителей согласно проекту князя Вяземскаго было образовано особое бѣлорусское генераль губернаторство, состоящее изъ 2 хъ губерній: Псковской и Могилевской. Опубликованная инструкція губернаторомъ новыхъ губерній возлагала на послѣднихъ обязанности поддержанія въ краѣ порядка, спокойствія, охраны имущества и личности населенія во вновь присоединенныхъ губерніяхъ. Екатерина II давала обѣщаніе держаться также и терпимой религіозной политики по отношенію къ іезуитамъ, предполагая, что іезуиты, найдя убѣжище въ Бѣлоруссіи, покровительствуемой русскимъ правительстvомъ, будутъ поддерживать русское правительство въ его административныхъ дѣйствіяхъ и тѣмъ будутъ содѣствовать объединенію края съ Россіею.

Генераль-губернаторъ Чернышевъ отъ имени Екатерины II обратился ко всему населенію вновь присоединенной Бѣлоруссіи съ сообщеніемъ о переходѣ ея подъ власть Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ графъ Чернышевъ предлагалъ проявлять вѣрность монархинѣ. Все населеніе было обязано въ теченіе мѣсяца принести присягу на подданство. Если же кто изъ собственниковъ не пожелалъ бы присягнуть, то онъ былъ обязанъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ продать свое имущество и выѣхать за границу. Въ противномъ случаѣ, его имущество будетъ секвестровано. На духовенство возлагалась обязанность упоминанія во время богослуженія имени государыни. Плакатъ Чернышева объявлялъ о религіозной терпимости, о сохраненіи вольности, о неприкосновенности отношеній подданныхъ къ своимъ помѣщикамъ. Бѣлорусское населеніе безъ всякихъ возраженій присягнуло новой государынѣ. Нигдѣ не было никакихъ протестовъ. Бѣлорусскую шляхту успокоило обѣщаніе Чернышева о неприкосновенности всей шляхетской

вольности. Однако, нашлись шляхтичи, отказавшиеся принести присягу. Среди последнихъ выдѣлялись магнаты, князья Радзивиллы, Огинскіе, Чарторыйскіе, Сопѣги, Соллогубы, Потеи. Ихъ имущество было конфисковано и раздано русскимъ подданнымъ. Всего было конфисковано 51 владѣніе, съ 110.357 крестьянами. Это все были крупныя имѣнія, которыя при раздачѣ иногда дѣлились на части. Въ теченіе 1763—1779 г.г. было раздано 107 владѣній, въ которыхъ числилось 94.160 крестьянъ. Лица, близкія къ Екатеринѣ II, были надѣлены въ изобилии крестьянами. Слѣдующая таблица даетъ отчетливое представление о распространеніи крупнаго русскаго землевладѣнія.

Имена владѣльцевъ.	Количество душъ.
Кн. Потемкинъ.	14.227
Гр. П. Румянцевъ.	13.326
Гр. Чернышевъ.	5.071
Ген. Завадовскій.	4.737
Гр. Н. Панинъ.	3.090
Елагинъ.	3.712
Кн. А. Голицынъ.	3.152
Камер. А. Васильчиковъ.	2.927
Гр. Остерманъ.	2.740
Кн. Дондуковъ.	2.090
Козьминъ.	1.918
Адм. Мордвиновъ.	2.090
Л.-мед. Крузе.	1.528
Кн. Вяземскій.	1.520
Кн. П. Голицынъ.	1.260
Безбородко.	1.222
Т.-сов. Волковъ.	1.011
Гр. Сиверсь.	1.006
Об.-полиц. Архаровъ.	1.006

Насажденіе крупнаго русскаго землевладѣнія должно было содѣйствовать болѣе тѣсному сближенію съ Россіей.

Указомъ 8 мая 1778 г. возстановливалось дѣйствіе Земскихъ Судовъ, Принципіальныхъ и Губернскихъ. Правомъ выбора пользовались всѣ шляхтичи, имѣвшіе не менѣе 10 крестьянъ. Для избраніе въ суды требовался цензъ въ размѣрѣ 20 душъ. Дѣлопроизводство въ судахъ велось на польскомъ языкѣ и по польскому праву. Рядомъ съ этими судами были суды губернскіе и провинціальные, дѣлопроизводство въ которыхъ велось на русскомъ языкѣ, а судебнное рѣшеніе выносилось на основаніи русскаго права. Эти коронные суды вѣдали уголовныя дѣла, сборъ съ налоговъ, продажу крестьянъ, распродажу имущества. Этотъ контроль давалъ возможность правительству слѣдить за мобилизаціей земельной собственности и крестьянъ и не дозволять усиливаться тамъ польскому землевладѣнію. Пере-

мѣна подданства не внесла ни какихъ перемѣнъ въ положеніе крестьянской массы. Указомъ 15 ноября 1775 года запрещалась запродажа крестьянъ безъ земли. Графъ Чернышевъ изданіе этого указа объяснялъ тѣмъ, что продажа крестьянъ безъ земли уменьшаетъ количество тѣхъ лицъ, которыхъ обязаны платить подати государству. Однако, Сенатъ думалъ по другому: разъ русское дворянство пользовалось правомъ продажи крестьянъ безъ земли, то и бѣлорусская шляхта должна была сохранить свои права. Въ общемъ, указъ практическаго значенія не имѣлъ. Сохраняя за евреями всѣ ихъ права и преимущества, русское правительство разрѣшило приписываться къ купеческому сословію съ уплатой опредѣленного процента съ объявленного капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство запретило евреямъ винокуреніе, выработку пива и меда, ставшіе монополіями шляхтичей. Кроме того, евреи въ своихъ кагалахъ могли касаться только религіозныхъ вопросовъ. При замѣщеніи городскихъ и купеческихъ должностей евреи были связаны опредѣленными ограниченіями. Экономическое положеніе Бѣлоруссіи въ моментъ присоединенія къ Россіи было весьма тяжелое. Этого не отрицалъ и самъ Чернышевъ. Тѣмъ не менѣе, согласно его проекту финансовая тягота, падавшая на Бѣлоруссію, были значительно тяжелѣе прежнихъ повинностей. За вторую половину 1773 г. Бѣлорусскія губерніи уплатили 587.019 рублей 24 копейки, тогда какъ при польскомъ владычествѣ съ нихъ поступало въ казну 172.835 руб. 82 коп. Въ виду явной невозможности уплатить такие податки въ Петербургѣ была организована комиссія для пересмотра ея финансового положенія. Стремясь къ сліянію Россіи и Бѣлоруссіи, правительство указомъ 15 ноября 1776 г. разрѣшило дворянскому заемному банку въ Петербургѣ и въ Москвѣ принимать въ закладъ польскія имѣнія. Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. распространялись и на Бѣлоруссію. Послѣдняя раздѣлялась на 2 губерніи. Полоцкую и Могилевскую. Первая дѣлилась на 11 уѣздовъ, Полоцкій, Дрисскій, Себежскій, Невельскій, Динабургскій, Рѣжицкій, Люценскій, Витебскій, Велижскій, Городокскій, Суражскій. Могилевская губернія дѣлилась на 12 уѣздовъ: Могилевскій, Чаускій, Старобыховскій, Оршанскій, Бабиновицкій, Капыскій, Сенскій, Мстиславскій, Чериковскій, Климовичскій, Рогачевскій, Бѣлецкій. Въ 1793 г. послѣ второго польского раздѣла, когда остальная часть Бѣлоруссіи отошла къ Россіи, то была образована новая губернія—Минская. Введеніе обще русскихъ учрежденій было отменено прежняго устройства губерній въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сліянія съ Россіей. Такая гуссификація края встрѣчала со стороны отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей отрицательное къ себѣ отношеніе такъ какъ населеніе привыкло къ прежнимъ польскимъ законамъ и прежнимъ порядкамъ. При Павлѣ I указомъ 12 декабря 1796 г. было введено новое административное дѣленіе. Губерніи Полоцкая и Могилевская сливались въ одну, подъ названіемъ Бѣлорусской съ губернскимъ городомъ Витебскомъ. Но и это губернское дѣленіе было замѣнено другимъ. Въ 1807 г. указомъ 27 февраля Бѣлорусская губернія была снова раздѣлена на 2 части: на Витебскую и

Могилевскую. Объ губерніи сначала назывались Бѣлорусскими. Съ 1840 г. всѣ стали называться по губернскимъ городамъ. Павель I отказался отъ русификации политики въ Бѣлоруссіи, возстановивъ дѣйствія прежніхъ судовъ и учрежденій, а такъ же и мѣстного права. Такой же политики держалось и правительство Александра I. Только со временемъ Николая I русское правительство стало на путь русификаціи края, въ цѣляхъ освобожденія его отъ польского и еврейского вліянія.

XIV. ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНАЯ ПРОГРАММА БѢЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ ВЪ XVIII—XIX ВѢКАХЪ.

Наказы смоленской шляхты. Шляхта и раздѣлы Польши. Шляхта и Франція. Бѣлорусская шляхта и польскіе раздѣлы. Возстаніе Костюшки и отношеніе къ ней Бѣлорусской шляхтю. Бѣлорусская шляхта и Наполеонъ I. Польское восстаніе 1830 г. и отношеніе къ нему шляхты.

Часть Бѣлорусской шляхты, именно смоленская, еще съ 1667 г. вошла въ составъ русского государства и составляла съ нимъ одно не-раздѣльное цѣлое. Она уже не чувствовала никакого тяготѣнія къ Польшѣ и была проникнута обще-дворянскими интересами. Послѣдніе, во всей своей отчетливости, выступаютъ въ наказахъ 1767 г. Дворянство жалуется на побѣги крестьянъ въ Польшу, а между тѣмъ помѣщики обязаны платить подушные деньги и всякія государственные повинности. Шляхтичи просятъ о выключеніи бѣглыхъ крестьянъ съ подушного сбора; затѣмъ дворянство проситъ о замѣнѣ натуральной рекрутской повинности деньгами, такъ какъ многие помѣщики, не имѣя одиночныхъ крестьянъ, должны отдавать въ рекруты семейныхъ людей. Послѣдніе убѣгаютъ въ Польшу и постепенно переводятъ туда все свое семейство.

Ссылаясь на указъ 1762 г., дворянство просило, чтобы ни на какія должности не назначали безъ согласія дворянства. По мнѣнію Бѣльского дворянства, всякія назначенія на должности принудительнымъ путемъ находятся въ противорѣчіи съ указомъ 1762 г. Если кто нибудь изъ дворянъ добровольно пожелаетъ принять должность, то ему нужно назначить жалованіе и поручить такимъ лицамъ разбирать различныя судебнныя дѣла между крестьянами и помѣщиками. Дорогобужское дворянство, ссылаясь на прежнія привилегіи, данные польскими королями и утвержденные московскими государями, ходатайствуетъ о предоставлении ему права «свободно домашними, нашими, происходящими отъ земли продуктовъ пользоваться». Бѣльское дворянство ходатайствуетъ объ учрежденіи казенныхъ провіантскихъ магазиновъ. О томъ же проситъ и Дорогобужское дворянство. На необходимость учрежденія казенныхъ магазиновъ на случай неурожая указываетъ такъ же и Вяземское дворянство. Указывая на бѣдность крестьянъ, дворяне Бѣльского уѣзда просятъ объ освобожденіи ихъ крестьянъ отъ

обязательной повинности по постройкѣ мостовъ и форпостовъ. Въ крайнемъ случаѣ, они ходатайствуютъ о переводѣ натуральной повинности на деньги. На тяжесть той же повинности указываетъ и Рославльское дворянство. Оно такъ же предлагаетъ замѣнить ее деньгами черезъ обложение по 3 копѣйки съ души. Затѣмъ въ наказахъ 1767 г. высказывались пожеланія объ открытии училишъ, объ облегченіи уплаты податей, о созданіи въ областяхъ новыхъ судебныхъ учрежденій, о назначеніи комиссарамъ и другимъ должностнымъ лицамъ по выбору жалованія, объ измѣненіи законовъ, касающихся права распоряженія недвижимымъ имуществомъ. Такимъ образомъ, требованія шляхты Смоленской губерніи не выходили за предѣлы узкихъ сословныхъ требованій и интересовъ. Бѣлорусская шляхта, принеся присягу на вѣрность Россіи, оставалась вѣрна польскимъ симпатіямъ. Отдѣльные шляхтичи уходили въ Польшу и принимали участіе въ возникавшихъ тамъ конфедерацияхъ. Съ большой симпатіей бѣлорусская шляхта отнеслась къ восстанію Т. Костюшко. Многіе изъ участниковъ восстанія лишились своихъ имѣній. Послѣдняя были розданы Екатериной II своимъ приближеннымъ. Западно-европейское просвѣщеніе незамѣтно проникало въ сознаніе бѣлорусской знати. Экономическая локтрина физіократовъ заставила представителей крупно-помѣстного владѣнія поставить на очередь крестьянскій вопросъ. Впрочемъ, количество лицъ, стремившихся измѣнить положеніе крестьянъ путемъ организаціи ихъ управленія и облегченіи ихъ повинностнаго положенія было весьма небольшое. Политика Екатерины II вызвала большое недовольство бѣлорусской шляхтѣ. Воспользовавшись присутствіемъ на коронації въ Москвѣ, она рѣшила обратиться къ Павлу I съ (предѣленымъ) ходатайствомъ сбъ измѣненіи на правленія русской политики по отношенію къ землямъ, оторваннымъ съ Польши и отошедшими къ Россіи. Позиція шляхты была враждебна Россіи. Такъ при выборѣ делегаціи минскіе шляхтичи хотѣли заявить требованіе, чтобы на Литвѣ не было ни одного русскаго, ни войска, ни русской администраціи, чтобы ни кто не могъ быть арестованъ безъ суда, чтобы католическая вѣра оставалась въ неприкосновенности, чтобы судопрѣизводство велось на польскомъ языке, чтобы польское право сставалось въ неприкосновенности. Настроеніе шляхты было явно анти-русское. Во время походовъ Наполеона бѣлорусская шляхта была на его сторонѣ, такъ какъ надѣялась съ его же мощью восстановить Рѣчъ-Посполитую въ предѣлахъ 1772 г. Этимъ же объясняется сочувствіе бѣлорусской шляхты польскому восстанію 1830 г.

Польско-бѣлорусскіе шляхтичи всячески помогали повстанцамъ, за что многіе изъ нихъ заплатили смертью или ссылкой въ Сибирь—на каторгу или на поселеніе съ конфискаціей всего имущества.

XV. БЕЛОРУССИЯ ВЪ 1812 Г. И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ПЕРВОИ ПОЛОВИНЪ XIX ВѢКА.

Наполеонъ I и польское землевладѣніе. Отношеніе къ Наполеону русскаго населенія. Муниципалитеты. Разореніе края. Состояніе торговли и сельскаго хозяйства въ первой половинѣ XIX вѣка.

Во время 1812 г. Бѣлоруссіи пришлось испытать нашествіе французовъ. Польская шляхта всецѣло сочувствовала Наполеону, и всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Варшавской конфедерациі, такъ какъ видѣла въ Наполеонѣ спасителя Польши отъ русскаго вліянія. Впрочемъ, польская шляхта въ Полоцкой и Могилевской губерніяхъ отнеслась отрицательно къ Варшавской конфедерациі. Русское населеніе было явно враждебно Наполеону. Благодаря этому, Наполеону не удалось привлечь населеніе къ участію въ управлениі въ оккупированныхъ французами мѣстностяхъ. И въ Витебскѣ, и въ Могилевѣ, и въ Смоленскѣ вся власть находилась въ рукахъ военныхъ властей. Однако, въ городахъ были организованы муниципалитеты изъ лицъ, назначенныхъ французскимъ правительствомъ. Муниципалитеты не столько должны были заботиться о городѣ и его населеніи, сколько исполнять различныя требованія французскихъ военныхъ властей, и все таки назначенные муниципалитеты, являясь защитниками населенія отъ дѣйствій военныхъ властей, въ значительной степени способствовали облегченію населенія отъ тяжестей военнаго нашествія. По окончаніи войны, добровольные и невольные участники муниципалитетовъ были судимы. Ихъ участіе въ управлениі было опредѣлено, какъ государственная измѣна. Многіе изъ нихъ были сосланы въ Сибирь—на поселеніе.

Военные дѣйствія въ Бѣлоруссіи способствовали разоренію и обѣденію края. Населеніе края значительно уменьшилось. Рабочій инвентарь былъ уничтоженъ. У крестьянской массы были взяты ея послѣдніе экономические ресурсы. Дворянская помѣщичья масса, въ усиленной эксплуатациі крестьянскаго люда, видѣла способъ возмѣщенія понесенныхъ убытковъ. Эта разнозданность помѣщичьей власти еще болѣе разоряла крестьянъ, и безъ того разоренныхъ иностраннымъ нашествіемъ.

Экономическая жизнь въ Бѣлоруссіи въ концѣ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. опредѣлялась торговыми оборотами съ западно-европейскимъ рынкомъ. Центромъ такой вывозной торговли для Бѣлоруссіи была Рига, а главной торговой артеріей З. Двины. Ежегодно по З. Двинѣ сплавлялось въ Ригу огромное количество разнаго рода продуктовъ, составлявшихъ отпускную торговлю Россіи, Польши, Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи и Литвы. И сами рижскіе купцы закупали товары непосредственно у крестьянской массы, продавая послѣдней разнаго рода фабрикаты, въ которыхъ крестьянскій людъ чувствовалъ необходимость и потребность. Размѣры рижской торговли отчетливо выясняются на основаніи данныхъ о приходѣ судовъ въ Ригу и выходѣ оттуда. Эти данные представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Колич. прих. суд.	Колич. вышед. суд.
1792	856	854
1793	885	885
1794	898	893
1795	704	713
1796	688	684
1800	794	779
1804	1151	1147
1806	987	983

До 1795 г. количество приходящихъ и уходящихъ судовъ непрерывно возрастаетъ. Съ 1795 г.—1800 замѣтно паденіе вывозной торговли. Съ начала царствованія Александра I вывозная торговля опять поправилась и 1804 г. былъ въ этомъ отношеніи исключительно благопріятнымъ.

На западно-европейскій рынокъ, преимущественно вывозились: зерно, ленъ, пенька, воскъ, лѣсъ. мачты, балки, доски, льняное сѣмя, конопля, льняное масло, поташъ, желѣзо полосное, чугунные плиты, листовой табакъ, парусина, кожа, мѣха, свиная щетина.

Общая цѣнность всего вывоза въ 1794 г. составляла 14.023.990 руб. Въ 1805 г. по З. Двинѣ было сплавлено 1.185.995 пудовъ разнаго зерна, 44075 пудовъ льняного и конопляного сѣмени, 1.096.541 пудовъ пеньки, 711.350 пудовъ льна, 72.672 пудовъ сала и свѣчей. Съ 1807 г. благодаря континентальной торговлѣ, отпускная торговля падаетъ. Наладилась она только съ окончаніемъ борьбы съ Наполеономъ. Такъ данные 1817 г. даютъ полное представление о вполнѣ наладившемся товаро-обмѣнѣ. Въ 1817 г. было вывезено: зерноваго хлѣба 1.542.184 кулей, 548 пудовъ аниса, 768 пуд. меду, 4119 кулей льняного сѣмени, 33600 пул. конопляного масла, 190 пуд. сала, 64 пуд. клею, 100 п. красной краски, 19.980 пуд сальныхъ свѣчей, 450 пуд. топленаго сала, 279 пуд. окороковъ, 3.550 пуд. солонины, 437 пуд. перьевъ, 120 пуд. цикорія, 14.638 ст. бумаги, 30.670 пуд. желѣза, 8400 замковъ, 118.112 фун. табаку, 1.210 пуд. мыла, 34.166 хлѣбаго, вина, 16.415 пуд. щетины, 11.500 пуд. пеньковой пакли, 537.132 пуд. пеньки, 430 ар. холста, 3000 ш. стеклянной посуды, 1.650 сукна и выдѣланныхъ кожъ, досокъ—4.510, строевыхъ бревенъ 13.112 шт. Въ общемъ, продукты сельского и лѣснаго хозяйства составляли главные предметы вывоза. Вывозная торговля приняла весьма значительные размѣры послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Слѣдующія данные могутъ подтвердить вышесказанное:

Годы.	Колич. судовъ.	Колич. плотовъ.	Колич. рабочих.
1851	6.100	618	9.098
1854	5.145	1.937	34.538
1855	4.079	820	26.716
1858	9.959	1.119	44.892
1859	10.256	2.698	56.412
1860	9.405	3.278	53.112

Ежегодный средній отпускъ товаровъ для Риги составляло 17.737.000 р., при чмъ среди товаровъ, прошедшихъ черезъ Рижскую таможню первое мѣсто занимаетъ ленъ (6 766.570 руб.), пенька (3.660.777), льняное сѣмя (2.561.277) хлѣбъ, овесь, рожь, ячмень, пшеница занимали четвертое мѣсто на сумму (2.307.366), лѣсные товары на сумму 1.184.489 рублей.

Спросъ на сельско-хозяйственное сырье оказалъ большое вліяніе на помѣщичье крѣпостное хозяйство. Послѣднее давно стало предпринимательскимъ, расчитаннымъ для сбыта на вѣнчномъ рынке. Ростъ хозяйства, расширеніе задачи послѣдняго прежде всего отразился на положеніи крестьянской массы. Ея эксплоатациія стала чрезмѣрной, и бѣлорусский крестьянинъ вель полуголодное существованіе. Необходимость защиты крестьянина отъ чрезмѣрной эксплоатациіи даже сознавалась правительствомъ Николая I, пытавшагося ввести въ сѣверо-западномъ краѣ сельско-хозяйственные инвентари, встрѣтившіе дружный отпоръ и протестъ со стороны помѣщичьей массы, и благодаря этому правительственная попытка увѣнчалась полнымъ неуспѣхомъ. Рядомъ съ этимъ, въ Бѣлоруссіи явно обнаружилась тенденція къ обеземеленію крестьянской массы. Это выражилось въ наличіи значительного количества дворовыхъ людей. Численность дворовыхъ и крестьянъ, сидѣвшихъ на землѣ, представляется въ слѣдуюшихъ цифрахъ:

Губерніи.	крестьяне		дворовые		Итого	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Витебская	208.869	220.824	5.951	5.884	264.820	226.708
Минская	265.305	281.497	7.442	6.987	272.747	288.474
Могилевск.	269.975	286.322	7.728	7.455	277.703	293.777
Смоленск.	343.433	366.073	23.682	25.332	367.115	391.405

Ростъ дворовыхъ и уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ—указывали на опредѣленную эволюцію въ организаціи помѣщичьяго хозяйства. Земля стала считаться цѣнностью. Крѣпостныя рабочія руки были уже невыгодны для введенія сельско-хозяйственныхъ работъ. Необходимость ликвидациіи крѣпостного права отчетливо сознавалась наиболѣе прогрессивными въ хозяйственномъ отношеніи землевладѣльцами. Задержка сельско-хозяйственной техники, благодаря крѣпостному праву, была очевидна для расчетливаго хозяина. Но, признавая принципіально необходимость ликвидациіи крѣпостныхъ отношеній, дворянство настаивало на безземельности самого освобожденія. Но эта экспропріація крестьянства въ пользу дворянства съ государственной точки зрењія была непріемлема, на что оказали вліяніе и національно-политические мотивы и соображенія.

XVI! ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ МЪРОПРІЯТІЯ ПРИ НИКОЛАѢ I.

Законодательные акты. Положение крестьянъ. Аренды и инвентари.

Польское восстание 1830 г. оказало огромное влияние на русскую политику въ Бѣлоруссіи. Николай I рѣшилъ стать на путь русификаціи края, но дѣлалъ это весьма неумѣло. Николаевскія мѣропріятія вызывали только одно раздраженіе; между тѣмъ, основа польского вліянія въ краѣ, польское землевладѣніе и крѣпостное право оставалось въ неприкосновенности. Всѣ Николаевскія мѣропріятія ограничивались лишь изданіемъ цѣлаго ряда запретительныхъ указовъ, вызвавшихъ въ шляхетскомъ на селеніи только одно невольство. Закрытие Виленскаго университета указомъ 1 мая 1832 г. лишило край центра польской культуры, но въ тоже самое время Николай I оставилъ русскій край безъ высшаго учебнаго заведенія. Для борьбы съ полонизаціей въ 1839 г. правительство Николая I своими полицейскими мѣропріятіями и принудительнымъ обращеніемъ въ унію заѣло народную совѣсть, свыкнувшуюся съ уніей. Отмѣна въ 1831 г. дѣйствія литовскаго статута и введеніе обще-руссаго права внесла путаницу въ гражданско-правовыя отношенія края и заставила мѣстную шляхту еще болѣе враждебно относиться къ Россіи. Въ цѣляхъ русификаціи края было запрещено преподаваніе на польскомъ языкѣ. Были закрыты католическія, уніатскія школы, но ничего не было сдѣлано для открытия народныхъ школъ. Не измѣняя юридического положенія крестьянъ, правительство въ изданіи ограничительныхъ законовъ относительно евреевъ видѣло путь къ улучшенію материальнаго положенія крестьянъ. Еще въ 1823 г. евреямъ было запрещено содержать въ селеніяхъ шинки и кабаки, постоянные дворы и почты. Указъ 1835 г. запретилъ евреямъ продавать крестьянамъ въ долгъ вина и другое крѣпкіе напитки, признавалъ недѣйствительными долговыя обязанности крестьянъ къ евреямъ, возникшія благодаря залогу одежды, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій.

Николаевское правительство считало крѣпостное право зломъ, но еще большимъ зломъ, по его мнѣнію, было «къ оному касаться». Не принимая никакихъ мѣръ для улучшенія экономического быта крестьянъ и для измѣненія ихъ юридического положенія, правительство Николая I было вынуждено отступить отъ своей политики – невмѣшательства въ крестьяно-помѣщичьи отношенія. Развивавшійся переводъ крестьянъ во дворъ способствовалъ обезземеленію крестьянства. Рость податей и повинностей дѣлалъ невыносимымъ положеніе крестьянской массы. Благодаря бѣдности края многие изъ помѣщиковъ цѣлыми деревнями сдавали своихъ крестьянъ въ наемъ. Каждый годъ происходилъ своего рода исходъ бѣлорусскаго народа. Правительство Николая I ограничилось лишь запрещеніемъ объ отдаче въ наемъ крестьянъ цѣлыми деревнями. Впрочемъ, это распоряженіе не имѣло никакого практичес资料а значенія. Въ цѣляхъ улучшенія положенія крестьянъ правительство Николая рѣшило ввести такъ называемые

инвентари. Послѣдніе не были новостью для Бѣлоруссіи. Еще въ эпоху польского вліянія и частные владѣльцы, и государственные экономіи составляли инвентари своихъ имѣній, въ которыхъ были переписаны крестьяне съ ихъ надѣлами и опредѣлены тѣ повинности, которыя они были обязаны нести въ пользу помѣщика и казны. Со временеми Екатерины II многія государственные экономіи были переданы частнымъ лицамъ на правахъ аренды. Обыкновенно, съ арендаторами заключались контракты, своего рода хозяйственныи инвентари, измѣнять которые арендаторъ не имѣлъ права. Не смотря на инвентари, крестьянская масса не была защищена отъ эксплуатациіи своихъ арендаторовъ. Раздача арендъ въ Бѣлоруссіи широко практиковалась въ царствованіе Николая I. Благодаря эксплуатациіи крестьянъ арендаторами, крестьянскія хозяйства были очень жалки. Почти четверть крестьянъ имѣла по одной головѣ рогатаго скота, и столько же не имѣло совсѣмъ скота. Не лучше было положеніе и крестьянъ частновладѣльческихъ. Указомъ 28 декабря 1839 г. было признано необходимымъ произвести такъ называемую «люстрацію», то-есть выяснить составъ каждого имѣнія и равномѣрно распредѣлить казенные земли между крестьянами, а также и лежащія на нихъ повинности. Предполагалось, что правители казеннаго имѣнія не могутъ наказывать крестьянъ собственной властью. Они должны были сообщать сельской расправѣ, которая выносила судебнное рѣшеніе, на основаніи судебнаго устава. При составленіи люстрацій крестьяне казенныхъ имѣній переводились на оброкъ. Переводъ на оброкъ былъ законченъ въ 1859 г. При распредѣлѣніи между крестьянами земель наго надѣла, при трехпольной системѣ земледѣлія, на дворъ отводили отъ $12\frac{1}{4}$ —до $22\frac{1}{2}$, десятинъ земли. Одновременно съ казенными мостраціями было рѣшено приступить къ составленію инвентарей и частно владѣльческихъ имѣній. Новые инвентари должны были бы составлены по образцу казенныхъ люстрацій, только съ нѣкоторымъ повышеніемъ повинностей въ пользу помѣщика. Въ 1844 г. были составлены губернскіе комитеты, которые на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ помѣщика, были обязаны составить инвентари, опредѣлить повинности крестьянъ. По окончаніи работъ составленные инвентари поступали на разсмотрѣніе генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ. Губернскіе комитеты отнеслись къ своей работѣ безъ особенного рвения. Помѣщики находили для себя убыточнымъ полученіе съ крестьянъ $\frac{1}{3}$, валового дохода. Помѣщики Витебской и Могилевской губерній требовали трехдневной барщины. Инвентари вводились медленно. Въ 1852 г. министръ внутреннихъ Бибиковъ рѣшилъ ввести инвентари по образцу юго-западнаго края. Помѣщики всячески противодѣйствовали ихъ составленію, а съ уходомъ Бибикова въ отставку, при Александрѣ II, вопросъ объ инвентаряхъ былъ снятъ съ очереди. Единственно чего добился Бибиковъ—это о запрещеніи получать казенные имѣнія въ аренду на содержаніе (25 декабря 1853 г.).

XVII. РЕЛИГІОЗНАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Образованіе православныхъ епархій. Политика Павла I и Александра I. Ираклій Лисовскій. Правительство Николая I и ликвидациі унії. Бѣлорусская католическая епархія. Іезуиты и ихъ судьба въ Бѣлоруссіи.

Первый раздѣль Польши отдалъ Бѣлоруссію Россіи. Православная церковь была взята подъ защиту русскимъ правительствомъ. Указомъ 14 декабря 1772 г. Бѣлоруссія въ церковно—административномъ отношеніи была раздѣлена на 2 епархіи. Часть Бѣлорусскихъ провинцій была приписана съ Псковской епархіи, а другая часть составила отдѣльную Могилевскую епархію. Эти мѣропріятія, отдѣливъ Полоцкую и Витебскую часть Бѣлоруссіи—отъ провинцій Могилевской, Оршанской, Мстиславской, Рогачевской, уничтожили единство Бѣлоруссіи въ церковно-административномъ отношеніи. Считаясь съ фактомъ унії, русское правительство признавало, что «устроеніе унії есть дѣло самодержавной власти», а потому оно не-допускало, чтобы греко уніатскіе архіепископы были подданными иностранныхъ государствъ. Въ цѣляхъ russификаціи края Екатерина II покровительствовала православнымъ, привѣтствуя ихъ возвращеніе на лоно православія. Русскіе администраторы часто проявляли энергическую дѣятельность, насильственно присоединяя къ православію и вызывая недовольство въ уніатскомъ духовенствѣ и населеніи. При Павлѣ I, съ усиленіемъ вліянія католизма, была прекращена анти-уніатская пропаганда. Закрытыя въ 1795 г. уніатскія епархіи были вновь возстановлены указомъ 28 апрѣля 1798 г. Правительство Александра I держалось той же политики. Засиліе іезуитовъ въ религіозныхъ дѣлахъ Бѣлоруссіи вызвало анти-польское движение въ средѣ высшаго духовенства. Уніатскій архіепископъ Ираклій Лисовскій дѣйствовалъ въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, онъ старался измѣнить церковные обряды въ духѣ восточной церкви, съ другой стороны, уніатскій архіепископъ пытался добиться перемѣнъ въ управлениі церковью. Послѣдняя зависѣла отъ римско католической коллегіи, тогда какъ архіепископъ Лисовскій хотѣлъ поставить во главѣ церкви Святѣйшій Синодъ. Единственно чего онъ добился, это организаціи уніатского департамента при римско католической коллегіи. Самъ архіепископъ былъ поставленъ во главѣ департамента и былъ возведенъ въ сань митрополита. Правительство Николая I, рѣшивъ стать на путь russификаціи Бѣлоруссіи, приступилъ къ ликвидациіи унії, найдя себѣ сотрудниковъ въ лицѣ Іосифа Сѣмашко и другихъ епископовъ. Подготавливая возсоединеніе уніатовъ съ православными, правительство Николая I, подчинило греко-уніатскую коллегію Святѣйшему Синоду, а указомъ 30 апрѣля 1833 г. была возстановлена полоцкая епархія. Ретивый епископъ Смарагдъ сталъ на-сильно обращать уніатовъ въ православіе, вызывая одобреніе русского правительства и протесты населенія. Наконецъ, въ 1839 г. правительство рѣшило приступить къ ликвидациіи унії. 12 февраля высшіе представители греко-уніатской церкви собрались въ городѣ Полоцкѣ и подписали актъ

възсоединенія съ православной церковью. Възсоединившіся епископы и духовенство, опираясь на администрацію, стали проявлять большую ретивость въ смыслѣ насильственного обращенія въ православіе, вызывая естественный протестъ и недовольство, какъ въ уніатскомъ сельскомъ духовенствѣ, такъ и среди самаго населенія.

До присоединенія Бѣлоруссіи на території Россіи было небольшое количество католиковъ. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи Россія приобрѣла много новыхъ католическихъ подданныхъ. Передъ русскимъ правительствомъ сталъ вопросъ объ организаціи управлениія католической церковью. Съ этой цѣлью была открыта Бѣлорусская католическая епархія, во главѣ которой былъ поставленъ епископъ Станиславъ Сестренцевичъ. Въ его вѣденіи находились всѣ католическая церкви въ Россіи. Новому архіепископу пришлось столкнуться съ іезуитами. Екатерина II несмотря на закрытіе іезуитскаго ордена папой (1773 г.) отказалась изгнать іезуитовъ, разсчитывая своей терпимой политикой привлечь іезуитовъ на свою сторону и съ помощью ихъ содѣйствовать укрѣплению въ Бѣлоруссіи, въ особенности среди бѣлорусской шляхты, русскаго вліянія. Католический архіепископъ долженъ былъ уступить іезуитамъ первое мѣсто. Они добились открытія въ Полоцкѣ новиціата. Послѣдній явился центромъ іезуитизма. Добившись отъ правительства разрѣшенія имѣть собственнаго генерала, іезуиты освободились отъ зависимости отъ полоцкаго католического архіепископа. При Александрѣ I іезуиты добились большихъ преимуществъ. Указомъ 12 января 1812 г. Полоцкая іезуитская коллегія превращалась въ высшее учебное заведеніе—Академію съ 3 факультетами: лингвистическимъ, факультетомъ свободныхъ наукъ и богословскимъ. Полоцкая академія, взявъ въ свое вѣденіе всѣ низшія училища въ краѣ, на всю систему образованія наложила отпечатокъ католицизма. Распространеніе послѣдняго среди русскаго общества заставило правительство перемѣнить свою политику по отношенію къ іезуитамъ. Указъ 13 марта 1820 г. признавалъ дѣятельность іезуитовъ вредной. Полоцкая академія и іезуитскія училища закрывались. Сами іезуиты изгонялись изъ Россіи. Несмотря на изгнаніе іезуитовъ все народное образованіе находилось въ вѣдомствѣ католической церкви, проводившей въ дѣлѣ воспитанія и ученія тѣ же идеалы что и іезуиты.

XVIII. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 Г. И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Принципы Общаго Положенія. Частныя положенія о крестьянахъ въ Бѣлоруссіи. Крестьянскіе надѣлы. Землеустроительная политика. Крестьянское малоземелье. Аренда. Крестьянскій банкъ. Колонизация Землеустроительная политика послѣ 1905 г. Крестьянскія волненія въ Бѣлоруссіи въ эпоху первой революціи.

Положеніе 19 февраля 1861 г. ликвидировало крѣпостное право въ Бѣлоруссіи. Согласно Общему Положенію о крестьянахъ, освобожденіе кре-

стянь сопровождалось надѣленіемъ землею. Однако, помѣщики сохраняли право собственности на землю, вслѣдствіе чего крестьянская масса являлась только постояннымъ пользователемъ земли, связаннымъ обязательными поземельно-повинностными отношеніями съ помѣщикомъ. Только покупка надѣла въ собственность превращала крестьянина въ земельного собственника. Впрочемъ, крестьянская масса могла срезу ликвидировать свои отношенія къ помѣщикамъ, принявъ такъ называемый даровой надѣль. Послѣдній вмѣстѣ съ усадьбой долженъ быть равняться $\frac{1}{4}$ высшаго надѣла. Для опредѣленія размѣровъ крестьянскаго надѣла на территоріи Европейской Россіи, устанавливались такъ называемыя высшіе и низшіе надѣлы, причемъ послѣдній надѣль равнялся $\frac{1}{8}$ первого надѣла. Для губерніи Могилевской были приняты высшіе надѣлы 4 десятины (въ Мстиславскомъ уѣздѣ); 4 десятины 1200 кв. с. въ уѣздахъ: Гомельскомъ, Климовицкомъ, Копыскомъ, Могилеаскомъ, Оршанскомъ, Сѣнинскомъ, Чаускомъ и Чериковскомъ; 5 д. 200 кв. с. въ уѣздахъ Быховскомъ и Рогачевскомъ. Въ Витебской губерніи, въ уѣздахъ: Городецкомъ, Полоцкомъ и Суражскомъ высшій надѣль равнялся 5 десятинамъ. Въ Велижскомъ уѣздѣ—5 десятины 1200 кв. с., а въ уѣздахъ Витебскомъ, Лепельскомъ, Невельскомъ и Себежскомъ—4 десятины 1200 кв. с. Въ уѣздахъ Динабургскомъ, Дриссенскомъ. Люценскомъ, Рѣжицкомъ Витебской губерніи, а такъ же въ губерніяхъ: Минской, Вленской, Ковенской и Гродненской за крестьянами остаются всѣ тѣ усадебные и полевые земли и угодія, которыми крестьяне владѣли до утвержденія Положевія. Земли же, находившіяся у крестьянъ во временномъ владѣніи за плату деньгами или произведеніями, возвращались обратно помѣщику. Крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, назывались временно-обязанными и только, вслучаѣ выкупа земли, становились собственниками, причемъ расцѣнка земли была принята значительно выше дѣйствительной рыночной цѣны на землю. Благодаря этому въ плату за выкупъ земли была включена плата за свободу отъ крѣпостного права. Выкупъ былъ обоюдно добровольнымъ, но обязательенъ по требованію помѣщика. Повинности крестьянъ губерніи Могилевской и части Витебской раздѣлялись на оброкъ и барщину.

За пользованіе высшимъ надѣломъ въ губерніяхъ Могилевской и части Витебской былъ назначенъ душевой оброкъ въ 9 рублей. Если же крестьяне получаютъ менѣе высшаго количества десятинъ на душу, то крестьянскій оброкъ уменьшается. Для распределенія оброка по десятинамъ была принята система градаций. За первую десятину платилось больше, чѣмъ за остальныя. При 9 рублевомъ оброкѣ на долю первой десятины приходилось 4 рубля. Остальные раскладывались равномѣрно на всю остальную часть надѣла. Въ баршиныхъ имѣніяхъ предполагалось отправленіе барщины за высшій надѣль въ размѣрѣ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ. Въ губерніяхъ Вленской, Гродненской, Ковенской и Минской для опредѣленія оброка принимается означенная деньгами въ инвентарь имѣнія общая цѣнность повинностей, приходящихся на тотъ или другой крестьян-

скій участокъ. Притомъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію разрѣшается повышать оброкъ, который, однако, не можетъ быть выше той общей денежной оцѣнки повинностей, которая значится въ инвентарѣ. Что касается другой части Витебской губерніи, то всѣ имѣнія, въ зависимости отъ густоты населенія, дѣлятся на нѣсколько разрядовъ, примѣрно плотности населенія каждого имѣнія. Въ зависимости отъ этого оброки колебались между 1 руб. 60 коп. и 3 рублями. Переходъ земли по оброчному обложенію изъ одного разряда въ другой зависѣлъ отъ усмотрѣнія мирового посредника. При опредѣленіи барщиной повинности въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Витебской принимается во вниманіе издѣльная повинность, установленная инвентаремъ имѣнія, но при томъ общее количество рабочихъ дней приходящихся на одну десятину удобной земли, не должно превышать 23-хъ дней въ году, при чемъ $\frac{2}{3}$ рабочихъ дней отбывается въ теченіе лѣтняго времени, $\frac{1}{3}$ въ теченіе зимняго времени. Что касается остальныхъ уѣздовъ Витебской губерніи, то размѣры барщины, приходящіеся на десятину земли распредѣляются между 23 и 12 днями въ году въ зависимости отъ степени густоты населенія въ имѣніи.

Общее количество крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостного права въ Бѣлорусской губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской было слѣдующее. Въ Витебской—283.9 т. въ Могилевской—305.8 т. въ Минской—3359.6 т. въ Смоленской—427.7 т. Крестьяне государственные получившіе 24 ноября 1866 года свое отдѣльное положеніе о поземельномъ устройствѣ, въ общемъ были надѣлены землею въ большемъ количествѣ чѣмъ крестьяне частно-владѣльческіе. Характеръ надѣленія землею бѣлорусскихъ крестьянъ можно представить въ слѣдующей таблицѣ.

Губерніи:	% крест. получ. надѣлы.		
	Щедро.	Достат.	Недост.
Могилевская.	38.7	44.9	16.4
Минская.	38.7	40%	57.3
Смоленская.	15.3	29.5	55.2
Витебская.	13.8	48.1	38.1

Такимъ образомъ, въ губерніяхъ Минской и Смоленской болѣе половины всѣхъ крестьянъ оказались надѣленными недостаточно; болѣе трети крестьянъ въ Витебской оказались въ такомъ же положеніи, и одна шестая въ Могилевской губ. Если взять только крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ, то картина надѣленія крестьянъ землею представиться въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Число внад. крест.	% крест. получ. надѣлы.		
		Щедро.	Достат.	Недост.
Могилевская.	264.4	34.7	48.1	17.2
Витебская.	211.4	2.6	47.1	50.3
Минская.	286.0	37.0	—	63.0
Смоленская.	327.0	2.5	33.0	64.5

Итакъ большая часть помѣщичьихъ крестьянъ въ 3-хъ губерніяхъ оказались не надѣленными недостаточно. Это недостаточное надѣленіе землею—основа крестьянскаго малоземелья въ Бѣлоруссіи.

Послѣ крестьянской реформы во владѣніи крестьянъ оказалось слѣдующее количество земли.

Въ тысячахъ десятинъ и процентахъ.

Губерніи:	Удобн. земли.	Неудобн.	Итого.	% Всего по отн. ко зем. площ.
Витебская.	1.249.8	197.1	1.491.9	40.4
Минская.	1.827.6	256.6	2.084.2	28.5
Могилевская.	1.502.7	224.4	1.727.1	42.2
Смоленская.	1.891.9	136.3	2.028.2	44.4

Общее количество казенныхъ земель представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи: Количество земли въ тыс. десят. и процентахъ по отнош. по всей зем. площ.

Витебская.	229.1	6.2
Минская.	848.2	11.9
Могилевская.	103.4	2.6
Смоленская.	70.7	1.6

Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ государственное крестьянство не имѣло большого распространенія. Такъ въ Витебской губ. на 25.6% б. госуд. крест. приходилось 74.4% б. влад. крест. Минской » 15.8 » » » 84.2 » » » Могилевской » 13.7 » » » 86.3 » » » Смоленской » 23.8 » » » 76.6 » » »

Послѣ отмѣны крѣпостного права средній надѣль, приходившійся на долю крестьянъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Губерніи: Средній надѣль
б. госуд. быв. част.

Витебская.	6.0	4.1
Минская.	6.6	5.1
Могилевская.	5.7	4.8
Смоленская.	5.8	4.0

Если принять во вниманіе крестьянъ обоихъ разрядовъ, то степень сравнительной обеспеченности надѣльной землею представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи: Щедро
болѣе како-
го колич.
десят.

Достат.
въ средн.
на 1 душу.

Недост.
менѣе ка-
кого кол.

Витебская.	6	4—6	4
Минская.	6	5—6	5
Могилевская.	5	4—5	4
Смоленская.	5	4—5	4

По характеру землевладѣнія надѣльныя земли распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

Земля въ пользованіи Земля въ пользов. Земля въ польз.частно

Губерніи:	всѣхъ крест. въ %.		государ.		влад. крест.	
	Общ.	Подвор.	Общ.	Подвор.	Общ.	Подворн.
Витебская.	38.0	62.0	20.0	70.4	46.5	53.5
Минская.	3.1	96.9	1.1	98.9	3.6	96.4
Могилевская.	83.8	16.2	17.0	83.0	96.7	3.3
Смоленская.	95.9	4.1	95.0	4.5	96.4	4.0

Такимъ образомъ, подворное землевладѣніе преобладало въ Минской и Витебской губерніяхъ. Въ Могилевской и Смоленской губерніяхъ доминировало общинное землевладѣніе. Согласно Положенію 19 февраля временно обязаные крестьяне становились собственниками при условіи выкупа земли. Выкупъ былъ добровольный, но обязательный по требованію помѣщика. Впрочемъ, по закону 1 марта 1863 г. добровольный выкупъ въ 9 сѣверо-западныхъ губерніяхъ становился обязательнымъ. При производствѣ выкупа, повѣрочные комиссіи дѣлали повѣрку повинностей. Съ 1 января 1864 г. обязательные отношенія крестьянъ къ помѣщiku были прекращены. Крестьяне перечислялись въ разрядъ собственниковъ и съ переводомъ на обязательный выкупъ изъ 6% капитализованныхъ оброковъ, при чемъ послѣдніе понижались на 20%. Переводъ крестьянъ на обязательный выкупъ объяснялся политическими мотивами, польскимъ восстаніемъ 1863 года, хотя со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ дѣлались возраженія по поводу обязательного перевода крестьянъ въ земельные собственники. Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, кроме выше указанныхъ двухъ разрядовъ сельскаго населенія, были и другіе сельскіе обыватели, къ которымъ относятся: панцирные бояре, однодворцы, вольные люди, чиншевики, бобыли и батраки. Панцирные бояре сохранились въ Витебской губерніи. Это были потомки тѣхъ бояръ, которые въ литовское время освободились отъ несенія натуральныхъ повинностей, получали землю на вѣчныя времена и за это были обязаны нести всенную службу. Къ праву панцирныхъ бояръ такъ же относилось право селить крестьянъ на своихъ земляхъ. Указомъ 1866 г. панцирные бояре были переданы въ веденіе обще-губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, а указомъ 27 марта 1873 г. панцирные бояресливались съ городскими и сельскими обывателями. Сами же бояре, сидѣвшіе на землѣ, приобрѣтали права крестьянъ собственниковъ. Безземельные приписывались къ городскому сословію. И однодворцы сохранялись, какъ наслѣдие литовско-польского периода. Закономъ 19 февраля 1868 г. однодворцы, водворенные на казенныхъ земляхъ, подчинялись дѣйствію правилъ для бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Однодворцы, водворенные на собственныхъ земляхъ, считались собственниками земель, а проживавшіе на частно-владѣльческихъ земляхъ,—арендаторами послѣднихъ по частному договору. Старообрядцы въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ появились съ конца

XVIII в. Они владѣли землею на правахъ гренды. Закономъ 22 марта 1876 г. старообрядцы, поселившіеся до 17 июля 1873 года, получали право безсрочной аренды и могли на общихъ основаніяхъ выкупать эти земли. Одновременно былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ быта православныхъ арендаторовъ. И только 1891 г. было опубликовано Положеніе, разрѣшающее православнымъ арендаторамъ выкупать арендуемые участки, съ содѣйствіемъ правительства въ видѣ полученія всей выкупной суммы. Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ былъ еще одинъ разрядъ сельского населенія, такъ называемые вольные люди. Они состояли изъ колонистовъ, иностранцевъ, шляхтичей, недоказавшихъ свое шляхетство и крѣпостныхъ крестьянъ, показанныхъ помѣщиками вольными. Закономъ 25 июля 1864 года вольные люди перечислялись въ разрядъ сельскихъ обывателей. Наконецъ, чиншевики, поселившіеся на чиншевыхъ земляхъ до 1870 г., въ 1886 г. были признаны имѣющими право на землю. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ чиншевики могли вступить въ соглашеніе о пріобрѣтеніи чиншевого участка въ собственность или въ замѣнъ чинша въ аренду. По истеченіи 3-хъ лѣтъ выкупъ чиншевой земли является обязательнымъ.

Временно—обязанные крестьяне могли перейти въ разрядъ собственниковъ только при условіи выкупа своихъ надѣловъ. Законъ и въ этомъ вопросѣ давалъ существенныя преимущества помѣщичьей власти, такъ какъ переходъ на выкупъ былъ обязательенъ для крестьянина, если таково будетъ желаніе собственника. Помѣщики, нуждаясь въ оборотныхъ средствахъ и до постановленія объ обязательности выкупа, пошли на встрѣчу выкупной операциі, крайне выгодной для частнаго землевладѣнія въ виду высокихъ ставокъ, что для бѣдной и мало производительной Бѣлоруссіи имѣло огромное значеніе для дальнѣйшаго материальнаго положенія сельскаго населенія. Высота выкупной цѣны по сравненію съ банковской оцѣнкой земли весьма рельефно выступаетъ въ слѣдующей таблицѣ.

Губернія:	Банков. оценка	Сумма разр. выкуп. плат. руб.	Выкуп. плат. по банк. оценкѣ	Дѣйствит. разница.
Витебская	15.46	1.008.268	797.322	210.946
Минская	13.99	745.107	1.319.144	574.037
Могилевская	13.01	1.528.080	956.795	570.285
Смоленская	16.97	1.877.635	1.165.736	711.899

Такимъ образомъ, только въ Минской губерніи выкупные платежи были меньше банковской оценки на 77.0%, что объясняется политическими условиями. Въ Витебской губерніи платежи были на 20.9%, а въ Могилевской и Смоленской губ. на 36.3% и 37.9% выше банковской расценки. Такая высота выкупныхъ платежей, при наличіи другихъ государственныхъ и земскихъ платежей, была не подъ силу крестьянамъ. Ростъ недоимокъ становился по отдельнымъ губерніямъ прямо таки угрожающимъ, и правительство 28 декабря 1881 произвело общее пониженіе выкупныхъ

платежей. Въ то же время съ 1 января 1883 выкупъ становился обязательнымъ. При наличії прежней финансовой системы понижение платежей мало способствовало ослабленію податного тягла. Правительству пришлось ихъ отмѣнить, такъ какъ крестьянскія волненія принимали стихійный характеръ. Съ 1 января 1907 г. выкупные платежи отмѣнялись, хотя на крестьянахъ всей Россіи числился безнадежный долгъ въ размѣрѣ 1.107 мил. рублей, но по вычислениамъ кн. Д. И Шаховского недоимка была незначительна, а А. Е. Лосицкій предполагаетъ, что крестьяне, внеся 25 миллиардовъ рублей, оплатили ее полностью. Какъ бы то ни было, но выкупные платежи лишили крестьянъ тѣхъ средствъ, хотя бы и минимальныхъ, которые могли быть вложены въ хозяйство, которое велось по стариинъ, безъ всякихъ техническихъ улучшеній.

Крестьянская реформа положила начало крестьянскому землевладѣнію, но послѣднее въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ въ значительной степени уступало частновладѣльческому. Если взять распределеніе земельной собственности по видамъ владѣній, пользуясь для этого данными 1905 г., то для наглядности можно представить его въ слѣдующей таблицѣ.

Губерніи:	Земли десятинъ частной собственности % отнош. къ общ. площасти.									
	дворянѣ	крестьян.	прочіе	всего	надѣльн.	гос.иобщ.	част.	над.	гос.	
Витебская.	1.294.716	359.457	480.344	2 134.517	1.945.988	810 478	65 6	24.3	10.1	
Минская.	4 041.851	484.219	730.907	5 256.977	1.619.326	181.719	56.1	39.5	4.4	
Могилевск	1.401.828	652.882	249.026	2.303.740	2.136.393	2.044.783	42.5	29.4	28.1	
Смоленская.	961.894	935.415	736.384	2.633.692	1.592.147	326.559	52.6	39.3	8.1	

Такимъ образомъ, до 1905 г. частное землевладѣніе безусловно преобладало подъ надѣльнымъ землевладѣніемъ и государственно—общественнымъ. Дворянское землевладѣніе шло на убыль въ Смоленской губ. Крестьяне, купцы, мѣщане—являлись покупщиками дворянской земли. Но въ остальныхъ губерніяхъ дворянское землевладѣніе до 1905 г. держаласьочно; хотя и тутъ была утечка за исключеніемъ Минской губ., но не столь значительная, какъ въ Смоленской.

Слѣдующая таблица наглядно показываетъ степень убыли и движение дворянского землевладѣнія.

Губерніи:	тысяч. десят.	тысяч. десят.
	въ 1878 г.	въ 1905 г.
Витебская	1.606.4	1.294.716
Минская	3.983.7	4.041.851
Могилевская	1.976.4	1.401.828
Смоленская	1.915.5	961.894

Средній крестьянскій надѣль, приходившійся на одну ревизскую душу составлялъ въ губерніяхъ Витебской—4,5 дес., Минской—5,3, Могилевской—4,9 и Смоленской—4,4. Въ дѣйствительности, принимая во вниманіе наличныя души, душевой средній надѣль понижался въ губерніяхъ Витебской до 3,3 д. Минской 4,0 д., Могилевской 3,7 д. Смоленской 3,9. При

такомъ среднемъ душевомъ надѣлѣ крестьянское хозяйство не могло обойтись безъ аренды частновладѣльческой земли, но степень распространенности послѣдней и ея характеръ не могутъ быть изображены во всей отчетливости и ясности, за отсутствиемъ вполнѣ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, за исключеніемъ только данныхъ для части Смоленской губерніи.

Недостатки крестьянской реформы были очевидны уже для правительства въ концѣ 70 годовъ, но послѣднее пока совершенно ихъ игнорировало и не принимало никакихъ мѣръ для урегулированія крестьянского землевладѣнія. Придерживаясь взгляда, что частная собственность на землю неприкосновенна, правительство учрежденіемъ Крестьянского Поземельного Банка 18 мая 1882 г. рѣшило косвеннымъ образомъ содѣйствовать переходу земли во владѣніе недостаточного крестьянства. Конечно, земля, купленная черезъ Банкъ была только палліативомъ и не могла удовлетворить ту нужду въ землѣ, которую чувствовало крестьянство. За первыя 7 лѣтъ дѣятельности Крестьянского Банка покупки представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Сельск. общ.	Товар.	Отдѣл. крест.	Дом. хоз.	Колич. дес.	Цѣна од. десят.
Витебская	24	27	31	440	4.232	37 66
Минская	27	60	37	2.461	40.707	19.33
Могилевская	169	200	53	10.398	94.107	18.26
Смоленская	294	212	8	10.304	104.845	22.44

Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ семи лѣтъ существованія Крестьянского Банка, меньше всего сказалось его вліяніе въ Витебской губ. И въ послѣдующее время Витебская губернія и по количеству покупокъ и по количеству домохозяевъ, покупающихъ землю, занимаетъ послѣднее мѣсто среди Бѣлорусскихъ губерній. Такъ въ теченіе 1911—19 5 г., когда были особенно многочисленны покупки земли черезъ Банкъ благодаря большому предложению частновладѣльческой земли, покупки Бѣлорусскихъ губ. можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи.	Домох.	купл. земли т. д.
Витебская. . .	6497	88.1
Минская . . .	16147	147.7
Могилевская . .	21301	141.2
Смоленская . .	25354	192.7

Конечно, отдѣльные покупки черезъ Банкъ могли нѣсколько повысить норму средняго душевого надѣла въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, но онъ не могли удовлетворить крестьянской потребности въ расширеніи крестьянского землевладѣнія.

Аграрная политика правительства послѣ 1861 года отличалась въ одномъ отношеніи неизмѣнной устойчивостью. Она не допускала даже

мысли о возможности принудительного отчуждения частновладельческой собственности. Зато политика по отношению къ общинѣ подвергалась различнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ разныхъ политическихъ и экономическихъ вліяній. Послѣ 1905 г. политика правительства и въ этомъ отношеніи принимаетъ устойчивый характеръ. Правительственная землеустроительная политика строится на принципѣ индивидуализаціи крестьянскаго землевладѣнія и принудительного разрушенія общиннаго землевладѣнія. Бѣлорусскія губерніи знали индивидуальное подворное и общинное землевладѣнія. Впрочемъ, Минская губернія почти не знала общиннаго землевладѣнія, Смоленской губ. почти не было знакомо подворное землевладѣніе. Только Витебской и Могилевской г. были извѣстны оба вида землевладѣнія.

XIX. ЗЕМСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Земство и политика правительства. Положеніе 2 апрѣля 1903 г. Положеніе 14 марта 1911 г.

Земское Положеніе 1864 г. не было распространено на Бѣлорусскія губерніи, за исключениемъ только Смоленской губерніи. Правительство опиралось преобладанія въ губерніяхъ польско-дворянскаго землевладѣнія и его вліянія на сельское населеніе края: Такъ какъ въ губерніи Смоленской все помѣщичье землевладѣніе принадлежало лицамъ русской національности, то правительство имѣло полное основаніе не бояться распространенія дѣйствія Земскаго Положенія и на Смоленскую губернію. Въ теченіе 35 лѣтъ вопросъ о введеніи земства въ Бѣлоруссии губерніяхъ неоднократно поднимался, но всякий разъ по политическимъ соображеніямъ былъ снимаемъ съ очереди. Нарушить же принципы сословнаго земства и дать въ земствѣ преобладающее значеніе крестьянской массѣ, въ ущербъ польскому землевладѣнію, правительство не рѣшилось. Наконецъ, указомъ 2 апрѣля 1903 года было издано «Положеніе объ управлениі земскимъ хозяйствомъ въ 9 западныхъ губерніяхъ». Согласно этому положенію въ Могилевской, Минской и Витебской губерніяхъ учреждались губернскіе комитеты по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскій комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ разныхъ должностныхъ лицъ, и мѣстныхъ землевладѣцовъ, назначавшихся земскими гласными, по представленію губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ на 3 года, въ числѣ отъ 2 до 5 на уѣздъ. Губернскій комитетъ являлся распорядительнымъ органомъ. Въ каждомъ уѣзде учреждался уѣздный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, 2—5 волостныхъ старшинъ по назначенію губернатора, непремѣнныхъ членовъ уѣздной управы и уѣздныхъ гласныхъ.

Уѣздный комитетъ располагалъ подготовительными совѣщательными функциями. Органомъ исполнительной власти были губернская и уѣздная управы. Первая состояла изъ предсѣдателя и 3—5 членовъ, называемыхъ минист-

ромъ внутреннихъ дѣлъ; уѣздная—подъ предсѣдательствомъ уѣзданаго предводителя дворянства, изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, двухъ гласныхъ и непремѣнныхъ членовъ по назначенію губернатора. Несмотря на такой бюрократическій составъ, всѣ смыты и раскладки подлежали утвержденію министровъ и Государственного Совѣта. Бюрократическія земскія учрежденія весьма мало способствовали развитію земскаго хозяйства. Указомъ 14 марта 1911 года правительство рѣшило распространить на западныя губерніи дѣйствія Земскаго Положенія 1892 г. Впрочемъ, послѣднее подверглось значительному измѣненію, такъ какъ правительство считало нужнымъ обеспечить въ земскомъ самоуправленіи справедливыя нужды русскаго населенія. Съ этой цѣлью понижался избирательный земельный цензъ, а недвижимое имущество должно было быть по земской оцѣнкѣ не ниже 7.500 рублей. Затѣмъ христіанское духовенство получало избирательныя права, а въ составъ губернскихъ гласныхъ обязательно вводился одинъ гласный отъ сельскихъ обществъ отъ данного уѣзда. Сельскія общества составляли особыя избирательныя куріи. Частные же землевладѣльцы, обладающіе полнымъ избирательнымъ цензомъ, также составляли отдѣльную курію. Землевладѣльцы, не имѣвшіе полнаго ценза для выбора уполномоченныхъ, составляли два избирательныхъ съѣзда. Въ первомъ избирательномъ собраніи участвуютъ владѣльцы не менѣе $\frac{1}{5}$ земельного ценза или прочаго недвижимаго имущества не ниже 1.500 рублей. Во второмъ съѣздѣ—владѣльцы менѣе $\frac{1}{5}$ земельного ценза и недвижимаго имущества не менѣе $\frac{1}{10}$ его стоимости. Наконецъ, для борьбы съ польскимъ засильемъ избирательный съѣздъ и собраніе дѣлилось на 2 національныхъ отдѣленія. Это національное раздѣленіе примѣняется и при избраніи губернскихъ гласныхъ земскими собраніями. Въ земскихъ управахъ большинство должностныхъ лицъ должно было принадлежать представителямъ русской національности и депутатамъ отъ сельскаго общества. Такого рода бюрократическія учрежденія весьма мало способствовали развитію земскаго хозяйства въ Бѣлоруссіи.

XX НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТ. И ВЪ НАЧАЛѢ XX ВѢКА.

Помѣщичье и крестьянское землевладѣнія. Сельское хозяйство. Фабрично-заводская промышленность.

Въ первой половинѣ XIX в. Бѣлоруссія оставалась страной сельско-хозяйства по преимуществу. Сельско-хозяйственное населеніе составляло преобладающую массу. Процентъ городскаго населеніе бытъ не большой, и фабрично- заводская промышленность въ жизни края имѣла совершенно ничтожное вліяніе и значеніе. Таковой оставалась Бѣлоруссія и въ послѣдующее время, несмотря на рѣшительный приростъ населенія послѣ ликвидациіи крѣпостнаго права. Преобладающій сельско-хозяйственный харак-

терь Бѣлорусскихъ губерній наглядно можно представить въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ:

Губерніи:	Сельск. насел. %	Городск. %
Витебская	85,4	14,6
Минская	89,4	10,6
Могилевская	91,3	8,7
Смоленская	92,2	7,8

Въ сравненіи съ эпохой литовско-польской нѣкоторые города потеряли свое значеніе. Полоцкъ лишился своего первенствующаго значенія, но за то укрѣпилъ свою позицію. Минскъ, ставшій самымъ многолюднымъ и важнѣйшимъ центромъ во всей Бѣлоруссіи, выросли Бобруйскъ, Двинскъ, Витебскъ.

До отмѣны крѣпостнаго права, экономическая жизнь края опредѣлялась преобладающимъ вліяніемъ крупнаго помѣщичьяго хозяйства. Ликвидациѣ крѣпостнаго права нанесла нѣкоторый ударъ бѣлорусскому крупному землевладѣнію, сократила размѣры, понизила сначала технику, но вслѣдствіи помѣщичье хозяйство оправилось, приспособилось къ новымъ условіямъ жизни и рынка и поставило крестьянскую малоземельную массу въ крѣпкую отъ себя экономическую жизнь зависимость.

Отмѣна крѣпостнаго права создало новый видъ землевладѣнія-крестьянское надѣльное. Рядомъ съ этимъ, крестьяне могли также покупать земли на правахъ частной собственности, но послѣднѣе, конечно, не могло имѣть большого развитія. Точно также землевладѣніе другихъ общественныхъ группъ не имѣло большого значенія. Распределеніе поземельной собственности въ Бѣлоруссіи въ 1878 г. можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Частное Крестьянс.		Казенн.	Остальн.	Итоги.
	землевл.	над.			
Витебская.	1.925.8	1.492.9	229.1	47.6	3.695.4
Минская.	4.231.3	2.084.2	868.2	80.1	7.313.8
Могилевская.	2.207.8	1.732.7	105.4	49.6	4.095.5
Смоленская.	2.401.7	2.038.8	70.7	57.1	4.568.3

Соотношеніе между видами землевладѣнія въ %, % можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Частн. зем.	Крестьян. над.	Казен.	Остальн.	Итого.
Витебская.	52.1	40.4	6.2	1.3	100
Минская.	58.5	28.5	11.9	1.1	100
Могилевская.	53.9	42.4	2.6	1.2	100
Смоленская.	52.6	44.6	1.6	1.2	100

Ихъ по обслѣдованию 1887 г. соотношеніе между видами землевладѣнія представлялось въ такомъ же видѣ. Если взять распределеніе частной земельной собственности по сословіямъ, то первое мѣсто, конечно, занимаютъ дворяне. Землевладѣніе другихъ общественныхъ группъ большого значенія не имѣть. Въ процентномъ отношеніи распределеніе частной земельной собственности по сословіямъ представляется по даннымъ 1887 г. въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Дворяне.	Купцы.	Крестьяне.	Мѣщане.	Прочія.
Витебская.	82.4	6.6	4.4	5.0	1.6
Минская.	93.4	2.7	1.4	2.1	0.4
Могилевская.	82.3	3.6	8.1	4.8	1.2
Смоленская.	61.3	17.8	15.7	4.5	0.7

По даннымъ 1887 г. Бѣлоруссія—территорія дворянскаго землевладѣнія по преимуществу.

Вслѣдствіе общихъ условій, дворяческое землевладѣніе послѣ 1886 г. въ значительной степени сократилось. Такъ по даннымъ 1897 г. для Витебской губ. оно составляло 64,2%/. Минской 79.4%/, Могилевской 70.0%/, Смоленской 49.4%/. Сокращеніе дворянскаго землевладѣнія неуклонно продолжалось и въ послѣдующее время, хотя этотъ процессъ развивался до довольно медленно, и дворянское землевладѣніе въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ оказывалось довольно устойчивымъ. Такъ въ литовско-бѣлорусскихъ губ. въ рукахъ дворянства, офицерства, чиновничества сосредоточилось 10224,6 т. д., изъ которыхъ было потеряно въ теченіе 1905—1911 г.—только 733,4 т. д. Параллельно этому рѣшительно увеличилось землевладѣніе купцовъ, почетныхъ гражданъ и крестьянъ, покупавшихъ землю и въ личную собственность, и въ собственность обществъ и товариществъ.

Частная личная земельная собственность по размѣрамъ владѣній распредѣлилась слѣдующимъ образомъ по даннымъ 1887 г.

Губерніи:	до 50 д.	отъ 50—100 д.	свыше 1000 д.	Общ. колич. влад.
Витебская	60.1	33.1	6.8	5723
Минская	70.0	22.8	6.4	9114
Могилевская	79.0	16.7	4.3	10793
Смоленская	70.0	26.6	3.4	14040

Такимъ образомъ, Бѣлорусскія губерніи—территорія съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ, составляющее 71.2%/ общаго количества владѣльцевъ, тогда какъ крупное землевладѣніе составляло только 4.8%/. Несмотря на преобладаніе, и при томъ рѣзко выраженное, мелкаго землевладѣнія, крупное землевладѣніе поглашало мелкое. Во всей области, владѣніе свыше 1000 д. составляли 74.4% всій земельной площади, тогда какъ мелкое землевладѣніе равнялось совершенно ничтожному % 3,6. И такъ Бѣлоруссія—область съ преобладаніемъ крупно-помѣстнаго владѣнія. Послѣ 1887 г., несмотря на мобилизацію земельныхъ владѣній, общая картина

частнаго землевладѣнія остается прежнею. Большая часть земельной площади сосредоточивается во владѣніи сравнительно небольшого количества владѣльцевъ.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.— отправный пунктъ для историческихъ судебъ крестьянскаго землевладѣнія. Благодаря увеличенію населенія, въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, какъ и въ другихъ районахъ, происходило дробленіе надѣловъ, создавшее мало благопріятныя условія для крестьянскаго хозяйства. Главное ядро крестьянства составляли владѣнія отъ 3—5 д., второе мѣсто занимали владѣнія отъ 5 до 8 д., третье мѣсто свыше 8 и послѣднее меньше трехъ д., какъ это можно видѣть изъ прилагаемой таблицы:

Губерніи:	Отъ 0—3 д.	Отъ 3—5 д.	Отъ 5—8 д.	Свыше 8 д.
Витебская	4.6	55.4	35.2	4.7
Минская	6.8	31.4	32.9	28.9
Могилевская	2.0	50.4	44.3	3.0
Смоленская	3.0	71.0	17.0	8.4
Вся территорія	4.3	52.1	31.4	12.2

На развитіе народнаго хозяйства на территоріи Бѣлоруссіи оказывало огромное вліяніе распределеніе всего земельного пространства по угодьямъ. По даннымъ 1887 г. послѣднее представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Пахоты.	Сѣнок. и пастб.	Лѣсного.	Неудоб.
Витебская	29.3	13.9	32.8	17.8
Минская	23.6	12.4	40.2	21.9
Могилевская	30.3	13.6	37.1	15.6
Смоленская	31.2	18.5	38.6	9.2
По Району	27.8	14.4	37.6	16.9

Такимъ образомъ, на территоріи Бѣлоруссіи большая часть пространства занята лѣсомъ, сѣнокосомъ и пастбищами. Значительный % составляетъ неудобная земля. Благодаря этому, въ районѣ Бѣлоруссіи сельское хозяйство и скотоводство и лѣсное хозяйство имѣтъ большое значеніе въ общемъ оборотѣ бѣлорусского народнаго хозяйства; причемъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ лѣсное хозяйство и скотоводство имѣтъ большее значеніе въ сравненіи съ крестьянскимъ. Развитіе скотоводства необходимо для интенсивнаго удобренія пахотной земли, въ общемъ мало удобной для земледѣлія.

Изслѣдователи помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйствѣ уже отмѣтили лучшее состояніе первого и большую его производительность. Техника сельскаго хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выше; подестинная доходность помѣщичьей земли выше подестинной доходности крестьянской. Поднятіе первой только было возможно благодаря примѣненію болѣе высокой сельско-хозяйственной техники: лучшему удобренію, лучшей обра-

боткѣ; болѣе рациональному съвообороту. На земляхъ крестьянъ, индивидуальныхъ собственниковъ и сельскихъ обществъ, преобладаетъ трехполье; и только кое гдѣ начинаетъ примѣняться съвооборотъ съ искусственнымъ травосѣяніемъ. Большое пространство, занятное лѣсами, развиваетъ хищническую систему земледѣлія—«лѣдиное хозяйство». Система выжиганія лѣса очищаетъ большія пространства лѣса съ помощью крестьянскихъ рукъ, обыкновенно берущихъ такіе ляды въ аренду на нѣсколько лѣтъ. Такіе краткосрочные арендаторы несклонны особенно заботиться объ арендуемыхъ участкахъ. Въ результатѣ хищнической эксплуатации послѣднихъ требуется большая затрата труда и капитала, лабы агентуемый участокъ земли привести въ состояніе сельско-хозяйственной годности. Послѣ отмены крѣпостного права сельское хозяйство значительно стало интенсивнѣе. Лучшимъ показателемъ послѣдняго является развитіе полеваго травосѣянія. Такъ въ Витебской губ. въ 1881 г. подъ кормовыми травами было 4,5 т. д., а въ 1901 г. площадь занятая полевымъ травосѣяніемъ составляла 22.1 т. д., въ томъ числѣ 4 т. д. на надѣльныхъ земляхъ. Слабое развитіе травосѣянія—лучшій показатель отсталости крестьянского хозяйства. Аналогичные явленія можно отмѣтить и въ другихъ Бѣлорусскихъ губ. Полевое травосѣяніе пустило глубокіе корни, преимущественно, въ Могилевской и Минской губерніяхъ. До конца XIX въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ преимущественно велось зерновое хозяйство. Съ начала XX в. послѣднее хозяйство падаетъ. Урожайность хлѣбовъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, зато увеличивается площадь картофеля и льна, благодаря спросу на послѣдній въ фабрично-заводскихъ районахъ. Среди зерновыхъ хлѣбовъ преобладающее значеніе имѣть рожь, ячмень, овесъ. Производство пшеницы имѣть второстепенное значеніе. Если взять среднюю урожайность главнѣйшихъ хлѣбовъ съ одной десятины крестьянской надѣльной и частновладѣльческой, то соотношеніе между ними представится въ слѣдующемъ видѣ.

Губерніи:	Рожь озим.	Пшен.	Овесъ	Ячмень	Горох	Картофель
	вл. кр.	вл. кр.	вл. кр.	вл. кр.	вл. кр.	вл. кр.
Витебская	5.5 4.4	5.1 4.4	7.7 7.1	6.2 5.1	5.0 4.6	43.4 38.2
Минская	4.4 3.8	5.0 4.5	6.0 5.5	5.6 4.5	4.0 3.5	44.7 37.2
Могилевская	4.8 4.2	5.5 5.6	8.2 7.7	5.5 5.0	5.0 4.0	55.5 46.7
Смоленская	6.6 5.1	6.3 5.0	9.3 7.9	6.5 5.4	5.0 4.0	51.0 40.6

Кромѣ земледѣлія, населеніе Бѣлоруссіи занимается садоводствомъ и огородничествомъ. И то и другое ведется и для собственныхъ нуждъ и для продажи. Огородничество, расчитанное на сбытъ, распространено въ районѣ городовъ, но, въ общемъ, въ оборотъ народнаго хозяйства предпринимательское огородничество не имѣть большого значенія.

Тоже слѣдуетъ сказать и относительно садоводства. Послѣ отмены крѣпостного права помѣщицкое садоводство пало и только съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ оно стало развиваться съ предпринимательской,

цѣлью. Благодаря сравнительно мягкому климату предпринимательское садоводство особенно глубокіе корни пустило въ Минской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ увеличивается тенденція по производству фруктовъ, расчищенному на сбытъ на рынкѣ. Впрочемъ, эта тенденція проникла пока только въ частно-владѣльческое садоводство. Отсутствіе капиталовъ не позволяетъ крестьянскому хозяйству приспособить свое садоводство къ потребностямъ рынка.

Сельское хозяйство въ Бѣлоруссіи, какъ и въ другихъ частяхъ Россіи, въ первой четверти XX столѣтія, обнаруживаетъ въ техническомъ отношеніи переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ веденія хозяйства. Этотъ процессъ захватывалъ и крестьянское хозяйство, и являлся отраженіемъ того сельско-хозяйственного подъема, который совершился на протяженіи большей части территоріи Россіи. Но рядомъ съ этимъ внутри народного хозяйства шли и регрессивные процессы. Это особенно замѣтно въ движении численности рогатаго скота. Абсолютно оно значительно увеличилось, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся ко всей Европейской Россіи.

Годы:	1881	1892	1907	1910
	Милліонъ головъ.			
Лошадей.	15.5	16.6	20.5	21.0
Крупн. рогат. скота.	22.1	24.0	29.7	31.0
Овецъ грубо шерстн.	32.2	40.0	37.9	37.0
Овецъ тонко- рун.	12.3		2.9	
Свиней.	9.3	8.8	11.6	10.3

Такимъ образомъ, свиневодство и овцеводство сокращается. Общее паденіе скотоводства особенно отчетливо выступаетъ при опредѣленіи количества головъ рогатаго скота, приходящихся на 100 жителей Европейской Россіи.

Годы:	Лошадей.	Крупн. рогат.	Овецъ.	Свиней.
		скотъ.		
1905	24	36	47	11
1908	18	26	34	10
1910	18	26	32	9

Таково состояніе скотоводства на протяженіи всей Европейской Россіи. Аналогичные процессы можно отмѣтить и специально для Бѣлоруссіи. Такъ въ Витебской губерніи абсолютная численность скота значительно сокращается. Въ теченіе 1900—1908 количество лошадей сократилось на 8,1%; крупнаго рогатаго скота на 16,5%; овецъ на 40,9%; и свиней на 10,2%. Несмотря на общее сокращеніе численности рогатаго скота, въ Бѣлоруссіи

начинаетъ развиваться молочное хозяйство, предназначенное для сбыта, по преимуществу, на мѣстномъ рынкѣ. И только въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Могилевской и Минской губерній ведется хозяйство, предназначенное для сбыта на болѣе отдаленныхъ рынкахъ. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ скотъ значительно лучше. Винокуренные заводы, довольно распространенные на территоріи Бѣлоруссіи, даютъ частнымъ земле владѣльцамъ возможность кормить рогатый скотъ бардой и, улучшая его породу, увеличивать количество молока и ихъ продуктовъ, расчитанныхъ на сбытъ на рынкѣ. Обилие луговъ, возможность осушенія болотъ являются весьма благопріятными данными для развитія молочного хозяйства на территоріи Бѣлоруссіи. Рядомъ съ молочнымъ хозяйствомъ развивается птицеводство, главнымъ, образомъ въ Минской и Могилевской г. Крестьянское хозяйство обыкновенно продукты птицеводства сбываетъ на мѣстномъ рынкѣ. Капиталистическое помѣщичье хозяйство, ведя птицеводство въ болѣе широкомъ масштабѣ, предназначаетъ продукты его для болѣе отдаленного рынка, на которомъ существуетъ особенный спросъ на продукты птицеводства.

Эксплуатація лѣсныхъ богатствъ—экономическое явленіе весьма давнишняго происхожденія. Еще при Сигизмундѣ—Августѣ была предпринята попытка поставить лѣсное хозяйство въ опредѣленные уставы, предназначивъ все производство лѣсныхъ продуктовъ для сбыта на внѣшнемъ рынкѣ. Эксплоатація лѣсныхъ была предметомъ вниманія и правительства Речи—Посполитой, издавшаго въ 1631 особую уставу для веденія лѣсного хозяйства. И эта устава имѣла въ виду предпринимательское лѣсное хозяйство, расчитанное для сбыта по преимуществу на внѣшнемъ рынке. Литовско польское правительство совершенно правильно опредѣлило значеніе лѣсного хозяйства для народнаго хозяйства Бѣлоруссіи. Эксплоатація лѣсныхъ промысловъ не потеряла преобладающаго значенія и въ теченіе всего послѣдующаго времени. Бѣлорусская территорія въ значительной степени покрыта лѣсами, а система рѣкъ давала возможность сплавлять лѣсные продукты внизъ по рѣкамъ, направляя ихъ на западъ по З. Двинѣ и Виліи, на востокъ по Припяти къ Киеву и на югъ по Днѣпру, что позволило на югъ открыть въ бассейнѣ Нижняго Днѣпра нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ.

Лѣсная площадь на территоріи Бѣлоруссіи составляется отъ 30%—40%, всей Бѣлорусской территоріи. Главными собственниками лѣсной площади являются частные землевладѣльцы и казенное вѣдомство, но при этомъ размѣры земельныхъ владѣній казеннаго вѣдомства уступаютъ частно-владѣльческимъ лѣснымъ площадямъ. Такъ въ Витебской губ. частнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ 806.8 т. десятинъ; казенные лѣса составляютъ только 167.2 т. д., крестьянские надѣльные—8.1 т. д.; удѣльное вѣдомство владѣетъ 8.2 т. д. Частное помѣщичье лесовладѣніе преобладаетъ и въ остальныхъ губерніяхъ: въ концѣ XIX в. въ Минской губ. на долю помѣщичьяго землевладѣнія приходилось болѣе 2 милл. дес., тогда какъ ка-

зенныхъ лѣсовъ числилось около 800 т. дес.; въ Могилевской губерніи частному землевладѣнію принадлежала площадь въ размѣрѣ 1,271 т. дес.; казнѣ—120,810 д. и крестьянамъ 96,480 дес.

Система лѣсного хозяйства была все время крайне экстенсивной. Лѣса вырубались для приготовленія дровъ и разнаго рода строительныхъ материаловъ. Приготовленные запасы сплавлялись внизъ по рѣкамъ. Только съ конца XIX в. и начала XX в. замѣтна тенденція перехода къ обработкѣ лѣсныхъ материаловъ на мѣстахъ, чemu въ значительной степени содѣствовало паденіе цѣнъ на лѣсные материалы на югъ благодаря тому, что бѣлорусскій лѣсъ нашелъ весьма существенного конкурента въ великорусскомъ лѣсѣ, отправляемомъ на югъ по желѣзнымъ дорогамъ, что было возможно благодаря значительному пониженію желѣзнодорожнаго тарифа. Съ другой стороны, общее вздорожаніе жизни и рабочихъ рукъ дѣлало невыгоднымъ сплавъ лѣса. Начинаетъ развиваться лѣсопильное дѣло, но пока для лѣсного хозяйства оно большого значенія не имѣть.

Бѣлорусскія губерніи сплавляли строевой лѣсъ и дрова. По лѣсному экспорту первое мѣсто принадлежитъ губерніи Минской, потомъ Могилевской и Витебской. Въ Смоленской губерніи лѣсное хозяйство мало развито.

Экстенсивное лѣсное хозяйство ведетъ за собой быстрое обезлесеніе территории, грозящее серьезными послѣдствіями для народно-хозяйственной жизни края.

Отмѣна крѣпостнаго права имѣла огромное значеніе для народнаго хозяйства всей Россіи, въ частности для развитія фабрично-заводской промышленности. Несмотря на медленность въ развитіи русскаго народнаго хозяйства, послѣднее незамѣтно втягивалось въ сферу вліянія капитала. Ростъ крупной промышленности—основной фактъ въ народно-хозяйственной жизни послѣднихъ двухъ столѣтій XIX в. Общій промышленный подъемъ особенно былъ замѣтенъ въ теченіе 1893—1899 гг. Показателями послѣдняго служатъ общій ростъ капиталовъ акціонерныхъ банковъ. Въ 1887 г. они равнялись 119,4 мил. руб., а въ 1900 г.—280 мил. руб. Параллельно росту акціонерныхъ банковъ увеличивается количество и акціонерныхъ банковъ, увеличивается количество и акціонерныхъ компаний, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1894 г. количество вновь учреждаемыхъ акціонерныхъ обществъ равнялось 63 съ основнымъ капиталомъ въ 54,6 мил. руб., а въ 1900 г. ихъ было учреждено 202 съ основнымъ капиталомъ 250,8 мил. руб.

Проявленный подъемъ выразился въ быстромъ ростѣ желѣзно-дорожнаго строительства. Такъ эксплоатационная длина составляла въ 1892 г.—29,1 т. вер., въ 1899 г.—40,3 и 1902 г.—44,8 т. в. въ предѣлахъ Европейской Россіи. Въ зависимости отъ быстраго развитія желѣзнодорожнаго строительства растетъ желѣзнодорожный подвижной составъ и отчасти рѣчной транспортъ. Всѣ эти явленія всвязи съ постройкой новыхъ военныхъ судовъ увеличили спросъ на продукты желѣзодѣлательной промышленности, что оказало вліяніе на горные и каменноугольные предприятия,

льсную промышленность, кирпичное, цементное, стекольное производства, а также и на развесе нефтяной промышленности. Прогрессивные явления фабрично-заводской промышленности особенно рѣзко отразились въ ростѣ основного капитала акціонерныхъ промышленныхъ, торговыхъ и транспортныхъ предпріятій. Въ сравненіи съ 1893 г. общее увеличеніе основного капитала составитъ 134%, при чмъ наибольшее повышеніе приходится на производство: металлическія (665%), керамическая (433%), горнопромышленныя (302%), химическая (242%), животная (170%), бумагомасочные (141%), волокнистая (54%) лѣсная (79%); сельско-хозяйственныхъ (79%). Участіе Бѣлоруссіи въ этомъ торжественно-промышленномъ подъемѣ второстепенное. Общее количество фабрикъ по 1 января 1900 г. равнялось—6047 съ 36235 рабочими, причемъ наибольшее количество фабрично- заводскихъ производствъ приходилось на Минскую губернію (20.390), Смоленскую 8.780, Могилевскую—7.498 и Витебскую—4099 раб.

Среди фабрично- заводскихъ производствъ первое мѣсто занимаютъ производства по обработкѣ питательныхъ продуктовъ (53,1%), потомъ идутъ производства волокнистыхъ веществъ (11,2%), производства дерева (9,1), керамической производства (5,4%), бумагодѣлательное и полиграфическое 5%, химическое 4,9%, производство металловъ—2,6%.

Такимъ образомъ, въ фабрично- заводской промышленности Бѣлоруссіи производство химическое и металловъ занимаютъ послѣднія мѣста тогда, какъ въ подъемѣ всероссійской промышленности указанные два вида производства занимаютъ доминирующее мѣсто. Среди производства питательныхъ продуктовъ первое мѣсто занимаетъ Смоленская губ., далѣе идутъ Минская, Могилевская и Витебская. Производство Минской губерніи по своимъ размѣрамъ является наиболѣе крупнымъ. При сравнительно небольшомъ количествѣ заводовъ—233, сумма ихъ производительности составляетъ 15.226 т. руб., т. е. на 1 заводъ или фабрику въ среднемъ приходится около 65 т. руб., тогда въ Могилевской губ. при 2203 ф. и заводовъ и суммѣ производительности въ 2.958 т. руб. приходится на одно производство около 2 т. руб. Въ Смоленской губ. при общей суммѣ производительность въ 2.165 т. руб. и 1078 фабрикъ и заводовъ на одно производство въ среднемъ немного больше 2 т. руб. Нѣ сколько больше средняя производительность въ Витебской губ. 492 предпріятія при общей суммѣ производительности въ 2.295 т. руб. Среди производствъ по обработкѣ питательныхъ продуктовъ первое мѣсто занимаетъ винокуренное производство. Число всѣхъ заводовъ въ 1891—1892 г. доходило до 2017, а съ 1900 г. до 2213 при общей суммѣ выкуренного спирта 86,5 мил. вѣдеръ вмѣсто 68,4 мил. вѣдеръ вышеуказанной даты. Ростъ винокуренного производства—отраженіе промышленного подъема 1893—1900 г. Что же касается роста винокуренного производства въ Бѣлоруссіи, то значительнѣе всего послѣднее сказалось въ Минской губерніи. Въ 1893 г. наличные 138 заводовъ имѣли оборотъ нѣсколько болѣе 8 м. руб., тогда какъ въ 1900 г. производительность заводовъ поднялась до 15.629 т. р.

Производительность увеличилась болѣе чѣмъ въ 1½ раза. Въ Могилевской губерніи заводовъ было всего только 90 при общей производительности 975.649 руб. Къ 1900 г. производство увеличилось на ничтожную сумму—7 т. руб. Производство винокуренія въ Витебской и Смоленской губерніяхъ — совершенно незначительно. Въ первой производительность равна 286 т. руб., а во второй 455 т. руб. Винокуреніе носить предпринимательский характеръ и сосредоточено исключительно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ въ связи въ винокуреніемъ развивается племенное скотоводство. Въ связи съ винокуреннымъ производствомъ стали развиваться производства: дрожжевое, ректификаціонное, водочное и винокуренно-дрожжевое. Всѣ эти производства съ оборотомъ въ 763 т. руб. имѣютъ второстепенное значение для промышленности края. Параллельно росту винокуренного производства увеличивалось и пивоваренное производство на протяженіи всей Россіи. Въ теченіе 1898—1908 г. бросаются въ глаза два факта: сокращеніе количества заводовъ, увеличеніе численности рабочихъ и производства.

	1908 г.	1901 г.	1907 г.	1911 г.
Число заводовъ	1.035	976	923	1.000
» рабочихъ	14.478	15.779	20.477	24.000
Вываренное пиво	43.7 мв.	46.7 мв.	75.6 мв.	89 мв.

Въ народномъ хозяйствѣ Бѣлоруссіи пивоваренное производство занимало незначительное мѣсто. Наиболѣе было распространено пиво ареніе въ Витебской губ. съ производствомъ 294 т. руб. Въ Смоленской губ. оно равнялось 284 т. руб. Могилевской—176 т. руб. Минской—156 т. руб. Ростъ пивоваренія мало отразился на Бѣлоруссіи въ 1900 въ сравненіи съ 1893 г., когда пивоваренное производство въ Могилевской губ. достигло 146020 р.

Сбшій торгово-промышленный подъемъ за 1893—1900 г.г. отразился и на мукомольномъ дѣлѣ. Къ 1903 году въ Россіи насчитывалось 1849 крупныхъ товарныхъ мельницъ, изъ числа которыхъ 1724 были въ Европейской Россіи. Къ 1908 г. общая численность поднялась до 2416 причемъ производство увеличилось съ 435,4 мил. пуд. до 657,3 мил. пуд. Въ народномъ хозяйствѣ Бѣлоруссіи мукомольное производство занимаетъ весьма видное мѣсто, второе въ производствѣ питательныхъ продуктовъ. Такъ по даннымъ 1892 г. въ Минской губ. было мукомоленъ 36 съ оборотомъ 732 т. руб., а съ 1900 г. оборотъ достигъ до 774 т. руб.

Въ Могилевской губ. въ 1893 г. мукомоленъ было 17 съ оборотомъ 222.306 руб., а къ 1900 г. обороты увеличились до 706.000 руб. Въ Витебской губ. муколенъ къ 1892 г. было 285, съ оборотомъ 417,5 т. руб.

Къ 1900 г. производство пало до 333 т. руб. Мукомольное производство въ Смоленской губ. имѣть весьма малое распространеніе. Къ 1900 г. ежегодный оборотъ достигаетъ 192 т. руб. Такимъ образомъ, первое мѣсто въ мукомольномъ производствѣ занимаетъ Минская губ., но растетъ послѣднее сравнительно медленно, тогда какъ въ Могилевской губ.

обороты увеличились болѣе, чѣмъ въ три раза. Пораллельно мукомольному производству развивалось крупянсе съ оборотомъ 88 т. руб. къ 1900 г. Доминирующее мѣсто занимаетъ Могилевская губ. съ оборотомъ 71 т. руб. Второстепенное занятіе въ народномъ хозяйстве Бѣлоруссіи имѣть производство растительныхъ маслъ, а также производства: сыроваренное, крохмальное, паточно-крохмальное, паточное, булочное и хлѣбное, кондитерское, конфектное, пряничное, колбасное и изюмного вина, фруктовыхъ водъ, уксусное. Производство имѣть въ виду удовлетвореніе мѣстнаго рынка, является большей частью мелкимъ и съ весьма незначительнымъ ежегоднымъ торговымъ оборотомъ.

Производство волокнистыхъ веществъ, такъ называемая текстильная промышленность составляетъ вторую группу по количеству производительности и числу рабочихъ на фабрикахъ. Съ 1887 г. текстильная промышленность въ Россіи быстро увеличивается. Въ 1886 г. ея продуктивность составляла 463 милл. руб.- въ 1896 г.—946 милл. руб., а въ 1912 г.—1.100 милл. руб. На долю Бѣлоруссіи приходится сравнительно мало.

Бѣлоруссія не принадлежитъ къ числу районовъ съ развитой фабрично-заводской промышленностью. Текстильная промышленность имѣть наибольшее значеніе для Смоленской губ. Второе мѣсто занимаетъ Минская губ. Совершенно неразвита текстильная промышленность въ Витебской губ. Въ 1903 г., въ текстильной промышленности было занято, по даннымъ фабричной инспекціи 773,1 т. раб. На долю Бѣлоруссіи приходится весьма незначительный процентъ, такъ какъ въ 1900 г. число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ равнялось 5.574, а общая производительность 4.557 т. руб. Среди текстильной промышленности первое мѣсто занимаетъ бумаго-ткацкое и бумаго-прядильное производства съ производительностью въ 3.975 т. руб., что составляетъ 87%, всего производства. Среди остальныхъ производствъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ второстепенное мѣсто занимаютъ производства: шерсто- крутильное, шерстяное, суконное, канатное и веревочное. Ничтожное значеніе имѣть для народнаго хозяйства льно и пенько-трепальная фабрики, ваточные, войлочные и чулочные. Съ 1893 по 1900 годъ производство увеличилось на 42,7%. Въ процессѣ развитія народнаго хозяйства промышленность по обработкѣ дерева дала весьма существенные результаты. Ея продуктивность въ 1886 г. составляла 25 милл. руб., въ 1897 г.—106 милл. руб., а въ 1912 г. около 125. милл. руб. На долю Бѣлоруссіи въ 1900 г. приходилось только 3.710 т. руб., причемъ къ 1912 г. общая сумма производствъ поднялась до 4,5 милл. руб. Первое мѣсто въ производствѣ по обработкѣ дерева занимаетъ Минская губ., потомъ идутъ Могилевская, Смоленская и Витебская губ. Среди древообрабаточныхъ производствъ наибольшее распространеніе имѣть лѣсопильное, составляющее 90% всего древообрабаточного производства. Особенно быстро развивается лѣсопильное производство въ Минской губ. Почти не развитое въ 1893 г. оно увеличило свою производительность къ 1900 г. до 1.912 т. руб. Потомъ идетъ

Смоленская губ.-760 т. руб., Могилевская 327 т. руб, и Витебская 192 т. руб. Остальные производства, какъ-то производство деревянныхъ сапожныхъ гвоздей, сухой перегонки дерева, древесной массы, спичечной соломки, коробокъ, рогожи составляетъ только 9% всего древоиздѣльного производства. Наибольшей концентраціи вышеуказанныя производства достигли въ Минской губ., гдѣ на 57 фабрикахъ и заводахъ работало 1799 рабочихъ. Самое лѣсопильное производство сдѣлало необычайно большиe успѣхи. Въ 1893 г. производительность лѣсопильного производства оцѣнивалась только въ 452 т. руб., а въ 1899 г. оно поднялось до 3.191 т. руб. И въ области керамической промышленности Бѣлоруссія занимаетъ второстепенное мѣсто. Продуктивность последней въ обще-русскомъ маштабѣ въ теченіе 25 лѣть съ 1887—1912 г. увеличилась съ 28,9 милл. руб. до 100 милл. руб. въ годъ, тогда какъ общая сумма производствъ въ Бѣлоруссіи въ 1900 г. составляла только 2.219 т. руб. Увеличеніе производительности керамическихъ производствъ въ обще-русскомъ маштабѣ сопровождается такимъ же параллельнымъ процессомъ и въ Бѣлоруссіи, гдѣ съ 1893 г. по 1900 г. эта производительность увеличилась на 10,7%. Среди керамическихъ производствъ важное мѣсто занимаетъ производство кирпича. Оно сосредоточено въ Смоленской и Минской губ., гдѣ и заводы являются болѣе крупными. Въ губерніяхъ Могилевской и Витебской кирпичное производство не пустило корней, да и самое производство является мелкимъ. Второе мѣсто занимаетъ стекольное производство. Оно имѣетъ слабое распространеніе во всѣхъ губ. Первое мѣсто занимаетъ Смоленская губ. Изъ годовой производительности 1900 года—676 т. руб. на ея долю приходится болѣе 1/3—239 т. руб., а остальная ежегодная производительность почти поровну дѣлится между двумя остальными губерніями. Еще меньшее развитіе имѣетъ кафельное производство съ преобладаніемъ послѣдняго въ Могилевской г., на долю ея приходится 320 т. руб. изъ общей суммы производительности 590 т. рублей. Еще меньшее развитіе въ народно-хозяйственной дѣятельности имѣетъ производства: хрустальное, известковое, гончарное, мозаичное и костопальное.

Въ народномъ хозяйствѣ Бѣлоруссіи сравнительно большое развитіе имѣетъ бумагодѣятельная и полиграфическая промышленность. Съ 1893 по 1900 г. производство увеличилось на 91,1%. Наиболѣе развитой является писчебумажная промышленность. Въ обще-русскомъ маштабѣ писчебумажное производство съ 1887 года по 1912 г. увеличилось съ 21 миллиона до 100 миллионовъ руб. Въ Бѣлоруссіи имѣется только одна фабрика съ писчебумажнымъ производствомъ въ с. Добрушъ, Гомельского уѣзда съ средней производительностью въ 1460 т. руб., что составляетъ 71% всего производства указанной выше промышленности. Съ 1893 года по 1900 г. ея производительность значительно увеличилась. Въ 1896 году эта средняя производительность достигала 900 т. рублей, а въ 1900 г. она поднялась до 1.600 т. руб. Самое производство является крупнымъ. На фабрикѣ въ 1900 г. работало до 900 рабочихъ. Остальные виды производства какъ-то:

картонное, типо-литографское, обойное, папиросныхъ гильзъ, бумажной массы, фотографическое, переплетное, оберточно-бумажное пока большого развитія не получили и не вышли за предѣлы относительно мелкого производства.

Обработка—животныхъ продуктовъ—самый отсталый видъ русской промышленности. Она составляетъ только 3,8% общей производительности. Производство животныхъ продуктовъ занимаетъ только 5 мѣсто среди Бѣлорусской промышленности.

Съ 1893 по 1900 годъ общая производительность увеличилась на 62,8% при ежегодномъ оборотѣ въ 2.005 т. руб. Первое мѣсто надо отвести кожевенной промышленности. Ея производительность составляетъ 62% общей производительности. Центромъ кожевенной промышленности являются Могилевская и Витебская г.г. Второе мѣсто занимаетъ производство стеариновыхъ свѣчей съ центромъ въ Минской губ. Самое производство является крупныъ. Далѣе идутъ заводы: маслобойные, восковыхъ свѣчей, производство салотопное, щетинное, шорное, сѣдельное, кишечно-очистительное и клееваренное. Всѣ эти производства имѣютъ весьма небольшую производительность.

Химическая промышленность въ теченіе 1887—1912 г. значительно увеличила свою производительность: она поднялась съ 21,5 милл. руб. до 125 милл. руб. Въ Бѣлоруссіи производительность химической промышленности въ 1900 году едва достигла 2 милл. въ годъ, но зато она съ 1893 по 1900 годъ быстро развивалась. Ея производительность увеличилась до 243,8%. Первое мѣсто среди химическихъ производствъ занимаетъ спичечная промышленность. Ея производительность въ 1900 г. равнялось 1.729 т. руб., что составляетъ 86,6% всего производства. Въ обще-русской спичечной промышленности бѣлорусское производство составляетъ около 50% всей спичечной промышленности. Центромъ ея являются Минская и Витебская губерніи. Сильно развивалось производство фосфорныхъ спичекъ, но послѣднее почти вытѣснено безфосфорными спичками. Производство спичекъ надо считать крупнымъ. Мелкие заводы теряютъ свое значеніе. Увеличеніе акциза въ 1905 году особенно отразилось на мелкихъ фабрикахъ и заводахъ, въ особенности производившихъ фосфорные спички. Производства сургучное, синельное, лаковое, олифное, политурное, красильное, эфирного масла, потащное имѣютъ второстепенное значеніе.

Совсѣмъ малое вліяніе въ народно-хозяйственной жизни имѣть металлическое производство. Его производительность въ обще-русскомъ маштабѣ поднялась съ 112,6 до 460 милл. руб. въ годъ на протяженіи 1887—1912 г. И бѣлорусское производство увеличилось съ 1893—1900 гг. на 166,1%. Въ 1900 году ежегодная производительность составляла 1,043 т. р., причемъ первое мѣсто занимаетъ производство гвоздей на единственномъ заводѣ въ Оршанскомъ уѣздѣ. Затѣмъ идетъ машиностроительное производство, игольное, пуговичное. Наконецъ, на долю табачного производства приходится 1 милл. руб. въ годъ. Фабрики работаютъ большою частью

съ помошью женского и дѣтскаго труда, и въ обще-русской табачной промышленности она занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

Подводя итоги всему сказанному, слѣдуетъ признать слабую индустриализацію края, но послѣдняя все таки совершается параллельно индустріализаціи Россіи. Съ 1893—1900 г. увеличеніе производительности по всемъ отраслямъ промышленности составляло 61,7%. Рядомъ съ крупной промышленностью существовали кустарные промыслы. Медленная индустриализація страны поддерживала кустарей. Тяжелыя экономическія усло-вія жизни крестьянства заставляли его поддерживать свое существованіе кустарными промыслами. Къ тому же земледѣліе къ 90 годамъ 19 вѣка перестало служить источникомъ дохода для значительной части населенія. Бѣдность въ деревнѣ была импульсомъ, поддерживавшимъ кустарные про-мыслы, несмотря на всѣ тяжелыя условія существованія и развитія кустар-ного производства. Кустарное производство въ большинствѣ случаевъ имѣть только мѣстное значеніе. Кустарное производство выразилось въ промыслахъ по отдѣлкѣ дерева, обработкѣ металловъ, животныхъ про-дуктовъ, минеральныхъ и волокнистыхъ веществъ и разнаго рода другихъ видовъ. Кустарное производство въ томъ или другомъ видѣ распро-странено среди населенія по всей территории Бѣлоруссіи и имѣть большое значеніе въ народно-хозяйственной жизни края, какъ источникъ поддер-жанія огромной части населенія.

В. Пичета.

ИСТОЧНИКИ и ЛИТЕРАТУРА.

- 1) Начальная Лѣтопись по Ипатьевскому списку.
- 2) Русская Правда—изд Клочкова, подъ ред. А. И. Яковлева.
- 3) Владимирскій-Будановъ Хрестоматія по истории русского права, I т., посл. изданіе.
- 4) Русско-Ливонскіе акты—4 т.
- 5) Акты Западной Россіи, т. I—V.
- 6) Акты, издаваемые Виленской комиссіей для разбора древнихъ актовъ, т. I—XXXVII.
- 7) Археологический сборникъ документовъ, относящихся къ истории Сѣверо-Западной Россіи, т. I—XI.
- 8) Сапуновъ. Витебская Старина, т. I—V.
- 9) Шляхетскіе и областные привилеи. (Любавскій. Очерки истории литовско-русского государства).
- 10) Литовскій Статутъ 1529, 1566 и 1588 гг.
- 11) Положеніе 19 февраля 1861 г.
- 12) Середонинъ. Историческая географія.
- 13) Данилевичъ. Очеркъ истории Полоцкой земли до конца XIV в.
- 14) Голубовскій. Очеркъ истории Смоленской земли до началл XV стол.
- 15) Довнаръ-Запольскій. Очеркъ истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.
- 16) Niederle Slovanské starozitnosti.
- 17) Пресняковъ. Княжое право въ древней Руси.
- 18) Грушевскій. Очеркъ истории Киевской земли отъ смерти Ярослава до начала XV столѣтія.
- 19) Аристовъ. Промышленность древней Руси.
- 20) Довнаръ-Запольскій. Исторія народнаго хізяйства, т. I.
- 21) Святловскій В. Примитивно-торговое государство.
- 22) Рожковъ. Русская история съ социологической точки зрѣнія.
- 23) Покровскій. Русская исторія, т. I.
- 24) Бережковъ. Торговля русскихъ съ Ганзой въ XIII—XIV в.в.
- 25) Мельгуновъ. Очерки русской торговли.
- 26) Грушевскій. Киевская Русь, т. I.
- 27) Готье. Очеркъ истории землевладѣнія въ Россіи.
- 28) Любавскій. Лекціи по древней русской исторіи.
- 29) Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ подъ ред. Довнаръ-Запольскаго т. I.
- 30) Любавскій. Очеркъ истории литовско-русского государства изд. 2.
- 31) Онъ-же. Областное дѣленіе и мѣстное управление ко времени изданія первого Литовскаго Статута.
- 32) Онъ-же. Литовско-русскій сеймъ.
- 33) Максимайко. Сеймы литовско-русского государства.
- 34) Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство в. к. Литовскаго при Ягеллоннахъ т. I.

- 35) Онъ-же. Очерки по организації западно-русского крестьянства въ XVI в.
- 36) Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа въ литовско-русскомъ государствѣ.
- 37) Ясинскій. Уставныя земскія грамоты литовско-русского государства.
- 38) Якубовскій. Земскіе привилеи великаго княжества Литовскаго.
- 39) Грушевскій. Исторія України Руси, т. IV—V.
- 40) Малиновскій. Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ Боярской Думой древней Россіи, т. I и II.
- 41) Карповъ. Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ.
- 42) Лаппо. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской унії до смерти Стефана Баторія.
- 43) Лаппо. Литовско-руссій повет и его сеймикъ.
- 44) Kutszeva. Unia Litwy z Polska.
- 45) Бершадскій. Литовскіе евреи.
- 46) Кояловичъ. Люблинская унія.
- 47) Чистовичъ. Очеркъ исторіи западно-русской церкви.
- 48) Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русского дворянства съ церковной уніей до 1609 г.
- 49) Онъ-же. Сеймовая борьба послѣ 1609 г. (Христіанское чтеніе съ 1905—1912 г.г.)
- 50) Харламповичъ. Западно-руссій православныя школы XVI и начала XVII в.в.
- 51) Онъ-же. Западно-руссій церковныя братства и ихъ просвѣтительная дѣятельность въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.
- 52) Владимировъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языки.
- 53) Довнаръ-Запольскій. В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на белорусское нарѣчіе.
- 54) Сапуновъ. Рѣка Западная Двина. Историко-географический очеркъ.
- 55) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время.
- 56) Янсонъ. Очеркъ статистического изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.
- 57) Материалы Редакціонныхъ Комиссій.
- 58) Корниловъ. Крестьянская реформа.
- 59) Кеппенъ. Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи.
- 60) Тройницкій. Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи.
- 61) Россія. Полное географическое описание нашего отечества подъ редакціей В. П. Семенова, т. IX.
- 62) Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.
- 63) Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи.

КЪ ВОПРОСУ О БѢЛОРУССКОЙ ТЕРРИТОРИИ.

Когда поднимается вопросъ о Бѣлоруссіи, какъ опредѣленной терри-
торіальной единицѣ, какъ обѣ особомъ національно-политическомъ цѣломъ,
то для выясненія этого вопроса недостаточно пользоваться только однимъ
какимъ-либо критеріемъ, но необходимо принимать во вниманіе совокуп-
ность данныхъ, способныхъ служить материалами для указанной цѣли.

Нельзя, напримѣръ, пользоваться только данными исторіи, потому
что данные эти противорѣчивы, и если одни изъ нихъ говорятъ въ пользу
несомнѣнного права Бѣлоруссіи на національно-политическую самостоя-
тельность, то другія, напротивъ того, могутъ служить доказательствомъ
традиціонной зависимости бѣлоруссовъ отъ Литвы, Польши и Велико-
рussии.

Важнымъ критеріемъ при самоопредѣленіи народностей служить, какъ
извѣстно, языкъ, и для бѣлоруссовъ свойственное имъ нарѣчіе можетъ
считаться характернымъ признакомъ для обособленія ихъ отъ литовцевъ,
поляковъ, малороссовъ и великоруссовъ. Однако, можно ли всегда руко-
водствоваться въ установлении предѣловъ извѣстной національно-полити-
ческой территоріи только языкомъ или нарѣчіемъ. Мы знаемъ многіе при-
мѣры, что на одномъ и томъ же языкѣ говорятъ жители различныхъ госу-
дарствъ, сосѣднихъ между собою или даже отдаленныхъ: можно указать
на Англію съ одной стороны и Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ
другой, или Францію—и романскую Швейцарію и Бельгію, или нѣмцевъ Гер-
маніи и нѣмцевъ Австріи и Швейцаріи и т. п. И наоборотъ, мѣдимѣемъ
примѣры другихъ государствъ, гдѣ нѣсколько національностей, нѣсколько
язиковъ или нарѣчій мирно уживаются въ предѣлахъ одного государства
на условіи полной равноправности, напримѣръ, въ Швейцаріи (нѣмцы, фран-
цузы, итальянцы), Бельгіи (фламандцы и валлоны), Франціи, Италіи и т. д.
Родственныя между собою нарѣчія часто бываютъ не рѣзко обособлены и
переходятъ одно въ другое на границахъ своего распространенія, причемъ
границы эти колеблются и иногда существенно измѣняются въ теченіе сто-
лѣтія или даже полуѣка. Народность можетъ разселяться далеко за пре-
дѣлы своей исконной территоріи, и острова ея могутъ встрѣчаться раз-
сѣянными на территоріяхъ другихъ народовъ. И наоборотъ, въ ея предѣлы
могутъ вселяться пришлые элементы и образовывать колоніи, иногда зани-
мающія большіе участки и долго сохраняющія всѣ особенности пришлой на-
родности. Таковы, напримѣръ, колоніи нѣмцевъ въ Южной Бразиліи и въ
разныхъ частяхъ Россіи, литовцевъ и поляковъ въ Канадѣ, русскихъ въ За-

кавказьи, Средней Азии и т. д. Что касается белоруссовъ, то они также участвуютъ въ переселенческомъ движениі на востокъ, а отчасти распространились и по окраинамъ своей территории несчетъ литовцевъ малороссовъ, великоруссовъ, или наоборотъ, должны были уступить часть своей земли распространявшимся за ихъ счетъ языкамъ литовцевъ поляковъ, малороссовъ и т. д. И конечно, когда идетъ рѣчь объ установлениі прочныхъ границъ извѣстной национально-политической территории, нельзя руководствоваться такими колеблющимися измѣненіями въ границахъ нарѣчий и говоровъ, а слѣдуетъ держаться болѣе опредѣленныхъ и естественныхъ географическихъ, историческихъ и національныхъ рубежей.

Принадлежность къ той или иной народности можетъ опредѣляться, кроме языка или нарѣчія, еще извѣстной общностью культуры и истории, ческихъ традицій, всѣмъ тѣмъ, что обусловливаетъ національное самосознаніе. Сосѣдня народности могутъ говорить на разныхъ нарѣчіяхъ, имѣть даже разную исторію, тѣмъ не менѣе они могутъ быть такъ сплошены между собою извѣстными событиями въ ихъ общей исторической жизни, извѣстными традиціями и идеалами, что сознаютъ себя составляющими одну общую націю. Таковы, напримѣръ, сѣверные французы и южные провансальцы; послѣдніе родственны по языку и своей средневѣковой исторіи въ большей степени испанскимъ каталонцамъ, чѣмъ собственно французы (Langue d'oil), тѣмъ не менѣе они сознаютъ себя вполнѣ французами, гражданами общаго отечества Франціи, одной и нераздѣльной (*une et indivisible*).

Итальянцы на протяженіи отъ Пьемонта и Венеции до Сицилии и Сардиніи распадаются на рядъ народностей и нарѣчий, входившихъ долгое время въ составъ различныхъ государствъ, и однако, несмотря на нѣкоторый экономический антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ Италіи, всѣ части ея сознаютъ себя членами одного цѣлага, единой Италіи. Тоже можетъ быть сказано и о немцахъ, несмотря на различіе состава населенія, исторіи и нарѣчій Сѣвера и Юга Германіи. Три вѣтви русского народа—великоруссы, малороссы и белоруссы—тоже разнятся между собою не по одному только языку или нарѣчію, но и по историческимъ традиціямъ и по всему складу быта и культуры. И встрѣчается такое явленіе, что извѣстная группа белоруссовъ, напримѣръ, утратила свой языкъ и говоритъ уже на южно-великорусскомъ нарѣчіи, но она сохранила еще белорусскія особенности въ жилищѣ, хозяйствѣ и другихъ подробностяхъ быта. Можно ли, однако, считать такія группы все таки белорусскими, не обращая вниманія на утрату ими белорусского нарѣчія. Едва-ли, тѣмъ болѣе, что и белоруссы, и малороссы, и великоруссы — въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ влияниемъ различныхъ условій среды, выказываютъ различія въ своемъ быту, причемъ иногда различные народности подъ влияниемъ одинаковыхъ условій усвоили себѣ одинъ и тотъ же типъ жилья, одежды и т. д., и наоборотъ, одинъ и тотъ же народъ въ различныхъ

условіяхъ существованія выказываетъ различія и во многихъ особенностяхъ своего быта.

Однимъ изъ способовъ провѣрки народнаго стремленія къ самоопредѣленію и желанія извѣстной народности войти въ составъ того или другого изъ сосѣднихъ между собою государствъ, является, какъ извѣстно плебисцитъ, т. е. анкета или опросъ населенія въ соотвѣтственныхъ цѣляхъ. Такой опросъ возможенъ однако или практически удобоисполнимъ лишь по отношенію къ ограниченной территории и сравнительно немногочисленному населенію, какъ это имѣло, напримѣръ, мѣсто 60 лѣть тому назадъ въ Ниццѣ и ея округѣ. Тогда французскими властями было предложено населенію нынѣшняго департамента Приморскіхъ Альпъ высказаться, желаетъ ли оно отойти къ Франціи или остаться въ подданствѣ Сардиніи, и большинство высказалось за присоединеніе къ Французской Имперіи—фактъ, который многіе объясняли въ то время принятymi со стороны французскихъ властей административными мѣрами воздѣйствія. Во всякомъ случаѣ устройство плебисцита требуетъ согласія того правительства, войска котораго занимаютъ данную территорію, а на это расчитывать не всегда можно, тѣмъ болѣе, что такая анкета на обширной территоріи требуетъ немалыхъ хлопотъ и расходовъ. Кроме того, такая анкета предполагаетъ полную политическо-национальную сознательность населенія, и въ концѣ концовъ результаты ея могутъ быть использованы различно, смотря по желанію производящихъ анкету. Положимъ, напримѣръ, требуется выяснить желаніе населенія, предназначенаго войти въ составъ государства Литовскаго; допустимъ, что всѣ литовцы, поляки и часть евреевъ выскажутся за отдѣленіе отъ Россіи и единеніе съ Литвой, а всѣ бѣлоруссы и великоруссы предпочутъ остаться по прежнему въ связи съ общерусскимъ государствомъ и въ частности съ Великороссіей. Результаты такой анкеты предвидѣть не трудно; такъ какъ число первыхъ будетъ больше, то бѣлоруссы остаются въ меньшинствѣ и должны будутъ подчиниться рѣшенію большинства, т. е. прочихъ народностей.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что Бѣлоруссія имѣть основанія претендовать на автономію, на политическо-национальную самостоятельность, и притомъ въ ближайшемъ общеніи съ наиболѣе родственной ей народностью, великорусскою. Это можетъ быть доказываемо ея исторіей, этнографіей, всѣми особенностями ея населенія, его языка и быта. Бѣлорусское населеніе давно уже выдѣлилось и въ собственномъ сознаніи, и въ представлениіи сосѣднихъ съ нимъ народності ейъ особый народъ. Давно, со временемъ объединенія западно-славяно-русскихъ княжествъ подъ властью великихъ князей Литовскіхъ, за тысячу и болѣе лѣть тому назадъ, во времена, которыя для Россіи могутъ быть названы еще доисторическими, взамѣнъ одной бѣлорусской народности на занимаемой ею нынѣ территоріи, жило нѣсколько отдельныхъ славяно-русскихъ племенъ, а именно полочане (поляцкіе кривичи), смоленскіе кривичи, дреговичи (между Припятью и Зап. Дви-

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что бѣлорусская народность сложилась изъ нѣсколькихъ, разнившихся между собою по своимъ языкамъ или нарѣчіямъ, а вѣроятно, также и по своимъ политическимъ и экономическимъ интересамъ, судя по тому, что онѣ образовали три княжества, имѣвшихъ раздѣльное политическое существованіе, — Полоцкое, Смоленское и Турово-Пинское. Княжества эти были однако, не настолько сильные, чтобы оградить себя собственными силами отъ притязаній сосѣдей, изъ коихъ особенно опасными были нѣмцы въ Прибалтийскомъ краѣ. Полоцкое княжество первое было вынуждено искать защиты себѣ у Великаго Княжества Литовскаго, а позже и другія княжества добровольно подчинились Литвѣ, войдя въ составъ ея территоріи. Съ этого времени, приблизительно съ XIII вѣка, ведеть какъ полагаютъ, свое существованіе и бѣлорусская народность съ ея нарѣчіемъ, образовавшаяся изъ вошедшихъ въ ея составъ племенныхъ элементовъ. Судя по древнѣйшимъ центрамъ западныхъ русскихъ княжествъ, можно сдѣлать предположеніе, что образованіе бѣлорусской народности происходило сначала главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ бассейнѣ Западной Двины и верхняго Днѣпра и на западѣ — въ бассейнѣ Нѣмана и въ верховьяхъ Припяти, откуда эта народность распространилась къ востоку и югу, за Днѣпръ и до Десны (хотя такое предположеніе не будетъ гармонировать съ теоріей Шахматова, приписывающаго образованіе бѣлорусской народности главнымъ образомъ радиичамъ).

Встрѣтили ли западно-русскія племена на занятой ими территоріи какихъ-либо первоначальныхъ засельниковъ, предшествовавшихъ имъ въ занятіи страны, въ точности неизвѣстно, но возможно допустить, что такие предшественники были. Археологія свидѣтельствуетъ, что западно-русскій край былъ заселенъ еще въ отдаленную эпоху каменного вѣка. Здѣсь неоднократно находили въ землѣ, на пашняхъ, въ лѣсу, по берегамъ рѣкъ — каменные издѣлья неолитического вѣка, какъ, напримѣръ, обточенные изъ разныхъ породъ камня топоры, долота, молотки, а также обитые изъ кремня наконечники копій, стрѣль, ножи, скребки и т. п. Такъ, въ Сынненскомъ уѣздѣ Могилевской губ. на берегу Богдановскаго озера, гдѣ были открыты курганы X вѣка, подъ ними на глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$, арш. найдены счаги съ обожженными костями, золою и углями, черепки отъ разбитой посуды, кости животныхъ, служившихъ, очевидно, въ пищу, рыбья чешуя и каменные шлифованныя орудія. Чаще всего каменные орудія находятъ въ пескахъ, по берегамъ рѣкъ (Днѣпра, Сожи, Ипути, Нѣмана и т. д.), гдѣ такія издѣлья обнаруживаются благодаря особенно развѣвательной дѣятельности вѣтра. Мѣстами вѣтеръ открываетъ цѣлые «селища», — обширныя площади, до 1—4 верстъ длиною, съ многочисленными черноземными площадками, очевидно, слѣдами бывшихъ жилищъ, на которыхъ находятъ кремневые отбивныя орудія, также глиняные черепки, перегорѣлые камни отъ очаговъ, а въ нѣкоторыхъ селищахъ были найдены даже мастерская орудій каменного вѣка и горшечной посуды. Возможно, что кое гдѣ,

въ предѣлахъ края, существовали человѣческія поселенія и въ болѣе древній, палеолитической періодѣ, когда климатическія условія страны и ея животный миръ отличались отъ современныхъ, когда современниками человѣка были мамонтъ (ископаемый слонъ), покрытый шерстью носорогъ и другое вымершіе впослѣдствіи виды животныхъ. О существованіи тогда здѣсь человѣка можно предполагать на томъ основаніи, что въ ближайшемъ со-сѣдствѣ съ Бѣлоруссіей, на Деснѣ, въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губ., у с. Мезина, была открыта палеолетическая стоянка (изслѣдова ная умершимъ нѣсколько недѣль тому назадъ проф. Ф. К. Волковымъ), со многими остатками мамонта и другихъ животныхъ четвертичной эпохи, со слѣдами очаговъ, разбитыми костями и съ характерными издѣльями изъ кремня и кости (въ томъ числѣ и мамонтовой), между прочимъ, съ своеобразными изображеніями птичекъ, фаллусовъ и т. п. По словамъ Романова кости мамонта вмѣстѣ съ каменными орудіями были найдены въ старицахъ р. Сожа, въ Гомельскомъ уѣздѣ и на р. Лучесѣ, вблизи Витебска. Въ Смоленской губ. найдены были крупные, приготовленные обивкою, миндалевидные орудія изъ кремня палеолитического типа Сентъ Ашель, однако при неизвѣстности условій этой находки нельзя судить, принадлежали ли эти орудія палеолиту, или, можетъ быть, вѣрнѣе, уже началу неолита, тѣмъ болѣе, что, какъ показываютъ нѣкоторыя находки, сдѣянныя въ западной Европѣ и въ Россіи, начало неолита характеризуется издѣльями изъ кремня грубыхъ типовъ и крупныхъ размѣровъ, напоминающими пройденныя уже давно стадіи палеолитического періода.

Каменный вѣкъ продолжался очень долго, и въ странахъ западной Европы, какъ палеолитической, такъ и неолитической періоды могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько эпохъ, причемъ позднѣйшая эпоха неолитического періода характеризуется значительно болѣе высокимъ уровнемъ культуры населенія, пришедшаго, какъ можно думать, съ юга и востока, и принесшаго съ собою знакомство съ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Къ этой позднѣйшей эпохѣ относятся такъ называемыя свайные постройки, т. е. жилища и цѣлья селенія, строившіяся на сваяхъ въ мелкихъ мѣстахъ озеръ, въ Швейцаріи, южной Германіи, юго-западной Австріи, юговосточной Франціи, сѣверной Италіи. Въ остаткахъ отъ этихъ свайныхъ построекъ, сохранившихся на днѣ озеръ въ покрывающемъ его иль, были найдены не только предметы изъ камня и глины, но также издѣлья изъ кости, рога, дерева, веревки, сѣти, обрывки тканей, зерна, злаковъ, плоды и проч., сохранившіеся благодаря ихъ обугливанію, такъ какъ болѣшая часть этихъ построекъ погибла отъ пожаровъ. Вѣроятно, что подобные остатки и сваи будутъ найдены и въ нѣкоторыхъ озерахъ и болотахъ Бѣлорусского края, и даже неоднократно появлялись извѣстія о подобныхъ находкахъ, но либо эти извѣстія не подтверждались раскопками, либо они не могли быть про вѣрены систематическимъ изслѣдованіемъ. За то несомнѣнно существование въ древности въ каменный и позднѣйшіе вѣка, множества «городковъ» или укрѣплений, называемыхъ обычно «городищами», устраивавшихся боль-

шай частю на стрѣлкахъ между двумя рѣчками и ограждавшихся, кроме того, рвами и валами. Такихъ городковъ, обычно небольшихъ размѣровъ, 8—10 саж. въ длину и ширину на верхней площадкѣ (позднѣйшиѣ бывали и большихъ размѣровъ) разсѣяно по Сѣверо-западному краю множество. Проф. Завитневичъ насчиталъ ихъ до 1000 въ Минской губ., а Романовъ—въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской и Могилевской—насчитываетъ около 2000. Крупнѣйшимъ изъ нихъ Романовъ признаетъ городище Друцкое, бывшее позже, въ X—XIII вв. резиденціей князей Друцкихъ.

Были ли обитатели Бѣлорусского края каменнаго вѣка предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ или инымъ народомъ, впослѣдствіи вымершимъ или выселившимся, сказать опредѣленно нельзя. Съ одной стороны, у бѣлоруссовъ въ числѣ могихъ сохранившихся у нихъ съ незапамятныхъ временъ пережитковъ старины, повѣрьевъ, обычаевъ, преданій и т. д., сохранилась повидимому и смутная память о каменномъ вѣкѣ. мнѣ самому пришлось слышать отъ одного вѣтхаго старика въ одной деревнѣ близъ верховьевъ Западной Двины разсказъ о томъ, что въ давнія времена люди не знали косы, а пользовались взамѣнъ ея долотомъ; стариkъ не могъ объяснить изъ какого материала сдѣлано было это долото, но я предполагаю, что оно было каменное, судя по тому, что подобная же преданія и основанные на нихъ обычай имѣются и у другихъ народовъ, предки которыхъ, несомнѣнно, прошли стадію камечнаго вѣка*).

Съ другой стороны, однако, есть основаніе думать, что терроторія нынѣшней Бѣлоруссіи была занята въ доисторическія времена другими народами. Академикъ Шахматовъ доказываетъ, напримѣръ, что славяне жили первоначально въ бассейнѣ Вислы и у Балтійскаго моря, что къ нимъ съ востока примыкали балты, т. е. предки пруссовъ, литовцевъ, латышей, къ югу отъ коихъ обитали финны, (а къ западу германцы). Еще Надеждинъ (въ 1830-хъ годахъ) указывалъ на то, что многія извѣстныя (хорологическія) названія не только средней Россіи, но и западнаго края, не славянскія, а финскія. Славяне, распространяясь къ востоку и югу отъ своего первоначального мѣста обитанія, должны были разселяться не только среди литовцевъ, но отчасти среди финновъ, большая часть которыхъ, впрочемъ, ушла отсюда по направленію къ Балтійскому морю и на востокъ и сѣверъ. Существуетъ мнѣніе, что бѣлоруссы представляютъ собою болѣе чистую отъ примѣсей вѣтвь русскаго народа, чѣмъ малороссы, воспринявшиѣ въ себя иранскую и тюркскую кровь и чѣмъ великоруссы, включившиѣ въ свой составъ много финскихъ элементовъ, а отчасти, особенно въ средѣ дворянства, также тюркскую и другую инородческую примѣсь. Въ извѣстной степени это, можетъ быть, и справедливо, но несомнѣнно, что и въ бѣлорус-

*) У малайцевъ, напримѣръ, сохранился юе-гдѣ обычай, при жатвѣ риса начинать ее съ того, что дочь хозяина (или родственница) — дѣвица срѣзаетъ иѣсколько колосьевъ въ жертву духамъ, не срѣзаетъ ихъ не желѣзнымъ серпомъ, а особымъ орудіемъ изъ кремня.

скую народность должна быть войти отчасти финской элементъ, и кроме того литовско-латышской и отчасти польской. Неоднократно указывалось на сходство физического типа белоруссовъ съ литовскимъ, на большее преобладаніе у нихъ, сравнительно съ великоруссами, а тѣмъ болѣе малороссами, белокураго элемента, свѣтловолосости, а особенно свѣтлоглазости (голубые глаза). До сихъ поръ, впрочемъ, антропологическое изученіе белоруссовъ мало подвинулось впередъ, и мы не знаемъ, какія особенности выказываютъ физической типъ белорусса въ разныхъ частяхъ западнаго края и какіе онъ представляетъ переходы къ сосѣднимъ съ белоруссами народностямъ.

Каменный вѣкъ смѣнился металлическимъ, причемъ во многихъ странахъ Европы и Азии употребленію желѣза предшествовало знакомство съ мѣдью и бронзой. Въ западномъ краѣ, въ предѣлахъ Литвы, также были сдѣланы кой-какія находки бронзовыхъ орудій, но сравнительно очень немногочисленныя, а собственно въ Бѣлоруссіи такихъ находокъ, повидимому, и совсѣмъ неизвѣстно. Кажется, что въ эту огдаленную эпоху западный край стоялъ въ сторонѣ отъ культурныхъ теченій, шедшихъ съ юга и востока, изъ черноморскихъ греческихъ колоній, съ Урала и Кавказа, теченій приносившихъ знакомство и съ бронзой. Большеіе слѣды торговыхъ сношеній могутъ быть констатированы для позднѣйшихъ эпохъ желѣзного вѣка, для времени Римской имперіи (къ этому времени относятся находки серебряныхъ римскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры и первой половины средневѣковья). Къ древнѣйшимъ могиламъ края принадлежать, такъ наз. погребальные валы и похоронные поля, въ которыхъ находятъ урны или горшки съ пепломъ и мелкими переженными костями (отъ трупосожженія) и кусочками сплавленной бронзы (отъ украшений), желѣза, перегорѣвшихъ бусъ и т. п. Такой типъ погребенія былъ обычень въ извѣстную эпоху въ Польшѣ, Помераніи и т. д., откуда онъ, можетъ быть, и былъ занесенъ въ Витебскую губ. и даже восточнѣе—до Днѣпра и Сожа. Наиболѣе часто встрѣчающійся видъ древнихъ погребеній, это курганы, обычно невысокіе, 1—3 арш. высоты, рѣдко до 6—7 арш. Они разсѣяны группами (кладбищами), и такихъ группъ—льть 10—20 тому назадъ—насчитывали по нѣсколько сотъ и даже тысячу въ губерніи. (Въ Витебской, напримѣръ, около $10\frac{1}{2}$ тысячи, въ Могилевской около $9\frac{1}{2}$, въ Минской проф. Завитневичъ насчитываетъ ихъ до 3000). Большинство кургановъ относится къ IX—XI вѣкамъ, когда уже установился торговый путь по Днѣпру «изъ Варягъ въ Грекі» и вообще торговыя сношения ксая стали болѣе оживленными. Этимъ объясняются, очевидно, находки въ курганахъ серебряныхъ монетъ, особенно восточныхъ, арабскихъ, времени отъ 823 до 1025 г., а также германскихъ и англо-саксонскихъ конца X и начала XI в. и—въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—русскихъ князей Владимира и Ярослава. Очень часто такія монеты съ приѣланнми къ нимъ мѣдными ушками служили подвѣсками. Привозными слѣдуетъ считать и находимыя въ курганахъ бусы (янтарные, стеклянные, сердоликовые, серебряные, бронзовые браслеты,

гривны, серы, височные кольца, пряжки, фибулы, перстни, булавки, прорезные бляшки, иногда крестики, а въ мужскихъ могилахъ желѣзные ножи, топоры, наконечники копий, рѣдко мечи, длинные, обоюдострые, норманского типа. Въ могилахъ встрѣчаются два вида погребеній: простое погребеніе и трупосожженіе; послѣднее сравнительно рѣдко (около 10%) и возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ варяговъ.

Съ тѣхъ порь, какъ образовалась бѣлорусская народность, ея территорія стала извѣстна у окружающихъ народовъ подъ именемъ Бѣлой Россіи—названіе, происхожденіе котораго не объяснено, подобно тому, какъ и, напримѣръ, названія Бѣлаго и Чернаго морей*). Довольно распространенное мнѣніе, что название Бѣлая Русь объясняется преобладаніемъ бѣлага цвета въ одѣждѣ местнаго населенія, едва ли правильно, хотя въ подтвержденіе приводили аналогичное геродотовское название одного народа, жившаго къ сѣверу отъ скиевовъ, меланхлены (чернокафттанники). Такое объясненіе мало вѣроятно потому, что название Бѣлая Русь относится собственно къ территории, а не къ народу, на который оно перенесено уже съ территории, и что оно аналогично названію Червонная (Красная) Русь, прилагавшемуся къ Руси Галицкой, которое также не можетъ быть объяснено, но которое не перешло на название народа**).

Какъ бы то ни было, название Бѣлая Россія появляется въ XIII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ германскихъ хроникахъ, а въ XV вѣкѣ мы видимъ его и на первыхъ западноевропейскихъ печатныхъ картахъ, хотя въ началѣ примѣненіе этого названія не было еще твердо установлено и оно употреблялось то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Такъ, на одной изъ первыхъ печатныхъ картъ вообще и на первой карте Германии или Средней Европы въ частности, составленной кардиналомъ Николаемъ Кузаномъ въ 1460 г., но изданной уже по смерти автора въ 1491 г., нанесены — *Polonia, Prussia, Samogitia, Livonia, Lituania, Podolia, Russia* (Галицкое княжество), а къ востоку отъ Днѣпра имѣется надпись *Russia alba Sive Moskavia* (Бѣлая Россія или Московія). Такимъ образомъ название Бѣлой Россіи связано здѣсь съ Великимъ Княжествомъ Московскими и распространяется только на восточную окраину Бѣлоруссии, къ востоку отъ Днѣпра. На нѣкоторыхъ картахъ XVI вѣка название Бѣлая Россія перенесено еще дальше отъ Бѣлоруссии, на сѣверъ, на одну широту съ

*) Название Черное море явилось, можетъ быть, какъ антитезъ Бѣлому, но не нашему сѣверному Бѣлому, а южному, именно восточной части Средиземного моря, извѣстного у турокъ подъ именемъ Бѣлаго. Въ противоположность бѣлому, свѣтлому, солнечному, южному морю—сѣверное, уходящее въ страну мрака море получило название Чернаго.

**) Название Червонная Русь можетъ быть осмысленное изъ Червенной Руси, которое обнимало первоначально Червенскіе города, названные такъ по имени главнаго или первого изъ нихъ, города Червна (Червона). Для нѣкоторой части западной Украины было еще въ ходу название Черная Русь. Его можно видѣть на картахъ Сансона XVII в. на пространствѣ отъ Холма до Львова.

Холмогорами; такое положение имѣть оно, напримѣръ, на картѣ Московіи итальянскаго картографа Якова Гастальди 1548 г., гдѣ мы видимъ на далекомъ сѣверѣ надпись *Russia bianca* (Бѣлая Россія), а на югѣ, по правую сторону Днѣпра—*Russia rossa* (Красная Россія). Но чаще карты совсѣмъ не упоминаютъ о Бѣлой Россіи. Такъ, названія этого нѣтъ на картѣ Баптиста Агнезе (1525), составленной по даннымъ кардинала Павла Іовія, которые были собраны въ Римѣ путемъ разспросовъ русскаго посла Дмитрія Герасимова. На картѣ литвина Антона Вида, составленной въ концѣ 1530-хъ годовъ, для ганзейскихъ купцовъ, въ Вильнѣ при содѣйствіи бѣжавшаго изъ Москвы русскаго боярина Ляцкаго, на картахъ, приложенныхъ къ разнымъ изданіямъ Записокъ о Московіи С. Герберштейна (кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были составлены Я. Гастольди), на картѣ Европы Гер. Меркатора (1598) и др.; на всѣхъ этихъ картахъ имѣются названія *Lituinia*, *Polonia*, *Moscovia*, а *Russia alba* нѣтъ, какъ нѣтъ Украины. На картахъ начала XVII вѣка, Массы и Г. Геритца (1612—1614) название «*Okraina*» уже есть, но Бѣлой Россіи тоже нѣтъ. Рѣдко когда встрѣчается это наименование и на картахъ Украины и Польши XVII вѣка, а если и встрѣчается, то только въ примѣненіи къ области между Полоцкомъ и Смоленскомъ, т. е. въ самой сѣверной части Бѣлорусской территории, но не южнѣе, не къ области, напримѣръ, нынѣшнихъ Минской и Могилевской губерній. Для примѣра можно указать карту Польши Боплана около половины XVII вѣка (1651) и карту Алларда конца XVII вѣка, съ которой, при Петрѣ I, въ 1708 г., было сдѣлано русское изданіе (графюра Пикара). Название передано здѣсь черезъ «Бѣлая Русія». Но, напримѣръ, на картѣ Сансона, конца XVII вѣка, едва ли не лучшей картѣ Польши того времени, название Бѣлой Россіи нѣтъ, а только Литва.

Въ офиціальномъ титулѣ русскихъ государей Бѣлая Россія стала фигурировать съ 1653-го года, при Алексѣѣ Михайловичѣ. Съ 1654 года, когда подъ власть московскаго царя отдалась и Малороссія, царь сталъ называть себя царемъ Великія и Малая Россіи, а въ слѣдующемъ году, когда русскими войсками была занята (впрочемъ лишь временно) Вильна, онъ прибавилъ еще въ титулы «Бѣлая Россія». Въ полное обладаніе западнымъ краемъ Русское правительство вступило однако только при Екатеринѣ II, когда была присоединена бѣлорусско-литовская провинція, при чёмъ это присоединеніе офиціально разсматривалось какъ возсоединеніе съ Россіей ея древней части, Бѣлой Россіи. Извѣстно, что такой взглядъ не раздѣлялся ближайшими преемниками Екатерины II; и Павель, и Александръ I отдавали предпочтеніе польскому элементу, смотрѣли на Литву и Бѣлоруссію, какъ на области польской культуры и содѣйствовали своимъ мѣропріятіями упроченію послѣдней. Возстаніе 1831 года измѣнило отношеніе правительства и побудило его принять мѣры къ обрученію края, но масса крестьянства осталась по прежнему подъ властью польскихъ пановъ, и только польское восстание 1863 года вызвало принятіе болѣе рѣшительныхъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ, надѣленію ихъ землею, расширенію русскаго земле-

владѣнія насчетъ польского и русификаціи края чреѣ посредство церкви, школы, суда и т. д.

Хотя названіе Бѣлой Россіи извѣстно, какъ мы уже сказали, всѣмъ сосѣднимъ съ бѣлоруссами народностямъ, но оно, повидимому, менѣе употребительно, чѣмъ это можно было бы предполагать. Такъ, напр., украинцы смѣшиваютъ бѣлоруссовъ съ литовцами, по крайней мѣрѣ, называютъ ихъ обычно также литвинами. Въ русскихъ документахъ XVII вѣка бѣлоруссы часто тоже не отличаются отъ литовцевъ, да и теперь въ прилегающихъ къ Бѣлоруссіи губерніяхъ, напр., въ восточныхъ уѣздахъ Смоленской, на части Бѣлорусской территории смотрятъ какъ «Литву» или даже какъ на «Польшу». Гольские писатели видятъ въ Бѣлоруссіи большей частью Русь Литовскую и склонны разсматривать бѣлоруссовъ какъ народность болѣе близкую къ полякамъ, чѣмъ къ великоруссамъ, или малороссамъ,—взглядъ, который если принять гипотезу акад. Шахматова—не лишенъ нѣкотораго основанія. Занимая довольно обширную территорію, обхватывающую нѣсколько губерній, бѣлоруссы сосѣдятъ съ нѣсколькими народностями, съ которыми они отчасти смѣшались, подпали ихъ вліянію, а отчасти, наоборотъ, подчиняютъ ихъ своему. Такъ на сѣверо-западѣ сосѣдями ихъ являются латыши; на западѣ литовцы и поляки, изъ которыхъ послѣдніе имѣютъ болѣе сильное вліяніе, въ результатѣ котораго часть бѣлоруссовъ окатоличилась и ополячилась; на югѣ мѣстами трудно провести рѣзкую границу между бѣлоруссами; на востокѣ замѣ чаются переходы отъ бѣлорусского нарѣчія къ южному великорусскому, которое съ течениемъ времени распространяется насчетъ бѣлорусского. Мѣстами, однако, бѣлорусская рѣчь вытесняетъ сосѣднія; такъ, напр., въ Курляндской губ. она кое гдѣ вытесняетъ латышскую, а въ Виленской—литовскую. Граница между нарѣчьями идетъ вообще извилистою линіею, особенно на западѣ, гдѣ она образуетъ три—четыри большихъ выступа, обращенныхъ къ западу и раздѣленныхъ соответственными выступами, обращенными къ востоку. Первые соответствуютъ распространенію бѣлоруссовъ, вторые—латышей и литовцевъ. На востокѣ имѣется также слегка извилистая граница, причемъ выступы направлены болѣе съ востока на западъ. На югѣ бѣлоруссы выдвинулись широкимъ клиномъ по теченію Припяти до впаденія ея въ Днѣпръ, но и малороссы, къ западу отсюда, подвинулись широкой полосой къ сѣверу, заселивъ всѣ Пинскія болота, большую часть Полѣсся, до самой Припяти, даже перейдя ее и р. Ясельду. Эти польские малороссы, польщики и пинчуки, отличаются отъ болѣе южныхъ, степныхъ украинцевъ и физическимъ типомъ, и нарѣчіемъ, и многими особенностями быта, представляя какъ бы переходъ къ бѣлорусскимъ пользамъ, также занесеннымъ сюда въ лѣса и болота Волынско-Минскаго Полѣсся.

Извѣстный изслѣдователь бѣлоруссовъ, академикъ Карскій насчитываетъ 14 губерній, въ предѣлахъ которыхъ распространены бѣлоруссы, именно: Витебская, Курляндская, Ковенская, Сувалкская, Виленская, Грод-

ненская, Минская, Могилевская, Черниговская, Орловская, Калужская, Смоленская, Тверская и Псковская, и указывает еще на бѣлоруссія поселенія и на слѣды бѣлорусского нарѣчія въ губерніяхъ Курской, Харьковской, Нижегородской, Московской и др. Но, конечно, говоря о сплошной и безспорной территории, мы не можемъ принимать во вниманіе острововъ и мелкихъ развѣтвленій бѣлорусской народности, занимающихъ только окраины губерній и насчитывающихъ по нѣсколько сотъ или тысячъ, самое большее по 2—3 десятковъ тысячъ бѣлорусского народа. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ окраинныхъ губерній Карской, не обладая достаточными статистическими свѣдѣніями, предполагаетъ большее число бѣлоруссовъ, чѣмъ оно приводится въ официальныхъ источникахъ, напримѣръ, болѣе 10 тысячъ для Калужской, до 45 тыс. для Тверской, но онъ не представляетъ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мнѣ представляется, что необходимо исключить губерніи съ малымъ числомъ бѣлоруссовъ, не только такія какъ Харьковскую, Курскую, Московскую, но и Калужскую, Орловскую, Тверскую, Псковскую, Курляндскую, Сувалкскую и почти всю Ковенскую. Остается такимъ образомъ семь губерній, но и онъ не могутъ войти цѣликомъ въ бѣлорусскую территорію, отчасти потому, что бѣлоруссы занимаютъ только меньшую часть этихъ губерній, а отчасти вслѣдствіе того, что по Брестскому договору нѣкоторыя доли бѣлорусской земли должны отойти къ Литвѣ и Польшѣ. По этому договору именно западная граница Бѣлоруссіи выпрямляется и отъ нея отходятъ три обращенные на западъ выступы. Сѣверный изъ нихъ небольшой и заключаетъ въ себѣ часть Двинского уѣзда, Витебской губ. и часть Ново-Александровскаго Ковенской губ. Въ Двинскомъ уѣздѣ бѣлоруссы не составляютъ большинства населенія, такъ же какъ и въ Ново-Александровскомъ, гдѣ преобладаетъ польская и литовская рѣчь, хотя имѣется и рядъ волостей исключительно бѣлорусскихъ. Второй выступъ больше и образованъ частью Виленской губ., уѣздами Виленскимъ, Трокскимъ, частями Свенцянскаго и Ошмянского. Въ Трокскомъ уѣздѣ бѣлоруссы составляютъ только $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ населенія (преобладаютъ литовцы), въ Виленскомъ—около 30%, въ Свенцянскомъ—до 45%, въ Ошмянскомъ—до 80%, но изъ этихъ двухъ послѣднихъ уѣзовъ отходятъ только западныя части, гдѣ процентъ бѣлоруссовъ меньше. Что касается Вильны, то городъ этотъ, нѣкогда бывшій культурнымъ центромъ Бѣлой Россіи, выказываетъ очень мало бѣлорусского; бѣлоруссы составляютъ въ немъ только $\frac{1}{24}$ его населенія, и преобладаютъ въ немъ евреи (62 т.), поляки (50 т.) и великоруссы (31 т.); литовцевъ имѣется еще меньше, чѣмъ руссовъ (около 3 т.). Третій, самый большой выступъ обнимаетъ Гродненскую губернію съ уѣздами Гродненскимъ, Сокольскимъ, Бѣлостокскимъ, частями Бѣльского, Пружанского, Волковыскаго и часть Лидскаго уѣзда, Виленской губ. Здѣсь бѣлоруссы, составляютъ въ общемъ около 45% населенія, но въ различныхъ уѣздахъ они распределены неравномѣрно. Такъ, въ Бѣльскомъ уѣздѣ ихъ очень мало (3 т. на 165 т.), въ Бѣлостокскомъ они составляютъ только четверть населенія (въ гор. Бѣлостокѣ не болѣе

$\frac{1}{23}$), но въ остальныхъ они образуютъ преобладающее населеніе, хотя въ г. Гроднѣ къ нимъ относится не болѣе $\frac{1}{8}$ жителей. Такимъ образомъ здѣсь должно отойти болѣе полумилліона, а съ другими двумя выступами до миллиона бѣлоруссовъ.

На югъ, какъ сказано, замѣчается распространеніе къ сѣверу малоросовъ, которые пошли до Припяти и даже мѣстами перешли ее, хотя и бѣлоруссы кое гдѣ распространились къ югу отъ Припяти. Во всякомъ случаѣ Припять является естественной границей, и притязаніе Украина захватить себѣ полосу земли вдоль сѣвернаго берега этой рѣки съ проходящей по ней желѣзной дорогой не имѣть никакихъ основаній, кроме стремленія къ большей экономической выгодѣ. Далѣе, къ востоку Украина желаетъ выправить свою сѣверную границу насчетъ бѣлорусскихъ уѣздовъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Гомельскаго съ ихъ уѣздными городами и проходящей по нимъ желѣзной дорогой черезъ Новозыбковъ къ Брянску, причем предполагаемая граница должна пройти не только по широтѣ, но и направиться косвенно къ севѣро-востоку. Украина заявляетъ именно притязаніе на четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской губ., въ которыхъ украинцевъ почти нѣтъ, и изъ которыхъ Суражскій — чисто Бѣлорусскій, а въ Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и Стародубскомъ преобладаютъ даже великоруссы, въ Стародубскомъ, напр., имѣются многочисленныы колоніи великорусскихъ старообрядцевъ, предки которыхъ поселились здѣсь въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Въ Смоленской губерніи граница между бѣлорусской и великорусской народностью не выражена рѣзко; нѣкоторые, какъ Карскій, и особенно Московская діалектологическая комиссія склонны относить ее слишкомъ къ востоку, даже до Сычевскаго и Вяземскаго уѣздовъ, что даже Карскій считаетъ преувеличеннымъ. По мнѣнію этого изслѣдователя, Гжатскій, Юхновскій, Сычевскій и Вяземскій уѣзды должны быть признаны южновеликорусскими, а остальные 8 уѣздовъ, должны отойти къ бѣлоруссамъ. Однако онъ самъ замѣчаетъ, что къ востоку отъ Смоленска бѣлорусское нарѣчіе все болѣе уступаетъ мѣсто великорусскому. Во всякомъ случаѣ, граница Бѣлоруссіи охватываетъ большую западную часть Смоленской губерніи.

Подводя итоги нашему разсмотрѣнію границъ мы можемъ придти къ такому заключенію, что въ естественные предѣлы Бѣлоруссіи должны войти губерніи: Витебская, Виленская и Гродненская въ большей ихъ части, почти вся Минская и вся Могилевская, четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской и большая западная половина Смоленской губ. Карскій опредѣляетъ общую численность бѣлоруссовъ къ концу 1917 приблизительно въ 9, 3 милл., но если вычесть отсюда бѣлоруссовъ губерній Калужской, Курляндской, Орловской, Сувалковской, Псковской, Тверской и Ковенской, то остается около 9 миллионовъ, изъ которыхъ надо выключить около миллиона населенія, отходящаго по Брестскому договору къ Литвѣ и Польшѣ, да еще неизвѣстное число, оспариваемое Украиной. Если домогательства ея увѣнчиваются успѣхомъ, то къ ней должны будутъ отойти около 600 тыс.

бѣлоруссовъ и тогда останется самое большое около 7—6 миллионовъ бѣлорусского народа, имѣющаго право на политическо-национальную автономію, въ ближайшей связи, какъ слѣдуетъ надѣяться, съ Великороссіей. Но мнѣ хочется думать, что это распаденіе на части Россіи не будетъ вѣчнымъ, что части эти сознаютъ наконецъ потребность и необходимость въ возсоединеніи, въ образованіи снова общей Великой Россіи, но не съ преобладаніемъ одной части надъ другой, не съ ограниченіемъ правъ отдѣльныхъ народностей, а съ полнымъ ихъ равноправіемъ и со свободой культурнаго развитія каждого изъ нихъ, при разумномъ соединеніи, конечно, интересовъ частныхъ съ общими и при дружной работѣ интеллигенціи, всѣхъ ея частей въ общихъ цѣляхъ духовнаго прогресса и народнаго блага.

Д. Анучинъ

11 августа 1918 г.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БѢЛОРУССІИ.

Подъ именемъ Бѣлоруссіи обыкновенно разумѣются слѣдующія губерніи: Смоленская, Могилевская, Витебская и Минская, въ общей сложности занимающія свыше 200 тысячъ кв. верстъ (210.148.6 по исчислению Стрѣльбицкаго) и по пространству всѣ вмѣстѣ приблизительно равняющіяся Венгриѣ безъ Кроатскихъ земель. По своему географическому положенію эта область соотвѣтствуетъ сѣверной Германіи, средней Англіи и въ южныхъ своихъ частяхъ Бельгіи. Наибольшее пространство занимаетъ Минская губернія—80,152 кв. версты, затѣмъ слѣдуетъ Смоленская—49,212 кв. верстъ, Могилевская—42,134 кв. версты и, наконецъ, Витебская—38,649 кв. верстъ. На всемъ своемъ протяженіи эта область не представляетъ однообразнаго цѣлаго въ смыслѣ формъ своей поверхности. Мы встрѣчаемъ здѣсь типичный моренный ландшафтъ на сѣверѣ, являющійся продолженіемъ моренно-озерной страны финно-балтійскаго побережья, и переходящій на с.-з. въ ровную, слегка наклоненную къ морю низменность, такъ называемое озерное плато восточной Пруссіи, уходящее въ необозримую даль береговъ Балтики и дальше къ Сѣверному морю. Крайній сѣверо восточный уголъ занимаютъ живописные скаты Валдайскихъ холмовъ, заходящіе сюда изъ сосѣдней средне-русской области, а съ востока почти во всю длину, попереckъ протянулась холмистая гряда невысокихъ уваловъ, извѣстная подъ именемъ Бѣлорусскихъ возвышенностей, дальше теряющаяся по ту сторону Днѣпра и Березины среди сосѣднихъ литовскихъ равнинъ.

Къ сѣверу отъ этого центрального пояса холмовъ простирается плоская водораздѣльная возвышенность, покрытая сплошнымъ заболоченнымъ лѣсомъ, такъ наз. Днѣпровско-Двинскій водораздѣль, сѣверный край котораго очерченъ верхнимъ теченіемъ Западной Двины, а южный верхнимъ-же теченіемъ Днѣпра. Обѣ эти рѣки берутъ здѣсь свое начало среди лѣсистыхъ, непроходимыхъ болотъ. Къ востоку стекаютъ истоки Угры и Вазузы, несущіе свои воды въ Оку. Такимъ образомъ эта плоская возвышенность является важнѣйшимъ центромъ распределенія водъ для всей русской равнинѣ. Здѣсь зараждаются главнѣйшія русскія рѣки: Волга съ Окой, Днѣпръ съ сѣверными своими притоками: Березиной, Сожемъ и Десной и Западная Двина съ Межой и Обшей. Совершенно иной характеръ носить южная часть нашей области. Холмистый ландшафтъ здѣсь исчезаетъ, и мѣстность переходитъ въ заболоченную равнину въ видѣ гигантской ложбины, опущенную въ серединѣ и приподнятую по краямъ.

По дну ея течеть притокъ Днѣпра—Припять, а съ приподнятыхъ краевъ стекаютъ правые и лѣвые притоки, образующіе густую мелкую водную сѣть, сложный, запутанный лабиринтъ водныхъ протоковъ съ болотами между ними, одно необъятное царство воды, особенно весной во время разлива—такъ называемое Полѣсье. Таковъ общий характеръ рельефа этой страны. Онъ не носить ни характера цѣльности, ни характера законченности. Моренная гряда на сѣверѣ, среднерусскіе холмы въ серединѣ, польская низменность на югѣ Внутреннія, вулканическія силы земли, повидимому, не сыграли сколько нибудь значительной роли въ выработкѣ основныхъ чертъ этого ландшафта, но тѣмъ большее вліяніе оказали и продолжаютъ оказывать внѣшніе дѣятели, льды, текучія волны и вѣтеръ. Льды нагромоздили морены и выдолбили ложбинны озеръ. Рѣки размыли долины и нанесли песчаныя дюны, а вѣтеръ, какъ бы стараясь стереть эту скульптурную работу льда и воды, развѣвалъ, разносить и разсыпалъ измельченный непогодами материалъ, засыпая ложбинны, выравнивая неровности, разрушая холмы. Этотъ процессъ неустанной борьбы тянулся и тянется десятками, сотнями миллионовъ лѣтъ: онъ незакончился еще и теперь и никогда не закончится, доколѣ будутъ существовать на землѣ вода и воздухъ и доколѣ будутъ они приводиться въ движеніе energіей солнечныхъ лучей.

Вѣчно измѣняется поверхность земли и нѣтъ на ней ни одного уголка, который избѣжалъ бы этой участіи, и не могла избѣжать и не избѣжала ее и наша область въ теченіе длиннаго ряда географическихъ эпохъ. Не разъ она въ этотъ гигантскій періодъ времени то покрывалась волнами моря, то становилась сушей, обнажая морское дно, то снова исчезала подъ водой и т. д. и т. д. въ безконечной смѣнѣ временъ, смѣнѣ моря и суши. Не всѣ детали, не всѣ подробности изъ этой исторіи географическихъ эпохъ извѣстны намъ съ достаточной полнотой, но тѣмъ не менѣе общую картину этихъ измѣненій мы можемъ уже и теперь начертать съ извѣстной степенью точности. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что геологическая исторія нашей области всегда была лишь частью геологической исторіи великой русской равнинѣ; то покрывалась она волнами моря, то высыхала вновь вполнѣ или отчасти, когда покрывалась моремъ или становилась вновь сушей и русская равнина. Правда, остатки и памятники этой гигантской борьбы суши и моря не всегда ясно различими здѣсь въ Бѣлоруссіи; часто скрыты они подъ мощной пеленою ледниковыхъ отложений, широкимъ плащемъ одѣвающихъ современную намъ поверхность, частью когребены на днѣ недоступныхъ, обширныхъ болотъ, по пространству не имѣющихъ себѣ равныхъ, покрайней мѣрѣ, въ нашей части свѣта. Но тѣмъ не менѣе все же удалось установить мощнную свиту пластовъ Девонской системы, выраженную известняками и доломитами, т. е. несомнѣнными остатками моря и протянувшуюся по сѣверу нашей области въ направлѣніи съ с.-з. на ю.-в., по всей Витебской губерніи сѣверной части Могилевской и западной части Смоленской. Эта полоса девонскихъ отложений яв-

ляется лишь отдельнымъ звеномъ длинной ленты такихъ же отложенийъ, наискось прорѣзавшихъ русскую равнину отъ современной Псковской губерніи на сѣверъ, до Тамбовской на югъ, проходя по Калужской, Орловской, Тульской и Рязанской губерніямъ (центральная девонская ось Мурчиссона). И такъ, въ то далекое, далекое время, когда еще зарождались въ моряхъ первые рыбы, единственные представители позвоночнаго царства, на сѣверъ Бѣлоруссіи протянулся широкій и глубокій морской проливъ очерченный плоскими и, вѣроятно, невысокими берегами; покрайней мѣрѣ, никакихъ слѣдовъ горныхъ складокъ по сторонамъ его не найдено. Но вотъ протекли десятки, а можетъ быть и сотни тысячелѣтій и картина русской равнинны измѣнилась. Суша и море помѣнялись мѣстами. Въ центрѣ равнинны образовался обширный морской бассейнъ — такъ наз. Каменноугольное море, названное такъ потому, что вдоль плоскихъ затопленныхъ береговъ его отлагались угли-продуктъ гнѣзда болотныхъ растеній, какъ и теперь въ нашихъ болотахъ отлагается торфъ; только здѣсь были затоплены и гнили цѣлые лѣса древоводныхъ папоротниковъ, хвошой и плауновъ, теперь въ нашихъ лѣсныхъ болотахъ такихъ маленькихъ, нискорослыхъ, невзрачныхъ, а тогда составлявшихъ настоящіе высокоствольные лѣса. Въ это время мы имѣемъ первыя остатки наземныхъ растеній, первыя, ясно сохранившіяся слѣды лѣсовъ. Это внутреннее море на востокѣ омывало только чуть зарождавшіяся складки Урала, а на западѣ низкимъ берегомъ ему служила наша область, въ своихъ центральныхъ частяхъ, какъ разъ тамъ, гдѣ въ предшествующій періодѣ колыхалось уже упомянутое девонское море, теперь уже ставшее сушей. Весь западъ Смоленской губерніи залитъ водами этого новаго моря, которое дальше уходило въ центральную область Россіи.

Но снова проходятъ тысячелѣтія за тысячелѣтіемъ и снова высыхаетъ и это море, снова сбнажается его дно и въ нашей области на долго утверждается континентальный періодъ — она становится сушей. Ни остатковъ пермскихъ, ни слѣдующихъ за ними триасовыхъ морей здѣсь не найдено. Только незначительные слѣды слѣдующей Юрской системы, сильно размытые позднѣйшими морями въ видѣ маленькихъ островковъ ксѣ-гдѣ найдены близъ самого Смоленска, въ Рославльскомъ и Юхновскомъ уѣздахъ, какъ одинокіе свидѣтели тѣхъ далекихъ временъ, когда впервые надъ землей поднялись первыя птицы. Но эти остатки размыты моремъ слѣдующей, вновь наступившей эпохи мѣловаго періода. Это море имѣло широкое распространеніе въ южной части области. Его осадками выслано все дно полѣсской низменности, а на поверхность они выходятъ главнымъ образомъ по теченію Сожа въ Могилевской губерніи и по лѣсному берегу Днѣпра; по Березинѣ и по правому побережью Днѣпра они снова уходятъ въ глубь, подстилая собою пески и глины слѣдующей третичной системы, уже относящейся къ новымъ вѣкамъ истории земли, и тоже сохранившейся въ видѣ небольшихъ размытыхъ островковъ. Но особенного вниманія заслуживаютъ мощно развитые въ сѣверной половинѣ рассматриваемой об-

ласти ледникозыя образованія, слогающія собою весь своеобразный рельефъ «могрѣнной страны» Витебской губерніи и съверной части Смоленской. Могучій ледникъ, надвинувшійся сюда изъ Финляндіи принесъ съ собою цѣлые груды обломковъ скаль и камней и уложилъ ихъ правильными рядами вдоль своего движенія, т. е. съ сѣвера на югъ—это такъ называемые боксовые морены, отлогавшіяся по краямъ ледника. Разрушаясь отъ непогоды эти сгруженные въ длинные валы обломки финляндскихъ гранитовъ разсыпались на свои составные минеральныя части, образуя глинисто-песчаные холмы. Самымъ значительнымъ образованіемъ этого рода является Невельская гряда, прорѣзывающая съверную часть Витебской губерніи и упирающаяся въ глубокую излучину З. Двины. Такими же обрѣзованіями являются и многочисленныя «Озы»—узкіе песчано-глинистые холмы, покрывающіе собою всю Задвинскую часть области. Мѣстами направленіе этихъ холмовъ мѣняется, и вмѣсто съверо-южного, или съверо-западного становится юго-западно-съверо-восточнымъ и даже западно-восточнымъ, т. е. здѣсь моренный матерьяль отложился не вдоль движенія ледника, а поперецъ его. Это такъ называемые южныя морены, характеризующія и опредѣляющія собою границу распространенія отдѣльныхъ вѣтвей нацигавшагося ледника. Здѣсь скоплялся весь сносимый ледникомъ матеріалъ въ видѣ обломочной гряды и здѣсь онъ оставался послѣ таянія ледника, какъ пограничный валъ его распространенія. Тамъ, где ледникъ отступалъ быстро, онъ не успѣвалъ накоплять конечныхъ моренъ, и только выравнивалъ мѣстность, по которой двигался и устикалъ ее измельченнымъ матеріаломъ, такъ называемой «подонной морены»—результатъ тренія ледника о поверхность. Такъ образовалось ровное плато уже упомянутаго нами Двинско-Днѣпровскаго водораздѣла, такъ называемый «оковскій лѣсъ» расположенный въ съверной части Смоленской губерніи. Къ югу отъ этого водораздѣла въ съверныхъ частяхъ Минской и Могилевской губерній и даже въ южной и восточной части Смоленской общей характеръ рельефа существенно измѣняется. Долина Верхняго Днѣпра можетъ считаться приблизительной границей моренныхъ отложений. Къ востоку и югу отъ нея слѣды ихъ теряются, и хотя мѣстность по прежнему носить холмистый характеръ, но сами эти холмы явились результатомъ иныхъ процессовъ не имѣющихъ ничего общаго съ дѣятельностью ледника. Не ледъ, а текущія воды явились творцами и ваятелями этого мягкаго волнистаго ландшафта. Врѣзаясь своими долинами въ рыхлые легко поддающіеся размывамъ породы, слогавшіе однообразную плоскую страну, онъ изрѣзали ее во всѣхъ направленіяхъ и превратили въ запутанный лабиринтъ не высокихъ холмовъ и долинъ между ними. Но такъ какъ эта холмистая гряда имѣеть определенное направленіе и форму съ довольно ясно выраженными краями на съверъ и на югъ, то весьма возможно, что она въ своемъ протяженіи подчиняется гораздо болѣе древнимъ, скрытымъ теперь формамъ рельефа. Возможно, что подъ ней погребены остатки нѣкогда складчатаго рельефа, который своими стертыми теперь линіями и намѣтиль ея про-

стираніе. Правда, ясно выраженныхъ складокъ въ предѣлахъ этой области нигдѣ не наблюдается, но уже южнѣе ея, почти у самой границы въ области Волынского Полѣсся протянулась скрытая въ землѣ почти ничѣмъ не выразившаяся въ рельефѣ, полоса складчатаго горнаго кряжа, идущая поперекъ всей южной Россіи отъ горъ Мангишлака на восточномъ берегу Каспійскаго моря, черезъ Донецкій кряжъ, губернію Полтавскую, гдѣ она выходитъ на поверхность у села Исачки, Кіевскую, гдѣ она обнаруживается у Канева и Волынскую у Березовца, до Келецко-Сандомирскаго кряжа. Съвернѣй этой линіи до сихъ поръ не было известно слѣдовъ складокъ, но косвеннымъ доказательствомъ того, что эти процессы складчатости еще не закончились и имѣютъ болѣе широкое распространеніе служать недавно изслѣдованные проф. Тутковскимъ, такъ называемые «Полѣсскіе окна», т. е. рядъ артезіанскихъ ключей, бьющихъ изъ подъ толщи ила и выносящіе черезъ трещины въ мѣловой породѣ глубинную артезіанскую воду. Такіе ключи тѣсно связанные съ образованіемъ трещинъ въ основной породѣ, подстилающей нижніе водонесные горизонты поверхностныхъ водъ, обычно идутъ вдоль линій, связанныхъ съ разломомъ и перемѣщеніемъ этихъ горныхъ породъ съ такъ называемыми «дислокационными линіями». Весьма вѣроятно, что «Полѣсскія окна» Тутковскаго ничто иное, какъ вѣнчее выраженіе этихъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ области Полѣсся. Но если это такъ, то все же въ силу своего ограниченного распространенія эти процессы не могли принять серьезнаго участія въ выработкѣ формъ поверхности въ нашей области, гдѣ главная роль принадлежала инымъ дѣятелямъ: льду, воздуху и водѣ.

Какъ выше было упомянуто въ выработкѣ рельефа страны крупную роль сыграли текучія воды. Характеръ и важность этихъ рѣчныхъ системъ здѣсь въ нашей области далеко не одинаковы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно встрѣтить самыя разнообразныя формы рѣкъ, начиная отъ озерныхъ рѣкъ, узкими протоками соединяющихъ рядъ, еще неуспѣвшихъ исчезнуть озеръ-рѣкъ, характеризующихъ собою страну лишь недавно освободившуюся отъ ледникового покрова, до мощно развитыхъ водныхъ артерій Днѣпра и Западной Двины, текущихъ уже въ хорошо выработанныхъ долинахъ. Начиная отъ временно исчезающихъ карстовыхъ рѣчекъ Смоленской губерніи въ родѣ Поники до оригинальныхъ полѣсскихъ рѣкъ съ ихъ естественными дамбами по берегамъ и съ ихъ ложемъ, возывающимся надъ окрестной мѣстностью, такъ что вся рѣка течетъ какъ бы по громадному валу; причина этого послѣдняго оригинального явленія заключается въ томъ, что здѣсь, благодаря необычайно малому уклону паденія рѣки, что зависитъ, конечно, отъ почти полной горизонтальности, осадочный матеріалъ накопляется на днѣ въ громадномъ количествѣ и постепенно повышаетъ дно рѣки, которая течетъ въ ею самою созданныхъ берегахъ.

Что касается исчезающихъ рѣкъ (Паникли), то они встрѣчаются всегда въ областяхъ, гдѣ находятся породы легко размываемыя водой, въ

родъ, напримѣръ, известняка. Такія породы—известняки каменноугольной системы встрѣчаются на востокѣ нашей области, гдѣ и можно поэтому наблюдать эти «карстовые» явленія.

Рѣки озерного типа въ большомъ количествѣ встрѣчаются среди моренного ландшафта въ Витебской губ. Среди этихъ моренныхъ холмовъ и залегающихъ между ними озера, частью выдолбленныхъ, спадавшими съ высоты потоками таявшаго и отступавшаго ледника, частью, выпаханныхъ тренiemъ самого ледника, частью запруженныхъ надвигавшимися моренами, преградившими путь какой нибудь рѣкѣ, здѣсь еще живы воспоминанія о ледникѣ, уже значительно потускневшія на югѣ и даже въ центрѣ нашей области. Рѣки соединяющіе гирлянды сзеръ, рѣки, едва начинающія только вырабатывать себѣ долины, рѣки, загроможденныя валунами и образующія пѣнистые пороги—таковъ общий характеръ и общая картина здѣшнихъ водныхъ системъ. Нѣсколько дальше къ югу, за предѣлами моренной страны, гдѣ раньше освободилась мѣстность изъ подъ ледникового покрова, рѣки уже частью успѣли спустить воду озеръ, которыхъ они соединяли и образовать характерные четкообразные долины въ видѣ амфитеатра, въ серединѣ которого протекаетъ водный потокъ. Еще дальше къ югу мы встрѣчаемъ еще болѣе старыя рѣки, текущіе уже въ хорошо выработанныхъ долинахъ, часто съ ясно выраженными террасами по стоянкамъ, слѣды прежняго русла рѣки, болѣе высокаго, когда рѣка еще не успѣла врѣзаться въ современные берега.

Въ области Польсія мы встрѣчаемъ и весьма оригинальную область, образующую одну непрерывную, чрезвычайно сложную, переплетающуюся сѣть рѣкъ, рѣченокъ, рукавовъ и притоковъ, перемежающихся съ озерами, болотами, песчаными холмиками между ними; Весною эта мѣстность представляется какъ-бы однимъ обширнымъ озеромъ, изъ которого изрѣдка выдаются небольшія островки, а лѣтомъ огромнымъ жидкимъ болотомъ. Здѣсь лежать огромные Пинскіе болота образованыя главными притоками Припяти. Благодаря незначительному уклону живая сила воды очень не велика, и рѣки дѣлятся на множество рукавовъ, часто выступая изъ береговъ и затопляя окрестную мѣстность при малѣйшемъ повышеніи уровня воды и образуя такимъ образомъ какъ бы одно огромное болото. Низменные болотистые берега покрыты зарослями тростника и камыша, а на песчаныхъ островкахъ пріютятся чахлые сосновые лѣса. Вся площадь собственно Пинскаго полѣсія заключаетъ въ себѣ громаднѣшее пространство 2.400.000 десятинъ при 8.000.000 десятинъ всей польсской низменности. Эта величайшее заболоченное пространство въ Европѣ. Правое побережье Припяти болѣе возвышенное и потому болѣе сухое, хотя и здѣсь еще встрѣчаются обширныя болота, но уже значительно осушенные естественнымъ процессомъ торфообразованія. Съ лѣвой стороны въ бассейнѣ Березины мѣстность уже постепенно теряетъ свой польсскій характеръ, количество болотъ значительно уменьшается, рѣки текутъ въ болѣе высокихъ берегахъ,

болота расположены лишь въ верховьяхъ рѣкъ или рѣчныхъ поймахъ и имѣютъ характеръ котловинъ.

Вся Полѣсская низменность представляетъ собою громадную котловину, приподнятые края которой составляются на сѣверѣ Бѣлорусской грядой, на востокѣ отрогами средне-русской возвышенности, а на югѣ и западѣ Авратынской возвышенностью. Дно этой котловины выслано мѣловыми слоями, а сверху лежать пески и болота. Послѣ отступленія ледника, его талыя воды наполнили эту котловину и образовали гигантское озеро, которое постепенно стало заполняться пескомъ и иломъ, сносившимися сюда соѣдними потоками, питавшими это озеро. Скопившаяся вода проложила себѣ путь въ Днѣпръ, образовавъ систему Припяти, но благодаря ничтожному уклону мѣстности, часть водъ стала застаиваться и образовала сначала озера, а потомъ и болота.

Такимъ же доисторическимъ озеромъ, по только расположеннымъ значительно выше является и Оковскій лѣсъ, замѣтный тѣмъ, что въ немъ находится истокъ Днѣпра, которымъ считается заросшая лѣсомъ торфяное болото при деревнѣ Клецовой Бѣльского уѣзда, Смоленской губерніи Маленькой, еле замѣтной струйкой, часто теряющейся въ болотахъ, вытекаетъ здѣсь Днѣпръ и только отъ впаденія рѣки Вязьмы становится сколько-нибудь значительной рѣкой, а отъ Дорогобужа онъ даже весной становится судоходнымъ. Настоящее же судоходство начинается только отъ Орши. Отъ впаденія Березины Днѣпръ становится многоводной рѣкой, гдѣ судоходство беспрепятственно продолжается всю навигацію. Всѣхъ притоковъ Днѣпра насчитываютъ въ нашей области до 56, но среди нихъ наибольшее значеніе имѣютъ Березина, Припять и Сожъ, изъ которыхъ первые два служатъ началомъ искусственныхъ водныхъ путей Березинскаго и Огинскаго соединяющихъ Днѣпръ съ Балтійскомъ моремъ.

Второй по важности и значенію рѣкой нашей области является Западная Двина, истокъ которой озеро Охватъ—Жаденѣ лежить не въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, хотя и недалеко отъ ея границъ. Ея первые притоки Межа и Обша, впадающая въ Межу и раньше считавшаяся за главный ея истокъ, лежать уже въ предѣлахъ описываемой области. Хотя рѣка и судоходная отъ впаденія рѣки Межи, но судоходству мѣшаютъ пороги, расположенные группами. Не мало судоходству мѣшаютъ и мели. Но не смотря на всѣ эти недостатки, рѣки въ предѣлахъ рассматриваемой области являются важными путями торговыхъ сношеній и наибольшее участіе въ этомъ грузовомъ движеніи принимаетъ Днѣпръ (12% , отправляемыхъ грузовъ и 14% , всѣхъ принимаемыхъ), Березина ($11,8\%$, отправляемыхъ и 19% , приб.), З. Двина, $11,5\%$, отправл. и 27% , приб.), Сожъ (8% , отправлено, 12% , прибыло), Припять (6% , отправл. $1,5\%$, прибыло), Нѣманъ (5% , отправлено, 2% прибыло).

Главнѣйшимъ грузомъ здѣсь являются лѣсные строительные материалы и дрова. Количество всего отправленного лѣса достигало за послѣднее десятилѣтіе 95% всего отправляемаго груза, а равно и около 60% всего

прибывшаго груза. Само собою разумѣется, что это значеніе рѣчныхъ системъ, какъ путей сношеній ни въ какой мѣрѣ нельзя сравнивать съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ имѣли раньше. При заселеніи русской равнины рѣки являлись тѣми артеріями, по которымъ двигалось и разселялось пришлое населеніе, а водораздѣлы служили обычно границами племенъ, гдѣ и возникали важные пункты торговыхъ сношеній. Въ этомъ отношеніи описываемая область была поставлена въ особо благопріятныя условія, такъ какъ она занимаетъ какъ разъ водораздѣль важнейшихъ водныхъ штей, соединяющихъ Балтійское и Черное моря—знаменитый исторический путь «изъ Варягъ въ Греки». Средоточіемъ сѣверной части этого пути былъ Смоленскъ, а самый путь шелъ изъ Балтійского моря черезъ рѣку Неву, Ладожское озеро, рѣку Волховъ, озеро Ильмень, рѣку Лавать, волокомъ къ Западной Двинѣ, оттуда по притоку ея Каспль, волокомъ до Днѣпра и по Днѣпру.

Западная Европа сносилась съ восточной точно также по тѣмъ же рѣчнымъ системамъ. Западная Двина, Каспля, Днѣпръ, рѣка Вязьма и притокъ Москва. Это направленіе восточной дороги ясно обозначается монетными кладами, слѣдъ которыхъ можно прослѣдить, отъ устья Западной Двины до средняго теченія рѣки Москвы. Интересно отмѣтить, что въ этихъ кладахъ очень часто встрѣчаются и арабскія монеты, что указываетъ на международный характеръ торговли.

Подобно тому какъ въ отношеніи формъ своего рельефа и въ отношеніи прежней исторіи своихъ геологическихъ судебъ Бѣлорусская область является неотъемлемой частью великой русской равнинны, точно также и въ климатическомъ отношеніи она неразрывно связана континентальнымъ характеромъ своего климата съ климатической областью всей Европейской Россіи и въ этомъ же отношеніи можетъ быть отдѣлена отъ такой же области Западной Европы, скорѣе, имѣющей черты морского, чѣмъ континентального климата. Въ частности Бѣлоруссія должна быть причислена къ сѣверной климатической полосѣ Европейской Россіи, какъ это слѣдуетъ изъ ея географического положенія, такъ какъ она располагается къ сѣверу отъ той полосы высокаго воздушного давленія, которое длинной лентой раздѣляетъ Западную Сибирь и Европейскую Россію на двѣ области — сѣверную и южную приблизительно 52—53 параллели, и которая особенно замѣтна въ зимніе и осенніе мѣсяцы года. Протяженіе этой области высокаго давленія къ югу отъ Бѣлоруссіи вызываетъ здѣсь преобладаніе въ зимнюю половину года южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, т. е. въ общемъ теплыхъ и влажныхъ. Напротивъ того лѣтомъ рѣшительно преобладаютъ вѣтры западного и сѣверо-западного направленія.

Такое распределеніе вѣтровъ, преобладающихъ по сезонамъ вызываетъ и весьма характерное распределеніе температуръ, свойственное, вѣроятно,

не одной нашей области, а скорѣе всей Европейской Россіи. Такъ въ сѣверной и средней части нашей области лѣтнія изотермы приблизительно совпадаютъ съ параллельными кругами, т. е. температура болѣе или менѣе правильно поышается при движениі съ сѣвера на югъ и только въ южной части, въ области Польсья характеръ распределенія изотермъ нѣсколько измѣняется, какъ, напримѣръ, юльская изотерма 20° рѣзко уклоняется къ югу. Такимъ образомъ среднее теченіе Березины (Бобруйскъ) имѣть такую же температуру какъ и сѣверная и среднее теченіе Припяти (Пинскъ-Мозыры). Здѣсь несомнѣнно сказывается охлаждающее вліяніе Пинскихъ болотъ на лѣтнія температуры воздуха.

Но еще резче эта неправильность въ распределеніи изотермъ сказывается зимой и при томъ на всемъ пространствѣ нашей области. Въ январѣ, напримѣръ, изотермы идутъ почти по меридианамъ, т. е., температура падаетъ не при движениі съ юга на сѣверъ, какъ слѣдовало бы ожидало, а съ запада на востокъ. Такъ, Дорогобужъ имѣть среднюю январскую приблизительную -9° , Орша -8° , Борисовъ -7° , Слуцкъ -6° , Пинскъ -5° между тѣмъ какъ Гомель, Борисовъ и Двинскъ имѣютъ одну и ту же январскую температуру -7° . Это ненормальное распределеніе температуръ зависитъ отъ согрѣвающаго вліянія южныхъ вѣтровъ зимою, уравнивающихъ естественные температурные различія болѣе сѣверныхъ и болѣе южныхъ мѣстностей. Правильное паденіе зимней температуры на востокѣ вызывается все ослабляющимъ вліяніемъ теплыхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ съ моря. Въ общемъ нашу область можно раздѣлить въ климатическомъ отношеніи на три части: 1) сѣверо-западная часть за Двиной съ климатомъ свойственнымъ при балтийской низменности съ годовой температурой около 5° , съ менѣе суровой зимой и такимъ же теплымъ лѣтомъ, какъ и въ остальной области; 2) Средняя часть, куда входитъ Днѣпровско-Двинскій водораздѣлъ и Бѣлорусская гряда, т. е. верхнее Поднѣпровье въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь климатъ болѣе суровый и болѣе континентальный, годовая температура 5° , болѣе суровая зима и нѣсколько болѣе жаркое лѣто; 3) Минское полѣсье имѣть наиболѣе теплый и мягкий климатъ во всей этой области, приближающейся къ климату юго-западной Россіи, съ годовой температурой выше 6° , причемъ зима, особенно во второй половинѣ почти на 3° теплѣе сѣверо-востока области, между тѣмъ какъ лѣто только на 1° прохладнѣе. Другими словами во всей нашей области континентальная черты климата рѣзче выражены зимой, чѣмъ лѣтомъ.

По средней продолжительности незамерзаемости рѣкъ Бѣлорусская область можно раздѣлить на три пояса: 1) Сѣверный, куда входитъ большая часть Витебской губерніи и сѣверная Смоленской, гдѣ незамерзаемость въ среднемъ продолжается менѣе 240 дней въ году; 1) средней, состоящей изъ западной и южной частей Витебской губерніи, почти всей Могилевской, южной половины Смоленской и западной Минской, гдѣ незамерзаемость продолжается въ среднемъ болѣе 240 дней и менѣе 250 дней;

3) южной, состоящей изъ Польской части Минской губерніи и прилегающіхъ частей Могилевской (Гомельскій уѣздъ), где незамерзаемость продолжается болѣе 250 дней въ году. Апрѣльскія вскрытия рѣкъ характерны для съверной половины области, а мартовскія для южной Польской; ноябрьскія замерзанія типичны лишь для съверо-восточной части области.

По распределенію осадковъ Бѣлоруссія точно также ничѣмъ почти не отличается отъ остальной части Европейской Россіи. Прежде всего она находится вся до самыхъ западныхъ своихъ границъ въ области преобладанія лѣтнихъ дождей, что составляетъ самое характерное отличие климата Россіи отъ климата западной Европы, где зимніе осадки вообще преобладаютъ. Годовое количество осадковъ нѣсколько больше, чѣмъ въ центральной Россіи, почти такое же, какъ въ сосѣдней озерной области. Это преобладаніе лѣтнихъ дождей больше оказывается на съверѣ области, чѣмъ на югѣ въ Польссы. Въ первой оно лишь въ два раза больше, чѣмъ зимой, во второй—почти въ четыре. Больше всего осадковъ выпадаетъ въ іюль, какъ и въ центральной полосѣ Россіи, меньше всего въ февраль. Наибольшее количество дождливыхъ и снѣжныхъ дней приходится на декабрь, затѣмъ на іюль и августъ, наименьшее на февраль или мартъ и на сентябрь. По снѣжному покрову Бѣлоруссія представляетъ точно также типичную картину для всей Русской равнинѣ, где продольжительный снѣжный покровъ, нестаивающій зимою, представляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ климата, отличающего Россію отъ Западной Европы. На востокѣ нашей области снѣжный покровъ достаточно глубокъ и держится безъ перерыва почти пять мѣсяцевъ съ ноября по середину апрѣля. Въ центрѣ и на съверо-западѣ онъ держится около $3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ съ декабря по мартъ почти безъ перерыва, за крайне рѣдкими исключеніями и, наконецъ, на юго-западѣ въ Польссы онъ держится менѣе 3 мѣсяцевъ съ половины декабря по начало марта, очень не глубокъ и иногда при этомъ среди зимы ставитъ недѣли на двѣ или на три въ январь или февраль.

Засухи здѣсь, если и наблюдаются въ восточной части области, то онѣ крайне рѣдки, непродолжительны и не вызываютъ того губительного вліянія, которое они оказываютъ на растительность черноземной Россіи.

Почвенный покровъ Бѣлорусской области, точно также, какъ и ея рельефъ и ея гидрографическая сѣть является главнымъ образомъ, если неисключительно, наслѣдіемъ ледникового периода. Конечно, не малую роль здѣсь сыграли и климатическія особенности области, а также въ известной мѣрѣ и ея растительный покровъ. Тотчасъ послѣ отступанія великаго ледника вся поверхность нынѣшней Бѣлоруссіи оказалась покрытой моренными отложеніями всевозможныхъ видовъ и образцовъ, начиная отъ круп-

ныхъ валуновъ на съверъ и преимущественно на съверо-западъ и кончая сравнительно мелко-зернистыми отложеніями поддонной морены въ срединѣ области и на востокѣ. На юго-западѣ главную роль сыграли озерныя отложенія Пинскаго полѣсся. Здѣсь непосредственное вліяніе ледника сказалось всего слабѣе. Такъ какъ ледникъ надвигался изъ Финляндіи, т. е. изъ области, гдѣ развиты по преимуществу первозданныя гранитныя породы, то этимъ и опредѣляется минералогический составъ его боковыхъ и конечныхъ моренъ, а также и тѣхъ валуновъ, которые принесъ и разбралъ всюду ледникъ, какъ памятники своего пребыванія на этихъ мѣстахъ. Разсыпаясь и развѣваясь отъ непогоды, эти морены и эти одиночные валуны дали начало пескамъ и глинамъ, то съ преобладаніемъ первой, гдѣ преобладала кварцевая парода, то съ преобладаніемъ второй, гдѣ преобладали силикаты, т. е. кремневыя соли аллюминія, главныя составныя части глины.

Минеральный характеръ поддонной морены обусловленъ уже въ значительной степени минеральнымъ составомъ той поверхности, лучше сказать того ложа, по которому скользить ледникъ. Такимъ ложемъ для движенія великаго ледника были главнымъ образомъ девонскія отложенія, состоящія изъ известняковъ, доломитовъ и песчаниковъ, частью каменноугольныя, состоящія тоже изъ известняковъ и глинистыхъ сланцевъ; на югѣ при соединялись мѣловые отложенія, состоящія изъ мѣла и тѣхъ же песчаниковъ и, наконецъ, въ ограниченномъ размѣрѣ третичныя глины и песчаники. Отсюда само собой вытекаетъ, что поддонная морена могла дать материалы для образованія глинисто песчаныхъ и мергелистыхъ, т. е. мѣловыхъ почвъ. Въ результатѣ смѣшеніе должны были получиться суглинки и супески, т. е. глины съ примѣсью песковъ и обратно. Чистые кварцевые пески залегли преимущественно по теченіемъ рѣкъ, какъ результатъ ихъ разливовъ. Вотъ почему ихъ особенно много на юго-западѣ въ области Полѣсся. Здѣсь же должны были образоваться и почвы болотнаго типа.

Но на характеръ почвъ не могли не отразиться и климатичнскія особенности края, особенно въ связи съ растительнымъ его покровомъ. Первеннѣющее значение здѣсь имѣютъ процессы разложенія и перегниванія растительныхъ остатковъ, которые образуютъ органическую, такъ называемую, гумусовую часть почвы. Если этотъ процессъ идетъ при свободномъ доступѣ кислорода, то разложеніе совершаются до конца и органическихъ остатковъ, т. е. углеродистыхъ соединеній можетъ въ почвѣ оказаться очень мало, какъ это имѣть мѣсто во влажно-жаркихъ областяхъ земного шара, но если къ разлагающемуся органическому веществу доступъ кислорода по тѣмъ или инымъ причинамъ затрудненъ, то разложеніе можетъ замедлится и остановится на промежуточной ступени, характеризующейся образованіемъ такъ называемыхъ гумусовыхъ кислотъ. Это всегда имѣть мѣсто при перегниваніи растительныхъ остатковъ подъ лѣснымъ покровомъ, гдѣ застаиваются дождевыя воды и мѣшаютъ свободному проникновенію въ почву кислорода. Образующаця при этомъ въ

большомъ количествѣ гумусовыя кислоты, циркулируя въ почвѣ, растворяютъ почвенные соли, играющія большую роль въ процессѣ питанія растеній. Такая промытая кислотами почва имѣеть сѣровато-пепельный цветъ и носитъ типичное название «подзола». Потерявши значительную часть своихъ растворимыхъ частей, эти почвы, конечно, не плодородны и бѣдны органическимъ матеріаломъ. Въ лѣсахъ нашей области въ условіяхъ сырого климата имѣлись и имѣются всѣ данные для образованія этихъ подзолистыхъ почвъ, столь характерныхъ для этихъ мѣстностей. Само собою разумѣется, что въ болѣе возвышенныхъ и болѣе сухихъ мѣстахъ почвы теряютъ свой подзолистый характеръ и становятся болѣе плодородными.

На крайнѣмъ югѣ нашей области во Мстиславскомъ и частично Климовичскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, были встрѣчены уже мелко-зернистые почвы степного типа, теперь уже покрытыя надвинувшимся сюда лѣсомъ, какъ остатки нѣкогда бывшихъ здѣсь доисторическихъ степей.

Если мы мысленно проведемъ линію, соединяющую С.-Петербургъ съ Нижнемъ Новгородомъ, то къ верху отъ нея мы будемъ имѣть полосу, такъ называемыхъ, таежныхъ лѣсовъ, а къ югу полосу смѣшанныхъ. Въ первой полосѣ преобладаютъ хвойныя породы деревьевъ съ примѣсью мелколистныхъ, каковы береза, осина, частью липа и нѣкоторыя другія. На востокѣ распространены сибирскія хвойные: пихта, лиственница, кедръ. Къ западу они постепенно замѣняются сосной и елью. Обширныя пространства здѣсь занимаютъ моховыя болота и частью застраивающія озера. Вторая полоса характеризуется появленіемъ цѣлаго ряда широколиственныхъ древесныхъ породъ: дуба, ясеня, клена, вяза, но конечно, со значительной примѣсью и мелколистныхъ и хвойныхъ. Озера и болота занимаютъ и здѣсь весьма обширныя пространства. Изъ кустарниковъ почти всегда встрѣчаются крушина, малина и другія. Весьма часты бѣлая ольха и различная породы ивъ, а также и орѣшникъ.

Какъ мы видимъ, наша область лежить вся по южную сторону этой границы и слѣдовательно въ полосѣ смѣшанныхъ лѣсовъ, но въ то же время она собою представляетъ и крайній юго-западный уголъ этой области. Къ западу отъ нея начинается область западно-европейскихъ лѣсовъ, такъ какъ здѣсь появляется цѣлый рядъ древесныхъ формъ свойственныхъ Западной Европѣ, каковы: тиссъ, плющъ, букъ, европейская пихта. Границей ихъ можетъ служить линія соединяющая Ригу, Брестъ, Кельцы. Къ югу расположилась своеобразная область Польсія. Отличительнымъ признакомъ ея служить нахожденіе здѣсь нѣкоторыхъ формъ, свойственныхъ болѣе влажному и мягкому климату, какъ, напримѣръ, граба, можжевельника, тисса и другихъ, но преобладающимъ деревомъ все же является сосна и затѣмъ ель. Моховыя болота, свойственные сѣвернымъ лѣсамъ, здѣсь замѣняются травяными, поросшими осокой, камышемъ, различными видами лютиковъ, пушкицей, нѣкоторыми видами хвощей и проч. Особый типъ болотъ, свойственный только лѣсамъ Польсія, представляютъ, такъ

называемая «гала», имѣющая кочковатую поверхность и поросшая густой растительностью злаковъ и кустарниками ивъ.

«Нижній горизонтъ» лѣсовъ или «подлѣсокъ» составляютъ обычно въ хвойныхъ лѣсахъ, хвоши, плауны, папортники, а также ягодные: брусника, черника, толокнянка и др. Въ лиственныхъ лѣсахъ мы встрѣчаемъ различные виды анемонъ, чистотѣль, ландышъ, а также лютиковые, зонтичные, сложноцвѣтные, мотыльковые и проч.

Водная флора мало чѣмъ отличается отъ таковой же флоры всей Европейской Россіи: это обычные кувшинки, стрѣлолистъ, водокрасъ или лягушечникъ, рѣчной щавель, камышъ, рѣзакъ и др. Равнымъ образомъ и болотная флора не представляетъ сколько нибудь отличительныхъ чертъ по сравненію съ обще-русскою. И здѣсь, какъ и всюду на пространствѣ всей русской равнины ледниковая эпоха наложила свою неизгладимую печать. Она не успѣла стереть окончательно всѣхъ слѣдовъ бывшей до нея, такъ называемой, третичной растительности, а съ другой стороны и послѣ себя оставила многочисленныхъ свидѣтелей своего господства. Особенно много такихъ воспоминаній хранятъ торфяники съвера нашей области, гдѣ погребены остатки чисто полярной растительности, которые теперь можно встрѣтить лишь на крайнемъ съверѣ Россіи, гдѣ нибудь въ Архангельской губ. или въ съверной Сибири. Такъ, напримѣръ, въ этихъ торфяникахъ встрѣчаются остатки полярной ивы, полярной березы и нѣкоторыхъ другихъ характерныхъ тундровыхъ формъ, указывающихъ на ихъ происхожденіе во времена ледниковой эпохи. Съ другой стороны такие же торфяники болѣе южной области не рѣдко заключаютъ остатки граба, теперь встрѣчающагося только лишь на крайнемъ юго-западѣ нашей области и нѣкоторыхъ другихъ широколиственныхъ формъ въ настоящее время точно также исчезнувшихъ. Все это указываетъ, что раньше климатъ былъ здѣсь значительно теплѣе, какъ до наступленія ледникового периода, такъ и послѣ него. Что касается флоры, предшествующей надвиганію ледника, то она состояла изъ широколиственныхъ формъ, свойственныхъ влажно-теплому климату, древовидныхъ папортниковъ, различныхъ вьющихся растеній, растеній вѣчно зеленыхъ, представителей которыхъ и теперь еще можно встрѣтить на влажныхъ берегахъ теплыхъ морей, около Батума на Черномъ морѣ, на берегахъ Японіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Полузгнившіе остатки ихъ можно найти погребенными въ земныхъ слояхъ даже на съверѣ русской равнины. Когда климатические условия измѣнились и на эти третичные лѣса стала надвигаться ледникъ, то естественно, что эти привыкшіе къ теплу и влагѣ формы осуждены были на вымирание. Остатки ихъ могли сохраниться лишь при особо благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ, подъ защитой горъ, куда не могли проникнуть холодные вѣтры, растекавшіяся съ ледника. Такими убѣжищами были окраинные горы Кавказа, Алтая, Крыма, Карпатъ и др. Но изгнавши этихъ туземцевъ изъ ихъ прежней родины, ледникъ привелъ съ собой на ихъ мѣста новыхъ представителей другого растительного міра. Съ ними

вмѣстѣ пришли и заняли освободившіеся мѣста сосна, береза, осина, полярная ива, полярная береза, а также всевозможные виды мховъ, лишайниковъ и нѣкоторыхъ ягодныхъ растеній: черника, голубика, также верескъ и проч. Пока безраздѣльно тянулось господство ледника и они безраздѣльно господствовали на новыхъ мѣстахъ. Но вотъ климатическая условія снова начинаютъ измѣняться. Ледникъ медленно, но непрерывно отступаетъ на сѣверъ. Съ нимъ вмѣстѣ потянулись туда же и эти представители ледниковой флоры. Но часть ихъ все же осталась, продолжая населять наши лѣса и до сихъ поръ. На смѣну имъ двинулись съ юга и съ запада и съ востока бывшіе бѣглцы, укрывшіеся за далекими горами. Послѣ ухода ледника въ нашихъ лѣсахъ снова появились и ель съ востока и кленъ и липа и дубъ и ольха съ запада. Оттуда же пришли и луговые травы на смѣну мхамъ и лишайямъ тундровыхъ болотъ. Пришли и папортники, хвоши и нѣкоторая вьющіеся формы. Но такъ какъ эти изгнанники не нашли на мѣстахъ своего прежняго обитанія прежнихъ условій своего существованія, благодаря съ одной стороны все-же измѣнившемуся климату и измѣнившимся почвамъ, а съ другой стороны имъ пришлось подѣлиться мѣстомъ съ оставшимися здѣсь представителями ледникового міра, да и на мѣстахъ своего изгнанія онъ упѣли уже значительно измѣниться, то они явились въ наши лѣса и на наши луга далеко не въ прежнемъ своемъ величіи, а скорѣе въ видѣ переродившихся, захудалыхъ потомковъ, нѣкогда сильныхъ и могучихъ родовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, менѣе требовательные къ климату и почвамъ далеко проникли на мѣста, покинутые ледникомъ, такъ, напримѣръ, ель, липа, кленъ, нѣсколько менѣе дубъ. Другіе продвигались медленнѣе, какъ-бы не рискуя отдаляться отъ мѣстъ своего разселенія и углубляться въ невѣдомую даль. Таковы, напримѣръ грабъ, тисъ, букъ, платанъ, ушедшіе сравнительно недблеко и какъ будто остановившіеся въ нерѣшительности на порогѣ своей прежней родины.

И такъ, составъ лѣсовъ и луговъ нашей области хранить съ одной стороны и слѣды ледникового нашествія, а съ другой и еще болѣе яркіе отпечатки великаго переселенія растеній въ послѣ ледниковое время. И если сосна или береза нашихъ лѣсовъ говорятъ намъ о протекшихъ временахъ ледникового царства, если мхи и лишайники и до сихъ поръ еще являются живыми свидѣтелями этихъ временъ, то низкорослый папортникъ является для насъ точно такъ же живымъ обломкомъ еще болѣе старого времени, когда ге въ теперешнемъ своемъ жалкомъ видѣ, а въ формѣ гордаго дерева населять онъ эти мѣста. И наша ель, и наша липа, и наши дубы и клены говорятъ намъ о вновь измѣнившихся условіяхъ жизни и о совершившихся измѣненіяхъ въ существованіи растительного міра. Наши лѣса-это арена борьбы двухъ растительныхъ міровъ: ледникового и пришедшаго къ нему на смѣну, уцѣлевшаго въ изгнаніи и господствовавшаго здѣсь до него.

Въ первые вѣка нашей исторіи Бѣлоруссія, сплошь покрытая дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, изобиловала всякою рода звѣремъ и дичью. По свидѣтельству историческихъ памятниковъ, здѣсь ведились, такіе, теперь частью уже вымершіе, частью еще кое-гдѣ сохранившіеся, животныя, какъ зубръ, бобръ, соболь и нѣкоторые другіе; въ этомъ отношеніи эти лѣса нисколько не уступали лѣсамъ нашего сѣвера, или Сибири. Съ тѣхъ поръ животное населеніе ихъ значительно уменьшилось. Вырубались лѣса, осушались болота; вмѣсто нихъ возникали пашни и луга, да и количество населенія значительно увеличилось. Кроме того въ позднѣйшіе годы, эта область не рѣдко становилась ареной кровавыхъ схватокъ, гдѣ гибли не только люди, но и звѣри. Къ такимъ «лихимъ» временамъ можно отнести 12-ый годъ, когда здѣсь прошли полчища Наполеона, истребившія, вѣроятно, не мало дичи. Затѣмъ 1863 г. по распоряженію русскаго правительства были здѣсь вырублены цѣлые участки вѣковыхъ лѣсовъ, чтобы не дать возможности укрываться въ нихъ инсургентамъ. Наконецъ, и современная война будетъ, вѣроятно, не мало способствовать объединенію фауны этихъ лѣсовъ. Въ общемъ и здѣсь картина распространенія животной жизни ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ общей картины разселенія животнаго міра по территории Европейской Россіи, или точнѣе ея лѣсной полосы. Изъ крупныхъ хищниковъ всюду встрѣчается бурый медвѣдь, который держится въ наиболѣе глухихъ участкахъ — «медвѣжьихъ углахъ», но количество ихъ все же сильно уменьшается, благодаря расчисткѣ лѣсовъ. Точно также повсемѣстно встрѣчается и барсукъ, но тоже тамъ, гдѣ лѣсъ еще не разрѣзанъ рубкой и гдѣ еще сохранились глухіе, заповѣдные уголки. Кое-гдѣ еще попадается и рысь, преимущественно въ хвойныхъ лѣсахъ. За то волкъ не только встрѣчается всюду, но, повидимому, менѣе другихъ звѣрей поддается истребленію, не смотря на всѣ старанія населенія. Лисицы, хотя и встрѣчаются всюду, но число ихъ замѣтно уменьшается, какъ уменьшились и въ очень значительной степени куницы, хотя раньше онѣ не представлялись рѣдкостью. Окончательно вымершими надо считать дикую кошку, россомаху и соболя. Изъ копытныхъ довольно обыкновененъ лось, хотя нынѣ и встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ прежде. Онъ скорѣе является здѣсь представителемъ таежной фауны. Напротивъ косуля, или дикая коза составляетъ характерную и отличительную принадлежность этихъ лѣсовъ, а равно и кабанъ или вепрь. Оба эти представителя лѣсной фауны являются какъ-бы соединительными звеньями съ животнымъ населеніемъ западно европейскихъ лѣсовъ. Благородный олень, водившійся здѣсь до начала XIX в. истребленъ окончательно. Послѣ послѣдняго разгрома Бѣловежскій пущи, надо считать, окончательно погибли и зубры.

Изъ грызуновъ обильно распространены бѣлка и заяцъ. Послѣдній встрѣчается здѣсь въ двухъ видахъ: бѣляка и русака, причемъ первый представляетъ собою сѣверную таежную форму, а второй южную, своюственную не только лѣсамъ, но и полосѣ такъ называемаго предстенія

или лѣостепи. Бобръ, нѣкогда широко распространенный по всей этой области, теперь окончательно истребленъ, оставивъ по себѣ память лишь въ различныхъ наименіяхъ мѣстностей въ родѣ рѣки Бобръ, города Бобруйскъ и др. Разнообразно представлены и различные виды летучихъ мышей: ушанъ, кожанъ вечерній, нетопырь и др. Изъ насѣкомоядныхъ наиболѣе обыкновенны: кротъ, землеройка водяная, землеройка обыкновенная и ежъ.

Переходя къ фаунѣ птицъ, слѣдуетъ отмѣтить, что хищники представлены здѣсь достаточно разнообразно и имѣютъ нѣсколько отличительныхъ формъ по сравненію съ лѣсами средне-русской области. Таковы: беркутъ, холчанъ, орель бѣлохвостъ. Изъ коршуновъ слѣдуетъ отмѣтить чернаго коршуна и краснаго, или королевскаго. Изъ соколовъ встрѣчаются кобчикъ, пустельга и красный соколь, затѣмъ ястребъ тетеревятникъ и перепелятникъ, и три луны—камышевый, полевой или бѣлый и луговой. Изъ ночныхъ хищниковъ — совы ушастая и болотная, затѣмъ сѣрая неясыть, желтая сипуха и филинъ. Изъ лазящихъ птицъ водится кукушка, желна и нѣсколько видовъ дятловъ, среди которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить зеленаго, какъ представителя западныхъ лѣсовъ.

Изъ куриныхъ встрѣчаются обыкновенные виды, свойственные лѣсамъ средней и сѣверной полосамъ Россіи: глухарь, тетеревъ косачъ, куропатка бѣлая, курапатка сѣрая, рябчикъ и перепель.

Голенастые, какъ и слѣдовало ожидать, представлены очень разнообразно въ этой странѣ озеръ и болотъ: бѣлый и черный аистъ, сѣрая и рыжая цапля, послѣдняя только въ Пинскихъ болотахъ, выпь, коростель, два вида водяныхъ курочекъ, затѣмъ вальдшнепъ, турухтанъ и др. Изъ плавающихъ—бакланъ, чайка серебристая и чайка хохотунья, очень много видовъ дикихъ утокъ, изрѣдка на болотахъ встречается и сѣрий гусь. Очень многочисленны также воробышные: козодой, три вида ласточекъ — городская, деревенская и береговая, сивоворонка, зимородокъ, пѣночки, славки, дрозды всѣ по нѣсколько видовъ, затѣмъ малиновка и соловей. Въ лиственныхъ лѣсахъ очень обыкновенна иволга, а по берегамъ озеръ—треснгузочки: желтая и бѣлая, синицы и много другихъ представителей этого семейства.

Изъ пресмыкающихся: рѣчная черепаха на юго западѣ области, ящерица живородящая, ужъ, мѣдяница и гадюга—единственная здѣсь ядовитая змѣя. Изъ земноводныхъ: троянная лягушка, жерлянка и изрѣдка сѣдобоная. Точно также весьма обыкновенны жаба сѣрая и зеленая, также два вида тритона—гребенчатый и обыкновенный.

Очень разнообразны по числу видовъ рыбы: окунь, судакъ, ершъ, налимъ, карпъ, линь, лещъ, сомъ и много другихъ.

Изъ вредныхъ насѣкомыхъ обыкновенны: жучки короеды, дровосѣки, долгоноски и другіе. Очень много бабочекъ, среди которыхъ не мало вредителей древесныхъ породъ. Изъ двухкрылыхъ бичемъ болотъ и вообще сырыхъ мѣстъ являются комары и мошки. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить,

что животное царство не представляетъ здѣсь какихъ либо характерныхъ отличій отъ животнаго населенія всей вообще средней полосы Россіи, благодаря сходнымъ и даже тождественнымъ чертамъ самой природы.

Во времена доисторичеслія, въ самомъ концѣ ледниковой эпохи на пространствѣ нынѣшией Бѣлоруссіи уже несомнѣнно обиталъ человѣкъ. Какого типа были эти люди, къ какимъ племенамъ они принадлежали, на какомъ языке говорили, мы, конечно, не знаемъ. Ни останковъ самого человѣка, ни памятниковъ его языка отъ временъ такой далекой древности не сохранилось. Сохланились лишь остатки его орудій и предметовъ домашняго обихода. Эти орудія человѣкъ приготавлялъ изъ камня и кости. На пространствѣ нашей области, равно какъ и всюду въ Россіи встрѣчаются остатки двухъ культурныхъ эпохъ. Болѣе ранняя эпоха можетъ быть охарактеризована, какъ эпоха грубаго, неполированного камня, такъ называемая палеолитическая или древне-каменная. Человѣкъ въ это время еще не научился шлифовать и полировать камень. Изъ предметовъ домашняго обихода попадаются исключительно ножи, топоры, скребки для очистки звѣриныхъ шкуръ, копья съ каменнымъ или костянымъ наконечникомъ и удочки. Никакихъ земледѣльческихъ орудій не встрѣчается. Изъ этого можно вывести заключеніе, что человѣкъ древне-каменного периода не вышелъ еще изъ стадіи бродячего охотничьяго и звѣроловчаго образа жизни. Но кроме того въ нашей области встрѣчаются и даже въ большомъ количествѣ остатки болѣе поздней и болѣе высокой каменной культуры, такъ называемой неолитической, или ново-каменной. Орудія этого времени сдѣланы болѣе искусно и даже отдѣланы. При приготовленіи камень отшлифовывался, полировался и иногда рукятки такихъ орудій украшались рѣзьбою, что говоритъ о нѣкоторомъ развитіи эстетического чувства. На ряду съ орудіями охоты, здѣсь встрѣчаются и часто Земледѣльческія орудія — серпы, жернова и др. Люди этой эпохи уже были, повидимому, знакомы и съ мѣновой торговлей; по крайней мѣрѣ, среди чистокаменныхъ срудин погадаются не рѣдко и предметы, сдѣянные не изъ мѣстнаго материала, напримѣръ, стеклянные буссы, раковины и проч. Мало того, человѣкъ этой эпохи имѣлъ ужѣ несомнѣнное нѣкоторые религіозныя представленія и вѣру въ загробную жизнь, такъ какъ погребалъ своихъ покойниковъ, большую частью въ каменныхъ могилахъ и туда опускалъ и предметы, которыми пользовался покойникъ при жизни, очевидно, въ увѣренности, что со смертью для него не все еще кончается. Любопытно отмѣтить, что въ то время какъ средняя и южная часть нашей области хранить въ себѣ остатки обоихъ культуръ, какъ древней, такъ и новой, въ сѣверной части за Движою исключительно попадаются орудія только древней эпохи и то не бѣльшими находками; это говоритъ за то, что здѣсь населеніе было рѣже и вело еще бродячій, охотничій образъ жизни, въ то время, какъ на югъ

отъ Западной Двины оно жило уже, быть можетъ, поселками, осѣдпо и возвысилось до болѣе совершенныхъ формъ производства. Это станеть намъ вполнѣ понятно, если примемъ во вниманіе, что вся полоса «Задвини» позднѣе освободилась отъ ледникаго покрова и условія существованія человѣка были здѣсь труднѣе. Возможно даже, что онъ не жилъ здѣсь постоянно, а только проникалъ въ негостепріимныя мѣста отъ времени до времени, въ цѣляхъ охоты и звѣрина го промысла, каль и теперь наши промышленники сѣверной Россіи ходятъ за звѣремъ въ мѣста труднодоступныя и не населенныя.

Обыкновенно въ исторіи человѣчества этотъ новый каменный вѣкъ смыняется вѣкомъ металловъ — съ начала бронзы, а затѣмъ и желѣза. Издѣлія изъ бронзы въ культурной исторіи древнѣе желѣзныхъ. Человѣкъ, по видимому, раньше открылъ мѣдь и олово, раньше научился сплавлять ихъ, чѣмъ сталъ пользоваться желѣзомъ и научился выплавлять его изъ разнаго рода желѣзныхъ рудъ. На территоріи западной Россіи и въ частности Бѣлоруссіи, предметова бронзоваго вѣка встрѣчается очень мало, а если они и встрѣчаются, то большей частью вмѣстѣ съ желѣзными орудіями. Это можно объяснить только тѣмъ, что здѣсь, повидимому, не успѣла развиться мѣстная бронзовая культура, къ тому времени какъ страна была занята какими-то новыми людьми пришельцами изъ другихъ странъ, уже знакомыми съ бронзой и желѣзомъ.

Отожествить этихъ представителей каменныхъ эпохъ, а также и позднѣйшей металлической съ какимъ нибудь исторически-извѣстными племенами до сихъ порь неудалось. Несомнѣнно одно, что когда наша область стала заселяться славянами, то здѣсь уже жили литовцы; дѣло въ томъ, что здѣсь всюду, особенно на сѣверѣ и на западѣ встрѣчаются каменные могильники, обыкновенно приписываемые Литвѣ, такъ какъ славяне погребали своихъ покойниковъ или въ земляныхъ курганахъ, или рѣже въ деревянныхъ гробницахъ, но тоже гасыпанныхъ землей. Затѣмъ много названий рѣкъ и озеръ здѣсь литовскаго происхожденія. Но и сами литовцы были не первыми поселенцами этого края. Они, повидимому, застали здѣсь различныя финскія племена, что тоже доказывается названіями рѣкъ и озеръ, взятыхъ изъ финскаго языка. Всѣ названія съ окончаніями на ва, ма, ге, ра, са, ша признаются финскими. Такова, напримѣръ: Вязьма, Обша, Протва и др. Только лишь по Березинѣ нѣтъ ни финскихъ, ни литовскихъ названий, всѣ онѣ сдѣль чисто славянскіе. Очевидно, славяне заняли эти мѣста не населенными.

Интересно отмѣтить, что въ славянскихъ магилахъ весьма рѣдко встрѣчается оружіе. Большею частью оно замѣняется здѣсь предметами мирного обихода и даже торговаго, по крайней мѣрѣ, весьма не рѣдки находки въ магилахъ вѣсовъ и вѣсовыхъ камней. Все это указываетъ на то, что предки современного бѣлорусса не отличались воинственными наклонностями, а скорѣе были мирные земледѣльцы и купцы. Имъ было извѣстно ткацкое рѣуесло, а также бондарное и гончарное. Лѣсъ и глина

давали для этого обильный материалъ. Встрѣчается очень много украшений и ѿ привозного материала: стекла, аметиста, сердолика, серебра и бронзы. Композиція этихъ украшений отличается затѣйливостью узора и изяществомъ исполненія. Все это указываетъ во первыхъ, на значительную зажиточность населенія, а во вторыхъ на существование обширныхъ и далекихъ торговыхъ связей, такъ какъ, напримѣръ, многие предметы, повидимому, получались съ Кавказа и другихъ отдаленныхъ мѣстностей. Это становится понятнымъ, если принять во вниманіе необычайно выгодное положеніе этой области для торговыхъ цѣлей. На пути къ двумъ морямъ по теченію большихъ, судоходныхъ рекъ должна была крѣпнуть и развиваться торговля и населеніе имѣло возможность жить культурной и даже богатой жизнью, принимая, по всей вѣроятности; не малое участіе въ прибыляхъ этой обширной торговли. Несомнѣнно, конечно, оно жило зажиточнѣе и богаче современныхъ его потомковъ. Измѣнившіеся условія міровой торговли и цѣлый рядъ историческихъ причинъ лишили Бѣлоруссію ея выгоднаго торгового положенія, и она является теперь одной изъ самыхъ бѣдныхъ областей Россіи и только лишь въ своихъ могильныхъ курганахъ хранить воспоминаніе о лучшихъ дняхъ.

Во время славянской колонизаціи Бѣлоруссію заняли три племени: криичи, дреговичи и радимичи. Ихъ радиими чести по Сожу, дреговичи по Прияти, кривичи по всей системѣ Двины, по всему ея среднему и верхнему теченію, переходя оттуда въ систему верхней Еолги къ востоку и въ систему верхняго Днѣпра къ югу. Такимъ образомъ, племя кривичей не только влило свою кровь въ жилы современного Бѣлорусса, но точно также и великоросса, особенно на сѣверѣ въ земляхъ Гскова и Новгорода.

На пространствѣ, занимаемомъ четырьмя Бѣлорусскими губерніями по послѣдней переписи въ 1897 г. числилось около семи миллионовъ жителей (6.918.148). За 10 лѣтъ протекшихъ со дня этой переписи, населеніе значительно возросло и къ началу войны его нужно считать почти въ 10 миллионовъ человѣкъ. Эти 10 миллионовъ распределены по территории почти въ 210 тысячъ квадратныхъ верстъ (210.148,6 по Стрѣльбицкому). Слѣдовательно на кв. версту должно приходится 47,9 или почти 48 человѣкъ. Эта плотность значительно превосходитъ среднюю плотность населенія всей Европейской Россіи, достигающей 28 человѣкъ на кв. версту, но она значительно уступаетъ средней плотности населенія западной Европы, какъ въ общемъ, такъ и по отдельнымъ государствамъ. Общая глотность населения Западной Европы, какъ известно, превышаетъ сто человѣкъ на кв. версту; въ частности Германія имѣетъ 126 человѣкъ, а Бельгія даже 272 человѣка на кв. версту.

Но не только по сравненію съ Западной Европой, даже и по сравненію съ другими областями Европейской Россіи, эта глотность Бѣлорус-

скаго Края не можетъ считаться высокой. Она уступаетъ въ этомъ отношеніи всему центральному, южному и западному пространствамъ, за исключениемъ только съвера, востока и юго-запада Европейской Россіи. Такъ въ польскихъ губерніяхъ насчитывалось болѣе ста человѣкъ на кв. версту; въ губерніяхъ малороссийскихъ 80—100 человѣкъ, равно какъ въ Московской губерніи; въ губерніяхъ литовскихъ 60—80 человѣкъ; въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Волгѣ, по эту ея сторону 50—60; и только озерный край имѣть такую же плотность населенія, да губерніи, лежащія за Волгой еще ниже 30—40 человѣкъ на кв. версту, не говоря о Прикаспійскихъ степяхъ и съверныхъ лѣсахъ и тундрахъ Архангельской губерніи, гдѣ плотность понижается до 10 и менѣе человѣкъ на кв. версту.

Изъ Бѣлорусскихъ губерній наибольшую плотность населенія имѣла въ 1897 г. (годъ переписи) Могилевская губернія (40 человѣкъ кв. верста), затѣмъ слѣдовала Витебская губернія (39 человѣкъ на кв. версту), затѣмъ Смоленская 32 человѣкъ и, наконецъ, Минская 27. Наиболѣе плотно населенными мѣстностями являются Вяземскій и Дорогобужскій уѣзды, Смоленской губерніи, Гомельскій—Могилевской, Витебскій, Минскій и Двінскій уѣзды. Такая неравномѣрность въ распределеніи населенія объясняется присутствиемъ городскихъ центровъ, притягивающихъ къ себѣ населеніе возможностью найти здѣсь заработокъ. Тѣмъ не менѣе крупныхъ городскихъ центровъ въ нашей области очень не много. Единственный городъ, имѣющій сто тысячное населеніе — Минскъ. Затѣмъ вдвое менѣе, т. е. около 50 тысячъ имѣютъ: Витебскъ, Двинскъ, Смоленскъ, Могилевъ, Гомель. Еще далѣе—Бобруйскъ—40 тысячъ человѣкъ и Пинскъ около 35. Остальные города не превышаютъ 10 или 15 тысячъ. Есть очень много мѣстечекъ съ населеніемъ въ двѣ, три тысячи и даже менѣе.

Общий % городского населенія въ нашей области не болѣе 12%, что составляетъ ниже средняго для всей Европейской Россіи, имѣющей около 15% городского населенія и, конечно, ни въ какой степени не можетъ быть сравниваемъ съ % городского населенія въ Западной Европѣ, гдѣ онъ весьма часто достигаетъ 50%, а иногда и 60% и даже 70%, какъ въ Англіи и Саксоніи. Такое незначительное количество городскихъ жителей свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи индустриальной промышленности и вообще характеризуетъ страны съ примитивнымъ хозяйственнымъ развитіемъ. *)

Переходя къ распределенію населенія по національностямъ, слѣдуетъ отмѣтить довольно значительную пестроту національного состава. Дѣйствительно, въ предѣлахъ нашихъ губерній живутъ бѣлоруссы, великороссы, поляки, евреи, латыши и частью малороссы. Но тѣмъ не менѣе основнымъ ядромъ населенія, накладывающимъ свою печать на всю этнографическую картину, являются бѣлоруссы, свыше 60% всего населенія области. Больше

*) Россія. Полное геогр. оп. нашего отеч. подъ общимъ руковод. П. П. Семенова, т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія

всего ихъ въ Могилевской губ., около 85% и меньше всего въ Смоленской около 40%. Затѣмъ слѣдуетъ великороссы; ихъ 12% во всей области, но преобладаютъ они въ Смоленской губ., доходя до 42%. Въ другихъ губерніяхъ ихъ значительно менѣе: въ Минской и Витебской ихъ не болѣе 5%, а въ Могилевской около 1%. Великорусское населеніе сосредоточено главнымъ образомъ въ восточныхъ уѣздахъ Смоленской губ., Вяземскомъ, Гжатскомъ, Дорогобужскомъ и если бы исключить эти губерніи изъ состава области, что было бы вполнѣ правильно и не только съ одной этнографической точки зрења, то процентъ великорусского населенія значительно бы понизился.

Поляковъ во всей области насчитывается всего 6%. Ихъ больше всего въ Минской губ.—около 12% и меньше всего въ Смоленской около 0,5%. Значительно большій процентъ евреевъ—11% всей области. Латыши живутъ только въ Витебской губ., составляя здѣсь почти 20% всего населенія губерніи и около 4% населенія всей области. Но въ Витебской губерніи они составляютъ населеніе лишь Рѣжицкаго, частью Люцинскаго и Двинскаго уѣздовъ, мало расходясь по другимъ уѣздамъ губерній, и тѣмъ менѣе по области Съ этнографической точки зрења правильно было бы всѣ эти мѣстности, сплошь заселенные латышами, не включать въ составъ области, разнымъ образомъ какъ правильно было бы выдѣлить съ такой точки зрења и часть Пинскаго Полѣсся къ югу отъ Припяти, заселнаго пинчуками-малороссами.

Приведенную картину этнографического состава интересно сравнить съ картиной распределенія населенія по вѣроисповѣданіямъ, такъ какъ обѣ онъ дополняютъ другъ друга. Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій процентъ—почти 77% приходится на долю православнаго исповѣданія, а вмѣстѣ со старообрядцами почти 80%. Эта цифра складывается изъ бѣлоруссовъ, великороссовъ и малороссовъ. Слѣдующихъ по численности вѣроисповѣданіямъ будетъ юдейская—11%, одни только евреи. Затѣмъ слѣдуютъ католики 9%. Такъ какъ римско-католическую религию исповѣдуютъ главныиѣ образомъ поляки, коихъ всего въ нашей области около 6%, то остальные 3% приходится частью на нѣкоторыхъ бѣлоруссовъ, частью на остальные разсыпанные по области элементы въ родѣ литовцевъ, нѣмцевъ и нѣкоторыхъ др. Протестантами являются главнымъ образомъ латыши и нѣмцы. Изъ сопоставленія этихъ цифръ слѣдуетъ вывести заключеніе, что Бѣлоруссія является областью прежде всего русской (бѣлоруссы, великороссы и малороссы) и православной—почти 80% тѣхъ и другихъ. Польский и католический элементъ въ краѣ не великъ, всего 6% для поляковъ и 9% для католиковъ. Точно также не играетъ доминирующей роли и еврейский элементъ, не превосходящій 10 или 15%, и сосредоточенный преимущественно въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ онъ дѣйствительно иногда даетъ весь основной тонъ картинѣ. Что касается сословнаго состава, то какъ во всей области, такъ и въ каждой отдельной губерніи рѣшительно

преобладают крестьяне. Ихъ 72% во всей области; въ Смоленской губ. они доходятъ до 84%, а въ Минской спускаются до 62%.

Мы уже упоминали, что ростъ населенія нашей области не прерывно увеличивается, доходя до 20% прироста въ годъ. Это одинъ изъ самыхъ большихъ процентовъ прироста въ Европѣ. Какъ известно, приростъ населенія составляется изъ двухъ величинъ: количество рожденій и количество смертей. По ежегодной рождаемости наша область вмѣстѣ, впрочемъ, со всей остальной Россіей стоитъ впереди всѣхъ Западныхъ Европейскихъ государствъ. Она даетъ очень высокую цифру 4,7 на 100—наибольшій процентъ въ Европѣ. Но, къ сожалѣнію, точно также велика и смертность, доходящая здѣсь до 2,8 на 100. Это точно также одна изъ наиболѣе высокихъ цифръ смертности въ Европѣ. Во Франціи, напримѣръ, она 2,2 на 100, въ Англіи 1,8, а въ Швеціи даже 1,7. И такъ, по числу смертности Бѣлоруссія превосходитъ болѣе чѣмъ вдвое, или даже втрое остальные страны Западной Европы. Интересно отмѣтить еще одинъ фактъ. Вездѣ въ Европѣ наблюдается, что смертность въ городахъ превышаетъ смертность сельскаго населенія, живущаго въ болѣе гигіеническихъ условіяхъ; въ Бѣлоруссіи же, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ Россіи, мы имѣемъ обратное явленіе: смертность въ деревняхъ выше смертности въ городахъ. Это съ одной стороны объясняется необычайно высокой цифрой дѣтской смертности въ деревняхъ, а съ другой общей меньшей культурностью деревенскаго населенія по сравненію съ городскимъ.

Сравнительная культурность населенія лучше всего характеризуется распространениемъ грамотности, и съ этой стороны наша область представляетъ картину далеко неутѣшительную. Во всей этой области одна школа приходится на 25,5 кв. версты, или на 900 человѣкъ населенія. Изъ нихъ въ Смоленской одна школа приходится на 32,5 кв. версты, или на 1000 человѣкъ, въ Витебской на 32 кв. вер., или на 1250 человѣкъ, въ Минской на 28,5 кв. вер., или на 800 человѣкъ и въ Могилевской на 16,5 кв. вер., или на 700 человѣкъ. Другими словами благопріятнѣе всего условія народнаго образования въ Могилевской губ. и менѣе всего они благопріятны въ Смоленской губ. Но тѣмъ не менѣе дѣйствительное положеніе вещей не отвѣчаетъ этимъ вѣнчанимъ условіямъ, потому что такъ называемый показатель образования, т. е. отношеніе всѣхъ учащихся къ общему количеству населенія распредѣляется иначе: на первомъ мѣстѣ стоитъ Смоленская губ., дающая 4,7%, на второмъ Могилевская—4,4%, на третьемъ Минская—3,7, на четвертомъ Витебская—3,1%.

Во всей области показатель образования равняется 3%. Въ дополненіе къ этому интересно сопоставить грамотность новобранцевъ, т. е. лицъ уже вышедшихъ изъ школьнаго возраста и кромѣ того относящихся къ молодому поколѣнію, которое не застало темноты дореформенныхъ порядковъ. Цифры относятся къ 1899 г. Больше всего неграмотныхъ, т. е. не умѣющихъ ни читать, ни писать, дала Минская губернія 59%, затѣмъ Витеб-

ская 57%, Могилевская 56% и Смоленская 43%, т. е. въ трехъ губерніяхъ изъ четырехъ, процентъ неграмотныхъ превышаетъ половину.*)

Хотя населеніе Бѣлорусской области по своей численности далеко не насыщаетъ обитаемой имъ территории, тѣмъ не менѣе отнюдь нельзя сказать, чтобы оно было вполнѣ обеспечено въ средствахъ своего существованія. Такъ, считая по минимальной западноевропейской нормѣ обеспеченности населенія въ 12 п. хлѣба въ годъ на душу (американская норма поднимается даже до 18 п.), въ нашихъ губерніяхъ приходится всего 6 п. на человѣка хлѣбныхъ запасовъ, а при замѣнѣ недостающаго количества хлѣба, картофелемъ—9 п., считая въ томъ числѣ и частновладѣльческія земли. Итакъ, населеніе недополучаетъ $\frac{1}{4}$ минимального рациона. Средства, необходимыя для покупки недостающаго населеніе должно найти въ различныхъ подсобныхъ промыслахъ, возможно, что во многихъ случаяхъ оно просто недѣлаетъ. Лучше всего продовольственный вопросъ поставленъ въ Смоленской губ., гдѣ населенію не хватаетъ до нормы всего 1,5 п. на человѣка; хуже всего въ Минской губ., гдѣ ему приходится найти на сторонѣ—5 п. на душу, въ Витебской—4 п., въ Могилевской—3,5 п.

Общее число безлошадныхъ во всей области доходитъ до 12% всего землевладѣльческаго населенія.

Наибольшее количество земли въ данной области находится въ рукахъ частныхъ собственниковъ, именно 56%. Крестьянскихъ надѣльныхъ земель—36%, казенныхъ—7%, разныхъ другихъ учрежденій 1%. Наибольшій процентъ собственниковъ приходится на долю дворянъ—всего 80% всей частной земельной собственности. Наименьшій % надѣльныхъ земель приходится на Минскую губ., всего 28%, остальные губерніи представлены довольно равномѣрно—около 40% всей земельной собственности.

Надѣльныя земли крестьянъ находятся въ общинномъ и подворномъ владѣніи, съ нѣкоторымъ, вѣроятно, преобладаніемъ общиннаго—58%. При этомъ въ наполовину велико-русской Смоленской губ. $\frac{4}{5}$ общиннаго землевладѣнія очень высокъ, достигая 96%, въ Могилевской—меньше 8 $\frac{1}{2}$ %. Наоборотъ, въ Витебской губ. почти $\frac{2}{3}$ земель находится въ подворномъ владѣніи, а въ Минской почти вся земля сплошь подворная—96%:

Эти надѣльныя земли не представляютъ собою, какъ и слѣдовало ожидать, крупныхъ владѣній: количествомъ свыше 8 дес. владѣнія всего 12%, крестьянъ-собственниковъ; отъ 5—8 д. владѣеть 31% крестьянъ, отъ 3—5 д.—52%, крестьянъ и менѣе 3 хѣ дес. около 4%. Итакъ, больше чѣмъ въ половинѣ крестьянъ-собственниковъ преобладаютъ размѣры отъ 3 до 5 д. Если принять во вниманіе не только одну крестьянскую землю, но и всю частновладѣльческую и считая мелкимъ землевладѣніемъ количество земли не болѣе 50 д., среднимъ отъ 50—1000 и крупнымъ свыше 1000, то получится такое соотношеніе: во всей области лица, владѣющія мелкой собственностью составляютъ 71%, средней—24%, крупной—5%.

*) Россия подъ редакціей Семенова т. IX.

общаго числа владѣльцевъ. Наибольшее количество крупныхъ собственниковъ имѣетъ Витебская губ.—около 7%, наименьшая Смоленская—3,5%. Мелкие собственики преобладаютъ въ Могилевской губ. 80%.

Основное занятіе населенія здѣсь всюду земледѣліе, но оно находится далеко не на высокой ступени развитія. Мы видѣли, что населенію своего хлѣба не хватаетъ, не хватаетъ даже и въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе всю частновладѣльческую землю, не исключая и крупныхъ помѣщиковъ. Интенсивнаго хозяйства, за очень рѣдкими исключеніями, не ведется вовсе: урожайность полей, поэтому, крайне не велика, не превышая 6 или 6¹/₂, четв. на десятину для ржи и пшеницы и 9 четв. для овса. Во многихъ случаяхъ на крестьянскихъ поляхъ урожайность понижается до 4 четв. и даже менѣе (Минская губ.). Большимъ подспорьемъ является картофель, котораго всюду засѣваютъ довольно много. Подсобныхъ промысловъ въ краю не много, въ виду отсутствія сколько нибудь значительныхъ и многочисленныхъ городскихъ центровъ и крайне недостаточнаго развитія фабрично заводской промышленности, которая вообще не играетъ сколько нибудь значительной роли въ экономической жизни края. Больше половины производства падаетъ на обработку питательныхъ веществъ 53% всего производства; главную роль въ этой отрасли въ свою очередь падаетъ на винокурене, до 40% всего производства, по области и почти 70% для одной Минской губ. Волокнистые вещества даютъ 11% производства, древообѣдѣлочная промышленность 9% — остальные еще меньшій % и поэтому почти не играютъ существенной роли въ промышленномъ развитіи области. Чѣмъ-же объясняется такая экономическая отсталость этого края? Значительную роль играютъ, конечно, и природныя условія области. Бѣдность полезными ископаемыми, малоплодородныя почвы, рѣдкость населенія и его невысокое культурное развитіе. Но не безъ віянія остались и историческія и географическія причины. Во времена далекой древности эта область была расположена на большихъ торговыхъ путяхъ, такъ съ сѣвера на югъ, такъ и съ востока на западъ; она попадала такимъ образомъ въ центръ торговыхъ сношеній, но затѣмъ съ измѣненіемъ этихъ путей она очутилась въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ дорогъ, при бѣдности же естественными ресурсами она не могла развить свой собственной интенсивной экономической жизни, тѣмъ болѣе, что центръ исторической русской жизни передвинулся на востокъ, а съ нимъ вмѣстѣ передвинулся туда и культурный и экономический центръ и наша область, потерявъ свое выгодное центральное положеніе на путяхъ сношеній сдѣлалась окраиной большаго государственного организма и при томъ окраиной бѣдной природными богатствами. Будучи долгое время крайней западной областью русского государства она не разъ становилась ареной кровавой борьбы между европейскимъ западомъ и Россіей и, конечно, претерпѣла не мало въ этой роли крайнаго западнаго аванпоста русскаго народа въ Европѣ. Такимъ же аванпостомъ русскаго государства предстоитъ ей сдѣлаться и теперь и въ еще большей мѣрѣ послѣ отдѣленія Польши, а можетъ

быть и Литвы и Латышского края. Вотъ почему она имѣеть теперь въ большей степени, чѣмъ когда нибудь историческое и политическое право требовать къ себѣ вниманія со стороны всего государства, ибо на долю ея теперь выпали и великия государственные задачи.

И. Силиничъ

ВАЖНѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Семеновъ, П.—Живописная Россія.—II. Бѣлорусское Полѣсье, 1882 г.
- Семеновъ, П.—Россія. Полное географическое описание нашего отечества, т. IX, Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія.
- Анучинъ, Д.—Изъ поездки къ истокамъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Сѣв. Вѣстн., 1891 г., № 8.
- Никитинъ, С.—Бассейнъ Днѣпра. Гидрологическое изслѣдованіе, 1894 г. Труды экспедиціи для изслѣдованія истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи, 1896 г.
- Анучинъ, Д.—Верхневолжскія озера и верховья Западной Двины. Труды экспедиціи для изслѣдованія главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи, 1896 г.
- Воейковъ, А.—Климатъ Полѣсья. Приложеніе къ Очерку работъ западной экспедиціи по осушкѣ болотъ, 1899 года.
- Воейковъ, А.—Пинское Полѣсье и результаты его осушенія. Изв. И. Р. Г. Об-ва XXIX—1893 года.
- Пагосскій.—Растительность Полѣсья. Труды С. П. О-ва Естествознанія, 1898 года.
- Танфильевъ.—Геоботаническое описание Полѣсья. Приложеніе къ Очерку работы западной экспедиціи по осушкѣ болотъ, 1869 г.
- Шмальгаузенъ.—Флора средней и южной Россіи. Кіевъ, 1895 и 1897 г.г.
- Никольскій, А.—Животный міръ Полѣсья. Приложеніе къ Очерку западной экспедиціи по осушкѣ болотъ, 1895 года.
- Довнаръ-Залольскій.—Календарь С.-З. Края на 1889—90 г.г., Москва.

ИЗЪ СЕЛЬСКОХОЗЯИСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПЯТИ БЪЛОРУССКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Подъ именемъ бѣлорусскихъ губерній мы будемъ разумѣть тѣ пять губерній, которая по переписи 1897 г. показали въ населеніи преобладаніе бѣлорусского языка. Изъ нихъ для четырехъ губерній бѣлорусскій языкъ оказался абсолютно преобладающимъ, а въ Гродненской показалъ только относительное преобладаніе.

Всѣ пять губерній вмѣстѣ занимаютъ (по измѣреніямъ карты руками Стрѣльбицкаго) нѣсколько болѣе двадцати четырехъ миллионовъ десятинъ (24.131.510). Порядокъ губерній по величинѣ таковъ: Минская 8.349.198 дес., Могилевлкая 4.389.021 дес., Витебская 4.025.989, Виленская 3.835.969, Гродненская 3.531.333 дес. Вся эта площадь распределена по 47 уѣздаамъ. Въ Витебской и Могилевской губерніи по 11 уѣзовъ, въ Гродненской и Минской по 9, въ Виленской 7 уѣзовъ. Средняя величина одного уѣзда болѣе полумилліона десятинъ (513 тыс. д.). Самый большой уѣздъ Края—Мозырскій въ Минской губерніи: въ немъ почти полтора миллиона десятинъ (1.478.550 д.); самый маленький—Мстиславскій въ Могилевской губерніи: въ немъ нѣть и четверти милліона десятинъ (231.292 дес.). Волостей во всемъ краѣ 868, такъ что средній размѣръ одной волости съ небольшимъ 27 тысячъ десятинъ; всего больше волостей въ Минской губерніи (202), всего меньше въ Могилевской (146).

Къ 1915 году, когда еще всѣ пять губерній были во власти русскаго государства, населеніе края составляло нѣсколько менѣе (безъ четверти милліона) двѣнадцати милліоновъ человѣкъ (11.784.600 по «Стат. Ежегоднику Россіи» изд. Центр. Ст. Ком.). Самая многолюдная изъ пяти губерній Минская 3.070.900), потомъ слѣдовала Могилевская (2.551.400), почти равная Гродненская (2.094.300) и Виленская (2.083.200), а всего менѣе жителей показано въ Витебской губерніи (2.083.200 человѣкъ). Средняя численность населенія одного уѣзда составляетъ четверть милліона человѣкъ (250 тыс.). Только въ одной Виленской губерніи наибольшее число жителей приходится на уѣздъ съ губернскимъ городомъ Виленскій (486 тыс. чел.), наименьшее число жителей по Виленской губерніи въ Свѣнцянскомъ уѣзда (225,8 тыс.), по Витебской губ. крайностями являются уѣзды Двинскій (319,5 тыс.) и Себежскій (127,1), по Гродненской Слонимскій (301,5) и Сокольскій (140,3 тыс.), по Минской Бобруйскій (384,4 тыс.) и Мозырскій (276,3 тыс.), наконецъ, по Могилевской губ.—Гомельскій (412,8 тыс.)

и Чаускій (131,6 тыс.). Стало быть, во всемъ краѣ самый многолюдный уѣздъ Виленскій, самый малолюдный—Себежскій.

По густотѣ населенія на первомъ мѣстѣ стоитъ Гродненская губернія, гдѣ къ январю 1915 года приходилось 61,8 человѣкъ на одну квадратную версту, близка къ ней Могилевккая (60,6), нѣсколько рѣже населеніе Виленской (56,6), еще рѣже Витебской (51,3) и самое рѣдкое въ Минской (38,3 человѣкъ на квадратную версту). Густота населенія можно давать и обратное выраженіе— отмѣтить, какое количество земли приходится на одного жителя. Тогда для всего края получится средній земельный запасъ на єдока немногимъ болѣе 2 дес. (2,06). Порядокъ губерній по количеству земли на єдока таковъ: Минская 2,72 дес., Витебская 2,03 дес., Виленская 1,84 дес., Могилевская 1,72 и Гродненская 1,64 дес. Изъ пяти губерній въ четырехъ небольшая густота населенія приходится на тотъ уѣздъ, въ которомъ помѣщается губернскій городъ. Только въ Гродненской губерніи наибольшою плотностью населенія отличается не Гродненскій, а Бѣлостокскій уѣздъ (107,8 чел. на кв. версту), который является и наиболѣе населеннымъ уѣзdomъ всего края; это единственный изъ 45 уѣздовъ, въ которомъ на єдока не хватаетъ и одной десятины *) (0,97 дес.). Для остальныхъ губерній колебанія таковы: Витебской (90,8 чел.) и Велижскій (35,1), Виленской (89,4) и Свѣнцянскій (49,2), Могилевской (88,0) и Быховскій (45,2), Минской (80,3) и Мозырскій (19,5 чел. на кв. вер.); Мозырскій уѣздъ показываетъ наименьшую плотность населенія; въ немъ наибольшій земельный просторъ—въ среднемъ 5,3 десятины на жителя безъ различія пола и возраста.

По официальнымъ свѣдѣніямъ къ 1915 году городское населеніе составляло безъ малаго четырнадцать процентовъ населенія всего края (13,8%): наибольшій процентъ городского населенія оказался въ Гродненской губерніи (19,1%), потомъ въ Витебской (17,3%), далѣе въ Виленской (13,9), Могилевской (11,9) и наименьшій въ Минской (9,9%). Абсолютная численность городского населенія была наибольшею въ Гродненской губерніи (390,2 т.), потомъ шли Витебская (343,1 т.), Минская (306,1 т.), Могилевская (304,4) и всего ниже Виленская (290,6 т.). Итогъ городского населенія для 5 губерній 1.634.400 человѣкъ. По тремъ губерніямъ мы можемъ параллельно привести данные 1916 г. **), когда для Витебской (343,1 т.) и Минской губерніи (306,1 т.) итоги были почти такие же, но для Могилевской (390 т.) итогъ значительно больше, можетъ быть подъ вліяніемъ притока бѣженцевъ.

Въ составѣ населенія ограничимся вопросомъ о занятіяхъ, но такъ какъ въ основѣ выдѣленія бѣлорусскихъ губерній лежитъ этнографический принципъ, не можемъ обойтись безъ справки о составѣ населенія по языку. Здѣсь пишущій эти строки предпочитаетъ процитировать произведеніе

*) Въ квадратной верстѣ съ небольшимъ 104 десятины.

**) Предв. итоги Всерос. С. Х. переписи 1916 г.

своего сына *), основанного на данныхъ Всероссійской переписи 1897 года. Съвернѣе малороссійской группы губерній лежитъ область распространенія бѣлорусского языка, сюда принадлежитъ 5 губерній, гдѣ относительное большинство населенія—бѣлоруссы.

Губерніи:	% бѣлорусс.	% великоросс. и малоросс.	% ев- реевъ.	% литовц. и латыш.	% поля- ковъ.
Могилевская.	82,1	3,8	12,1	—	1,0
Минская.	76,1	4,6	16,0	—	3,0
Виленская.	56,0 (80,2)	5,0	12,7	17,6	8,3
Витебская.	52,8 (73,0)	13,3	11,7	17,6	3,4
Гродненская.	43,9 (77,4)	27,3	17,3	—	10,1

Только въ двухъ первыхъ губерніяхъ бѣлоруссы составляютъ болѣе 70%—Это происходитъ отъ того, что три послѣднія губерніи—пограничные: нѣкоторые уѣзды населены литовцами, латышами и малороссами. За выдѣленіемъ этихъ уѣзовъ всѣ губерніи (цифры въ скобкахъ) показываютъ рѣшительное преобладаніе бѣлоруссовъ. Такихъ уѣзовъ, отпадающихъ въ другія группы здѣсь 8. Въ Гродненской губерніи Бѣлостокскій уѣздъ преимущественно населенъ поляками (поляки 34,1, бѣлоруссы 26,3); затѣмъ 3 юго-западныхъ уѣзда отходятъ къ малороссійской области: Бѣльскій (малороссы 39,1%, поляки, 28,6), Брестскій (малороссы 64,4) и Кобринскій (79,7%). Къ латышскому району должны быть отнесены 3 латышскихъ уѣзда Витебской губерніи: Двинскій (латышей 39%), Рѣжицкій (57,6) и Люцинскій (64,1), наконецъ, въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губерніи преобладаютъ литвины (57,3) ихъ много также въ Свѣнцянскомъ и Виленскомъ уѣздахъ. Въ остальной части Виленской губерніи бѣлоруссы составляютъ 80,2%. Съ другой стороны къ бѣлорусскимъ мѣстностямъ долженъ быть отнесенъ Краснинскій уѣздъ Смоленской губерніи (89,9% бѣлоруссовъ). Изъ малорусско-великорусскихъ губерній въ Черниговской рѣзка граница между языками, Суражскій уѣздъ является бѣлорусскимъ (69,4%), Мглинскій, Стародубскій и Новозыбковскій великорусскими.

Въ сельско-хозяйственную перепись 1916 года Гродненская губернія вовсе не была включена, а изъ Виленской губерніи попали три уѣзда: Вилейскій, Дисненскій и Ошмянскій. Эти три уѣзда вмѣстѣ съ тремя цѣлыми губерніями давали общій итогъ населенія около 6,3 миллионовъ человѣкъ (6.296.279), при чемъ на обслѣдованное «сельско-хозяйственное» населеніе приходилось 4.647.996, на приблизительно исчисленное остальное населеніе сельскихъ мѣстностей 597.290 и приблизительно же исчисленное городское населеніе 1.052.083 человѣка. Для всей области сельско-хозяйственное населеніе составляетъ замѣтно менѣе трехъ четвертей итога — 73,6%. Сравнительно большая доля сельско-хозяйственного населенія почти четыре пятыхъ въ кускѣ Виленской губерніи, безъ губернского города; тамъ его 79,8%, поменьше въ Могилевской губерніи 77,3, еще меньше въ

*) К. А. Фортунатовъ, Национальная областія Россіи 1906 г.

Витебской 75,9% и всего меньше въ Минской, едва болѣе двухъ третей—67,2% итога. Общий итогъ хозяйствъ, подвергши ся обслѣдованию въ 1916 г. составлялъ для области 816.715; изъ нихъ приблизительно сотую долю составляли хозяйства части владѣльческаго типа (0,98%), остальнаяя отнесены къ крестьянскому типу. А населеніе между этими типами распредѣлялось такъ, что въ хозяйствахъ владѣльческаго типа отмѣчено 3,4%. Въ среднемъ на одно хозяйство приходилось 5,69 человѣкъ, всего больше въ губерніи Могилевской 5,9, потомъ поровну въ Минской и Витебской губерніяхъ по 5,6, всего меньше въ кускѣ Виленской губерніи 5,3. Для хозяйствъ крестьянскаго типа губерніи въ томъ же порядкѣ давали величины: 5,8, 5,5, 5,5, 5,1. Изъ хозяйствъ владѣльческаго типа наиболѣе населенія въ Минской губерніи 28,7 человѣкъ, потомъ въ кускѣ Виленской 18,1, въ Могилевской 17,3, наименѣе населенія въ Витебской 15,1 человѣкъ на хозяйство.

При всей устарѣлости данныхъ переписи 1897 г. нельзя обойти ихъ при географической характеристикѣ распределенія населенія по занятіямъ. Наименьшій процентъ сельско-хозяйственного населенія отмѣченъ былъ тогда въ Гродненской губерніи—(68,94%) потомъ слѣдозали Виленская (73,38%), Витебская (74,18) и Минская (74,81); наибольшая доля сельско-хозяйственного населенія показана въ Могилевской губерніи (79,37%). За то Гродненская губернія первая по размѣру индустріального населенія (занимающихъ обрабатывающею промышленностью)—10,03, въ Минской его было 7,84%, въ Виленской 7,34, въ Витебской 6,19%, въ Могилевской всего меньше 6,16%. Строительные работы занимали отъ 3 03% въ Витебской до 1,09% въ Могилевской. Передвиженіе и средства сношеній какъ главное средство существованія показано въ наибольшемъ размѣрѣ для губерній Минской (2,14) и Витебской (2,11%), въ наименьшемъ для Могилевской (1,30). Торговое населеніе давало слѣдующія относительныя величины: губ. Витебская 5,35%, Могилевская 5,23%, Гродненская 5,19%, Минская 5,08 и Виленская 4,24. Горною промышленностью занимались совершенно ничтожная доля населенія (всего больше въ Виленской губерніи и то всего 0,04%). На долю «прочихъ занятій» приходилось отъ 12,58% въ Виленской до 6,84% въ Могилевской. Изъ «прочихъ занятій» сравнительно наиболѣе развитая группа—частная служба, прислуга и поденщики. Процентъ населенія, принадлежавшаго къ этой группѣ, былъ особе но великъ въ Виленской губерніи (5,27%), потомъ въ Гродненской (4,33%), поровну въ Витебской (3,82) и Минской (3,81) и всего меньше въ Могилевской (2,46%).

Для общаго распределенія землевладѣнія въ трехъ губерніяхъ беремъ данные, опубликованныя Департаментомъ окладныхъ сборовъ за 1913 г. *) (по Виленской и Гродненской губерніи такихъ данныхъ нѣть относительно облагаемыхъ земель). Это далеко не вся территорія: сюда заѣдомъ не

*) Доходы и расходы земствъ 40 губерній по сметамъ на 1913 г. Петроградъ, 1915.

входягъ неудобныя земли, и вѣроятно имѣются большіе пробѣлы для удобныхъ. Общій итогъ площади облагаемыхъ земель въ трехъ губерніяхъ коренной Бѣлоруссіи: Витебской, Минской и Могилевской показанъ въ 14.342.100 дѣсятинъ и уступаетъ итогу Стрѣльбицкаго на 14,5% (даже нѣсколько уступаетъ итогу 1877 г. 14.426 т. д. и значительно уступаетъ итогу 1905 г. 16.172 т. д.) изъ шести категорій абсолютное преобладаніе даетъ частно-владѣльческая земля; подъ нею 57,4% площасти трехъ губерній; крестьянскіе надѣлы занимали 35, %. казенные земли 5%. городскія земли только 63.100 дес., удѣльный 22.000 дес. и прос. 202 т. д.; на эти три категоріи остается только 2%.

Болѣе детальное распредѣленіе землевладѣнія можно получить для 1905 г.*), когда зарегистрированы были и остальные двѣ губерніи интересующаго насъ края. Для 1905 г. въ 5 губерніяхъ зарегистрировано всего 22,628,561 д. земли; это даетъ противъ планиметра Стрѣльбицкаго только 6,2% недочета (почти вдвое меныше чѣмъ для всей Европейской Россіи). Въ общемъ итогъ земли такъ называемой частной собственности занимали 54,9%, земли крестьянскихъ надѣловъ 35,1%, такъ что на всѣ остальные категоріи приходилось ровно 10%, въ томъ числѣ и казенные земли 7,8%. Одна только Гродненская губернія не показываетъ относительного преобладанія частныхъ земель: въ ней 40,1% подъ частною собственностью, 42,1% подъ крестьянскими надѣлами; въ Виленской губерніи нѣть абсолютного преобладанія частныхъ земель; но имѣется ихъ относительное преобладаніе: подъ миши 47%, а подъ надѣлами 41,3. Въ остальныхъ трехъ губерніяхъ болѣе половины площасти принадлежитъ частному владѣнію, особенно много въ Минской губерніи 60,7%, потомъ въ Могилевской 57,2% и въ Витебской 55,1%. Подъ крестьянскими надѣлами особенно мало земли (около $\frac{1}{4}$) въ Минской губерніи 25,9%, побольше въ Витебской 37% и Могилевской 38,8%. Процентъ остальныхъ земель колеблется отъ 17,0 въ Гродненской губерніи до 4,4% въ Могилевской. Не вся такъ называемая частная собственность состоять въ личномъ землевладѣніи; процентъ личнаго землевладѣнія въ Виленской губерніи наибольшій 99,1%, потомъ слѣдуютъ Минская 92,0, Витебская 91,0; Гродненская 88,9, а Могилевская только 80,7%, остальное находится во владѣніи товариществъ и обществъ. Та и другая категоріи особенно развиты въ Могилевской губерніи, гдѣ у товариществъ 10,2%, а у обществъ 9,1%, всей частной земли. Почти столько же товарищеской земли въ губерніяхъ Гродненской 9,7%, Витебской 8,3%, Минской 7,9%, въ Виленской губерніи ея только 0,9, общественной совсѣмъ нѣть, въ Гродненской у обществъ 1,4%, въ Витебской 0,7%, въ Минской 0,1% частной земли. Если принять за 100 площасть частнаго личнаго владѣнія, то наибольшій процентъ дворянскаго владѣнія оказывается въ губерніяхъ Минской 83,6% и Виленской 81,9%, потомъ идутъ Могилевская 75,4 и Гродненская 73,9, и на послѣднемъ мѣстѣ Витебская губернія, гдѣ дво-

*) Статистика землевладѣнія 1905, изд. цен. ст. ком. 1917.

рянамъ принадлежитъ только $\frac{2}{3}$ (66,6%) площиади личнаго землевладѣнія. У крестьянъ личныхъ владѣльцевъ всего больше земли въ губ. Могилевской 11,8% и Виленской 11,3%, потомъ въ Гродненской 10,7% и Витебской 9,2%, всего меньше въ Минской 2,6%. Купцамъ наибольшая доля принадлежитъ въ Витебской губерніи, гдѣ у нихъ 13,7, больше чѣмъ у крестьянъ, въ Минской тоже больше 6,4, въ Могилевской 4,0 и Виленской 3,5 меньше, а въ Гродненской купеческое землевладѣніе почти совсѣмъ отсутствуетъ*). За то въ Гродненской губерніи мѣщане 13,3% даже выше купцовъ, а по остальнымъ губерніямъ уступаютъ крестьянамъ: въ Могилевской губерніи мѣщанская земля 8,5%, въ Витебской 7,2%, въ Виленской 2,8%, въ Минской только 1,3%.

Средній размѣръ одного личнаго владѣнія всѣго больше въ Минской губерніи около 300 дес. (298,6), потомъ въ Витебской (193,8), въ Виленской (142,2), Могилевской (119,5), всего меньше въ Гродненской только 44,9. Средній размѣръ дворянскаго владѣнія колеблется отъ 609,3 дес. въ Витебской губерніи до 262,1 въ Гродненской. У крестьянъ высшій размѣръ личнаго (не надѣльнаго) землевладѣнія тоже въ Минской губерніи 41,5 дес., низшій тоже въ Гродненской 13,5 дес. на одно владѣніе. У купцовъ очень великъ средній размѣръ владѣнія въ Минской губерніи (3001 дес.), почти 2000 дес. въ Виленской (1913,5), приблизительно 1000 дес. въ Витебской (1051,6), гораздо меньше въ Могилевской (502,2) и особенно малъ въ Гродненской (262,1). Для мѣщанъ опять таки крайностями являются Минская губернія (63,9 дес.) и Гродненская (11,9 дес.).

При условномъ отнесеніи къ крупному землевладѣнію участковъ свыше 1000 дес., къ среднему отъ 100 до 1000 дес. и къ мелкому менѣе 100 дес. получается такое распределеніе площиади личнаго землевладѣніс въ отдѣльныхъ губерніяхъ:

	мелк.	средн.	крупн.
Виленская	15,5%	35,3%	49,2%
Витебская	10,1	27,0	62,9
Гродненская	20,1	36,0	43,9
Минская	5,8	14,6	79,6
Могилевская	14,4	28,0	57,6

Стало быть, по проценту крупновладѣльческой площиади крайностями являются также какъ и по проценту мелковладѣльческой Минская и Гродненская. Въ Гродненской кромѣ мелкаго больше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ развито и средненее землевладѣніе, по проценту которого къ ней подходитъ Виленская губернія.

Въ частности у дворянъ особенно великъ процентъ крупнаго землевладѣнія въ Минской губерніи 83,9% и сравнительно малъ въ Гродненской 55,7%, въ Виленской 55,1%. Для средняго дворянскаго владѣнія на первомъ мѣстѣ стоитъ Гродненская губернія 37%, на послѣднемъ Минская

*.) Во всей губерніи показано 5 купцовъ землевладѣльцевъ.

13,2%, а мелкое дворянское владение наибольше развито въ Виленской 7,9% и наименье въ Витебской 2,7%. У купцовъ особенно велика концентрація владѣнія въ Виленской губерніи, где 95,7% купеческой площади въ крупныхъ владѣніяхъ. У мѣщанъ (29,2) и крестьянъ (19,0); максимальные проценты крупнаго владѣнія встречаются въ Минской губерніи. Мелкое мѣщанскоe владѣніе занимаетъ особенно много места въ Виленской губерніи (63,3%), а мелкое личное крестьянское землевладѣніе въ Гродненской 68,6; для того и другого самые наименьшіе проценты мелковладѣльческой пло-
щади въ Минской губерніи (29,7% и 40,5%).

Въ составѣ крестьянского надѣльного землевладѣнія для всѣхъ бѣлорусскихъ губерній наблюдается преобладаніе площади надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ надъ землевладѣніемъ бывшихъ государственныхъ. По порядку средняго размѣра надѣла на одинъ крестьянскій дворъ губерніи въ 1905 году слѣдовали такъ: Гродненская 16,5 дес., Виленская 13,5 дес., Витебская 11,5 дес., Минская 9,1 дес., Могилевская 8,2 дес. Тотъ же порядокъ въ надѣленіи обоихъ разрядовъ, причемъ максимумъ у государственныхъ крестьянъ 15,1 д. для Виленской губерніи, максимумъ 10,3 дес. для Могилевской, а у владѣльческихъ крайнія величины 12,7 дес. для Виленской, 7,9 д. для Могилевской.

При распределеніи числа дворовъ (но не количества земли) по среднему размѣру надѣла особенно большой процентъ крупнонадѣльныхъ дворовъ, имѣвшихъ свыше 10 дес. на дворъ, обнаруженъ въ Гродненской губерніи (85%), а наименьший въ Могилевской 20,9%. Средненадѣльные дворы съ размѣрами отъ 5 до 10 дес. особенно преобладаютъ въ Могилевской губерніи (69,3%), а всего меньше ихъ въ Гродненской (10,4%). Малонадѣльные дворы, меньше 5 дес. въ наибольшемъ количествѣ отмѣчены въ многоземельной Минской губерніи (13,3%), а въ наименьшемъ въ Витебской (2,5% итого дворовъ).

По формѣ владѣнія надѣльною землею въ свѣдѣніяхъ 1905 г. общинное землевладѣніе совсѣмъ не показано въ губерніяхъ Гродненской и Минской, въ совершенно ничтожномъ размѣрѣ отмѣчено въ Виленской (0,6%, площади) и въ значительныхъ размѣрахъ показано для губерній Могилевской 79,3%, и Витебской 44,6%, надѣльной площади. Не надо забывать особенностей крестьянского землевладѣнія, которое нерѣдко лишь名义ально держалось общинами, чѣмъ вѣроятно объясняется значительный успѣхъ укрѣпленія надѣловъ въ Могилевской губерніи. По свѣдѣніямъ къ 1 мая 1915 г. въ Могилевской губерніи укрѣпили землю въ личную собственность 56,8%, дворовъ съ 54,8% земли изъ числа хозяйствъ, владѣвшихъ землею на общинномъ правѣ. Для Витебской губерніи такие дворы составляли 28,8%, а ихъ земля 21,8% *).

Казенныя земли, какъ было упомянуто, во всей бѣлорусской области занимали 7,0%, территории. Всего больше въ Гродненской губерніи 1,11%.

*) Ежег. Россіи 1914 г., изд. Центр. Ст. Ком. 1915 г.

потомъ Виленской 10,7%, далѣе въ Минской 9% и Витебской 5,8%, а меныше всего въ Могилевской 3,4%. Удѣльные земли показаны только въ двухъ губерніяхъ: Гродненской 4,4% (гдѣ Бѣловежская пуша) и въ Витебской 0,7%. Максимальный процентъ церковныхъ земель 1% тоже въ Гродненской, а минимальный 0,5% въ Виленской. Процентъ монастырскихъ земель совсѣмъ ничтоженъ; ихъ 0,2% въ Могилевской губерніи, 0,1% въ Витебской, а въ остальныхъ и того меныше.

Городскихъ земель 0,6 въ Витебской до 0,3% въ Виленской. Земли разныхъ учрежденій только въ Витебской губерніи 0,3%, главнымъ образомъ въ Велижскомъ уѣздѣ. Итогъ всей площади помимо частновладѣльческой и крестьянской надѣльной для всего края 10% территории. Онъ особенно великъ въ Гродненской губерніи 17%, далѣе идутъ Виленская 11,5 Минская 10,1%, Витебская 8,1% и, наконецъ, Могилевская 4,4%.

О распределеніи угодій къ сожалѣнію нѣть массовыхъ свѣдѣній для всего Бѣлорусского края позднѣе 1887 г. Только по Минской губерніи мы можемъ отмѣтить податныя свѣдѣнія, опубликованныя въ 1910 г., но относящіяся, повидимому, къ болѣе раннему времени*). Приводимъ ихъ параллельно съ данными 1887 г., напоминая, что Минская губернія наименѣе распаханная и наиболѣе лѣсистая изъ 5 губерній области. По податнымъ материаламъ въ губерніи насчитывалось пашни 27 1%, сѣнокоса 14,3, пастбищъ 7,8, усадебной земли 1,6%, лѣса 34,4% и неудобныхъ земель 14,8%. По даннымъ Центр. Ст. Комитета въ 1887 г. показывалось пашни 26,4%, сѣнокоса и пастбищъ 14%, лѣса 36, прочей удобной земли 2,2%, неудобныхъ земель 21,4%. Главное отличіе приходится на долю неудобныхъ земель, изъ которыхъ многія повидимому въ податныхъ материалахъ именовались пастбищами.

По даннымъ Центр. Комитета за 1914 г.**) площадь сѣнокосовъ въ итогѣ пяти губерній составляла 10,6% при максимумѣ 11% для Витебской и минимумѣ 9,6% для Могилевской (промежуточные величины очень близкія другъ къ другу давали губерніи Виленская 10,8—, Минская 10,7% и Гродненская 10,6%).

Вычисленія I. И. Сурожа по даннымъ Лѣсоохранительныхъ Комитетовъ въ 1906 г.***) даютъ слѣдующія величины, показанныя въ десятинахъ лѣса на 1 кв. версту площади (въ 1 кв. верстѣ 104,17 десятинъ). По Минской губерніи максимумъ 39 дес., по Могилевской 28, по Витебской 26 д., по Гродненской 23 д. по Виленской минимумъ 32 д. лѣса на 1 кв. версту площади.

Посѣвная площадь, отмѣченная при сельско-хозяйственной переписи 1916 г. даетъ возможность косвенно судить и о распаханности края. Всего въ трехъ цѣлыхъ губерніяхъ подъ посѣвами оказалось свыше трехъ съ

*) Ф. Ястребскій, Хозяйственные особенности Минской губ. по податнымъ материаламъ. Минскъ, 1910.

**) Урожай 1914 г. 1 изд. 1915 г.

***) Прилож. къ Лѣсн. Журн. 1909 г.

четвертью миллионовъ десятинъ (3.275,448 д.); это составляетъ почти пятую долю (19,5%) всей территории. Если бы въ области существовала исключительно трехпольная система полевого хозяйства, процентъ пашни бы былъ бы около 30% но на дѣль онъ меньше, вслѣдствіе замѣтнаго присутствія многополья. Въ Витебской (14,7%) и Могилевской (24,2) губерніяхъ процентъ посѣвной площади почти одинаковъ, а въ Минской онъ значительно меньше всего только 14,6% территории. Въ итогѣ посѣвной площади трехъ губерній посѣвы частновладѣльческаго типа составляли только около одной десятой доли (9,9%), въ частности, по губерніямъ Могилевской 11,3%, Минской 10,1%, Витебской 8,2%; остальное приходилось на посѣвы въ хозяйствахъ крестьянскаго типа. На одно хозяйство по тремъ цѣлымъ губерніямъ въ среднемъ приходится четыре съ третью десятины посѣва (3,32 д.). Наибольшая величина посѣва на хозяйство въ Витебской губ. (5,2 д.), потомъ въ Могилевской (3,9 д.), наименьшая въ Минской (3,9 д.). Для хозяйствъ крестьянскаго типа, тѣ же губерніи идутъ въ порядкѣ 4,8 д., 3,8 д. и 3,5 д. Для хозяйствъ частновладѣльческаго типа порядокъ иной: Минская 64,9 д., Могилевская 41,3 д., Витебская 31,6 д.

Если прибавить къ тремъ цѣлымъ губерніямъ три уѣзда Виленской губерніи, то окажется, что для всей посѣвной площади, запиcанной въ перепись 1916 года, рѣзко преобладающею культурою Бѣлоруссіи надо назвать рожь, подъ нею почти полтора миллиона десятинъ (1.455.555 д., въ томъ числѣ яровой ржи только 30,519 десятинъ). Вдвое меньшую площадь занималъ овесъ (751.2333 дес.), потомъ слѣдовала ячмень (416,050 десятинъ), картофель (297,519 дес.), гречиха (153,690 дес.) и ленъ (150.569 дес.).

Отбирая три главныя культуры въ каждой губерніи мы относимъ Могилевскую, Витебскую и кусокъ Виленской къ ржано-овсяно-ячменному району. Мы пересмотрѣли*) 34 уѣзда Бѣлоруссіи по преобладающимъ культурамъ и нашли, что только въ одномъ Мстиславскомъ уѣздѣ (Могилевской губ.) на первомъ мѣстѣ стоитъ не рожь, а овесъ; въ остальныхъ уѣздахъ первое мѣсто на поляхъ принадлежитъ ржи. Второю культурою въ большинствѣ случаевъ является овесъ, но исключение составляютъ, кроме Мстиславского уѣзда, гдѣ на второмъ мѣстѣ рожь, а на третьемъ ячмень (порядокъ О Р Я) еще слѣдующіе уѣзды: а) съ ячменемъ на второмъ мѣстѣ (порядокъ Р Я О) 6 уѣзовъ Витебской губерніи: Городокскій, Дацкій, Лепельскій, Люцинскій, Рѣчицкій, Себежскій; б) съ гречихою на второмъ мѣстѣ и картофелемъ на третьемъ два уѣзда Минской губерніи: Гомельскій и Мозырскій (порядокъ Р Г К, овесъ только на четвертомъ мѣстѣ) и в) съ картофелемъ на второмъ мѣстѣ Рѣчицкій уѣздъ (Р К О). На третьемъ мѣстѣ чаще всего (въ 15 случаяхъ) стоитъ ячмень, потомъ овесъ

*) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить прогрѣшность уже дважды допущенную нами въ печати. Въ статьѣ „Изъ географіи полев. культуръ“ (журн. „Вѣсти. Сел. Хозяйства“ 1918) и въ четвертомъ изданіи брошюры „Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сел. хозяйства“ (1918) мы ошибочно отнесли Витебскую губернію къ ржано-овсяно-льяному району.

въ 8, картофель въ 7 случаяхъ, гречиха въ двухъ (Р О Г). Климовическомъ и Чериковскимъ, и ленъ въ одномъ Велижскомъ (Р О Л). Если принять за 100 всю посѣвную площадь, то наибольшій процентъ ржаныхъ посѣвовъ приходится на три уѣзда Виленской губ. (44,7%), затѣмъ на Минскую губернію (43,0), потомъ на Могилевскую (42,0) и наименьшій на Витебскую (37,3). Въ частности яровая рожь замѣтнѣе въ Витебской (1,1) и Минской (1,0), чѣмъ въ Могилевской (0,6) и Виленской (0,5%). Подъ овсомъ максимальная доля въ Могилевской губерніи (23,3), минимальная въ Витебской (19,7). Культура ячменя нарочитъ всего сильнѣе въ Витебской губерніи (16,8), потомъ въ Виленской (16,8) и значительно слабѣе въ Минской (9,3%) и Могилевской (8,9%). По культурѣ картофеля первая губернія Минская *) (7,7%), гдѣ особенно развито было и винокуреніе, послѣдняя—Виленская (5,3%). Для гречихи крайности губерніи Могилевская и Витебская (0,1%, т. е. почти отсутствіе).

Посѣвами льна сравнительно изобилуетъ Витебская губернія (7,4), въ минимумѣ Минская (1,3%). Въ Витебской же губерніи особенно высоко стоять посѣвныя травы (12,6%), въ томъ числѣ многолѣтнія (10,6%). Дальнѣйший порядокъ по травамъ таковъ: Минская (6%, многол. 5,2%), Виленская (3,9, многол. 2,2%) и Могилевская (3%, исключительно многол.). Гороху отведены болѣе выдающіяся мѣста въ губ. Виленской (2,4) и Витебской (2,3), чѣмъ въ Минской (1,0) и Могилевской (0,4%). Подъ пшеницею сравнительно больше мѣста въ Минской губерніи (1,7%), подъ просомъ тамъ же (1,5%), подъ коноплею въ Могилевской губ. (1,1%).

Въ хозяйствахъ крестьянского типа культуры однообразнѣе, чѣмъ въ хозяйствахъ владѣльческаго типа, и большая часть посѣвныхъ растеній занимаетъ у крестьянъ большія проценты доли, чѣмъ въ частныхъ хозяйствахъ. Исключеніемъ являются озимая пшеница, овесъ и сѣянія травы; для этихъ культуръ на владѣльческихъ посѣвахъ отмѣчены болѣе высокіе проценты, чѣмъ на крестьянскихъ. Такъ многолѣтнія травы даютъ у владѣльцевъ по Витебской губерніи 36,9%, по Минской 16,5%, Могилевской 11,6%, и Виленской 8%, а у крестьянъ значительно меньшія величины въ томъ же порядкѣ: въ Витебской 8,5%, Минской 4,3%, Могилевской 2% и Виленской 1,5% всей посѣвной площади.

Для статистики среднихъ урожаевъ воспользуемся данными Центрального Статистического Комитета объ урожаяхъ ржи и овса за десятилѣтіе 1905—1914 г.г. (1915 г. нельзя было взять по Виленской и Гродненской губерніямъ). По среднему урожаю ржи за десятилѣтіе порядокъ губерній совершенно одинаковый для крестьянскихъ надѣльныхъ и для частновладѣльческихъ земель. Выше другихъ губерній стоитъ Гродненская со среднимъ урожаемъ на крестьянскихъ надѣлахъ 48,4 пудовъ, на частныхъ земляхъ 55,1 пудовъ съ десятины. Соответствующія величины по осталь-

*) Въ Могилевской губерніи за рядъ прежнихъ лѣтъ по даннымъ Цен. Ст. Ком. порядокъ былъ Р. О. Г.

нымъ губерніи будуть по Минской 42,6 п. и 49,0, по Могилевской 41,0 и 48,5, по Витебской 38,7 и 47,0 и наконецъ, всего ниже по Витебской, дающей 34,2 пуда на крестьянскихъ надѣлахъ и 43,3 пуда съ десятины на частныхъ земляхъ.

Ля овса тоже нѣтъ разницы въ порядкѣ губерній по урожайности на земляхъ обычнѣй категорій. Но здѣсь первое мѣсто принадлежитъ Могилевской губерніи съ величинами 47,5 пуд. и 51,8; очень близка къ этому Минская губернія 47,2 и 50,3; далѣе Гродненская 32,8 п. и 46,3, а послѣдніе мѣста близкія другъ къ другу опять занимаютъ губерніи Виленская 39,4 и 33,7 и Витебская 38,1 и 43,3 пуда.

Для пяти бѣлорусскихъ губерній средняя величина урожая ржи за десятилѣтіе 42,4 пуда съ десятины крестьянскихъ надѣловъ и 48,6 пудовъ съ десятины частновладѣльческихъ земель. Близкія величины показываютъ овесь—43 пуда съ десятины у крестьянъ и 47,1 пуд. у частныхъ владѣльцевъ. Владѣльческій урожай ржи на 14,5% выше, чѣмъ крестьянскій, а для овса превышеніе средняго владѣльческаго урожая надъ крестьянскимъ со-ставляетъ только 9,5%. По относительному перевѣсу владѣльческихъ уро-жаевъ ржи надъ крестьянскими наши губерніи расположаются въ порядкѣ какъ разъ обратномъ тому, въ которомъ размѣщается величина урожаевъ съ десятины. Такимъ образомъ наименьшій размѣръ приходится на губер-нію Гродненскую, гдѣ частные земли показываютъ превышеніе въ 13,8%, далѣе слѣдуютъ Минская 15%, Могилевская 18,3%, Виленская 21,4% и съ наибольшей разницей та губернія, гдѣ наименьшій средній урожай Ви-тебская 29,5%. Для овса нѣкоторое нарушеніе порядка, хотя и здѣсь три болѣе урожайныя губерніи даютъ меньшую разницу, чѣмъ двѣ менѣе уро-жайныя. Порядокъ здѣсь таковъ: Могилевская 9,1%, Минская 6,5%, Грод-ненская 8,3%, Виленская 10,9% Витебская 13,8%.

По даннымъ добровольныхъ корреспондентовъ отдѣла сельской эко-номіи за первое десятилѣтіе XX вѣка (1901—1910 г.) отмѣчены слѣдующія величины средняго урожая главныхъ растеній въ пяти бѣлорусскихъ губер-ніяхъ *) на крестьянскихъ и владѣльческихъ земляхъ:

П уд о въ съ д е с т и н и

Рожь	Пшеница		Пшеница		Овесь	Ячмень				
	крест.	вл.	крест.	вл.						
Виленская	39	46	42	51	37	40	33	32	42	46
Витебская	33	43	33	44	32	39	38	45	37	44
Гродненская	47	53	52	58	51	44	39	44	46	50
Минская	42	53	52	59	43	40	46	50	48	51
Могилевская	42	49	50	55	45	50	47	51	47	51
Гречиха										
Горохъ		Картофель		Ленъ						
крест. вл.		крест. вл.		крест. вл.		крест. вл.				
Виленская		22	22	36	42	574	452	25	25	

*) Сборн. стат. эконом. свѣд. по сел. хоз., изд. отд. сел. экон., т. X, 1917.

Витебская	21	23	32	30	355	411	15	17
Гродненская	25	24	27	43	385	451	34	33
Минская	30	30	44	44	435	527	33	30
Могилевская	26	29	43	48	460	520	31	49

Измѣнчивость урожаевъ за какой-нибудь срокъ измѣряется отношеніемъ средняго погоднаго отклоненія къ средней величинѣ урожая за тотъ же срокъ. Ограничеваемся справкою по измѣнчивости урожаевъ ржи за десятилѣтіе 1905—1914 г. на основаніи срѣдній Центральнаго Статистическаго Комитета. Для крестьянскихъ земель наибольшая измѣнчивость ржаныхъ урожаевъ оказалась въ Витебской губерніи—въ той, где былъ наименьшій средній урожай: тамъ отношеніе средняго погоднаго отклоненія къ среднему урожаю 19,4%, потомъ шли близкія другъ къ другу губерніи Могилевская 17,7% и Минская 17,4%, далѣе Гродненская 11,4% и наименьшая измѣнчивость получилась для Виленской губерніи 9,8%. Частновладѣльческія земли давали такой порядокъ измѣнчивости ржаныхъ урожаевъ: Минская 18,6%, Могилевская 16,9%, Витебская 15,4%, Виленская 13,3%, Гродненская 10,1%. Достойно вниманія, что Гродненская губернія, показавшая наибольшую устойчивость владѣльческихъ урожаевъ, имѣть и наибольшую среднюю величину урожая на частновладѣльческихъ земляхъ.

По численности скота въ Бѣлоруссіи мы располагаемъ материалами переписи 1916 года для трехъ цѣлыхъ губерній и для 3 уѣздовъ Виленской губерніи. Лошадей было насчитано у сельскохозяйственного населенія 1253113, рогатого скота 2218410 головъ, овецъ 2587775, свиней 2378237, кроме того козъ 12.795 и ословъ 32, всего 8.450.330 головъ разнаго скота. На одного человѣка сельскохозяйственного населенія это составляетъ въ среднемъ менѣе двухъ головъ, а именно 1,82, т. е. на стс человѣкъ 182 головы разнаго скота. Обеспеченіе населенія скотомъ въ губ. Витебской (206,2) и Могилевской (190,1) выше, чѣмъ въ губ. Минской (170,7) и Виленской (126,9). Изъ всей массы скота бѣлорусской области оказалось принадлежностью хозяйствъ частновладѣльческаго типа только 3,8 %. Въ Минской губерніи почти нѣть разницы въ отношеніи числа головъ всякаго скота къ населенію въ хозяйствахъ крестьянскаго типа (168,7) и въ хозяйствахъ типа частновладѣльческаго (171,4); остальная губернія показываютъ для крестьянскихъ хозяйствъ замѣтно меньшее снабженіе, чѣмъ для владѣльческихъ (въ Витебской 204,9 и 244,9, въ Могилевской 190,0 и 224,0, въ 3 уѣздахъ Виленской 134,9 и 175,7). Въ частности лошадьми всего лучше снабжено с. х. населеніе Могилевской губерніи по 21,1 головы на 100 человѣкъ, потомъ Минской 26,1 и Витебской 24,1, а всего слабѣе 3 уѣздовъ Виленской 23 головы. Для рогатаго скота на первомъ мѣстѣ стоитъ Витебская губернія (54,4), потомъ Минская (50,5), Могилевская (44,0). Для овецъ вмѣстѣ съ козами порядокъ: Витебская (85,3), Могилевская (56,8), Минская (51) и Виленская (31,5). Наконецъ, для свиней первое мѣсто принадлежитъ Могилевской губерніи (59,1), второе Минской (51,1), а послѣднія мѣста Виленской (43,5) и Витебской (42,3).

На одно хозяйство крестьянского типа всего больше скота приходится въ губерніи Витебской (11,2) и почти столько же въ Могилевской (11,0), поменьше въ Минской (9,3) и всего меньше въ Виленской (6,4). А для хозяйствъ частновладѣльческаго типа рѣзко выдѣляется Минская губернія, какъ крупновладѣльческая: въ ней на одно хозяйство приходится 49 головъ разнаго скота, Могилевская (38,7) и Витебская (47), близки другъ къ другу, а у Виленской наименьшая величина (31,8). Снабженіе крестьянскихъ дворовъ лошадьми колеблется отъ 1,8 въ Могилевской губерніи до 1,1 въ Виленской; по рогатому скоту крайности Витебская (2,9) и Виленская (1,5), по овцамъ тѣ же губерніи Витебская (4,7) и Виленская (1,6), по свиньямъ Могилевская (3,5) и Виленская (2,2). Въ частномъ хозяйствѣ особое скопленіе лошадей въ Минской губерніи (по 13,4 на хозяйство), наименьшая величина въ Витебской (6,3), тѣ же губерніи являются крайностями для свиней (10,9 и 6,2), по рогатому скоту на первомъ мѣстѣ Минская (21,2), на послѣднемъ Виленская (10,0), а по овцамъ первое мѣсто занимаетъ Витебская (8,1,) и полсѣднее Минская (5,2,) гдѣ еще не такъ давно было замѣтно развито владѣльческое тоикорунное овцеводство.

Количество рабочаго скота на 100 десятинъ посѣва давало по переписи 1919 г. такія величины:

Губерніи	Вообще	Хозяйства крест. типа	Хозяйства частновл. типа
Виленская (3 уѣзда)	22,8	23,8	14,9
Витебская	21,8	22,2	16,9
Минская	31,6	33,1	17,8
Могилевская	36,6	39,0	18,1

Стало быть на голову рабочаго скота приходится отъ 4,5 дес. (Вилен.) до 2,6 дес. (Могилев.) у крестьянъ и отъ 6,7 дес. (Вилен.) до 5,5 (Могил.) у частныхъ владѣльцевъ.

Если условно принять за 100 весь итогъ скота, то на долю отдельныхъ гидовъ приходятся слѣдующія величины для всей области: лошадей 14,8, рогатаго скота 26,2, овцѣ съ козами 30,8, свиней 28,2. Эти величины имѣютъ значеніе при сравненіи развитія отраслей животноводства въ отдельныхъ губерніяхъ. Напримѣръ, въ Витебской губерніи отстало коневодство, такъ какъ лошади тамъ составляютъ только 11,7% итого (меньше средняго), рогатый скотъ на среднемъ уровнѣ 26,4%, овцеводство съ уровнемъ значительно выше средняго 41,4, свиноводство 20,5%, не достигаетъ средней величины. Составъ стацъ по видамъ вообще и для хозяйствъ разныхъ типовъ со слѣдующими величинами:

Губерніи	Вообще	Въ хозяйствахъ кре- стьян. типа						Въ хозяйствахъ владѣл. типа					
		рог. овцы	лош. скотъ и козы	свиньи	лош.	рог. овцы	скот. и козы	свиньи	лош.	рог. овцы	скотъ и козы	свиньи	
Виленская (3 уѣзда)	18,1	23,5	24,9	33,5	17,7	23,0	25,2	34,1	25,3	31,3	19,0	24,4	
Витебская	11,7	26,4	41,4	20,5	11,4	25,6	42,3	20,7	17,2	44,2	21,8	16,8	
Минская	15,3	29,6	24,7	30,4	14,9	29,1	25,3	30,7	27,3	43,2	7,4	22,1	
Могилев.	16,3	23,0	29,7	31,0	16,0	22,2	30,4	31,4	23,4	43,7	13,4	19,5	

По Виленской и Могилевской губерніямъ бросается въ глаза сравнительно большое развитіе коневодства и свиноводства, по Минской разведенія рогатаго скота. Роль овцеводства и свиноводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ повсюду значительнѣе, чѣмъ въ частновладѣльческомъ, за то болѣе крупныя отрасли разведеніе лошадей и рогатаго скота относительно сильнѣе развиты въ хозяйствахъ частновладѣльческаго типа.

Составъ стадъ внутри различныхъ видовъ скота регистрировался въ переписи 1916 года съ различною подробностью.

Для лошадей установлены были три возрастные группы: 1) рабочаго возраста; ихъ относительное число было больше всего въ Витебской (83,6) и Могилевской (83,5%) губерніяхъ, почти такое же въ Виленской (82,4) и наименьшее въ Минской (79,1%); 2) подростки отъ 1 года до рабочаго возраста въ наибольшемъ числѣ въ Минской губ. (12,0), потомъ въ Могилевской (8,6) и Виленской (8,4) и въ наименьшемъ въ Витебской (7,9); 3) сосуны до 1 года: въ Виленской ихъ 9,2, въ Минской 8,0%, Витебской 8,5, Могилевской 7,9. Конскія стада въ хозяйствахъ владѣльческихъ имѣютъ большия проценты лошадей—подростковъ, чѣмъ стада крестьянскихъ хозяйствъ.

Для рогатаго скота имѣє ся довольно дробное распределеніе по пяти группамъ. Вотъ его результаты:

Губерніи:	Волы	Быки	Коровы	Подростки	Телята до 1 г.
Виленская (3 уѣзда)	0,2	0,8	72,2	10,0	16,8
Могилевская	0,1	0,6	63,6	18,7	17,0
Минская	5,0	1,9	53,0	19,8	20,3
Витебская	0,3	0,7	66,5	11,0	21,5

По Минской губерніи обращаетъ на себя вниманіе сравнительно высокій процентъ воловъ; тамъ они употребляются на работу и ставятся на откормъ. Минская же губернія всего богаче процентами подростковъ и телятъ до года, за то въ ней всего меньше процентъ коровъ, которыхъ сравнително болѣе всего въ Виленской. Различія въ составѣ крестьянскихъ и владѣльческихъ стадъ рогатаго скота очень не велики.

Для овецъ съ козами (коэль впрочемъ очень мало) и для свиней установлены только двѣ возрастные группы: взрослыхъ и молодняка до года. Процентъ ягнятъ (съ козлятами) особенно великъ въ Витебской губерніи (56%), въ Могилевской онъ меньше (36,1%), а въ Минской (27,8) и въ Виленской (24,1) имѣть наименьшія величины. Подсвинками и поросятами особенно изобиловала Виленская губернія (71,5), за нею шла Витебская (65,1%), а замѣтно меньшая ихъ доля отмѣчена въ губ. Минской (58,8) и Могилевской (58,5%).

Чтобы не упустить изъ сравненій Гродненскую губернію, приведемъ по полицейскимъ свѣдѣніямъ *) данные объ относительной численности

*) Статистич. Ежегодникъ Россіи 1914 г. Изд. Центр. Стат. Комит. 1915 г.

сельскихъ домашнихъ животныхъ въ 1914 г. На 100 человѣкъ сельского населенія лошадей было сравнительно больше всего въ Могилевской (20 головъ), потомъ въ Виленской (18), Витебской (17), Минской (16) и всего меньше въ Гродненской (15). Рогатымъ скотомъ были наиболѣе богаты Минская и Витебская губерніи (по 40 головъ на 100 человѣкъ сельского населенія), затѣмъ Виленская (37), Гродненская (34) и наконецъ, Могилевская (29 головъ).

Для овецъ (съ козами) порядокъ таковъ: Витебская 31, Гродненская 30, Виленская 23, Минская 22, Могилевская 20. Въ численности свиней послѣдовательность такова: Минская 22, Витебская 20, Виленская 19, Могилевская 18 и Гродненская 17.

Изъ военно-кошскихъ переписей затронемъ только послѣднюю съ напечатанными результатами. Она была исполнена въ 1912 г. *). Отмѣтимъ, что по сравненію съ предыдущею переписью 1906 г. только одна изъ пяти губерній Могилевская показала убыль лошадей ($-0,52\%$), въ Виленской оказалась почти прежняя величина ($+0,02$), въ Витебской прибыль была $0,94\%$, въ Минской прибыль была въ $1,06\%$, а въ Гродненской наибольшее увеличеніе $+2,38\%$. Всего въ 5 губерніяхъ подверглись перечету свыше $1\frac{1}{2}$ миллиона лошадей (1.565.001) съ наибольшимъ количествомъ въ Могилевской губ. (430.373) и наименьшимъ въ Виленской (221.339). На 100 человѣкъ населенія съ городскимъ приходилось лошадей въ Могилевской—18,7, въ Минской—13,7, Витебской—13,4, Гродненской—13,1, Виленской—11,1. По проценту лошадей старше 5 лѣтъ на первомъ мѣстѣ стояла губернія Витебская ($85,5\%$), на послѣднемъ Гродненская (69,6). За то Гродненская всего богаче сосунами (7,9), которыхъ всего меньше въ Витебской ($2,7\%$). Въ половинѣ составѣ лошадей старше 5 лѣтъ по проценту жеребцовъ крайностями являлись губ. Витебская ($1,5\%$) и Гродненская ($0,4\%$), по проценту мериновъ тоже Витебская (70,0) и Гродненская (38,4); онѣ же были крайностями по проценту кобылъ съ максимумомъ для Гродненской (61,2) и минимумомъ для Витебской (28,5%). Распределеніе роста дано тоже только для лошадей старше 5 лѣтъ. Малорослая группа съ ростомъ менѣе 1 арш. 14 вершк. въ холкѣ особенно изобиловала въ Могилевской губерніи (69,1) и была очень не велика въ Гродненской (18,5). Лошади средняго возраста измѣнили свой процентъ отъ 36,5 въ Витебской до 23,6% въ Могилевской. Наконецъ, высокорослая лошади свыше 2 аршинъ въ холкѣ показывали, такія относительныя доли: въ Гродненской—45,4%, Минской—23,1, Виленской—19,7, Витебской—15,3 и Могилевской—7,3.

Изъ общей массы лошадей въ 5 бѣлорусскихъ губерніяхъ по переписи 1912 г. свыше трехъ четвертей 75,9% оказались принадлежащими крестьянамъ живущимъ въ составѣ сельскихъ обществъ, 21,4% составляли собственность частныхъ землевладѣльцевъ и 2,7% принадлежали го-

*) Статистика Росс. Имп. XXXIII. Изд. Ц. Ст. Ком. 1914 г.

родскимъ учителямъ. У крестьянъ на одинъ дворъ всего больше лошадей въ Могилевской губерніи (по 1,9), потомъ въ Минской (1,5), Гродненской (1,4), Витебской (1,4) и Виленской (1,2). Процентъ безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ имѣлъ напротивъ наибольшую величину въ Виленской губерніи (25,3) и наименьшую въ Могилевской (12,8); остальная губернія размѣстились между этими предѣлами: Гродненская—22,2%, Минская—21,3%, Витебская—20,3%.

Заключаемъ наши справки краткими свѣдѣніями по статистикѣ пчеловодства, собранными только за 1910 годъ *). Всего въ 5 бѣлорусскихъ губерніяхъ отмѣчено было 25.087 пасѣкъ и въ нихъ 284.562 ульевъ, т. е. въ среднемъ на пасѣку по 11,3 ульевъ. Изъ общаго числа ульевъ рамочные составляли 14,5%. Продажа меда съ одного улья имѣла наибольшіе размѣры въ Могилевской губерніи (18,4 фунта), потомъ въ Виленской (14,1) и Витебской (13,8), а наименьшіе размѣры приходились на Гродненскую (8,5) и Минскую (5,9 ф.). Продажа воска съ одного улья была относительно высока въ Виленской губерніи (3,5 ф.), потомъ шла Витебская (2,7), Минская (2,1), Гродненская (2,1) и Могилевская (1,3). По отношенію числа ульевъ къ 1.000 сельскихъ жителей первое мѣсто принадлежало Минской губерніи, гдѣ отмѣчено 48 ульевъ на 1.000 человѣкъ, второе Могилевской—41, значительно меньше было снабженіе населенія ульями въ губерніяхъ Витебской—18, Гродненской—17 и Виленской—13 ульевъ на 1.000 человѣкъ.

Отмѣтимъ, что двѣ губерніи съ большимъ развитіемъ культуры гречихи имѣютъ и большее развитіе пчеловодства.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СВѢДѢНІЙ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ БѢЛОРУССІИ.

Для разыскыванія материаловъ на первомъ мѣстѣ понадобится А. Д. Педашенко. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству, погодное изданіе Министерства Земледѣлія за 1889—1911 г.г. Къ библіографическимъ пособіямъ принадлежитъ еще Д. К. Зеленинъ. Библіографический указатель этнографической литературы о виѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи, изд. Геогр. Общ. 1913 г.. В. И. Межовъ. Литература русской географіи, этнографіи и статистики за 1859—1880 г.г. (прилож. къ извѣстіямъ Геогр. Общества).

Изъ всероссійскихъ изданій правительственной статистики главного вниманія заслуживаютъ изданія Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Земледѣлія, Финансовъ, Торговли и Промышленности и Путей Сообщенія. Центральный Статистический Комитетъ М. В. Д. за послѣднія 30 лѣтъ включаль большую часть публикацій въ серію «Статистика Российской Имперіи». Сюда относится погодное изданіе «Урожай такого-то года», гдѣ съ 1893 года кромѣ свѣдѣній объ урожаѣ помѣщаются и данные о посѣвныхъ

*) Ежегодникъ Россіи 1910 г. Изд. Центр. Ст. Ком. 1911.

площадяхъ. Первая регистрація посѣвныхъ площадей принадлежить 1881 г. вмѣстѣ со статистикою уѣздовъ; ея результаты вошли въ «Статистицкій Временникъ. Серія III. Вып. IV», изд. Центральнаго Статистического Комитета 1884 г. Вторая регистрація угодій и культуръ принадлежала 1887 г. и напечатана въ губернскихъ тетрадяхъ изданія «Статистики Рос. Имперіи XXII.» Той же серіи Стат. Рос. Имп. принадлежать выпуски о земледѣльч. машинахъ и орудіяхъ (изд. 1913 г.), нѣсколько выпусковъ по конской переписи (послѣдняя изъ опубликованныхъ перепись 1912 г.; первая конская перепись 1882 г. издана управлениемъ Коннозаводства въ 1884 г.) и др.

Землевладѣнію посвящены «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ» съ данными 1877 г. (Бѣлорусскія губерніи вошли въ вып. V, изд. 1882 г.), упомянутая «Стат. Рос. Имп. XXII» (съ данными 1877 г.) и имѣющаяся въ погубернскихъ тетрадяхъ и въ общерусскомъ сводѣ «Статистика земледѣлія 1905 г.», (изд. 1906—1907 г.г.). Центральнымъ Комитетомъ опубликованы были погубернскія тетради Всероссійской переписи населенія 1897 г. Погубернскіе итоги по разнымъ отраслямъ хозяйства включаетъ въ себя «Стат. Ежегодникъ Россіи» Центр. Стат. Комит. (съ 1904 г.).

Министерство Земледѣлія, именовавшееся Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, съ 1881 года ежегодно публиковало изданія подъ заглавіемъ «Такой-то годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи» большою частью въ 6 выпускахъ на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ добровольными корреспондентами. Также на основаніи данныхъ добровольныхъ корреспондентовъ публиковались неперіодическая свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ сельского хозяйства подъ заглавіемъ «Сельскохозяйственная статистическая свѣдѣнія по материаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ» (12 лѣпупсовъ по 1904 г.). Погубернскіе итоги входятъ въ изданіе того же вѣдомства «Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ Россіи и иностранныхъ государствахъ». (Вып. X вышелъ въ 1917 г.). Назовемъ еще «Справочная свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ» (для частныхъ хозяевъ). «Описаніе крестьянскихъ хозяйствъ» (недавнее изданіе), «Землеустроенные хозяйства», «Соврем. положеніе льноводства въ 25 губ.» (изд. 1912 г.) и изданія переселенческаго управления. Погубернскіе итоги, относящіеся къ казеннымъ лѣсамъ, за послѣднее время въ «Ежегодникѣ Лѣсного Департамента», за прежніе годы въ погодномъ «Обзорѣ казеннаго лѣсного управления».

Чрезвычайно важнымъ источникомъ для сельскохозяйственной характеристики всѣхъ уѣздовъ, входящихъ въ Бѣлоруссию, является изданіе особаго совѣщенія по продовольственному дѣлу (при Министерствѣ Земледѣлія) «Предварительные итоги Всероссійской Сельскохозяйственной переписи 1916 г.».

Въ составѣ Министерства Финансовъ Департаментъ Окладныхъ сбровъ издаетъ: «Материалы по статистикѣ движенія земледѣлія въ Россіи», а также «Доходы и расходы земствъ», послѣдняя публикація за 1913 годъ относится къ 40 губерніямъ и заключаетъ въ себѣ поуѣздныя свѣдѣнія о

распределеніи земледѣлія въ губ. Могилевской, Минской и Витебской по 6 категоріямъ: земля государства, удѣловъ, крестьянскія-надѣльныя, частно-владѣльческія, городскія и разныя. Для бѣлорусскихъ уѣздовъ Смоленской и Черниговской губерній полезное библіографическое пособіе дано тѣмъ же Департ. Окл. Сборовъ въ видѣ книги «Издание Земствъ 34 гу. по общ-экономич. и оцѣн. статистикѣ». «Главное Управление Неокладныхъ Сборовъ и Казен. продажи Питет» (по прежнему Департ. неоклад. Сборовъ) издаетъ «Статистику производствъ, облагаемыхъ акцизомъ». Крестьянскій и Дворянскій Банки въ ежегодныхъ отчетахъ даютъ материалъ для характеристики земельныхъ условій. Департаментъ Жѣлезнодорожныхъ Дѣль (Министр. Финансовъ) съ 1891 г. публикуетъ «Сводную статистику перевозокъ по Русскимъ желѣзнымъ дорогамъ» для разнообразныхъ видовъ товаровъ. Не мало материала о сельскомъ хозяйстве Бѣлоруссіи въ погубернскихъ книгахъ и систематическихъ сводахъ, изданныхъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, дѣйствующимъ при Министерствѣ Финансовъ въ 1902—1904 г.г.

По Министерству Торговли и Промышленности важнымъ изданіемъ для ознакомленія со сбытомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Бѣлоруссіи является долго подготавливавшееся изданіе «Торговля и промышленность Европейской Россіи по Районамъ. Выпускъ II. Сѣверозападная Земледѣльческая полоса». (Эти свѣдѣнія, относящіяся къ 1900 г. и сгруппированныя по очень мелкимъ районамъ, вышли въ свѣтъ только въ 1911 г.). Въ приложеніяхъ къ этому изданію имѣются погубернские указатели хозяйственно статистической литературы. Весьма интересно было бы сопоставленіе заключающихся въ этомъ изданіи данныхъ со старыми материалами, опубликованными Географическимъ Обществомъ въ семидесятыхъ годахъ. Для фабричныхъ производствъ, связанныхъ съ сельскохозяйственнымъ сырьемъ имѣютъ значеніе «Стат. свѣд. о фабр. и заводахъ за 1900 г. Изд. 1903 г. Тоже за 1908 г. Изд. 1912 г.».

«Статистический Сборникъ» Министерства путей сообщенія даетъ материалы о желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ, о водныхъ путяхъ, о количествѣ и направленіи грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ; изъ сельскохозяйственныхъ грузовъ здѣсь показывается хлѣбъ съ раздѣленіемъ по 6 рубрикамъ; здѣсь же свѣдѣнія о перевозкѣ строевого лѣса и дровъ. Изъ изданій Военного вѣдомства слѣдуетъ вспомнить «Военно-статистическая описанія» отдельныхъ губерній (преимущ. шестидесятыхъ годовъ).

Большая часть Бѣлоруссіи лишь очень недавно стала пользоваться земскими учрежденіями (а Виленская и Гродненская губерніи совсѣмъ не пользовались), поэтому не удивительно, что число земско статистическихъ публикацій по тремъ бѣлорусскимъ губерніямъ пока еще очень малочисленно. Изъ нихъ позволяемъ себѣ отдельно отмѣтить составленный Н. М. Трегубовымъ «Статистический Обзоръ» Могилевской губерніи по 1914 г. (1915 г.). По Витебской губ. въ 1908 г. были напечатаны «Итоги предварительного подсчета» переписи крестьян. и мѣщан. хозяйствъ (ис-

полненного въ 1907 г.]. За 1914 г. данъ былъ «Экономический обзоръ» По Минской губ. издано нѣсколько выпусковъ текущей сельскохозяйственной статистики съ 1913 г. («Урожай», «Базарные цѣны» и др.). Въ Смоленской губерніи вполнѣ бѣлорусскій уѣздъ Красненскій не имѣлъ сплошной подворной переписи съ напечатанными результатами; для Смоленского уѣзда старая піедвѣрная земская перепись крестьянского хозяйства не закончилась печатаніемъ (отпечатаны 5 волостей въ 1890 г.). Но въ текущей сельскохозяйственной статистикѣ, опубликованной Смоленскимъ Губернскимъ Земствомъ (С. Х. обзоръ Смоленской губ.) много материаловъ, относящихся и къ бѣлорусскимъ частямъ Смоленской губерніи. А въ Черниговской губерніи Суражскій и Мглинскій уѣзды имѣли земскую подворную перепись («Материалы для оѣнки земельныхъ угодий, т. IX, 1883 г. т. X, 1884 г.»). Текущая статистика Черниговской губерніи давала «С. Х. обзоръ» (съ 1904 г.) и бюллетени.

Губернскими статистическими комитетами бѣлорусскихъ губерній составлялись погодные «Обзоры» губерній, являвшіеся приложеніями къ губернаторскимъ отчетамъ, памятныхъ книжки и адресъ-календари. Частныя изданія, относящіяся къ хозяйственной географіи Бѣлоруссіи, довольно многочисленны. Отчасти это изданія всероссійскія, отчасти специально мѣстныя. Изъ первой категории назовемъ прежде всего «Россія подъ ред. В. П. Семенова, изд. Девріена, томъ IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія 1905 г.». При этой книгѣ помѣщенъ и указатель литературы (довольно краткій). Въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза-Ефрана имѣются довольно обстоятельный очерки отдѣльныхъ бѣлорусскихъ губерній (при нихъ и литературные указанія). Киевское изданіе фирмы Фиша «Вся Россія» (1911—1912, дополн. 1913 г.) имѣетъ краткій очеркъ «Бѣлоруссія и Литва», написанный А. К. Власовыхъ, такъ много потрудившимся для національной бѣлорусской литературы редакторомъ Виленского изданія «Наша Нива»; въ той же книгѣ количественные данные по отдѣльнымъ губерніямъ. Изъ мѣстныхъ изданій назовемъ разныя работы Ф. И. Ястребского по Минской губерніи («Поземельное устройство», «Повинности», «Учетъ и оѣнка земель»). «Обзоръ Витебской губерніи», подъ ред. кн. Долгорукова (1890), и «Описаніе Могилевской губерніи» А. С. Дембовецкаго (1882—84).

Наши отрывочные указанія имѣютъ единственную цѣлью обратить вниманіе интересующихся на существование хотя и разбросанныхъ, но изобилійныхъ материаловъ для сельскохозяйственной характеристики Бѣлоруссіи. Если окажутся на лицо жнецы, жатва будетъ обеспечена, особенно если къ жнитву въ достаточной мѣрѣ будетъ приложена научная мысль:

«Сонце науки скрьзь хмара цемные
«Прагляне ясна надъ нашай ниваю,
«И будуць жыци дзетки патомные
«Добраю доляю, доляй шчасльиваю».

АНТРОПОЛОГІЯ БІЛОРУССОВЪ.

(Содержаніе лекціи прив.-доц. Е. М. Чепурковскаго).

Народность—группа, объединенная общимъ языкомъ и обычаями, можетъ слагаться изъ самыхъ разнообразныхъ физическихъ типовъ. Общій для большинства представителей единый типъ, отличающій ее отъ другихъ, мы находимъ лишь у такихъ народовъ, которые въ силу географическихъ или религіозныхъ причинъ были долгое время изолированы отъ другихъ, напримѣръ, среди евреевъ; ихъ можно узинь еще на древне-египетскихъ памятникахъ. Бѣлоруссы есть составная часть русского народа, и такихъ признаковъ, по которымъ мы можемъ отличить наше, положимъ, отъ великоруссовъ, нѣть. Но если мы не можемъ видѣть бѣлорусского типа по легко бросающимся въ глаза чертамъ, то нѣть ли болѣе тонкихъ различій между составными частями народа русского, которые улавливались бы или точнымъ описаніемъ, или измѣреніями. Послѣднія, какъ известно, широко практикуются въ антропологии, есть даже особый отдѣльный антропометрія. Измѣренія могутъ произведиться или съ какой-нибудь специальной цѣлью прослѣдить наслѣдованіе различныхъ признаковъ, относительное развитіе органовъ, вторичная половыя различія и т. д., или же просто, чтобы собрать матеріалъ для сужденія о типѣ народностей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ примѣняются опредѣленныя, по возможности, однообразныя, схемы. Изъ такого рода измѣреній мы можемъ пока заключить весьма мало о составѣ народностей изъ различныхъ типовъ и о родствѣ между этими типами. Часто напротивъ, какъ въ попыткахъ классификації А. А. Ивановскаго, получаются курьезы, вродѣ, напримѣръ, большаго сходства евреевъ ковенскихъ съ китайцами, чѣмъ съ евреями варшавскими, или большаго сходства нашихъ азербайджанскихъ татаръ съ папуасами Новой Гвинеи, чѣмъ этихъ папуасовъ съ другими ихъ же группами. Причина этого лежитъ, во первыхъ, въ томъ, что измѣренія суть совершенно условныя схемы, которыхъ природа не знаетъ и которая совершенно могутъ не выражать формы и наружного облика. Такъ два зданія, построенныхъ одно въ романскомъ, а другое въ готическомъ стиляхъ, могутъ имѣть совершенно одинаковую высоту и другіе размѣры. Да и описательныхъ признаковъ природа вѣдь не знаетъ и ихъ категории суть продуктъ нашей творческой фантазіи; она знаетъ только гены невидимые наследственные зачатки, сложный синтезъ которыхъ и есть признакъ. Такъ, напримѣръ, цвѣтъ волосъ есть результатъ взаимодѣйствія (или сочетанія при унаслѣдованіи) по меньшей мѣрѣ двухъ такихъ элементарныхъ факторовъ, обусловливающихъ содержаніе въ волосѣ пигмента и содержанія въ немъ воздуха. Во-вторыхъ, причиной неудачи надо считать и то, что хотя составъ народности изъ разныхъ физическихъ типовъ есть

аксіома, обыкновенно этого разложения не дѣлается или оно дѣлается неправильно и часто сравниваются физические типы народности вообще, напримѣръ, белоруссовъ, поляковъ и т. д., совершенно упуская изъ вида возможность мѣстныхъ вариаций типа *).

Итакъ, необходимо разложить народность на составляющіе ее типы и тогда уже сравнивать ихъ между собою. Но по какимъ же признакамъ выдѣлять эти типы и какъ производить эти сравненія? Авторъ полагаетъ, го основаніямъ, о которыхъ подробнѣ сказано въ другихъ работахъ **), что обычное выдѣленіе типовъ, какъ сочетаній признаковъ, не выдерживаетъ критики и что единственный путь для того, чтобы достовѣрно найти характерный для типа признакъ и опредѣлить реальное генетическое родство между типами состоитъ въ изученіи географического распределенія признаковъ по возможно меньшимъ пространственнымъ единицамъ. Тотъ признакъ, который будетъ при такомъ способѣ обнаруживать въ своемъ географическомъ распределеніи определенная области наиболѣе рѣзкаго проявленія, а между ними области смѣшенія, и будетъ характернымъ; пользуясь тѣмъ же изученіемъ географического распределенія, мы можемъ сопоставляя его съ данными другихъ наукъ, прослѣдить и разселеніе открытыхъ такимъ способомъ типовъ. Эта исторія разселенія одна способна выяснить действительное родство между типами.

Въ примѣненіи къ русскому народу сопоставленіе подробныхъ измѣреній тоже не даетъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ о различіяхъ между отдельными его группами и о родствѣ между ними. Это вытекаетъ и изъ безыскусственного сопоставленія данныхъ, собранныхъ различными авторами, и изъ измѣреній и портретовъ, полученныхъ въ значительномъ количествѣ мною. Между тѣмъ, одинъ признакъ обнаружилъ явственную правильность въ своемъ географическомъ распределеніи и вытекающіе изъ особенностей этого распределенія выводы стоять въ довольно хорошемъ согласіи съ выводами другихъ наукъ, главнымъ образомъ, исторіи разселенія русского народа. Этотъ признакъ есть форма головы, какой она намъ представляется сверху. Опредѣляется эта форма путемъ измѣренія длины и ширины головы черепной коробки (особымъ циркулемъ) и затѣмъ берется отношеніе ширины къ длине, выраженное въ процентахъ. Если, положимъ, наибольшая ширина черепа составляетъ 75% наибольшей длины, то при взглядѣ сверху, онъ будетъ имѣть конечно болѣе овальную форму, чѣмъ если она составляетъ 85%. Остановиться на этомъ признакѣ побудило автора и то, что онъ стойко наслѣдуется, а внѣшнія условія и внутреннія анатомофизиологическія зависимости лишь нѣсколько видоизмѣняютъ его. Кромѣ того, карта распределенія роста была уже составлена проф. Д. Н. Анучиномъ по цифрамъ центрального статистического комитета.

*) См. мою крит. статью о работахъ Д. Золотарева въ Русскомъ «Антropolогическомъ журналь» за 1916 г.

**) Статистический и биологический методы въ изученіи наследственности у человека. «Русск. Антр. Журналъ» 1916 г.

Въ теченіе многихъ лѣтъ авторомъ были измѣрены около 40 тысячъ крестьянъ, преимущественно мужчинъ; кроме того, оказалось возможнымъ найти въ литературѣ измѣренія тысячу двухъ, трехъ, и при нанесеніи ихъ на карту по уѣздаамъ, получилась та картина, которая изображена на рис. 1*). Мы видимъ здѣсь, что распределеніе формы головы не беспорядочно, но обнаруживаетъ определенные центры. А именно, во-первыхъ, въ группѣ сосѣдящихъ уѣзовъ трехъ губерній — Рязанской, Тамбовской и Пензенской средніе индексы уѣзовъ нигдѣ не превышаютъ 80. Отъ области этого наиболѣе длинноголоваго населенія мы находимъ совершенно постепенный переходъ къ обширнemu острову болѣе высокихъ показателей, т. е. къ острову широкоголоваго населенія, центръ которого лежитъ въ области Валдая. Мы видимъ далѣе на картѣ, что такие же острова широкоголовости въ Великороссіи и Бѣлоруссіи встречаются и въ другихъ мѣстахъ, при томъ это не изолированные уѣзы, а тоже группы сосѣдящихъ уѣзовъ, и лежать онъ или на водораздѣлахъ и верхнѣхъ теченіяхъ рѣкъ, какъ, напримѣръ, валдайскій районъ, или же въ трудно доступныхъ полѣсьяхъ. Это суть именно: въ Великороссіи: Валдайскій районъ, центръ которого составляютъ уѣзы Осташковскій, Ржевскій и Бѣльскій и который распространяется потомъ на югъ вдоль верхняго теченія Оки (Одоевскій, Бѣлевскій, Мценскій уѣзы), на востокъ заходитъ въ Моск вскую губернію (Рузскій, Волоколамскій, Верейскій у.), на юго-востокъ простирается до Устюженскаго у., Новгородской губ., на западъ заходитъ съ Псковскую до Островскаго у. и въ Витебскую до Городокскаго. Кроме Валдайскаго, далѣе на востокъ мы находимъ въ междурѣчье Оки и Воли пять сосѣдящихъ уѣзовъ Владимирапской губерніи съ индексомъ около 83 (Владимирапскій, Вязниковскій, Судогодскій, Юрьевецкій, Ковровскій) Вѣла отдѣляетъ этотъ Владимирап Сузdalскій районъ отъ обширнаго широкоголоваго района, простирающагося въ Костромскую, Вологодскую, Вятскую губерніи, и вѣроятно связанного со столь же широкоголовымъ райономъ Пермской губ., изслѣдованнымъ Б. Н. Вишневскимъ. Итакъ, въ Великороссіи и Бѣлоруссіи мы находимъ на востокѣ въ Тамбовской впадинѣ замкнутую область относительной длинноголовости, а на остальному протяженіи на водораздѣлахъ, междурѣчьяхъ и въ полѣсьяхъ высокіе индексы, а въ оставльной части средніе. Совершенно иное мы видимъ въ Малороссіи: здѣсь головной показатель вѣздѣ высокъ: отъ Карпатъ на западѣ до южной части Воронежской губерніи, т. е. до вѣтрѣчи велико и малорусской колонизації на востокѣ. Каковы различія между этими областями по другимъ признакамъ? Массовыя изслѣдованія имѣются только для роста (см. выше) и для цвѣтности. Послѣднія тысяча для 35 субъектовъ и по моимъ даннымъ. Сопоставляя распределеніе этихъ двухъ признаковъ съ распределеніемъ головного показателя, мы находимъ слѣдующее. Малороссъ — наиболѣе высокаго роста и наиболѣе темный. Восточный великорусъ Там-

*) По техническимъ причинамъ рис. не удалось помѣстить. Прим. ред.

бовской впадины немного темнѣе всѣхъ остальныхъ великоруссовъ, а по росту, повидимому, мало отличается. Широкоголовый великороссъ водораздѣловъ и широкоголовый бѣлорусъ полѣсій повидимому болѣе свѣтлы, чѣмъ остальная части Великороссіи и по крайней мѣрѣ въ иѣкоторыхъ мѣстахъ (Минская и Костромская губерніи) и болѣе малаго роста. Итакъ, намѣчаются три типа: 1) темный, широкоголовый, высокій малороссъ; 2) широкоголовый, вѣроятно свѣтлый и малаго роста обитатель водораздѣловъ (валдайскій типъ) и 3) болѣе темный, и наиболѣе длинноголовый обитатель Тамбовской впадины восточный великоруссъ (рязанскій типъ). Наконецъ, именно въ Бѣлоруссіи къ нимъ надо присоединить еще одинъ типъ, а именно въ Могилевской губерніи мы находимъ довольно длинноголовое населеніе (хотя не такое, какъ восточный великоруссъ), но гораздо болѣе свѣтлое. Такое же населеніе живеть и въ пріильменскихъ уѣздахъ. Это, быть можетъ, четвертый главный типъ русскаго народа. Итакъ, въ частности, въ Бѣлоруссіи можно различать: 1) широкоголовый свѣтлый типъ полѣсій (Березинскій, Припятскій, Подесенскій, Валдайскій), и 2) Могилевскій типъ. Кромѣ того, въ южныхъ уѣздахъ мы встрѣчаемъ несомнѣнно примѣсь малорусскаго элемента (Пинскій и Рогачевскій уѣзды), а на всемъ протяженіи Бѣлоруссіи вѣроятно живеть и тотъ смѣшанный типъ, который заполняетъ на картѣ все пространство между островами широкоголовости на водораздѣлахъ.

Какіе изъ этихъ типовъ древнѣе? Отвѣтъ на это можно получить, во первыхъ, путемъ разсмотрѣнія варіаціи головнаго показателя. А именно, то населеніе, которое давно живеть на одномъ мѣстѣ, и куда притекало мало новыхъ пришельцевъ, должно конечно обнаруживать большее сходство между своими представителями, какъ, напримѣръ, члены одной семьи, въ которую не приливало чуждой крови, обнаруживаютъ больше сходства между собою, чѣмъ если происходило смѣшеніе. Говоря языкомъ статистики варіація болѣе безпримѣснаго населенія должна быть меньше. Вычиленная по точной формулѣ *) она дѣйствительно оказалась наименьшей именно въ области восточнаго великорусса—это значитъ и есть наиболѣе древнее населеніе. Остальная часть Великороссіи и Малороссіи обнаружила большую варіацію, и значитъ это болѣе новое населеніе, но въ виду того, что будетъ сказано ниже, въ частности, по отношенію къ Бѣлоруссіи было бы весьма интересно собрать болѣе значительный материалъ для выясненія того, какой типъ древнѣе: полѣсскій или могилевскій. Это можно было бы сдѣлать, организовавъ планомѣрныя, коллективныя изслѣдованія.

Обращаясь къ историческимъ даннымъ, мы находимъ, что большая древность населенія Тамбовской впадины стоитъ въ согласии съ ними. Можно даже со значительной степенью вѣроятности сказать, какое племя послужило здѣсь причиной длинноголовости: а именно мордва мокша-финское племя, здѣсь же обитающее, обнаружило и болѣе темные оттѣнки,

*) Формула эта приведена въ указанной выше статьѣ о наследственности.

чѣмъ восточный великорусъ и большую длинноголовость; наконецъ, варіанія морды оказалась еще меньшей, такъ что она то и явилась повидимому тѣмъ первонаселенникомъ, съ которымъ смѣшивался новый болѣе широкоголовый пришелецъ*). Изъ исторіи мы знаемъ, что финскія племена оттѣснялись на востокъ славянами. Вогулы, напримѣръ, еще недавно перешли за Ураль. Казалось бы, что широкоголовый пришелецъ, нынѣ наиболѣе рѣзко сохранившійся по полѣсьямъ и на водораздѣлахъ Великороссіи и былъ славянинъ. Но вопросъ такъ просто не решается. А именно, обрящаясь къ распределенію формы головы въ курганномъ періодѣ, т. е. въ 10—13 вѣкахъ, въ эпоху когда существовало то разселеніе славянъ, о которомъ говорить лѣтописецъ, мы находимъ вездѣ черепа еще болѣе длинноголовые, чѣмъ нашъ восточный великорусъ. И это, на всемъ протяженіи не только Великороссіи, но и въ Бѣлоруссіи (тамъ, гдѣ есть на блюденія) и даже въ Малороссіи (въ Кіевѣ). Напримѣръ, въ трехъ уѣздахъ Московской губерніи: Можайскомъ, Рузскомъ и Верейскомъ, гдѣ теперь показатели 83 и 84, въ курганномъ періодѣ средніе показатели уѣзда были 75 и 77 (даже прибавивъ къ показателямъ череповъ двѣ единицы, такъ какъ на живыхъ показатель выше). Въ нѣсколько болѣе позднихъ курганахъ уже замѣчается повышеніе головнаго показателя. но все же и тѣхъ острововъ широкоголовости въ Великороссії и части Бѣлоруссіи, которыхъ мы видимъ на современной картѣ, еще совершенно нѣть. Значитъ, распространеніе широкоголоваго типа по Великороссіи началось приблизительно около періода татарскаго нашествія, т. е. около 700 лѣтъ тому назадъ. Послѣ того, какъ этотъ типъ распространился (быть можетъ весьма медленно) наступилъ нѣкоторый періодъ покоя, во время которого рѣки успѣли оказать свое вліяніе, какъ путі сообщенія, почему онъ и сохранился въ относительной чистотѣ на водораздѣлахъ. Какъ уже сказано, и малороссъ въ эту эпоху былъ длинноголовымъ и современное населеніе Малороссіи въ значительной степени есть новое населеніе, пришедшее изъ Прикарпатья въ позднѣйшемъ періодѣ, послѣ татарскаго нашествія, и вотъ почему рѣки здѣсь и не успѣли еще оказать своего вліянія: индексъ какъ мы видѣли, вездѣ высокъ и въ долинахъ и на водораздѣлахъ.

Откуда же пришелъ въ Бѣлоруссію четвертый типъ, нынѣ живущій въ Могилевской губерніи—довольно длинноголовый и очень относительно свѣтлый? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ приходится обратиться къ краткому обзору типовъ Западной Европы. Здѣсь мы находимъ въ нашу эпоху слѣдующіе главные типы (или расы). Во первыхъ, иберійский типъ. Это малорослый, очень длинноголовый брюнетъ, обитающій на теперь, побережья Средиземного моря, почему онъ и называется иногда средиземноморской расой. Въ каменномъ вѣкѣ онъ предположительно былъ очень распространенъ и въ другихъ частяхъ Европы, между прочимъ въ Брита-

*). Такой же типъ встрѣчается не только среди морды, но также черемисъ, башкиръ, съ ними сходны современные болгары.

ні и въ немъ нѣкоторые усматриваютъ именно ея древнѣйшаго насельника. Остатками его является быть можетъ часть басковъ, народа южной Франціи и Испаніи, говорящаго на какомъ то совершенно особомъ языкѣ. Другой типъ альпійскій; это широкоголовый, низкого роста брюнетъ. Онъ обитаетъ теперь въ горныхъ областяхъ Альпъ, Карпатъ. Овернь центральной Франціи, встречается и въ Бретаніи. Третій типъ есть скандинавскій, или тевтонскій: высокій, светлый долихоцефаль, къ которому принадлежитъ большинство населенія Германіи, Швеціи и Норвегіи и Британскихъ острововъ. Наконецъ, мѣстами въ сѣверной части Западной Европы, преимущественно по ея побережьямъ (Фрисландія) встречаются островки широкоголоваго и светлого типа. Ранѣе въ неолитическомъ періодѣ этотъ типъ былъ вѣроятно болѣе широко распространенъ въ З. Европѣ, а на Британскихъ островахъ въ концѣ поздняго каменного вѣка произошла смѣна ихъ первобытнаго длинноголоваго населенія, принадлежавшаго, какъ нѣкоторые думаютъ, къ иберійской (современной средиземноморской) расѣ, новыми круглоголовыми пришельцами. Они владѣли этой страной не менѣе приблизительно тысячи лѣтъ, пока ихъ смѣнила тевтонская раса, и по мнѣнію одного изъ современныхъ ученыхъ пришли сюда изъ Балтики.

Каково отношеніе этихъ типовъ къ указаннымъ выше основнымъ типамъ русского народа? Съ значительной степенью вѣроятности мы можемъ предположить, что малороссъ соответствуетъ альпійскому типу. Онъ такой же темный и широкоголовый, а современное населеніе Карпатъ, откуда онъ разселился еще болѣе темно и широкоголово. Восточный великорусъ, быть можетъ, имѣть нѣкоторое отношеніе къ наиболѣе древнему насельнику Европы—иберійцу. Тотъ типъ, который нынѣ живетъ въ Могилевской губерніи и есть одинъ изъ составныхъ элементовъ современного белорусса, обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ скандинавскимъ типомъ, который могъ проникнуть сюда по Западной Двинѣ, но можетъ быть это есть остатокъ и болѣе древняго варяжскаго населенія, ибо онъ встречается и въ другомъ мѣстѣ бывшей дороги изъ варягъ въ греки: въ приильменскихъ уѣздахъ. Кто же широкоголовый типъ водораздѣловъ Великороссіи и полѣсій Бѣлоруссіи? Не можемъ ли мы сопоставить его съ светлымъ брахицефаломъ, владѣвшимъ такъ долго Англіей и островки котораго, какъ сказано, и нынѣ разбросаны въ З. Европѣ. Такой типъ нынѣ встречается среди литвы, поляковъ, и часто тамъ, гдѣ онъ обитаетъ въ Великороссіи наблюдаютъся въ языкѣ польскія черты. Но къ нему же принадлежать и нѣкоторыя финскаго корня племена: пермяки и зыряне. Если бы удалось отожествить его съ насельникомъ круглыхъ могилъ Британіи, то это значило бы, что въ недоступныхъ полѣсьяхъ Бѣлоруссіи сохраняется очень древнее населеніе, пришедшее въ Европу вѣроятно раньше и иными путями, чѣмъ альпійскій темный брахицефаль, родственнникъ малоросса. Для этого необходимы дальнѣйшія изслѣдованія, особенно цвѣтности. Было бы весьма интересно собрать, напримѣръ, образцы волосъ въ островкахъ этого типа, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, вездѣ ли онъ болѣе светлый, чѣмъ

окружающее население и тамъ же записать образцы говоровъ, чтобы узнать, связанъ ли этотъ типъ съ ляшскими чертами. Бѣлоруссія представляетъ такимъ образомъ большой интересъ для антрополога, ибо въ ея польсьяхъ хранится, быть можетъ, одинъ изъ древнѣйшихъ первоначальниковъ Европы; выроагно и вариація, изученная на большомъ матеріалѣ который собрать одному человѣку не подъ силу, оказалась бы меньшей на этихъ польсьяхъ, чѣмъ въ проежекточныхъ областяхъ, какъ то мы видѣли уже на примѣрѣ древняго населенія Тамбовской впадины. Для решенія стихъ и другихъ вопросовъ необходимы коллективныe изслѣдовачія.

Каково отношеніе этихъ типовъ къ славянской колонизації *)? Часто говоря о типѣ славянъ совершенно забываютъ, что это народность могла состоять изъ разныхъ типовъ и некоторые авторы даже стремятся пріурочить славянъ къ опредѣленной современной національности. Такъ Ф. К. Волковъ въ своей недавно появившейся книжѣ думаетъ, что именно малороссы содержать наиболѣе чистый славянскій типъ. Но какъ показываютъ раскопки древнихъ могилъ сѣверной Германіи, когда обитавшейся славянами признакъ этихъ могилъ (височные кольца), всѣ сбитатели ихъ были длинноголовы. Первобытное до татарское населеніе Киева тоже было длинноголово. Восточный великорусъ (вятичи), бывшій смѣстью финновъ и славянъ, тоже. Въ курганахъ славянской эпохи во всей Великороссіи и Бѣлоруссіи жило, какъ мы видѣли, длинноголовое племя и современный широкоголовый обитатель водораздѣловъ Великороссіи распространился относительно поздно—вѣроятно, изъ польской Бѣлоруссіи и подъ давленіемъ татарь на эти польсья. Онъ есть, вѣвоятно, продуктъ тоже славянской колонизаціи, но позднѣйшаго периода—потоковъ, шедшихъ изъ области кривичей. Все это вопросы весьма интересные, но требующіе дальнѣйшихъ изслѣдованій. Одинъ выводъ изъ набросанной здѣсь картины распределенія типовъ бѣлорусса можетъ быть сдѣланъ впрочемъ и теперь: это то, что онъ близкій родственникъ великоросса.

Въ заключеніе позволю себѣ предложить коллективную антропологическую работу надъ бѣлоруссами въ видѣ собиранія портретовъ въ фасъ и профиль, образцевъ волосъ, а если возможно то и измѣреній по крайней мѣрѣ роста и формы головы. Ее могли бы выполнить съ успѣхомъ народные учителя.

Е. Чепурновскій.

Москва, Іюль, 1918 г.

*) См. Е. М. Чепурковскій. О географическомъ распределеніи формы головы цвѣтности крестьянского населенія, преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами Труды Антр. Отдела. Москва, 1913. (Политехнический Музей).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БѢЛОРУССІИ.

Ta часть территории, занятой русскимъ племенемъ, которая расположена по верховьямъ Зап. Двины, Днѣпра и его лѣвымъ притокамъ, носить официальное название Сѣ.-Зап. края или Бѣлоруссіи. Оба эти наименования не народного происхождения и употребляются главнымъ образомъ въ административномъ смыслѣ, а также въ среднемъ классѣ населенія, простой же народъ, мѣстные жители, обыкновенно именуютъ себя по принадлежности къ той или иной губерніи края; лишь въ послѣднее время, съ проявленіемъ въ болѣе широкихъ кругахъ національного самосознанія, названія «бѣлорусъ» и «Бѣлоруссія» начинаютъ прививаться отъ интеллигентнаго класса и въ народъ.

Наименование Бѣлой Руси не только у древнихъ нашихъ лѣтописцевъ, но и позднѣе, вплоть до XV вѣка, въ историческихъ документахъ не встрѣчается. Впервые этотъ терминъ употребилъ Иоаннъ III великий князь московскій, но въ примѣненіи ко всей Руси тогдашняго состава, а не къ одной западной окраинѣ. Именно, въ письмѣ своемъ къ папѣ Сиксту IV, по поводу своего сватовства къ греческой царевнѣ Софіи Палеологъ, воспитывавшейся въ Римѣ, Иоаннъ III, ради вящшаго самопревозношенія, выписалъ свой широковѣщательный титулъ, называвъ себя царемъ Бѣлой Россіи, но въ примѣненіи ко всему государству, а не только западной Россіи.

По толкованію Карамзина, этотъ терминъ объясняется вліяніемъ востока, гдѣ бѣлый цветъ есть символъ величія, знатности, почета. Папа, объявляя официально конclave кардиналовъ о сватовствѣ московскаго князя, точно также именовалъ его царемъ Великой, Малой и Бѣлой Руси. окончательно этотъ терминъ утвердился въ официальномъ языкѣ въ XVII в., со времени Алексея Михайловича, и тогда подъ Бѣлой Русью уже разумѣли именно западную Русь, въ отличіе отъ Великой и Малой Россіи. Но предѣлы Бѣлоруссіи въ то время понимались весьма не точно, и эта неопределенность и сбивчивость продолжается и впослѣдствіи, какъ у русскихъ, такъ и у польскихъ историковъ и хронистовъ, вплоть до 1860 годовъ, когда въ русскомъ этнографическомъ атласѣ Эркера были болѣе точно установлены границы Бѣлоруссіи, а дальнѣйшими изслѣдователями (Карскимъ и др.) внесены къ нему лишь нѣкоторыя поправки на основаніи новыхъ данныхъ, добытыхъ изученіемъ говоровъ. Въ польской литературѣ вѣрнѣе другихъ своихъ соотечественниковъ разяснилъ этотъ вопросъ Бартошевичъ въ своей статьѣ: «Rozprawa o Rusiach» въ энциклопедическомъ словарѣ (Wielka Encyklopedia), изданія Ortelbrand'a (т. XX 513—531).

Въ настоящее время губерніи, входящія въ составъ Бѣлоруссіи, это— Минская, Могилевская и Витебская. Но это административное, искусственное дѣление не охватываетъ всей области, на которой разселены бѣлоруссы, и границы этой народности приходится раздвинуть на востокъ—въ

губернію Смоленскую и Орловскую, на западъ—въ губ. Виленскую и Гродненскую и на югъ—въ губ. Черниговскую и Волынскую. При этомъ необходимо однако замѣтить, что такое расширеніе бѣлорусской территории за счетъ названныхъ сосѣднихъ губерній дѣлается главнымъ образомъ на основаніи языка т. е. извѣстныхъ признаковъ народнаго говора, свойственныхъ кореннымъ бѣлоруссамъ. Между тѣмъ по образу жизни, обычаямъ, костюму восточные бѣлоруссы приближаются къ великоруссамъ, южные и юго-восточные—къ малоруссамъ, западные къ подлясякамъ и полякамъ. Впрочемъ, то же самое въ извѣстной степени наблюдается и въ языкахъ коренного населенія отдельныхъ частей Бѣлоруссіи.

Историческія судьбы этихъ отдельныхъ частей Бѣлоруссіи также слагались различно, а потому, тѣмъ болѣе, не можетъ быть единообразія во всемъ укладѣ народной жизни, во взглядахъ и понятіяхъ всего бѣлорусского народа въ его цѣломъ. Къ этому необходимо еще присоединить разнообразіе географическихъ условій различныхъ частей Бѣлоруссіи, чтобы прийти къ неизбѣжному выводу о бѣлорусскомъ народѣ и занимаемой имъ области, какъ о понятіи сложномъ, слагающемся изъ нѣсколькихъ, довольно разнородныхъ составныхъ частей. Въ самомъ дѣлѣ, какая огромная разница даже въ предѣлахъ одной, напримѣръ, Минской губ. между сѣверной ея частью, главнымъ образомъ землемѣльческой, и южной съ ея не-проходимыми пинскими болотами. И развѣ можетъ итти въ сравненіе любая нагорная часть естественнаго водораздѣла между Двиной и Днѣпромъ въ Могилевской и Смоленской губ. съ одной стороны и озерная часть Витебской губ. къ сѣверу отъ З. Двины, съ другой стороны. Различіе географическихъ условій тѣсно связано съ климатическими отличіями, а все это вмѣстѣ создаетъ неотразимыя вліянія на всѣ стороны народной жизни, какъ материальной, такъ и духовной.

Все пространство, занимаемое бѣлорусскою народностью въ очерченныхъ далеко неточныхъ предѣлахъ, исчисляется въ 200.000 кв. верстъ, что равняется средней величины европейскому государству, какъ напр., Франції.

Несомнѣнно, что по самымъ физическимъ свойствамъ своей природы страна, ставшая родиною бѣлоруссовъ, не могла быть заселена сразу съ незапамятныхъ временъ однимъ какимъ-нибудь племенемъ. Но, судя по находкамъ древнѣйшей эпохи, эта страна въ мѣстахъ, болѣе доступныхъ для поселенія, была болѣе или менѣе обитаема по крайней мѣрѣ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова, когда она въ значительной своей части представляла собою, быть можетъ, сплошное море воды, кое-гдѣ перемежавшееся съ непроницаемымъ лѣсомъ и обитаемыми островами.

Не даромъ древніе писатели рисовали эту страну, какъ «печальную область, вѣчно покрытую влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ», а по срединѣ этой страны, по сказанію греческаго историка Геродота (5-го вѣка до Р. Хр.), въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ находилось среди болотъ и тростниковъ огромное озеро, превратившееся потомъ, очевидно, въ трясину необозримыхъ Пинскихъ болотъ.

Съ достовѣрностью можно сказать, что къ IX вѣку, по Р. Хр., т. е. къ началу образованія Русскаго государства, область нынѣшней Бѣлоруссіи была уже заселена славянскими племенами, и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ перечисляетъ даже разныя названія этихъ племенъ, заимствуя ихъ частью, вѣроятно, изъ греческихъ историковъ византійскаго периода. Свѣдѣнія же о тѣхъ народахъ, какіе здѣсь обитали въ болѣе отдаленные времена (невры, будины, лютичи, венды), находятся, правда, въ весьма неясномъ и сбивчивомъ изложеніи, у болѣе раннихъ классическихъ и позднѣйшихъ среднеаѣковыхъ писателей. Но вопросъ о племенномъ происхожденіи этихъ народностей до сихъ порь не выясненъ исторической наукой. А потому предковъ бѣлоруссовъ мы можемъ пока выводить только отъ лѣтописныхъ славянскихъ племенъ, которыя автору нашей лѣтописи были извѣстны, какъ давнишніе обитатели земель по верховьямъ Днѣпра и Зап. Двины съ ихъ притоками, а отчасти также Волги, Вислы и Нѣмана.

Что же это были за племена? какіе пункты они занимали, и каковъ былъ ихъ образъ жизни въ древнѣйшее время? Нѣкоторая свѣдѣнія или, по крайней мѣрѣ, намеки въ отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ древне-русской лѣтописи отъ начала XII вѣка.

Вотъ что записалъ о славянскихъ племенахъ того времени лѣтописецъ:

«По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разишася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедшѣ сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава, а друзья Чеси нарекоша. А се ти же Словѣни: Хорвате Бѣлі, и Сербы, и Хорутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣчи на дунайскія и сѣдшимъ въ нихъ и насилящимъ имъ, Словѣни же ови пришедши сѣдоша на Висль и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, друзья Лутичи, иніи Мазовшане, иніи Поморяне. Такоже тіи Словѣни пришедши сѣдоша по Днѣпру и нарекоша Поляне, а друзья Деревляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ.

А друзья сѣдоша межи Припетью и Двиною и нарекоша Дрег(о)вичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекоша Полочане, рѣчки ради, яже втечеть въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Ильменя и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша Новгородъ. А друзья сѣдоша по Деснѣ, и по Сейми, и по Пс(у)ль и нарекоша Сѣверъ. И тако разидеся Словѣнскій языкъ. И живяху каждо съ своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ, владѣющіе каждо родомъ своимъ» *).

Въ этомъ отрывкѣ имѣемъ указаніе о Дреговичахъ и Полочанахъ на территоріи нынѣшней Бѣлоруссіи. Разскавъ далѣе легенду объ основаніи Киева въ области Полянъ тремя братьями—Кіемъ, Щекомъ и

*) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической Комиссіи. Санктпетербургъ, 1872, стр. 5—6, 8.

Хоривомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о началѣ образованія княжествъ у нѣкоторыхъ другихъ племенъ: «И по сеу браты держати почаша родъ ихъ княженіе въ Полянѣхъ, а въ Деревлянѣхъ свое, а Дрег(о)вичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане.

Отъ нихъ же и Кривичи, иже сѣдять па верхъ Волги, и па верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, тудѣ бо сѣдять Кривичи. Таке Сѣверъ отъ нихъ»*).

Въ этомъ второмъ отрывкѣ читаемъ упоминаніе о третьемъ славянскомъ племени—Кривичахъ, засѣвшихъ въ области нынѣшней Бѣлоруссіи, причемъ лѣтописецъ объединяетъ ихъ въ одно племя съ Полочанами на сѣверо-западѣ и Сѣверянами—на юго-востокѣ, въ сѣверной части нынѣшней Черниговской губ. (поэтому и Новгородъ черниговскій названъ Новгородъ-Сѣверскъ), гдѣ и теперь бѣлорусское населеніе преобладаетъ надъ малорусскимъ.

Въ третьемъ мѣстѣ лѣтописи читаемъ о третьемъ славянскомъ племени, осѣвшемъ по рѣкѣ Сожу (въ нынѣшней Могилевской губ.), именно, о Радимичахъ, которыхъ лѣтописецъ выводить уже отъ племени Ляховъ вмѣстѣ съ Вятичами: «Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата въ Лясѣхъ: Радимъ, а другій Вятко. И пришедшѣ сѣдоста Радимъ на Сожу, и прозващася Радимичи; а Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ наго же прозващася Вятичи. И живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, Сѣверъ и Радимичи, Вятичи и Хорвате» **).

Наконецъ, въ четвертомъ мѣстѣ лѣтописи авторъ сообщаетъ краткія, но любопытныя свѣдѣнія обѣ образѣ жизни упомянутыхъ предковъ нынѣшихъ бѣлоруссовъ въ ту отдаленную эпоху, особенно о свадебныхъ и похоронныхъ обычаяхъ: «Имяху бо обычай свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой правъ. А Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѧху: живяху въ лѣсѣхъ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто. И срамословые въ нихъ предъ отьци и предъ снохами. И браци не бываху въ нихъ, но игриша межи сель: схожахуся на игрища, на плясанія и на вся бѣсовскія пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщающеся; имѧху же по двѣ и по три жены. И аще кто умираше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику и возложахутъ на кладу мертвѣца, сожъжаху, и посемь, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же обычая творяху Кризичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами себѣ законъ» ***).

Изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописнаго сказанія мы можемъ сдѣлать нѣкоторые опредѣленные выводы насчетъ древнѣйшаго населенія этого

*) Тамъ же, стр. 9—10.

**) Тамъ же, стр. II—12.

***) Тамъ же, стр. 12—13.

края: 1) Ясно, что уже къ началу образованія Русскаго государства об-ласть нынѣшней Бѣлоруссіи была заселена славянами, а не другимъ ка-кимъ-либо народомъ; 2) эти славяне на пространствѣ Бѣлоруссіи дѣлились тогда, т. е. болѣе тысячи лѣтъ назадъ, на нѣсколько племенъ, жившихъ розно, съ разными названіями, хотя и связанныхъ общностью нѣкоторыхъ обычаевъ и вообще грубыхъ нравовъ; 3) племена эти на указанной терри-торіи были, именно: дрѣговичи, кривичи, полочане и радиими; 4) они уже начинали жить государственною жизнью; у каждого племени былъ цент-ральный защищенный пунктъ — «градъ» (стороженное, укрѣпленное поселе-ніе), служившій, очевидно, и мѣстопребываніемъ главы даннаго племени; 5) культурное состояніе ихъ было, однако, довольно первобытное, при-ближающееся къ животному состоянію: жили въ лѣсахъ, какъ звѣри, и ъли все кечистое, всѣ, конечно, были язычниками и въ семейной жизни придерживались грубыхъ нравовъ.

Какъ же представить себѣ размѣщеніе всѣхъ названныхъ славянскихъ группъ примѣнительно къ нынѣшнему административному дѣленію Бѣло-русскаго края?

Можно сказать, что пространство, начиная съ верховьевъ Зап. Двины и далѣе къ югу, включая бассейнъ Припяти, слѣдовательно, теперешнюю Минскую губ., кромѣ части съверной ея окраины, занимало племя дре-говичей. Къ съверу отъ нихъ жили кривичи, занимавшіе, какъ указы-ваетъ лѣтопись, и подтверждаютъ позднѣйшія археологическія находки, самую обширную область, по сравненію съ своими сосѣдями, именно, съвер-ную и съверо-восточную часть нынѣшней Бѣлоруссіи по верховьямъ Днѣпра, Двины и у истоковъ Волги, т. е. губерніи Смоленской, Витебской и значи-тельный части сопредѣльныхъ губерній: Минской, Могилевской и Виленской. Рядомъ съ ними, по лѣвой сторонѣ верхняго теченія Днѣпра, по его при-току р. Сожу, въ нынѣшней Могилевской губ., расположились пришедшіе позднѣе съ запада радиими, которыхъ лѣтописецъ выводить изъ ля-ховъ и въ то же время ставить ихъ въ ближайшее родство съ вятичами, поселившимися уже восточнѣе, за предѣлами нашей Бѣлоруссіи, по рѣкѣ Окѣ, т. е. приблизительно въ нынѣшней Орловской и Калужской губ., гдѣ, дѣйствительно, и теперь слышится бѣлорусскій оттѣнокъ рѣчи въ ихъ западныхъ окраинахъ. Лѣтописецъ выдѣляетъ еще въ съверной части раз-сматриваемой области группу полочанъ, какъ часть кривичей, и помѣ-щаетъ эту группу на р. Полоти, притокѣ Зап. Двины, откуда и ихъ название. Это выдѣленіе въ особую полоцкую группу части кривичей вызвано, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Полоцкое княжество играло значи-тельную роль въ дальнѣйшей исторіи этой земли.

Что касается названія другихъ выше указанныхъ группъ, то эти названія остаются пока недостаточно выясненными, и сомнительно даже, насколько эти племенные обозначенія были въ то время мѣстными, чисто-народными, а не книжного происхожденія, равно какъ не известно, долго-ли они оставались во всеобщемъ употребленіи. Въ различныя же догадки по

объясненю этихъ лѣтописныхъ именъ мы вдаваться не будемъ. Несомненно, что племенные наименования отдельныхъ группъ мало-по малу стали исчезать, по мѣрѣ того, какъ разрозненные племена объединялись въ политическая общины (княжества) вокругъ своихъ центровъ; тогда племенные обозначенія смѣнились административными отъ названія этихъ центровъ, т. е. городовъ, ставшихъ столицами княжествъ, не считавшихся уже съ прежними племенными подраздѣленіями, такъ какъ князья бѣлорусскихъ городовъ подчиняли себѣ не только соседнія славянскія племена, какъ, напр.: съ востока—вятичей, съверянъ, съ юга и юго-запада—дульбовъ, бужанъ, волынянъ,—но даже и инородческія, напр.: литовскихъ ятвяговъ и голядей—съ запада, финскихъ карель,—съ сѣверо-запада.

Въ лѣтописи уже очень рано уломинаются многіе города, какъ административно-политические пункты, въ этой древне-славянской прародинѣ бѣлоруссовъ. Лѣтописецъ уже знаетъ, напримѣръ, города: 1) въ области поселенія дреговичей—Туровъ (упоминаемый еще при Владимира Святомъ подъ 980-мъ годомъ), Пипскъ (Пинскъ—подъ 1097 г.), Брестъ (Берестіе—подъ—1019 г.), Минскъ (Мынскъ—подъ 1067 г.), Мозырь (подъ—1155 г.), Слуцкъ (Случескъ — подъ 1116 г.), Клецкъ (Клеческъ и Клечьскъ — подъ 1127 г.) и др. 2) въ области кривичей—Смоленскъ, Полоцкъ (Полотескъ—862 г.), Заславль (Изяславль—1127 г.), Борисовъ (1127 г.), Логойскъ (Логожескъ—1127 г.), Друцкъ (Дрютескъ—1092 г.) и др.

Административному объединеню населенія различного состава въ отдельные княжества не могли служить помѣхой и не принимались въ разсчетъ различія въ нравахъ, образѣ жизни и культурномъ состояніи, которые несомнѣнно существовали при общей малокультурности, какъ на это указываетъ и древняя лѣтопись. Такъ, описывая грубые нравы дреговичей и кривичей, лѣтописецъ какъ бы умалчиваетъ о дреговичахъ, потому ли, что у нихъ обычай были иные, или онъ разумѣлъ въ ихъ числѣ «прочихъ поганыхъ», (т. е. язычниковъ).

Эти мѣстныя различія подтверждаются впрочемъ и новѣйшими археологическими изысканіями. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ племя дреговичей въ дохристіанскій періодъ, судя по раскопкамъ, погребало своихъ покойниковъ въ землѣ, часто въ гробахъ въ видѣ колодъ, отмѣчая мѣста погребенія курганами,—племя кривичей, повидимому, предпочитало сжигать своихъ покойниковъ на кострахъ, собирать пепель въ глиняные сосуды и ставить ихъ внутри кургановъ, насыпаемыхъ на мѣстѣ сожженія въ честь умершихъ. Впрочемъ, погребеніе въ землѣ было распространено и у кривичей, какъ и у другихъ славянъ, и, быть можетъ, трупосожженіе составляло лишь особый, почетный видъ погребенія, заимствованній скорѣе всего съ востока, гдѣ этотъ обрядъ стоялъ въ тѣсной связи съ культомъ огня.

Знакомство этой области съ востокомъ уже въ древнейшія времена объясняется тѣмъ, что черезъ нее лежалъ знаменитый водный путь «изъ варягъ въ греки» для торговыхъ сношеній между Балтійскимъ и Чернымъ

морями. Направленіе этого древнѣйшаго международнаго торгового нерва въ нашей странѣ подробно изложено на первыхъ страницахъ лѣтописи. По этому пути съ Днѣпра на Волховъ шла торговля норманновъ, или варяговъ, съ греками, а черезъ нихъ и съ дальнѣйшими странами Азіатскаго Востока, до самой Индіи богатой. Поэтому нахожденіе восточныхъ монетъ древнихъ временъ въ предѣлахъ Бѣлоруссіи не представляеть собою рѣдкости, равно какъ и нахожденіе другихъ характерныхъ предметовъ изъ камня, стекла и металла, напримѣръ, сосудовъ, всякаго рода женскихъ украшеній: привѣсокъ, ожерелій, колецъ, серегъ, бусъ—серебряныхъ, бронзовыихъ, стеклянныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ, отличающихся затѣйливостью и разнообразіемъ формъ и композиціи. Все это шло частью съ Востока, частью съ Запада и застрѣвало по пути у славянъ.

Ближе другихъ къ западу изъ перечисленныхъ выше славянскихъ племенъ стояли по своему географическому положенію—Полочане. Можеть быть, поэтому, рано пріобщившись къ болѣе культурнымъ формамъ жизни, они успѣли раньше другихъ организовать изъ себя сильную политическую единицу, съ которой должны были считаться такія крупнѣйшіе политические центры древней Руси, какъ Новгородъ на сѣверѣ и Киевъ на югѣ. Характерною особенностью политической жизни полочанъ было вѣчевое управлѣніе: народное собраніе (вѣче) избирало и удаляло князя, заключало договоръ съ сосѣдними городами и землями, напримѣръ, съ нѣмцами. Но окруженнная болѣе сильными сосѣдями-русскими княжествами, литвой, нѣмцами, Полоцкая земля только до половины XIII в. могла отстаивать свою самостоятельность и, раздробившись на мелкіе удѣлы, постепенно ослабѣла и вошла въ русло обще-русской жизни, утративъ свои характерныя особенности. Другія области Кривицкой и Драговицкой земель еще при Владимірѣ Святомъ подчинились Киеву. Лишь недолгое время въ области кривичей играло нѣкоторую самостоятельную роль княжество Смоленское, а въ области драговичей—Туровское, частью Пинское. Что же касается политической жизни третьаго племени—радимичей, то это племя, повидимому, наиболѣе малочисленное и застрявшее среди болѣе сильныхъ сосѣдей, не успѣло образовать отдѣльного княжества, и земля радимичей вошла въ составъ частью Смоленского, частью Черниговскаго княжествъ.

Такимъ образомъ, Бѣлорусская земля въ составѣ занимавшихъ ее первоначально трехъ славянскихъ племенъ кривичей (съ полочанами), драговичей и радимичей, въ періодѣ образованія Русскаго государства, не получила вся въ цѣломъ отдѣльного, самостоятельного, цѣльного политического фундамента, на которомъ бы могла развиваться ея дальнѣйшая жизнь и крѣпла бы ея сила. Она частями вошла постепенно въ обще-русскій строй жизни, и это ранннее политическое обезличеніе, вмѣстѣ съ утвержденіемъ христіанства, въ значительной мѣрѣ стерло тѣ самобытныя, типичныя черты, которыми первоначально отдѣльные племена различались между собою, а всѣ вмѣстѣ отличались отъ сосѣдей не только иноплеменныхъ, но и сородичей—славянъ новгородскихъ и кievскихъ.

Нельзя оинако допустить, чтобы национальныя черты исчезали безслѣдно даже при значительныхъ политическихъ перемѣнахъ у народа болѣе или менѣе многочисленнаго.

Тѣ стороны жизни, которыя имѣютъ особенно интимный характеръ, не поддаются такъ скоро вѣнчаному вліянію и не уничтожаются не только вѣками, но и тысячелѣтиями. Такова внутренняя семейная жизнь съ ея правовыми и ритуальными нормами; таковы и религіозныя и поэтическія возврѣнія народа, составляющія его душу. И можно съ увѣренностью сказать, что многое изъ этого, чѣмъ духовно живетъ современный польшукъ, составляло такое же духовное достояніе древняго насељника дреговицкой земли, лишь съ тѣми или иными видоизмѣненіями. Иные древне-языческіе обычай сохранились лишь въ отдаленныхъ пережиткахъ, утративъ свое первоначальное значеніе по мѣрѣ умственного развитія народа и подъ вліяніемъ новой религіи и новыхъ политическихъ и экономическихъ условій.

Съ половины XIII в. политическій горизонтъ древней Руси сразу сильно измѣнился: кievская Русь, ставшая метрополіей бѣлорусскихъ (западно-русскихъ) областей, подчинилась татарамъ, власть которыхъ на предѣлы Западной Руси почти не распространялась. Для послѣдней такимъ образомъ какъ бы открывалась возможность самостоятельно устраивать и развивать свою политическую жизнь на национальныхъ началахъ. Но, къ ея несчастію, около этого времени соседняя Литва настолько усилилась, что борьба съ нею была не подъ силу, и Западная Русь должна была подчиниться, если не татарамъ, то Литвѣ, а черезъ нее впослѣдствіи-Польшѣ.

Если, находясь въ зависимости отъ единоплеменныхъ кievскихъ князей, Бѣлоруссія не могла сплотиться во едино для самостоятельной жизни на национальныхъ началахъ, то еще менѣе бѣлоруссы могли бы этого достигнуть, поддавъ подъ власть иноплеменную. Мало того, при владычествѣ польско-литовскомъ населеніе Бѣлоруссіи менялось даже въ своемъ племенномъ составѣ. Власть чужеземная какъ будто сознательно пыталась раздѣлить бѣлорусское населеніе пришлыми иноплеменниками, чтобы ослабить национальное единство бѣлорусской народности. Достигалось это иногда даже путемъ насильтственныхъ переселеній.

Припомнімъ для примѣра два факта изъ времени княженія Витовта.

Желая расширить свои предѣлы, этотъ энергичный и воинственный правитель Литвы обращалъ свои взоры то на сѣверъ, то на югъ, стремясь къ завоеваніямъ. Въ 1428 г. онъ предпринялъ громадный походъ съ литовцами и поляками противъ Новгорода. Чтобы провести свою армію черезъ непроходимые лѣса и болота, онъ послалъ впередъ 10 тысячъ воиновъ, которые рубили лѣса и заваливали ими болота и строили мости. По дорогѣ онъ взялъ городъ Опочку, защищаемый гражданами и окрестными жителями. Новгородцы пришли въ ужасъ отъ многочисленности враговъ и выслали навстрѣчу Витовту своего владыку и 14 знатныхъ обывателей съ мирными предложениями. Витовтъ потребовалъ выдачи ему всего гарнизона

Опочки и уплаты 10 тысячъ кружковъ (т. е. рублей) серебра, что и было исполнено. Такимъ образомъ огромное количество народа русскаго и финскаго племенъ было въ одинъ пріемъ пореселено изъ Новгородской области въ предѣлы нынѣшней Гродненской губерніи и прижилось тамъ, внеся значительный посторонній элементъ въ составъ населенія Бѣлоруссіи и въ концѣ концовъ слившись съ нимъ.

Въ другой разъ, совершивъ удачный походъ противъ крымской, татарской орды, Витовтъ переселилъ оттуда нѣсколько тысячъ татаръ въ предѣлы Литвы и Бѣлоруссіи, гдѣ многие изъ нихъ достигли высшаго положенія, крестились и слились съ мѣстнымъ русскимъ и польскимъ дворянствомъ, оказавъ такимъ образомъ известное вліяніе на измѣненіе мѣстнаго антропологическаго типа, а нѣкоторые татарскіе роды и до настоящаго времени продолжаютъ свое отдельное существованіе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, вызывая къ себѣ недружелюбное отношение*).

Въ народной бѣлорусской поэзіи, очевидно съ той отдаленной поры, въ видѣ исторического переживанія, отразилось одинаково враждебное отношеніе, какъ къ татарамъ, такъ и къ литовцамъ. Въ одной свадебной пѣснѣ, при символической церемоніи продажи косы невѣсты ея братомъ жениху, поется:

Татаринъ брацецъ, татаринъ,
Прадаў сястру за таляръ.

Въ другой пѣснѣ подруги невѣсты, желая ее отстоять отъ мнимыхъ похитителей съ женихомъ во главѣ, поютъ:

Не наступай, литва,—
Будзэ зъ нами битва:
Будзэмъ ваеваци,
Марыси не даваци.

Особенно дало себя знать Литовское племя ятвяговъ, которые, оставаясь язычниками почти до половины XIV в., дѣлали постоянные набѣги, разоряли села, уводили плѣнныхъ и оставляли по себѣ память въ рядѣ географическихъ названій въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, какъ: Ятвѣзъ, Ятвяскъ и т. п., а также въ старинной польской пословицѣ: «Straszny, jak Jadz-winda», — говорится о человѣкѣ разбойничьяго вида.

Періодъ господства Польши оставилъ на бѣлорусскомъ народѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ польского вліянія во внѣшнемъ обращеніи, привычкахъ, костюмѣ и языке. Въ этомъ періодѣ бѣлорусскій край былъ подѣленъ на воеводства: витебское, полоцкое, смоленское, минское, новогрудское, брестское, оршанское, мстиславское, троцкое и др.

*). По вопросу о литовскихъ татарахъ см. наше сообщеніе въ „Извѣстіяхъ Моск. Общ. Любителей естествознанія, антропологии и этнографии“, т. XC, вып. 3, стр. 514—521.

Послѣ раздѣла Польши бѣлорусскія области въ 1772 году были снова закрѣплены за Россіей и передѣлены по новому при учрежденіи губерній. Двинская часть Бѣлоруссіи (земли Витебская, Полоцкая) вошла въ составъ Псковской губ., а изъ при-Днѣпровской части образована Могилевская губернія съ 4 мя провинціями (Могил., Оршан., Мстисл. и Рогачев.), въ 1777 г. учреждены намѣстничества: Могилевское (съ 12 у.), Полоцкое (съ 11 уѣзд.), Смоленское (съ 12 у.); въ 1793 г. учреждено намѣстничество Минское (съ 15 уѣзд.); въ 1795 г. Слонимское (8 у.) и Виленское (11 уѣзд.).

При Павлѣ I губерніи Полоцкая, Могилевская и Витебская соединены въ одну Бѣлорусскую губ. (съ 16 ю. уѣзд.) съ губернскимъ городомъ Витебскомъ; намѣстничества Минское и Смоленское выдѣлены въ отдельные губерніи, а Слонимское и Виленское составили Литовскую губернію съ губ. городомъ Вильно (съ 19 уѣзд.). При Александрѣ I въ 1801 г. Бѣлорусская губ. раздѣлена на двѣ: Могилевскую и Витебскую, Литовская — на Виленскую и Гродненскую (не считая отдельно стоявшей до 1843 г. Бѣлорусской области). причемъ первыя двѣ состояли подъ управлениемъ Бѣлорусского военнаго губернатора, а вторыя двѣ — Литовскаго, а сверхъ того всѣ западныя губерніи были ввѣрены высшему надзору цесаревича Константина Павловича. Составъ этихъ губерній впослѣдствіи, при Николаѣ I, еще измѣнялся, т. к. нѣкоторые уѣзды перечислялись отъ одной губерніи къ другой и уѣздные города замѣнялись одини другими, а въ 1842 г. изъ Виленской губ. еще выдѣлена Ковенская.

Такимъ образомъ сорганизовалось послѣ безконечныхъ перемѣнъ теперешнее административное дѣленіе Бѣлоруссіи, имѣющей пространство въ Витебской губ. 810 кв. миль, въ Минской — 1622 кв. мили, въ Могилевской — 884 кв. мили, въ Гродненской — 692 кв. мили, въ Смоленской — 1019 кв. м. Хотя послѣднія двѣ губерніи и не цѣликомъ бѣлорусскія, но, не считая взамѣнъ этого площадь, занимаемую бѣлоруссами еще въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ (Виленской, Черниговской, и др.) можно приблизительно въ круглыхъ цифрахъ вычислить общее пространство Бѣлоруссіи въ 4.000 кв. миль.

Вся эта обширная область населена очень неравномѣрно. Есть мѣстности, гдѣ на нѣсколько десятковъ верстъ не встрѣтишь селенія, такъ какъ все занято лѣсами и болотами. Въ этомъ отношеніи сѣверная часть Бѣлоруссіи, гдѣ около $\frac{2}{3}$ почвы пригодна для земледѣлія, представляетъ гораздо больше удобствъ для поселенія, чѣмъ южная съ ея пинскими болотами, гдѣ только $\frac{1}{4}$ площади представляетъ болѣе или менѣе удобныя мѣста, разбросанныя кое-гдѣ островками, болѣе населенными и воздѣланными. Впрочемъ, со второй половины прошлаго столѣтія велись до послѣдняго времени интенсивныя работы отъ правительства по осушкѣ бѣлорусскихъ болотъ, и въ этомъ отношеніи достигнуты значительные результаты: тамъ, гдѣ 30—50 лѣтъ назадъ еще пролегали непроходимыя трясины и водныя пространства, теперь красуются нивы и возникаютъ новые поселенія и о дѣльные хутора и усадьбы.

Такимъ образомъ происходитъ постепенное перераспределеніе населенія и измѣняется его плотность и составъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ края. Это явленіе бываетъ и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ вызываемое новыми экономическими условіями. Такъ, нѣкоторые помѣщики ликвидируютъ свои имѣнія или отдѣльные фольварки, которые покупаются крестьянскими общинами и затѣмъ распредѣляются между ихъ членами на участки, благодаря чemu опять возникаютъ новые поселенія. Но такіе случаи стали возможны только въ сравнительно недавнее время, когда бѣлорусскій крестьянинъ, освободившись отъ крѣпостного гнета, успѣлъ немного стать на ноги. Въ общемъ же слѣдуетъ сказать, что малоземелье составляетъ крупный недостатокъ въ жизни мѣстнаго крестьянства, ведущій за собою невольные переселенія въ поискахъ за землею въ степяхъ Восточной Россіи, Сибири, на Кавказѣ и даже въ Америкѣ. А въ то же время на помѣщичьихъ земляхъ нерѣдко водворяются пришлые элементы: латыші, нѣмцы, великоруссы—старовѣры и сектанты, такъ какъ они, обладая большими капиталами, успѣваютъ перебить землю у мѣстныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего и отношеніе мѣстнаго населенія къ этимъ пришельцамъ обыкновенно бываетъ недружелюбное и даже явно враждебное.

Уже отсюда можно заключить, что Бѣлоруссія населена далеко не однороднымъ населеніемъ. Разъ коснувшись этого вопроса, необходимо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Дѣйствительно, этнографический составъ населенія Бѣлоруссіи представляется довольно пестрымъ, особенно, если разсматривать его въ цѣломъ, не ограничиваясь только населеніемъ деревни.

Преобладающій элементъ во всѣхъ названныхъ губерніяхъ составляютъ, конечно, бѣлоруссы. Это — почти исключительно рабочее сельское крестьянство. Только въ недавнее время едва замѣтно начала создаваться бѣлорусская интеллигенція, т. е. изъ того же крестьянского класса выходящіе десятки, пожалуй, сотни лицъ, получившихъ образованіе, но уходящихъ большую частью изъ деревни въ городъ, въ чиновничью среду, и лишь изрѣдка отдающихъ свои силы деревнѣ въ качествѣ учителя, учительницы, священника, фельдшера или фельдшерицы и т. п.

Численность бѣлоруссовъ представлялась до войны по губерніямъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Минской губ.	2.500	тыс. (85%)
» Могилевской губ. . .	2.200	» (83%)
» Виленской губ. . . .	1.500	» (60%)
» Витебской губ. . . .	1.200	» (55%)
» Гродненской губ. . .	1.000	» (50%)
» Смоленской губ. . .	900	» (40%)
» Черниговской губ. . .	300	» (25%)
» Ковенской губ. . . .	100	» (10%)

Итого . . . 9.700 тыс.

Принимая же во внимание, что еще и въ соседнихъ губерніяхъ—съ востока (Калужской, Орловской, Тверской), съвера (Псковской) и запада (Сувалкской, Курляндской) переписью 1897 г. зарегистрировано по нѣсколько десятковъ тысячъ въ каждой, можно округлить общую цифру бѣлоруссовъ до 10 миллионовъ.

Въ настоящее время картина, вѣроятно, во многихъ отношеніяхъ представилась бы иною, если бы произвести подсчетъ населенія послѣ происшедшихъ внутреннихъ потрясеній, пережитыхъ страною. Измѣнилась какъ общая численность бѣлоруссовъ, такъ и процентное отношеніе къ другимъ народностямъ края.

Какія же именно народности обитаютъ на территории нашего края, кроме бѣлоруссовъ?

Вторая по численности народность въ составѣ населенія въ основныхъ губерніяхъ Бѣлоруссіи—это евреи. Въ противоположность бѣлоруссамъ—это почти исключительно городские жители, населяющіе сплошною массою бѣлорусские уѣздные, губернскіе и заштатные города и мѣстечки. Изъ всѣхъ сородичей своей націи бѣлорусскій еврей—это наименѣе культурная разновидность даннаго племени, по крайней мѣрѣ, на территории Европы, по сравненію съ евреями польскими, даже украинскими, не говоря уже о заграничныхъ евреяхъ европейскихъ государствъ, гдѣ они настолько цивилизовались, что еврея тамъ бываетъ трудно отличить по виду отъ француза или нѣмца. Бѣлорусскіе евреи менѣе всего дали представителей свѣй національной интеллигенціи, и вся ихъ масса крайне низко-культурна, полна суевѣрій и предразсудковъ, но со всею строгостью хранить свой законъ.

Евреи пришли въ западную Россію черезъ Польшу изъ Германіи и Австріи, откуда они принесли и свой нѣмецкій жаргонъ, забывъ родной древне-еврейскій языкъ, на которомъ написаны священные книги Ветхаго Завѣта. Они пришли сюда, можно сказать, вмѣстѣ съ введеніемъ польскими королями магдебургскаго права для городовъ, по которому чужестранцамъ (евреямъ, нѣмцамъ, армянамъ и др.) предоставлялось право въ польскихъ городахъ свободного жительства, свободной торговли, занятія ремеслами, даже отчасти землевладѣнія, а также свобода вѣроисповѣданія. Приливъ евреевъ въ Польшу, а оттуда и въ Бѣлоруссію, начался особенно въ XIV в., при королѣ Казимирѣ Великомъ, за которымъ утвердилось прозвище «короля жидовскаго». Любопытенъ по этому поводу отзывъ нашего древняго лѣтописца объ этомъ королѣ:

«Въ лѣто 6878 (т. е. 1370 г.) Казимиръ, король польскій, нечисто живише. Нареченъ бысть Великій не для храбрства, но мудрости ради, и яко мурами многія грады омурова; также иже права волностей разными народами въ Польской землѣ надаваше. Той и Естеръ жидовку имѣша въ жену себѣ, и ея ради и жидомъ права волностей надаль. Въ се лѣто и умре»*).

*) Полное собрание Русскихъ лѣтописей. Т. II, стр. 350—351.

Разселившись по городамъ Польши и Бѣлоруссіи, евреи скоро взяли въ свои руки всю торговлю и промышленность, и эта сфера ихъ дѣятельности въ краѣ остается и до сихъ порь за ними. Землею они мало интересуются, развѣ въ качествѣ арендаторовъ, тѣмъ болѣе, что русское правительство отняло у нихъ право землевладѣнія. Но еврея повсюду можно встрѣтить и въ бѣлорусской деревнѣ въ качествѣ постояннаго жителя, то въ роли шинкаря, то арендатора, то портного, то красильщика, то пахтяра (занимающагося молочнымъ хозяйствомъ), то скупщика тряпья, яицъ, курь для отправки въ города, то мелкаго торговца, то фактора.

Всѣ эти занятія и промыслы даютъ евреямъ возможность входить въ постоянныя и тѣсныя общенія съ бѣлорусскимъ народомъ. Такимъ образомъ онъ нарѣдко находится въ экономической зависимости отъ еврея. Ремесленный классъ еврейства, въ противоположность торговому, представляеть собою трудящуюся массу, живущую тяжелымъ трудомъ и довольствующуюся обыкновенно ничтожнымъ процентомъ прибыли отъ своего занятія.

По переписи 1897 года въ бѣлорусскихъ губерніяхъ числилось евреевъ около $1\frac{1}{2}$ милл., что составляетъ отношеніе къ бѣлоруссамъ, какъ 1 : 7, т. е. бѣлоруссовъ въ семь разъ больше, чѣмъ евреевъ.

Третій элементъ, представляющій собою значительный процентъ въ этнографическомъ составѣ населенія Бѣлоруссіи,—это поляки. По своему соціальному положенію это, во-первыхъ, крупные землевладѣльцы изъ стародворянской родовитой шляхты; затѣмъ мелкопомѣстная «загонова» шляхта, правда, въ небольшомъ количествѣ, въ томъ числѣ такъ называемые «бояры» и «паны», которымъ нѣкогда короли за особыя услуги предоставили нѣкоторыя права и привилегіи, которыхъ они при русскомъ правительстве давно уже лишились; наконецъ, къ полякамъ принадлежать многіе мѣщане и горожане, занимающіеся торговымъ и ремесленнымъ дѣломъ въ городахъ и мѣстечкахъ или заполняющіе кадры мелкаго чиновничества и наемныхъ работниковъ и служащихъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ своихъ правахъ на владѣніе землею и на занятіе государственныхъ должностей поляки въ Бѣлоруссіи были значительно стѣснены при русскомъ правительстве особенно послѣ 1830 г. Покаяковъ въ Бѣлоруссіи считалось болѣе 450 т., или по отношенію къ бѣлоруссамъ, какъ 1 : 23.

Не смотря на небольшую численность въ процентномъ отношеніи къ бѣлоруссамъ, поляки тѣмъ не менѣе имѣютъ значительное вліяніе въ странѣ, такъ какъ представляютъ собою большою частью болѣе образованный классъ по сравненію съ бѣлорусской народной массой, а потому съ поляками приходится считаться, какъ съ значительною культурною силою края.

Великоруссий элементъ въ странѣ незначительный. Онъ представлень главнымъ образомъ классомъ чиновничества и всякаго рода, официальныхъ лицъ по городамъ, отчасти и по селамъ, напримѣръ, въ роли

священниковъ, учителей, писарей, стражниковъ и т. д. Встрѣчаются и цѣлья селенія великоруссовъ: это—старовѣры или сектанты, давнишніе выселенцы изъ великорусскихъ губерній. Они убѣгали сюда, ища убѣжища въ пущахъ и болотахъ Бѣлоруссіи отъ своихъ гонителей, подобно тому какъ другіе ихъ единомышленники, въ заволжскихъ лѣсахъ и на другихъ окраинахъ. Это—земледѣльцы-крестьяне, достигающіе, благодаря строгости жизни и трудолюбію, значительного благосостоянія, но живущіе обособленно, вслѣдствіе чего отношеніе къ нимъ коренного населенія очень часто бываетъ недружелюбно, тѣмъ болѣе, что эти пришлые люди, какъ выше было отмѣчено, часто становятся поперекъ дороги, перебивая, напримѣръ, продающіяся или сдаваемая въ аренду угодья за большую сумму, чѣмъ какую могутъ заплатить мѣстные крестьяне, обыкновенно очень нуждающіеся въ землѣ, лугахъ и пр., но не обладающіе денежными средствами.

Великоруссовъ въ Бѣлоруссіи въ 1897 г. было насчитано около 2 миллионовъ, изъ которыхъ впрочемъ на одну Смоленскую, лишь на половину бѣлорусскую губернію приходится около $1\frac{1}{2}$ миллиона. Изъ другихъ национальностей, живущихъ въ небольшомъ количествѣ въ Бѣлоруссіи, можно вкратцѣ отмѣтить еще *нѣмцевъ, татаръ, армянъ, цыганъ* и др., частью проживающихъ по городамъ, частью же по деревнямъ въ качествѣ земледѣльцевъ, въ томъ числѣ есть даже осѣдлые цыгане, имѣющіе свои поселки, напримѣръ, въ Смоленской губ.

Эти инородцы селились съ давнихъ порь въ Бѣлоруссіи въ качествѣ вольныхъ колонистовъ, какъ, напримѣръ, нѣмцы, армяне, частью же были поселяемы распоряженіемъ власти. Такъ, напримѣръ, минскіе татары были когда-то переселены сюда изъ Крыма королемъ литовскимъ Витовтомъ, о чёмъ сказано было выше. Впрочемъ общая численность этихъ мелкихъ народностей въ Бѣлоруссіи весьма незначительна.

На окраинѣ Бѣлоруссіи, въ сѣверо-западной ея части, гдѣ она граничитъ съ прибалтійскими губерніями, особенно въ Виленской, Витебской и частью Минской и Гродненской губ., живетъ довольно много *латышей* и *литовцевъ*. Это исключительно земледѣльцы, живущіе отдѣльными поселками или усадьбами, подобно старовѣрамъ, прекрасно ведущіе хозяйство. Ихъ считалось въ 1897 г. въ краѣ около 560 тысячъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Они также не сливаются и не ассимилируются съ бѣлоруссами, чemu служитъ препятствіемъ языкъ и вѣроисповѣданіе: это—большею частью католики или протестанты.

Въ опредѣленныхъ частяхъ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ губерній живутъ также и *малорусы* въ качествѣ давнишніхъ сосѣдей бѣлоруссовъ, занимаясь земледѣліемъ, а именно въ губ. Гродненской и Черниговской, частью также въ Минской, гдѣ эти губерніи граничатъ съ Украиной, или даже принадлежать къ ней значительно своею частью, какъ, напримѣръ, Черниговская губ. своими южными уѣздами, гдѣ населеніе сплошь мало-

русское и занимаетъ большую половину губерніи; въ Гродненской губ. по границѣ съ Холмскимъ Подлясьемъ уже преобладаютъ малоруссы (около 360 тыс.), составляющіе отнако втрое меньшую численность по сравненію съ бѣлоруссами той-же губерніи; въ юго-восточной части Минской губ., по границѣ съ Украиной, также живутъ малоруссы числомъ около 12.000, въ Могилевской около 5 тыс., въ остальныхъ губерніяхъ они почти отсутствуютъ.

Итакъ, изъ обзора дорево люціончаго этнографическаго состава населенія Бѣлоруссіи мы убѣждаемся, что первенствующая роль въ странѣ должна принадлежать наиболѣе многочисленному племени, кормильцамъ страны—бѣлоруссамъ. Ближайшая характеристика ихъ, къ которой мы приступаемъ, покажеть, насколько они способны выполнить эту роль.

Национальный обликъ каждого народа складывается, во-первыхъ, изъ физическихъ свойствъ его природы, во-вторыхъ, изъ его духовныхъ способностей и наклонностей, проявляющихся, какъ въ его религіозно-бытовыхъ воззрѣніяхъ, такъ и въ практической дѣятельности и во всяко го рода творческой работѣ, которою данный народъ закрѣпляетъ свои права на свое дальнѣйшее существованіе и развитіе.

По своимъ физическимъ свойствамъ, какъ антропологическій типъ, бѣлоруссъ—славянинъ по преимуществу, въ сравненіи даже съ ближайшими своими сородичами, великоруссами и малоруссами. Тому порукой — весь пройденный историческій путь, а подтверждениемъ—новѣйшія антропологическія изслѣдованія, обнаружившія въ бѣлорусскомъ типѣ существеннѣйшія славянскія черты, какъ брахицефалія, т. е. короткоголовость, проще говоря—круглоголовость, и другія. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть иначе? Мы знаемъ, что въ то время, какъ великорусское млемя, расширяясь на сѣверо-востокъ, въ теченіе многихъ вѣковъ впитывало въ себя покоряемые имъ различные финскія и татарскія племена, а южно-русы, ведя многовѣковую борьбу за степь на юго-востокѣ, смѣшивались неизбѣжно съ тюрками всякаго званія отъ печенѣговъ до турокъ, а равно испытывали на себѣ вліяніе еще и другихъ иноплеменниковъ, каковы греки, готы, генуэзы, молдаване, болгары, цыгане и пр.—бѣлорусскій народъ, спрятанный въ лѣсныхъ пущахъ и защищенный малодоступными болотами и трясинами, споконъ вѣковъ сохранялъ себя чистымъ отъ вліянія чужой крови. Правда, непосредственное сосѣдство съ поляками съ незапамятныхъ временъ не могло уберечь отъ примѣси польской крови, но все же это кровь славянская; равнымъ образомъ, если допустить, что нѣкотороя отрасли литовскаго племени (голяды, ятвяги и др.) ассимилированы бѣлоруссами, то не надо забывать, что литовское племя нѣкогда тоже находилось въ близкомъ кровномъ родствѣ со славянскимъ, и смѣшеніе съ литовцами не могло въ такой степени повлиять на искаженіе первоначального славянскаго типа, какъ смѣшеніе съ финнами или тюрками*).

*) См. мою статью: „Къ вопросу объ антропологич. типѣ литовцевъ” (сравни-
тельно съ бѣлоруссами) въ „Ізвѣстіяхъ” Моск. общ. любителей естествозн., антро-
логіи и этнографіи, т. LXVII, вып. 6. (1890 г.).

Въ типѣ бѣлорусса дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаются польскія черты—тонкій, заостренный носъ, такой же подбородокъ, узкое, продолговатое лицо съ слегка простирающимися скулами; это—типъ Косцюшки, какъ принято называть въ просторѣчіи. Но въ большинствѣ преобладаетъ круглое лицо, умѣренный носъ, округлый подбородокъ, не особенно тонкія губы. По преобладающимъ свѣтлымъ волосамъ бѣлоруссы какъ бы оправдываютъ свое название. Однако имѣется значительное количество среди нихъ и темнорусыхъ. По моимъ наблюденіямъ въ Минской и Гродненской губерніяхъ въ 1886—1890 г.г. количество свѣтловолосыхъ бѣлоруссовъ опредѣляется приблизительно цифрою—46%, и темнорусыхъ 48%, остальные 4% черныхъ и 2% рыжихъ. Цвѣту волосъ обыкновенно соотвѣтствуетъ и цвѣтъ глазъ, и у бѣлоруссовъ чаще всего можно встрѣтить голубые и свѣтлосѣрые глаза, какъ это мнѣ приходилось зарегистрировать въ упомянутую поѣздку: 48% свѣтлыхъ глазъ, довольно много сложныхъ—зелено-ватыхъ, сырыхъ съ желтыми или карими штрихами и т. п.—42% и очень мало карихъ—10% *). Такимъ образомъ свѣтлые тона въ цвѣтѣ волосъ и глазъ бѣлоруссовъ, составляютъ весьма замѣтное явленіе въ отличіе, напримѣръ отъ малоруссовъ, гдѣ замѣчается значительно большая склонность къ темной окраскѣ. А если мы примемъ во вниманіе еще и цвѣтъ кожи, то здѣсь обнаружится еще большая разница между бѣлоруссами и другими ихъ сородичами; а именно, у бѣлоруссовъ исключительно бѣлая окраска тѣла, тогда какъ у великоруссовъ, а тѣмъ болѣе у малоруссовъ, какъ болѣе южнаго народа, смуглые субъекты—довольно обычное явленіе.

Что касается роста бѣлоруссовъ, ихъ фигуры, развитія мускулатуры и вообще физической крѣпости, то въ этомъ отношеніи бѣлоруссы, понятно, находятся въ зависимости отъ физическихъ условій страны, климата, питанія и т. д. А эти условія здѣсь далеко не благопріятны. Страна болотъ, стоячихъ водъ, сырыхъ тумановъ, непроницаемыхъ для солнца лѣсовъ, съ малоплодородной почвой, требующей изнурительного труда за нею, не могла создать крѣпкаго, рослаго, здороваго народа. Если взять для примѣра Минскую губернію, то окажется лѣбопытная вещь: болѣе возвышенная ея часть обладаетъ болѣе рослымъ населеніемъ, а къ югу, въ болотной части ростъ понижается. Наблюдаются повышеніе роста по теченію большихъ судоходныхъ рѣкъ, напримѣръ, Двины, и объясняютъ это примѣсью пришлага элемента, осѣдавшаго по старымъ воднымъ путямъ **). Какъ бы то ни было, условія физической природы страны имѣютъ неоспоримое вліяніе на ростъ мѣстнаго населенія.

Историческая и соціальная условія,—состояніе загнанности, забитости, приниженнест. политического и гражданского безправія,—также пагубно

*) См. мою статью: „Нѣкоторыя данные къ вопросу объ антропологическомъ типѣ бѣлоруссовъ” въ „Трудахъ” Моск. общ. любителей естествозн., антропологии и этнографии, т. LXVIII, вып. 3. (1890 г.).

**) См. „Geografia fizyczna ziem polskich i charakterystyka fizyczczna ludnosci T. I. str. 521—527. (Изд. Krakowsk. Akad. Наукъ).

складывались для белорусского народа втечение всего исторического существования его. А все это взятое вместе не только не могло совершенствовать физический национальный типъ белорусса, но, наоборотъ, способствовало его неизбежному вырождению и измельчанию. А потому белорусъ сплошь и рядомъ предстает худощавымъ, тщедушнымъ, невысокаго роста, вялымъ, не предпримчивымъ, не веселымъ, не общительнымъ что нерѣдко заставляетъ не совсѣмъ основательно судить о немъ, какъ о скрытномъ, подозрительномъ и недовѣрчивомъ. Отчасти это есть въ немъ, какъ черта, выработавшаяся исторически вслѣдствіе крайне невыгоднаго положенія между болѣе сильными народностями, какъ великоруссы, малоруссы и поляки съ литовцами. Но мы далеки отъ того, чтобы считать белорусса злымъ по природѣ, или хотя бы даже озлобленнымъ въ силу внѣшнихъ причинъ и воздействиій. Наоборотъ, белорусъ—это врожденная доброта и нѣзлобивость. Онъ достаточно обтерпѣлся въ условіяхъ своего тяжелаго быта, во всякаго рода неожиданностяхъ для его родины и, съ другой стороны, настолько удаленъ отъ широкаго русла жизни, запрятавшись въ лѣса и болота, что давно уже привыкъ спокойно и безстрастно относиться ко всѣмъ перипетіямъ человѣческой жизни вообще и своей судьбы въ частности. Но попробуйте подойти къ нему съ открытой душой, и вы встрѣтите въ немъ такую-же открытую душу, довѣрчивость, ощутите внутреннюю теплоту безхитростнаго созданія, найдете въ немъ и остроуміе, и наблюдательность, и словоохотливость, и гостепріимство, и присутствіе творческой мысли и способностей.

Многими изъ этихъ чертъ своего характера и всего нравственного облика онъ обнаруживаетъ въ себѣ истиннаго славянина, какого мы видимъ и въ карпатскомъ горцѣ, и въ олончанинѣ, и въ балканскомъ сербѣ, исключая воинственность послѣдняго, выработанную борьбою съ иновѣрцами. Но за то другія черты, какъ, напримѣръ, пережитки родового быта, роднятъ белорусса и съ его отдаленнымъ балканскимъ соплеменникомъ. Недаромъ существуетъ утвержденіе, что предки тѣхъ славянъ, которые уже въ 1-мъ вѣкѣ по Рожд. Хр. занимали область нынѣшней Бѣлоруссіи, жили нѣкогда въ придунайскихъ странахъ и оттуда принесли и свои формы быта, и религіозныя воззрѣнія, и основы семейной жизни, и зачатки правовыхъ нормъ.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ древнѣйшихъ формахъ быта белоруссовъ. Онъ уже вкратцѣ отмѣченъ выше по сказанію лѣтописца. Интереснѣе прослѣдить современную жизнь народа, какъ она проявляется въ его материальной обстановкѣ и въ его духовныхъ интересахъ и воззрѣніяхъ. Несомнѣнно, что во многихъ отношеніяхъ современные явленія народной жизни представляютъ собою пережитки старыхъ традицій отъ незапамятныхъ временъ, и большая или меньшая живучесть этихъ пережитковъ съдѣй старины свидѣтельствуетъ о большей или меньшей степени культурности даннаго народа. Если это приложимо ко всякому другому народу, то къ белорусскому тѣмъ болѣе, потому что и въ его материаль-

номъ и въ духовномъ бытѣ глубокая, почти доисторическая старина выступаетъ наглядно изъ каждого угла его бѣдной хижины, и съ этимъ вполнѣ гармонируетъ его культурная отсталость.

Необходимо однако оговориться, что со времени великихъ реформъ, послѣ упраздненія крѣпостной зависимости, бѣлорусскій крестьянинъ за полвѣка съ небольшимъ вплоть до послѣдней войны сдѣлалъ много шаговъ впередъ къ улучшенію своего экономического благосостоянія. Курная изба, бывшая прежде повсемѣстно обычнымъ жилищемъ бѣлорусса, теперь—исключительная рѣдкость, развѣ у какого нибудь полѣсовщика, или смолокура въ качествѣ временнаго жилья. Теперь въ каждой избѣ имѣется какая ни на есть дымозая друба, хотя бы деревянная изъ досокъ или хвороста, обмазанная глиной. Окна въ избахъ послѣдняго времени приняли большия размѣры, нерѣдко со створчатыми рамами, болѣе или менѣе сносно застекленными, и количество ихъ обыкновенно не менѣе трехъ въ избѣ: два по сторонамъ краснаго угла и одно ближе къ двери, противъ жерла хлѣбной печи или камина. Вмѣсто досчатыхъ полатей не рѣдкость уже встѣть въ избѣ кровать, хотя бы самодѣльную, а у стола занимающаго красный уголъ подъ образами, прямо противъ входной двери, можно видѣть такие же домашніе работы стулья вмѣсто грубой скамьи.

Изба, большою частью изъ одного помѣщенія, служить обыкновенно жильемъ для всей, иногда очень большой семьи, съ женатыми сыновьями и ихъ дѣтьми при живыхъ родителяхъ и младшихъ членахъ. Но съ улучшеніемъ благосостоянія явилась потребность въ большихъ удобствахъ, и сталъ входить въ употребленіе типъ пятистѣнной избы, т. е. въ ней часть помѣщенія стала отгораживаться глухой продольной стѣной съ внутреннимъ сообщеніемъ и съ однимъ окномъ на улицу. Это даетъ возможность большой семье удобнѣе размѣщаться, вмѣсто того чтобы спать по лавкамъ и на полу въ общей избѣ. Обыкновенно эту свѣтелку занимаютъ молодые взрослые члены семьи, женатый сынъ съ невѣсткой, дочь невѣста и т. п. Въ малой семье такая свѣтелка служить просто болѣе чистой комнатой, иногда даже съ деревяннымъ поломъ. Изъ сѣней дверь въ кладовку, комору; иногда ихъ двѣ: холодная и теплая; изъ сѣней же ведеть лѣстница на чердачъ, большою частью приставная, самаго простого устройства. Избы кроются либо соломою, либо шалевками, или простыми деревянными дранками, плохо скрѣпленными при отсутствіи гвоздей, а деревянные скрѣпы скоро разсыхаются и прогниваютъ. Только недавно стали появляться у зажиточныхъ хозяевъ желѣзныя крыши, да и то рѣдко крашеныя. Такое же рѣдкое и недавнее явленіе въ бѣлорусской деревнѣ—кирпичная изба, плохой кладки, съ тонкими стѣнами, а потому обыкновенно сырья, промерзающая и менѣе гигіеничная, чѣмъ деревянная. Глинобитныя стройки не въ употребленіи у бѣлоруссовъ; обмазываніе стѣнъ бѣлой глиною, за неимѣніемъ ея, равнымъ образомъ здѣсь не въ ходу, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ имѣются мѣловыя отложенія. Иногда обмазываютъ избы снаружи сѣрой глиною и даже подкраши-

ваютъ охрой, особенно въ пригородныхъ селахъ. Такимъ образомъ по внѣшнему виду, съ своими черными, мрачными деревянными избами, бѣлорусская деревня ближе къ великорусскому типу и не напоминаетъ собою малорусскихъ сель и хуторовъ съ ихъ бѣлыми, веселыми хатками; послѣднія и относительно внутренней чистоты и опрятности, благодаря частому мазанію и бѣленію, имѣютъ большія преимущества передъ бѣлорусскими избами, особенно бѣдныхъ крестьянъ. Въ одномъ только бѣлоруссѣ сходится съ малоруссомъ—это въ нежеланіи жить открыто на улицу: у него изба, какъ и у малорусса, повернута къ улицѣ не фасомъ, а боковой стороныю, и притомъ часто отгорожена отъ улицы изгородью съ жердями или досчатыми воротами во дворъ, который, впрочемъ не отличается чистотою: сплошь и рядомъ почти подъ самыми окнами вы видите яму—помойницу, наполненную зловонною жидкостью, въ которой вѣчно копаются свиньи, такъ какъ свиной хлѣвъ часто устраивается тутъ же на дворѣ, иногда даже въ связи съ жилымъ помѣщеніемъ; въ томъ же хлѣву подъ крышей живутъ и куры, а зимой ихъ берутъ въ сѣни, или въ избу подъ печку. Въ сильные рождественскіе морозы не рѣдкость встрѣтить въ избѣ и овцу съ ягненкомъ, т. к. овцы обыкновенно ягнятся около Рождества, а равно и новорожденного теленка, живущаго здѣсь недѣлями и мѣсяцами. Какихъ нибудь украшеній въ видѣ рѣзьбы или рисунка напрасно было бы искать внутри избы, да и наружный ея видъ лишенъ этихъ отличій.

Въ своихъ хозяйственныхъ строеніяхъ, ихъ расположениіи, бѣлоруссѣ не держится строго опредѣленного правила, не можетъ также похвастать и порядкомъ своего гумна. Хозяйственные орудія послѣ ихъ употребленія подолгу валяются гдѣ попало, мокнутъ, разсыхаются не прибранные, покрываются соромъ и навозомъ, гниютъ. Лѣсной матеріалъ, заготовленный для стройки или изгороди, иногда перегниваетъ, лежа на дворѣ и не дождавшись своего употребленія по назначению; тоже самое бываетъ и съ кучами обмолоченной соломы, если ее не скормятъ скотиной въ голодную зиму. И это происходитъ не только отъ недостатка времени и руки, а по какому-то врожденному нерадѣнію и отсутствію любви къ порядку. Можетъ быть, это пережитокъ, какъ слѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, когда крестьянину, занятому чуть не день и ночь круглую недѣлю на баршинѣ, некогда было заниматься своимъ хозяйствомъ и думать о порядкѣ и чистотѣ на своемъ гумнѣ. Такъ и выработался типъ нерадиваго хозяина, поддержаный затѣмъ и послѣ барщины явившимися ей на смѣну тяжелыми условіями, оброками, подушными и т. д.

Подъ гнетомъ этихъ невзгодъ, да еще при плохихъ урожаяхъ на мало плодородной землѣ бѣлорусскій крестьянинъ часто находилъ себѣ забвеніе и временное утѣшеніе въ винѣ, и тогда хозяйство его приходило въ крайній упадокъ, а его домашнее имущество переходило въ руки еврея—шинкаря.

Въ обработкѣ земли и другихъ хозяйственныхъ занятіяхъ бѣлоруссѣ держится старыхъ прѣмовъ, крайне недовѣрчиво относясь ко всяkimъ

нововведеніямъ, рекомендуемъ агрономомъ, сельскимъ учителемъ, помѣщикомъ или другимъ «планомъ». Еще недавно плугъ былъ здѣсь большою рѣдкостью въ крестьянскомъ обиходѣ и долго не могъ вытѣснить примитивную, самодѣльную соху. И другія орудія большою частью самодѣльного устройства. Зерно для хлѣба бѣлорусъ продолжаетъ нерѣдко и теперь молоть на домашней ручной мельницѣ, надъ которой съ большими усилиями трудаются всѣ члены семьи по очереди въ теченіе долгихъ часовъ по утрамъ задолго до свѣта и по вечерамъ до поздней ночи. Съ такимъ же трудомъ обдѣлывается дома толченіемъ въ ступѣ зерно для крупы: ячмень, просо, пшеница. Онь къ этому приспособился, и ему трудно перейти къ другому укладу жизни, къ болѣе удобнымъ и продуктивнымъ прѣемамъ труда въ своемъ замкнутомъ хозяйственномъ быту. Можетъ быть, одинъ изъ главныхъ секретовъ этого положенія вещей кроется въ томъ, что примитивные орудія обработки и производства и связанные съ ними старые прѣемы работы почти ничего не стоять крестьянину въ денежномъ смыслѣ, а свой трудъ и затрачиваемое время онъ не привыкъ переводить на деньги. Соху онъ сдѣлаетъ себѣ изъ коряги, взятой въ любомъ лѣсу, борону наладитъ изъ связанныхъ лыкомъ половинчатыхъ кусковъ елочного ствола съ наполовину обрубленными вѣтками вместо вставныхъ зубьевъ, самъ загоняетъ и ободь для простого колеса — и все это не требуетъ отъ него денежныхъ затратъ, хотя бы надѣ этимъ онъ провозился не одну недѣлю. А для приобрѣтенія болѣе усовершенствованного орудія необходимъ единовременный расходъ, который онъ не въ состояніи сделать, когда у него отъ одной подати до другой не бываетъ лишней копѣйки въ домѣ, а сплошь и рядомъ его еще душатъ недоимки. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что если сравнять хозяйство рядового средняго бѣлорусса на протяженіи послѣднихъ 50—60 лѣтъ, то оно замѣтно улучшилось и все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Конечно, если брать въ примѣръ болѣе зажиточнаго хозяина, то по сравненію съ прежнимъ бытомъ картина здѣсь будетъ еще ярче. У такого хозяина имѣется больше скота, дающаго больше удобрѣнія; поэтому у него и урожай лучше и получается приплодъ, что даетъ ему возможность продавать излишекъ урожая и скотины и на вырученныя деньги дальше улучшать свое хозяйство. Поэтому и постройки въ такомъ хозяйствѣ основательнѣе, и телѣга, да и не одна, на кованыхъ шинахъ и желѣзныхъ осяхъ, и борона съ желѣзовыми зубьями, и плугъ, и двѣ три косы лучшаго сорта и т. д. Ничего подобнаго не было и въ поминѣ лѣтъ 40—50 назадъ. Владѣя большимъ количествомъ земли, зажиточный хозяинъ измѣняетъ къ лучшему и веденіе полевого хозяйства: вместо обычной трехпольной системы, онъ имѣть возможность примѣнить и посѣвъ кормовыхъ травъ и овощей, и отвести извѣстный участокъ для посѣва техническихъ растеній, напримѣръ, маслянистыхъ (рыжка, сурепы), волокнистыхъ (льна, конопли), наркотическихъ (хмеля) и др. Прихѣды такихъ хозяйствъ въ крестьянской средѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ стали все чаще наблюдаваться. Кромѣ того, намъ известны случаи объединенія крестьянскихъ общинъ для эко-

номическихъ предпріятій, напримѣръ, для покупки или найма на прокатъ полевой хозяйственной машины въ складчину, или для покупки помѣщичьяго имѣнія или хутора съ цѣлью его разверстки между пайщиками. Все это новыя явленія, свидѣтельствующія о томъ, что хозяйственная дѣятельность бѣлорусского народа не находится въ застоѣ, а наоборотъ развивается, и экономической бытъ его идеть къ улучшенію.

Значительно стала улучшаться и пища бѣлорусского крестьянина съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ работать на пана и получилъ возможность больше думать о себѣ и о своей семье. У работающаго хозяина, заботливаго и дѣльнаго, не пьяницы и не лѣнтия, всегда есть запасъ продуктовъ, достаточный для того, чтобы прожить безъ нужды, а кому удалось увеличить свой участокъ, у того остаются запасы и для продажи.

Если въ прежнее время картошка да тюря изъ ржаной муки, заваренной въ еоленой водѣ съ лукомъ и постнымъ масломъ, были обычной пищей бѣлорусса, а мяса, молока и яйца онъ почти не видѣлъ, то теперь изъ порядочныхъ хозяевъ рѣдкій не имѣетъ свиней, овецъ и коровы. Онъ и барашка къ осени зарѣжетъ, и свинью къ Рождеству заколетъ, и по-росенка къ Пасхѣ откормить. Но не мало есть и такихъ хозяевъ, которые по своей слабосильности, личнымъ недостаткамъ и другимъ неблагопріятнымъ условіямъ, не могли сразу крѣпко стать на ноги, запустили свои надѣлы или спустили ихъ за безцѣнокъ, не справились съ трудностями жизни въ новыхъ условіяхъ и попали въ кабалу къ болѣе сильнымъ, изворотливымъ и практичнымъ. Это явленіе, знакомое намъ и въ другихъ областяхъ Россіи, здѣсь, въ Бѣлоруссіи, еще болѣе обычно, потому что условия труда здѣсь таковы, что требуется большое напряженіе физическихъ силъ и способностей, чтобы одолѣть препятствія, чинимыя самой природой въ веденіи полевого и лѣсного хозяйства, составляющаго здѣсь главный источникъ жизни и благосостоянія деревенскаго жителя.

Посмотрите, напримѣръ, чего стоитъ несчастному бѣлоруссу съ его примитивными пріемами воздѣлать «лядо», т. е. расчистить подъ пашню участокъ земли, заросшей лѣсомъ и болотными бурьянами, покрытой кочками и валунами. Нѣсколько лѣтъ подъ—рядъ онъ со всей своей семьей долженъ съ ранней весны до поздней осени работать здѣсь неустанно, чтобы на третій или четвертый годъ собрать съ этого участка одну—другую мѣру ржи или овса—почти единственныхъ хлѣбныхъ злаковъ, болѣе или менѣе оправдывающихъ здѣсь тяжелый, богатырскій трудъ крестьянина. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей необыкновенной выносливости, трудоспособности и невзыскательности, бѣлорусъ, вопреки всѣмъ невзгодамъ и неудобствамъ климата, почвы и отсутствія знаній и орудій улучшенного производства, всетаки ухитряется достигать извѣстныхъ результатовъ своего труда и такъ или иначе несетъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы своей страны, чтобы вывести ее на болѣе свѣтлый путь дальнѣйшаго существованія и развитія.

Если, окруженный водою и трясиною на болѣе удобныхъ островкахъ и лишенный сообщенія на рядъ весеннихъ, а нерѣдко и осеннихъ мѣсяцевъ, онъ всетаки не одичалъ, не выродился и не исчезъ съ лица земли, то, значитъ, въ немъ есть зачатокъ жизнѣнности, который способенъ при лучшихъ условіяхъ развиваться и вести къ усовершенствованію культуры страны и къ укрѣплению самого типа ея главнаго труженика—бѣлорусса. Дайте ему знанія, облегчите ему условія существованія, и онъ еще скажетъ свое слово въ области хозяйства, науки, искусства и т. д.

Въ одеждѣ, какъ и въ другихъ частяхъ своей домашней жизни, бѣлорусъ за послѣдніе полѣвка тоже проявилъ замѣтную эволюцію въ смыслѣ большей практическости, легкости, а отчасти и вѣнчаной пріятности. Измѣняется покрой одежды, придается ей болѣе элегантный видъ, приближающій крестьянина къ болѣе культурнымъ классамъ; выбирается болѣе благородный матеріалъ для одежды вмѣсто прежняго грубаго и тяжелаго холста и сукна. Если мы часто обвиняемъ бѣлорусса въ томъ, что онъ мѣняетъ свое національное и домашнее на чужое и фабричное, то не мы ли первые подали ему этотъ примѣръ, давно утративъ свой національный костюмъ; и въ правѣ ли мы обвинять его въ стремлѣніи хоть вѣнчнимъ своимъ видомъ не отставать отъ болѣе культурнаго класса, которому, казалось бы, слѣдуетъ быть проводникомъ лучшихъ понятій и вкусовъ въ народную массу. Нѣть особенной бѣды въ томъ, что бѣлорусская крестьянка, отказываясь отъ продолжительного и утомительного труда, сопряженнаго съ изготавленіемъ суконъ, полотенъ и всякаго рода пряжъ для одежды своей семьи, предпочитаетъ купить для этого готовый матеріалъ въ лавкѣ, если есть деньги, а бѣда въ томъ, что мы не даемъ ей знаній и средствъ для болѣе усовершенствованныхъ способовъ этого заготовленія, а равно не даемъ ей и членамъ ея семьи, чѣмъ занять освободившіеся отъ этихъ работъ длинные осенне и зимніе вечера и утра съ пользою для ума и сердца, для поднятія ихъ умственного и морального уровня.

Если экономическое состояніе бѣлорусса за послѣдніе полѣвка съ небольшимъ, мало-по-малу стало улучшаться, то въ своей умственной и нравственной жизни, въ своемъ развитіи вообще, онъ весьма туго прогрессируетъ. Школа и церковь—эти два источника образованія и воспитанія народа, въ Бѣлоруссіи далеко не на высотѣ положенія. Обстановка школы въ смыслѣ пособій крайне бѣдна; содержаніе учителей нищенское и не можетъ привлечь болѣе подготовленныхъ людей, или же они при первомъ удобномъ случаѣ бросаютъ свои мѣста и переходятъ на болѣе выгодныя по административной службѣ и т. п., не отдаваясь всесѣло дѣлу воспитанія и обученія дѣтей. Впрочемъ и посылка дѣтей въ школу не считается у бѣлорусса-крестьянина настолько важнымъ дѣломъ которымъ нельзя было бы пренебречь изъза всякаго ничтожнаго повода. Въ результатѣ, если даже и удается немногимъ съ грѣхомъ по поламъ пройти курсъ, то приобрѣтенное въ школѣ черезъ годъ—два забывается, т. к. связь со школой теряется, а другихъ внѣшкольныхъ образовательныхъ средствъ не

имѣется. Это—общій недостатокъ б. не земскихъ губерній, въ томъ числѣ и бѣлорусскихъ, занимающихъ поэтому весьма низкое мѣсто по степени грамотности населенія.

Духовнонравственное воспитаніе народа не менѣе запущено вслѣдствіе того, что образовательный центръ сельскихъ батюшекъ въ Бѣлоруссіи крайне не высокъ, и намъ лично приходилось встрѣчать тамъ съященниковъ, искренно вѣрящихъ, что въ кликушѣ сидѣтъ живой дьяволъ въ видѣ лягушки, что заломъ во ржи на полѣ, (т. е. завязанная на корню горсть колосьевъ) грозить неминуемымъ несчастью хозяину лично, его дому или скоту, или вообще хозяйству и т. д.

Коснемся ли, кстати, вопросовъ народнаго здравія, и здѣсь бѣлорусскій народъ не имѣетъ здравой помощи, предоставленъ самъ себѣ и, пребывая въ понятіяхъ глубокой, темной старины, объясняетъ себѣ всѣ болѣзни вліяніемъ нечистой силы непосредственно, или же дѣйствіемъ злыхъ людей, имѣющихъ съ ней общеніе, каковы колдуны и вѣдьмы. И вся жизнь бѣлорусса окутана непроницаемымъ туманомъ суевѣрій, примѣтъ, предразсудковъ, держащихъ во тмѣ его умъ и направляющихъ его воображеніе въ область своеобразной мистики, которую еще не скоро сможетъ разрушить свѣтъ науки и слово здравой критики.

Поэтому въ вопросахъ религіи и вѣры и у современныхъ бѣлоруссовъ, какъ и много столѣтій назадъ, еще царитъ полное двоевѣріе. Бѣлорусъ религіозенъ и преданъ своей церковно-православной вѣрѣ, которую онъ сохранилъ и вынесъ въ чистотѣ изъ всѣхъ искушеній, невзгодъ и многовѣковой борьбы съ католичествомъ и отчасти протестантствомъ. Но рядомъ съ этой официальной церковной религіей у бѣлорусса есть еще своя домашняя, болѣе интимная религія, къ которой онъ не менѣе привязанъ и отъ которой врядъ ли когда-нибудь совсѣмъ откажется. Это пережитки старого язычества, болѣе древняго, чѣмъ само христіанство, хотя подъ вліяніемъ послѣдняго, оно часто сильно измѣнилось и осталось лишь въ обломкахъ. Этой религіей отмѣченъ каждый шагъ въ жизни бѣлорусса, да не только съ момента его рожденія и до смерти, но еще и до появленія его на свѣтъ и послѣ смерти. Всѣ моменты его личной жизни имѣютъ свои примѣты и предвѣщанія; всякий трудъ, всякое занятіе обусловлено извѣстными правилами, прѣмами и предосторожностями, предписываемыми этой тайной религіей, и отъ соблюденія этихъ правилъ, по его убѣжденію, зависить успѣхъ дѣла, и наоборотъ, пренебреженіе ими можетъ вредно отразиться не только на исходѣ предпріятія, но и на здоровье и жизни его самого. Какая-то невидимая сила, съ которой человѣку не совладать, служить вѣчнымъ устрашеніемъ для бѣлорусса, и его мысль вѣчно занята заботою объ изысканіи способовъ огражденія отъ губительного дѣйствія этой тайной силы. Онъ долженъ умилостивлять ее различными жертвами, хотя бы даже въ ущербъ своему благосостоянію. Зарѣзаль волка барана въ стадѣ, или теленокъ пропалъ безъ вѣсти,—не слѣдуетъ оплакивать эту утрату или роптать на судьбу, потому что, это

можетъ навлечь еще большія несчастья. Убило громомъ человѣка—это дѣло какой—то невѣдомой высшей силы, наказаніе за невѣдомые его грѣхи, или это очистительная жертва за преступленіе его предковъ и всего рода, а потому жалѣть о такой жертвѣ—значить стать противникомъ неисповѣдимой судьбы и неодолимой ея силы. Христіанскія понятія въ этихъ случаяхъ постоянно путаются съ отголосками далекой языческой старины, а священные предметы, молитвы и т. п., нерѣдко играютъ роль въ такой народной практикѣ, которая не можетъ быть объяснена иначе, какъ съ точки зрења остатка языческой религіи. Четверговая соль, освященная въ великий четвергъ въ церкви, имѣеть силу противъ всякихъ козней колдовства, если ее носить въ карманѣ или на груди. «Громничная» свѣча, освященная на Срѣтенье и зажженная во время грозы въ окнѣ, служить вѣрнымъ громоотводомъ, по убѣжденію бѣлорусса; такое же значеніе придается вѣночкамъ изъ нѣкоторыхъ травъ, освященнымъ на Троицкой недѣлѣ и заткнутымъ подъ стрѣху, а кроме того они имѣютъ и цѣлебное значеніе, да ими же окуривается и хлѣбъ больной скотины и гробъ члена семьи передъ положеніемъ въ него покойника. Все это способы огражденія отъ нечистой силы. А кто не знаетъ о непоколебимой вѣрѣ бѣлорусса въ существованіе «воўкулаковъ», или оборотней? Не только въ одиночку, но и цѣлыми стаями они встрѣчаются въ полѣ и на дорогѣ, стараясь приблизиться къ человѣку и его жилью, не вредя ему, потому что это въ сущности не волки, а люди, сдѣлавшіеся оборотнями по злобѣ своихъ враговъ при содѣйствіи страшного колдовства. Но стоитъ на обратную накинуть скатерть, на которой были освящены пасхальный яствъ на свѣтной заутренѣ,—и сила колдовства исчезнетъ. Мы уже не говоримъ о множествѣ искаженныхъ молитвъ заговоровъ противъ нечистой силы, живущихъ въ народѣ*).

Бѣлоруссія съ давнихъ временъ слыла царствомъ колдуновъ и вѣдьмъ, имѣющихъ сношенія съ нечистой силой. Водвореніе еврейства въ краѣ съ средневѣковыми вѣрованіями этой націи, съ ея «чернокнижемъ», «кабалой» и т. д., еще болѣе поддержало эти народные суевѣрія, и никакія усиленія церкви не могли и не въ состояніи ихъ искоренить. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало освѣщень вопросъ, до какой степени этотъ народъ способствовалъ размноженію и укрѣплению среди христіанскихъ народовъ своихъ суевѣрій, пронесенныхъ имъ изъ древняго востока по всей Европѣ. А бѣлорусскій еврей наименѣе культуренъ и, слѣдовательно, наиболѣе суевѣренъ изъ своихъ европейскихъ собратьевъ, даже и проживающихъ въ другихъ частяхъ Россіи.

Отношеніе къ вѣрѣ въ колдовство, въ знахарство въ настоящее время должно быть болѣе разумнымъ. Пора признать несомнѣннымъ то положеніе, что здѣсь большую роль играетъ, съ одной стороны, сила внушенія,

*) См. Н. Я. Никифоровскаго; «Нечистки. Сводъ простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи сказаний о нечистой силѣ». («Виленскій Временникъ», изд. Виленск. чен.—губ. кн. II).

животнаго магнетизма и т. д., а съ другой—разныя трагы и снадобья, примѣняемыя знахарями, но еще не изученныя въ должностной степени, дѣйствительно, обладаютъ извѣстной силою вліянія на организмъ и имѣютъ цѣлебныя или вредоносныя свойства, и если въ этомъ отношеніи открыто широкое поле для научныхъ наблюденій вообще, то Бѣлоруссія можетъ дать для этого много любопытнаго материала. Необходимо только поспѣшить съ собираніемъ данныхъ по этимъ вопросамъ, потому что они исчезаютъ съ каждымъ днемъ, и каждый знахарь, быть можетъ уноситъ съ собою въ могилу цѣнныя для будущей науки тайныя знанія, окутанныя разными суевѣрными атрибутами.

Всякое неблагополучіе въ своей личной жизни и въ хозяйствѣ бѣлорусъ приписываетъ дѣйствію злой силы. Эту силу онъ обыкновенно представляетъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Такъ, лихорадка, холера, чума, оспа и другія, особенно эпидемическія и заразныя болѣзни, рисуются его воображенію фантастическими женщинами, обходящими села и деревни и мановеніемъ краснаго платка насылающими повальную болѣзнь на жителей. И нѣтъ спасенія отъ нея, кромѣ развѣ одного средства—очертить границы деревни при помощи особаго обряда, какъ какимъ-то магическимъ кольцомъ, въ которое не посмѣть вступить страшная гостья. Это рѣдкій въ настоящее время обрядъ опахиванія границъ деревни въ полночь полунагими, простоволосыми женщинами, впряженными для этого въ соху въ сопровождѣніи по возможности всѣхъ обитательницъ села, причемъ онъ все время кадятъ сухими вѣночками, пахучими травами, ягодами можевельника и т. п., съ дикимъ гиканьемъ и ударами во что-нибудь звенящее. Проведенная такимъ образомъ борозда и должна служить вѣрнымъ огражденіемъ отъ появленія эпидеміи въ предѣлахъ даннаго села.

Въ этомъ обрядѣ дышить еще свѣжая, хотя и очень далекая, дохристіанская старина, воскресающая только въ исключительныхъ случаяхъ. Такою же несомнѣнно языческою древностью отзываются нѣкоторыя проявленія религіознаго культа, напр., такъ называемыя, «проши», или богомолія у нѣкоторыхъ священныхъ предметовъ, особенно «крыницъ» и колодцевъ, куда направляются вѣрующіе съ принесеніемъ какой-нибудь жертвы, хотя бы мѣдной полушки или лоскутика холста во исполненіе обѣта, чтобы получить прощеніе грѣховъ (откуда и название «проща», какъ переводъ польскаго *odrist*, т. е. отпущеніе грѣховъ) и тѣмъ избавиться отъ постигшей или грозящей бѣды. Правда, въ настоящее время въ такихъ мѣстахъ имѣются часовенки или кресты съ иконами, въ урочные дни совершаются молебны, но, несомнѣнно, подобная мѣста пользовались еще и въ дохристіанскія времена уваженіемъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. Съ принятіемъ христіанства они только были освящены церковью, и поклоненія имъ получили нѣсколько иной характеръ.

То-же самое произошло съ цѣлымъ рядомъ древнихъ языческихъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ опредѣленному времени и связанныхъ съ извѣстными народными празднествами, какъ Коляда, Радуница, Купала и

т. д. У бѣлоруссіи эти празднества бытуютъ въ полной силѣ и совершаются съ обычной торжественностью, больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи. Одни изъ этихъ празднствъ (Коляда, Купалы) связаны съ культомъ стихіи, дающей свѣтъ и тепло (солнце, огонь), или очищающей отъ всякой скверны (вода, огонь); другія относятся къ культу предковъ (Радуница), присущему, конечно, не одной христіанской, но и языческой религіи съ древнѣйшихъ временъ. И бѣлоруссъ не менѣе древняго римлянина чтитъ своихъ ларовъ и пенатовъ — дѣядовъ, для которыхъ онъ такъ охотно устраиваетъ обильныя поминки — «хайтуры» нѣсколько разъ въ году, по церковному обычаю, но особенно на Радуницу — во вторникъ Фоминой недѣли, потому что въ это время самоубійцы, утопленники, русалки и т. п. имѣютъ право общенія съ живыми и съ радостью ждутъ этого дня, откуда объясняется и название этихъ поминокъ. Обыкновенно они состоять изъ двухъ частей: церковно-христіанской — заупокойной службы, и народно-языческой — семейной трапезы на могилахъ родственниковъ, въ которой, какъ въ этомъ убѣжденье народъ, принимаютъ извѣдимо участіе и души покойниковъ, а потому часть яствъ и оставляется на могилахъ.

Души нѣкоторыхъ умершихъ (утопленницъ, некрещеныхъ дѣтей), становясь русалками, съ очищеніемъ рѣкъ отъ ледяного покрова и съ появленіемъ древесной зелени, выходятъ изъ своего подводного царства, переселяются въ тѣнь лѣсныхъ рощъ и качаются на вѣтвяхъ, расчесывая свои косы, другія прячутся въ зеленой ржи. И бѣлоруссъ твердо вѣритъ въ существованіе этихъ лѣсныхъ и полевыхъ дѣвъ, а таинственный шумъ волнующейся ржи и лѣсныхъ зеленыхъ вѣтвей объясняетъ себѣ какъ шопотъ и мелодические напѣвы этихъ миѳическихъ дѣвъ. Но горе ему, если онъ попадется въ ихъ руки, — быть ему защекотаннымъ до смерти

Такія вѣрованія бѣлоруссы связываютъ съ Троицкою недѣлею — праздникомъ зелени, и это время вплоть до Купалы включительно для бѣлорусской деревенской молодежи, особенно для дѣвушекъ, полно необычнаго, приподнятаго настроенія, какихъ-то полуисторическихъ мечтаній, что сказывается и въ русальныхъ (троицкихъ) и купальскихъ пѣсняхъ, пожалуй, наиболѣе сохранившихся у бѣлоруссовъ отъ глубокой старини.

Въ этихъ весеннихъ и лѣтнихъ обычаяхъ и относящихся къ нимъ пѣсняхъ замѣчается постоянное сплетеніе мотивовъ двоякаго рода: языческо-религіозныхъ и семейно-бытовыхъ. Начиная съ первыхъ признаковъ весны, съ весеннихъ игръ и хороводовъ, ясно проявляются остатки культа солнца, весны, растительной силы, возрождающейся природы, и завершеніемъ этого периода является Купала, т. е. конецъ юня, когда солнце достигаетъ всей полноты и силы своего воздействиа на природу. Этотъ праздникъ и до сихъ поръ чтится у бѣлоруссовъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ и до самаго послѣдняго времени во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи въ таинственную, мистическую ночь съ 23 го на 24-е Іюня пылали костры, а вокругъ нихъ сновали странные силуэты парней и дѣвушекъ, сопровождав-

шихъ это своего рода священнодѣйствіе особыми пѣснями съ обращеніемъ къ Купалъ, какъ къ нѣкоему живому существу, быть можетъ, древне-языческому божеству—солнцу. Хотя значеніе этого имени бѣлоруссу теперь и непонятно, и самый обычай служить только развлеченьемъ, однако все это переносить настолько на много вѣковъ назадъ, ко временамъ доисторическимъ—настолько живучи вѣра народа въ таинственное и сверхъ естественное, уживающаяся, хотя и въ искаженномъ видѣ, съ новыми понятіями, развивающимися ходомъ культурной исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пѣсняхъ и играхъ весеннихъ, троицкихъ, купальскихъ и др. красной нитью проходитъ мотивъ любви со всѣми ея перипетіями и характеристика отношений другъ къ другу молодежи обоего пола, начиная съ момента ознакомленія парня и девушки и кончая моментомъ брака съ его послѣдствіями—счастливою или несчастною жизнью.

Такимъ образомъ эта народная поэзія, отражая въ себѣ остатки древнихъ религіозныхъ воззрѣній бѣлорусского народа, въ то-же время тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его бытомъ, домашнею и семейною жизнью, а иногда также и соціальными отношеніями, напр., въ тѣхъ пѣсняхъ и играхъ, которые основаны на мотивѣ о предпочтеніи одного словія другому, причемъ это предпочтеніе обыкновенно отдается сословію крестьянскому. Тотъ же мотивъ нерѣдко проходитъ и въ сказкахъ бѣлоруссовъ, какъ и ихъ соплеменниковъ великоруссовъ и малоруссовъ.

Здѣсь передъ нами невольно встаетъ не лишенный значенія общий вопросъ о взаимоотношеніяхъ въ области поэтическаго творчества, а можетъ быть и вообще культуры, между тремя вѣтвями русскаго племени, и о томъ, какая роль принадлежала въ этомъ дѣлѣ бѣлоруссамъ. Обычно высказывается мнѣніе, будто поэзія бѣлоруссовъ, ихъ пѣсни, сказки, легенды большою частью представляютъ лишь передѣлки русскихъ и малорусскихъ. Бѣлорусский народъ обыкновенно характеризуется забитымъ, неразвитымъ, неспособнымъ.

Экономическая отсталость, связывавшая бѣлорусса, въ силу особыхъ историческихъ и географическихъ условій, по рукамъ и ногамъ втеченіе многихъ вѣковъ, конечно, наложила особый отпечатокъ и на его духовную природу, не давала свободно развиваться его духовнымъ силамъ и способностямъ. Но это еще не даетъ намъ права отказывать бѣлоруссу въ способности къ творческой работѣ вообще и къ созданію оригинальныхъ поэтическихъ произведеній въ частности. Вспомнимъ, какую важную роль въ свое время игралъ этотъ край въ исторіи общерусского просвѣщенія еще въ княжескій періодъ, отмѣченный весьма важными литературными памятниками бѣлорусского языка. Если потомъ судьба этого народа повернулась къ худшему, то творческая сила народа не могла заглохнуть и исчезнуть безслѣдно. Лишенная доступа къ болѣе культурной работѣ, она дѣйствовала въ своей ограниченной сферѣ, и результатомъ этой работы являются тѣ огромныя собранія произведеній бѣлорусского народного творчества, какими обогатилась наука за послѣднія нѣсколько десятилѣтій. Пересматривая эти томы пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, посло-

вицъ, заговоровъ и т. п., мы, дѣйствительно, наталкиваемся на множество совпаденій съ творчествомъ великоруссовъ, малоруссовъ и даже поляковъ; но вѣдь подобные параллели можно нерѣдко встрѣтить даже и у неродственныхъ народовъ,—это только свидѣтельствуетъ объ общности извѣстныхъ психологическихъ законовъ у людей различныхъ племенъ и мѣстностей. А если говорить о заимствованіи бѣлоруссами у своихъ сосѣдей того или иного сюжета и даже формы его разработки, пѣсенной мелодіи и т. д., то почему въ иныхъ случаяхъ не допустить возможности обратнаго явленія?

Мы увѣрены, что не одна пѣсня, распѣваемая и теперь въ Бѣлоруссіи, равно какъ и въ Малороссіи, при болѣе внимательномъ и детальномъ разсмотрѣніи можетъ оказаться не малорусского, какъ обыкновенно думаютъ, а бѣлорусского происхожденія. То-же самое можно сказать и по вопросу о количествѣ поэтическаго материала, хранящагося въ запасѣ народной памяти бѣлоруссовъ. Несправедливо мнѣніе, будто бѣлоруссы—народъ не пѣвучій, что поютъ они мало и большою частью однообразно и заунывно. Такое мнѣніе составилось крайне поверхностно отъ незнакомства съ настоящей бѣлорусской пѣснею.

Отчужденіе господствующаго класса отъ простонародія и презрительное къ нему отношеніе въ Бѣлоруссіи, какъ и вездѣ, не могло содѣйствовать ознакомленію съ его духовной жизнью и творчествомъ; но здѣсь эта разнъ еще усиливалась вслѣдствіе племенного и вѣроисповѣдного различія. Польское католическое шляхетство относилось къ бѣлорусскому люду, какъ къ низшей расѣ, и, понятно, всѣ народные обряды, обычай, пѣсни и т. п. считались незаслуживающими вниманія и смѣшными.

Только со второй четверти прошлаго столѣтія этотъ взглядъ началъ измѣняться, отчасти подъ влїніемъ Виленскаго польскаго университета, поставившаго своей задачей, въ числѣ другихъ, также опредѣленную задачу изученія народнаго быта и страны. Но и тутъ еще наблюдаемъ такое странное явленіе: собираются польскими любителями бѣлорусскія пѣсни и печатаются въ польскихъ изданіяхъ, но не на подлинномъ бѣлорусскомъ языку, а въ польскомъ переводѣ, иногда довольно свободномъ. Бѣлорусскій народный языкъ, такимъ образомъ, не сразу удостаивается печатной польской книги, и бѣлорусская поэзія доходитъ до сознанія шляхтича сперва только въ польской оболочки: иначе она для него непонятна и черезчуръ груба.

Надо однако отдать справедливость: польскіе этнографы первые принялись за собираніе произведеній народнаго творчества въ Бѣлоруссіи, и собранія Чечота, Зенькевича, Рыпинскаго, гр. Конст. Тышкевича и до сихъ поръ принимаются во вниманіе, и они дали толчокъ къ этой работе цѣлому ряду позднѣйшихъ польскихъ собирателей, печатающихъ свои материалы большою частью за-границей, въ особенности въ изданіяхъ Krakowskай Академіи наукъ.

Пѣсенныя мелодіи бѣлоруссовъ точно также впервые не только начали записываться, но и художественно обрабатываться поляками. Еще въ

1840-хъ годахъ мы видимъ опытъ музыкальной поэмы Абрамовича въ нѣсколькихъ частяхъ, въ основу которой положены свадебная бѣлорусская пѣсни. Когда на смѣну польскому господству пришло русское владычество, то вся его дѣятельность сосредоточивалась въ краѣ на политической и религіозной борьбѣ съ полонизацией. Эта ярая обрусиительная политика игнорировала національно-бѣлорусскія черты быта, а при этомъ условіи не обращалось должнаго вниманія на самобытное творчество народа, или же оно использовалось въ тенденціозныхъ цѣляхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ не могло быть и помину о всестороннемъ и серьезному ознакомленіи поэтическими произведеніями народа, о собираніи и научной обработкѣ этихъ материаловъ. Только въ сравнительно недавнее время трудами самостверженыхъ научныхъ работниковъ въ этой области (Шейна, Носовича, Безсонова, Романова, Добровольского и др.) дѣло изученія народныхъ обычаевъ, собиранія пѣсень, сказокъ, пословицъ и т. п. поставлено на серьезно-научную почву, и наука бѣлоруссовѣдѣнія обогатилась обширными и въ высшей степени цѣнными материалами, для которыхъ теперь наступила очередь научной разработки и болѣе широкой ихъ популяризациіи, которая поколеблетъ неправильно сложившіеся взгляды и ложная мнѣнія о бѣлорусскомъ народно-поэтическомъ творчествѣ и о творческой способности самого народа. Пока, къ сожалѣнію, большинству бѣлоруссовъ неизвѣстны даже имена вышеназванныхъ изслѣдователей, а многие, хотя и слышали кое-что о нихъ, то о результатахъ ихъ работы не имѣютъ яснаго представлѣнія. Эти обширные томы собранныхъ материаловъ служать не только памятниками усердія, энергіи, трудолюбія и научной эрудиціи ихъ собирателей, но, что еще важнѣе, являются несокрушимымъ монументомъ многовѣковой творческой дѣятельности народнаго духа.

Обиліе и разнообразіе этого материала, далеко еще не обслѣдованнаго во всей полнотѣ, ставитъ бѣлорусскую народность на одинаковую высоту съ другими вѣтвями русскаго племени и еще разъ подтверждаетъ ея право на самостоятельное существованіе и развитіе своей національной культуры. Анализировать все богатство этого поэтическаго репертуара бѣлорусской деревни—задача слишкомъ обширная для общаго очерка. Для подтвержденія справедливости нашего сужденія о немъ, мы отсылаемъ интересующихся къ III-му тому труда академика Е. Ф. Карского:—«Бѣлоруссы», содержащему «очерки словесности бѣлорусскаго племени».

Одно неоспоримо, что мы и въ настоящее время въ бѣлорусской деревнѣ присутствуемъ при полной дѣйственности народно-поэтическаго процес-са; не смотря на всѣ невзгоды и внѣшнія неблагопріятныя вліянія городской, фабричной и военной жизни, народная муза продолжаетъ хранить традиціи и завѣты своей національной старины. Съ одной стороны, весь годичный кругъ съ такими выдающимися моментами, какъ Коляда, Масляница, Пасха, Юрій, Троица, Петровъ день, Купала, Ильинъ день и пр., въ изобиліи наполненъ соотвѣтственными древними обрядами, которые сопровождаются множествомъ характерныхъ старинныхъ пѣсень, отражающихъ на себѣ міровозрѣніе бѣлорусса и его бытъ; съ другой стороны, параллельно идетъ

цикль пѣсень, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ сезоннымъ работамъ и хозяйственнымъ занятіямъ, какъ жниво, косьба и т. п.; наконецъ, различные мѣменты въ личной и семейной жизни бѣлорусса отъ колыбели до могилы отмѣчаются специальными обычаями и пѣснями: крестинными, свадебными, похоронными и т. д. Не менѣе обиленъ и запасъ бѣлорусскихъ сказокъ, легендъ, преданій, духовныхъ псалмъ; есть даже остатки древняго богатырского эпоса.

Что касается музыкального исполненія пѣсень, то пѣніе ихъ женщиными, какъ намъ доводилось слышать, нерѣдко достигаетъ высокаго лиризма и глубокой задушевности, напр., въ нѣкоторыхъ свадебныхъ, любовныхъ и семейныхъ пѣсняхъ; въ другихъ случаяхъ, гдѣ это нужно, какъ напр., въ веснянкахъ, купальскихъ и т. п. пѣсняхъ, пѣніе приобрѣтаетъ характеръ ликующаго гимна, полнаго силы и настроенія. Кто разъ слышалъ торжественную пѣсню веснѣ, исполняемую хоромъ бѣлорусскихъ дѣвушекъ въ унисонъ, полною грудью, съ безконечными ферматами въ концѣ, теряющимися гдѣ то въ безпредѣльности, тотъ никогда ее не забудетъ. Въ этихъ обрядовыхъ напѣвахъ Бѣлоруссіи звучатъ живые звуки древнеславянской пѣсни, сохранившейся здѣсь, быть можетъ, въ большей чистотѣ, чѣмъ у великоруссовъ и малоруссовъ, а тѣмъ болѣе другихъ славянскихъ племенъ. Эта бѣлорусская пѣсня своей мелодіей въ значительной степени вспоила музу Монюшки, а своимъ словеснымъ содержаніемъ бѣлорусская поэзія напитала душу своихъ родственныхъ земляковъ Мицкевича, Сыркомли и ихъ послѣдователей въ польской литературѣ. Но еще болѣе эта народная поэзія оказала воздействиѳ на зарожденіе литературы бѣлорусской новаго времени, начиная съ половины прошлаго вѣка. Эти попытки начаты были опять-таки поляками (Дунинъ-Марцинкевичъ, Барщевъ-Гимъ, Лада-Заблоцкимъ и др.). Въ послѣднія десятилѣтія имъ на смѣну явились настоящіе бѣлоруссы, писатели-поэты изъ народа, успѣвшіе уже создать себѣ прочную литературную извѣстность, какъ, напр., И. Д. Луцевичъ (подъ псевдон. Янка Купала) и нѣсколько другихъ*). Это плоды новой культурной жизни, постепенно развивающейся въ Бѣлоруссіи съ росомъ народнаго образованія и національнаго самосознанія. Будемъ же надѣяться вмѣстѣ съ поэтомъ, что

Бѣларусскою рукою
Свѣтлой прауды сила
Славу лѣпшую напише
Башкѣўшчынѣ милой.
Зацѣвяце яна, як сонце
Пасля непагоды,
У роўным стачь, у роўним правъ
Миж усѣ народы.

Н. Янчунъ.

*) См. о нихъ нашу статью въ „Извѣстіяхъ Общества Славянской культуры“, въ Москвѣ, за 1912 г., кн. I.

ВАЖНІЙШЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ ПО БЪЛОРУССОВЪДЪНЮ.

- О. Турчиновичъ. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. СПБ.
1857.
- В. Б. Антоновичъ. Исторія Великаго княжества Литовскаго до половины XV столѣтія. (Печаталось въ Киевскихъ Университ. Извѣстіяхъ" за 1877—78 г. г.).
- М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской унії включительно. Изд. 2-е. Москва, 1915.
- Его-же. Областное дѣленіе и мѣстное управление. Историч. очерки съ картой изд. 1893.
- М. В. Довнаръ-Запольскій. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киевъ, 1891. (Кievск. Унив. Извѣстій. 1890 г.).
- В. Е. Данилевичъ. Исторія Полоцкой земли до конца XIV в. (въ Kiev. Univ. Изв. 1896 г.).
- А. С. Грушевскій. Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества X—XIII в. (Тамъ же, 1901 г.).
- Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ ред. П. П. Семенова, В. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. СПБ., 1905. Исторія, географія, этнографія, экономика, статистика. Со многими рисунками и картами. Издание Девріена.
- Живописная Россія. Отечество наше въ поземельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ ред. П. П. Семенова. Т. III, ч. 1-я: Литовское Полѣсье; ч. 2-я: Бѣлорусское Полѣсье. Съ иллюстраціями. Изд. Вольфа, СПБ.—Москва, 1882.
- Материалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генерального Штаба: Виленская губернія, А. Коревы, 1861. Гродненская губернія, П. Бобровскаго, 1863. Минская губернія, И. Зеленскаго, 1864. Смоленская губернія, М. Цебрикова, 1862.
- Кн. В. М. Долгоруковъ. Витебская губернія. Историко-географический и статистический обзоръ, 1890.
- А. С. Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губ. Могилевъ, 1882.
- А. П. Сапуновъ. Витебская старина, т. 1—5. 1883—1888.
- Его-же. Рѣка Западная Двина. Историко-географический обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Витебскъ, 1893.
- М. В. Довнаръ-Запольскій. Исследованія и статьи, т. I. Этнографія, соціология, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Киевъ, 1909. (Издано А. П. Сапуновымъ).
- Памятная книжка Виленского генераль-губернаторства. Подъ ред. И. Сементовскаго, 1868. Съ рядомъ историко-этнографическихъ статей.

Е. Ф. Карский. Белоруссы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности, съ 2 картами. Варшава, 1903. Т. II: Языкъ белорусского племени (въ 3-хъ выпускахъ). Варшава, 1908—1912. Т. III: очерки словесности белорусского племени. Вып. 1: Народная словесность, Москва, 1916. (Продолжение пока не выходило).

Въ этихъ трудахъ ак. Карского дана сводка почти всей литературы по белоруссовѣдѣнію, главнымъ образомъ по языку, въ связи съ исторіей и народнымъ бытомъ. Отмѣтимъ важнѣйшие ученые труды въ этой области.

Eustachy hr. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Botrysowskiego pod wzgledem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemyslowo-handlowym i lekarskim. Z dodatkiem wiadomosci: o obyczajach, spiewach, przyslowiach, i ubiorach ludu, gustach, zabobonach, i f. d. Wilno, 1847.

Н. Анимеле. Быть белорусскихъ крестьянъ (въ „Этнографическомъ Сборнике“). Изд. Рус. Географич. Общества, 1850-хъ г.г., вып. II).

А. Киркоръ. Этнографический взглядъ на Виленскую губ. (Там-же, вып. III).

Ю. Ф. Крачковскій. Быть западно-русского селянина. Москва, 1874. (Изъ „Чтений въ Обществѣ истории и древностей Россійскихъ при Московскому университѣтѣ“, 1873 г., кн. 4-я).

П. Безсоновъ. Белорусская пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народного обряда, обычая и всего быта. Москва, 1871. (Издание Общества Любителей Россійской словесности при Моск. университѣтѣ).

Е. Р. Романовъ. Белорусский сборникъ. Вып. 1—9. Киевъ—Вильна—Витебскъ, 1886—1912. Народное словесное творчество, бытъ, музыка и т. д., преимущественно Могилевской губ., съ критич. обзоромъ литературы.

В. Н. Добровольскій Смоленскій этнографический сборникъ. Вып. 1—4. СПБ.—Москва, 1891—1903. Народная словесность, обычаи и пр.

И. И. Носовичъ. Сборникъ белорусскихъ пословицъ и поговорокъ. СПБ., 1874. (Напеч. въ „Сборникѣ отдѣленія русского языка и словесности И. Академіи Наукъ“, т. XII).

П. В. Шейнъ. Белорусская пѣсни. СПБ., 1874. (Изъ Записокъ И. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т. V). Съ объясненіемъ обрядовъ и съ прибавленіемъ сказокъ, примѣты, словарика и статьи о белорусскомъ нарѣчіи.

Его-же. Материалы для изученія быта и языка русского населенія съверо-западнаго края. Изд. И. Академіи Наукъ. Т. I, ч. 1 и 2: Бытовая и семейная жизнь белорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ (съ приложениемъ мелодій). СПБ., 1887—1890. Т. II: Сказки, легенды, пословицы, загадки, духовные стихи и пр. СПБ., 1893. Т. III: Жилище, одежда, пища, занятія, обычное право, вѣрованія. СПБ., 1902.

Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонародного житья-бытъ въ Витебской Белоруссіи. Витебскъ, 1895. (Изъ Вит. Губ. Вѣдомостей за 1894—5 г.г.).

Его-же. Очерки Витебской Белоруссии I—VIII. (Печаталось по частямъ въ журналѣ „Этнографич. Обозрѣніе“ за 1892—94, 1896—99 г.г.).

Его-же. Простонародные примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычай, легендарные сказания о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ, 1897. (Изд. Вит. Губ. Вѣдом.).

M. Fedorowski. Lud Bialoruski na Rusi Litewskiej, Materiały do etnografii slowianskiej, zgromadzone w latach 1877—91. T. I: Wiara, wierzenia i przesady. Krakow, 1896. T. II: Basnie, prhypowiesci i pudania. Krakow, 1902. T. III: Tradycje historyczno-miejscowe, oraz powiesci obyczajowo-moralne. Krakow, 1903. Издание Krakow. Akad. Наукъ. Материалы собраны преимущественно въ Гродненской губ.

М. Н. Косячъ. Литвины-белоруссы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни. (Изъ журн. „Живая Старина“, 1901—02 г.г.).

М. В. Довнаръ-Запольскій. Белорусское Полѣсье. I. Пѣсни пинчуковъ, Kievъ, 1895. (Изъ Киевск. Университ. Извѣстій). Съ объясненіемъ свад. обряда, но безъ нотъ.

- Н . . Яничукъ. По Минской губ. Изъ поездки 1886 г. Москва, 1889. Археология и этнографія, съ приложением картъ. (Печаталось въ „Минск. листкѣ“, 1886—87 г., и въ перераб. видѣ—въ „Трудахъ Этнографического отдѣла И. Общ. Любит. естествозн., антропологии и этнографіи при Моск. университѣтѣ, т. IX“).
- И. Кедешевъ. Исторический обзоръ зачѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. (Печаталось въ „Русскомъ Филологич Вѣстнику“, 1884 г., XII. Варшава).
- Е. Ф. Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва, 1886.
- Его-же. Разборъ „Материаловъ“ П. В. Шейна. (Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова). СПБ., 1899.
- Его-же. Этнографическая карта Бѣларусского племени, СПБ., 1917 г.
- И. И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусского нарѣчія. СПБ., 1870.
- В. Н. Добровольскій. Смоленский областной словарь. СПБ.. 1914. Нѣкоторыя сочиненія указаны, кромѣ того, въ статьѣ и въ выноскахъ.

Н. Я.

БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ И ПРОШЛОМЪ СОСТОЯНИИ.

ВВОДНАЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Роль родного языка въ жизни отдельныхъ лицъ и цѣлаго народа. Въ жизни каждого человѣка родной его языкъ имѣеть огромное значеніе. Человѣкъ сознаеть себя частью того народа, языкъ котораго считаетъ своимъ роднымъ языккомъ. Достаточно человѣку забыть родной языкъ, какъ порвется связь его съ народомъ, къ которому онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Наоборотъ, сбщность родного языка, напоминая о племенномъ родствѣ, связываетъ въ одно цѣлое людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ. Языкъ тутъ является тѣмъ спаивающимъ элементомъ, который объединяетъ отдельныхъ лицъ въ одну большую группу. Если во всѣхъ сферахъ жизни народа огромное значеніе имѣеть совмѣстная работа лицъ, составляющихъ его, то отсюда ясно, какая роль въ жизни народа принадлежитъ языку, какъ фактору объединяющему. Исходя изъ этого, нельзя не признать, что въ ряду отдельныхъ отраслей знаній о своемъ народѣ видное мѣсто должно быть отведено родному языку. Такое мѣсто въ курсѣ Бѣлоруссовѣдѣнія должна занять и бѣлорусская рѣчь.

Что значитъ знать бѣлорусскій языкъ? Но что значитъ, можетъ возникнуть вопросъ, знать родной языкъ вообще и въ частности знать бѣлорусскій языкъ? Вѣдь каждый бѣлорусъ, живущій на территорії Бѣлоруссіи, въ большей или меньшей степени владѣеть тѣмъ языккомъ, на которомъ говорятъ въ данной мѣстности. О какомъ еще знаніи бѣлорусского языка можетъ итти рѣчь? Дѣло въ томъ, что бѣлорусская рѣчь на всемъ пространствѣ бѣлорусской территоріи неодинакова и представляетъ нѣсколько группъ говоровъ и рядъ отдельныхъ говоровъ, иногда значительно отличающихся другъ отъ друга. Всѣ эти говоры во всей ихъ совокупности, а не одинъ какой-нибудь говоръ и составляютъ бѣлорусскій языкъ. Слѣдовательно, знать бѣлорусскій языкъ—значить знать его во всемъ разнообразіи составляющихъ его говоровъ. Но эти говоры при всѣхъ своихъ отличіяхъ имѣютъ черты, общія всѣмъ имъ, благодаря чему и объединяются въ одну большую группу—бѣлорусскій языкъ. Знаніе бѣлорусского языка прежде всего предполагаетъ знаніе этихъ общебѣлорус-

скихъ черть. Будучи для всѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, такъ сказать, общей мѣркой, тѣми признаками, по которымъ бѣлорусскіе говоры можно отличить отъ говоровъ великорусского и малорусскаго языка, эти черты должны быть ясны каждому, кто хочетъ знать бѣлорусскій языкъ. Общебѣлорусскія черты являются и главнѣйшимъ критеріемъ при решеніи вопроса, является ли говоръ какой-нибудь мѣстности бѣлорусскимъ, а слѣдовательно населена ли та или другая мѣстность бѣлоруссами или другимъ русскимъ племенемъ. Но съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду и черть свойственныхъ отдѣльнымъ говорамъ наряду съ чертами общебѣлорусскими, иначе наше представленіе о бѣлорусскомъ языкѣ будетъ неполное. Такимъ образомъ въ основу изученія бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи должно быть положено знакомство со всѣми его говорами, составляющими въ своей совокупности современный бѣлорусскій языкъ.

Но языкъ каждого народа никогда не бываетъ одинаковъ на протяженіи всего периода его существованія. Достаточно, напримѣръ, сравнить современный русскій литературный языкъ съ языкомъ такихъ произведеній русской литературы, какъ «Слово о полку Игоревѣ», «Домострой» или произведенія 17-го и 18-го вѣка, чтобы увидѣть, что русскій языкъ съ теченіемъ времени подвергся измѣненіямъ и притомъ настолько значительнымъ, что они ярко бросаются въ глаза не только специалисту филологу, но и всякому мало-мальски грамотному человѣку. Наблюденія же специалиста филолога при сопоставленіи современного русскаго литературнаго языка съ русскимъ языкомъ предшествующихъ вѣковъ приводятъ къ выводу, что измѣненія, происшедшія съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ, болѣе глубоки, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Русскій языкъ, оказывается, утратилъ за это время рядъ звуковъ, нѣкоторыя формы въ склоненіи и спряженіи, а также цѣлые обороты рѣчи. Съ другой стороны, въ немъ съ теченіемъ времени возникли новые звуки, которыхъ не было еще въ IX, X или XI в.; нѣкоторыя формы склоненія и спряженія приняли другія окончанія или получили иное значеніе и т. д., не говоря уже о словарномъ составѣ, гдѣ еще болѣе значительны или полныя утраты нѣкоторыхъ старыхъ словъ или измѣненія ихъ значеній наряду съ появлениемъ огромнаго количества новыхъ, раньше неизвѣстныхъ языку словъ. Тоже найдемъ и при сопоставленіи другихъ современныхъ намъ языковъ съ ихъ состояніемъ въ прошломъ. Недаромъ приходится говорить о древне-русскомъ, древне-французскомъ, древне-немецкомъ языкахъ и т. д. А если въ языкахъ совершаются измѣненія, состоящія въ утратѣ или измѣненіи старого и возникновеніи новаго, то естественно говорить объ исторіи языка, подобно тому какъ при наличности аналогичныхъ явлений говоримъ объ исторіи государства, исторіи какой-нибудь мѣстности, города и т. д. Слѣдовательно всякий языкъ, въ томъ числѣ и бѣлорусский, имѣть свою исторію. Изучая бѣлорусскій языкъ въ современномъ его состояніи, естественно задать вопросъ—какимъ былъ бѣло-

русскій язикъ нѣсколько вѣковъ назадъ? Какъ онъ образовался и каково было иѣ прошлое его отношеніе къ другимъ русскимъ народнѣмъ-языкамъ? Безъ отвѣтovъ на эти вопросы наши свѣдѣнія о бѣлорусскомъ языке будуть неполны, а нѣкоторыя особенности его и вовсе неясны. Такимъ образомъ, чтобы имѣть полное, всестороннее представленіе о бѣлорусскомъ языке, нельзя ограничиться изученіемъ только современного его состоянія, а необходимо обратиться и къ его прошлому, къ его исторіи.

Содержаніе настоящаго курса лекцій. Исходя изъ этого, я въ своемъ изложениі дамъ, во-первыхъ, характеристику современного состоянія бѣлорусского языка, а во-вторыхъ—прослѣжу въ самыхъ основныхъ чертахъ исторію его развитія. Разумѣется, и та и другая часть будетъ носить элементарный характеръ, чтобы быть доступной всякому бѣлоруссу, интересующемуся своимъ роднымъ языкомъ.

I. БѢЛОРУССКІЙ ЯЗИКЪ ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

Отношеніе бѣлорусского языка къ другимъ родственнымъ языкамъ. Понятіе объ индоевропейской семье языковъ. Приступая къ изученію какого-нибудь языка въ его современномъ и прошломъ состояніи, необходимо прежде всего опредѣлить его отношеніе къ другимъ языкамъ. Сравнивая между собой отдѣльные языки, нельзя не замѣтить, что между ними или есть сходство въ звукахъ, формахъ, грамматическомъ строѣ и корняхъ словъ или этого сходства нѣтъ. Такъ, напримѣрь, каждому изъ насъ очевидно сходство между русскимъ и польскимъ языками или между французскимъ и латинскимъ*). Вслушиваясь въ литовскій языкъ, мы также замѣтимъ нѣкоторое сходство между нимъ и русскимъ языкомъ но это сходство менѣе значительно, чѣмъ между польскимъ и русскимъ, и на первый взглядъ ограничивается сходствомъ въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ, хотя въ дѣйствительности оно гораздо глубже. Наоборотъ, мы не замѣтимъ и этого сходства между русскимъ и финскимъ языками или между тѣмъ и другимъ и древне-еврейскимъ. Но съ другой стороны, древне-еврейскій языкъ сходенъ съ сирійскимъ и арабскимъ и нѣкоторыми другими, а финскій—съ венгерскимъ, съ языками зырянъ, остяковъ, черемисовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Если будемъ брать рядъ другихъ языковъ, то картина будетъ та же: одни языки будутъ то въ большей, то въ меньшей степени сходны между собой, а между другими этого сходства не будетъ. На что это указываетъ? Когда мы встрѣчаемъ людей, очень похожихъ другъ на друга, то на основаніи сходства между ними заключаемъ, что они происходятъ отъ однихъ родителей и что если теперь они, можетъ быть, и живутъ врознь, то въ прошломъ они составляли одну семью. На нѣчто подобное указываетъ

*) Беру тѣ языки, которые, полагаю, болѣе или менѣе известны всемъ или, по крайней мѣрѣ, большинству слушателей.

сходство между отдельными языками. Сходные въ настоящее время между собой языки также происходятъ отъ одного общаго предка-языка и всѣ вмѣстѣ взятые образуютъ одну языковую семью и поэтому могутъ быть названы родственными языками. Въ языки земного шара на основаніи сходства между ними сводятся въ нѣсколько большихъ группъ, называемыхъ семьями. Таковы, напримѣръ:

1) Индоевропейская семья языковъ, заключающая въ себѣ языки славянскихъ, германскихъ, романскихъ народовъ, языки литовскій, латышскій, древне и ново-греческій, латинскій, древне-индійскій и нѣкоторые другіе.

2) Семитская семья, въ составъ которой входятъ языки: древнееврейскій, финикійскій, арабскій, сирійскій и нѣкотор. друг.

3) Урало-алтайская, обнимающая довольно значительное число языковъ, и т. д.

Между отдельными семьями языковъ, а следовательно и между языками, входящими въ составъ разныхъ языковыхъ семей, нѣть сходства. Языки же, входящіе въ составъ какой-нибудь семьи, сходны между собой или только въ своей основѣ, указывающей на происхожденіе ихъ отъ одного общаго предка-языка, или между нѣкоторыми изъ нихъ это сходство идетъ значительно дальше и наблюдается и въ частностяхъ. Болѣе близкіе между собой языки какой-нибудь семьи обыкновенно сводятся въ группы, которая принято называть вѣтвями данной семьи. Такъ въ индоевропейской семье различаются вѣтви: славянская, балтійская, германская, италійская и друг. Славянская вѣтвь обнимаетъ языки: русскій со всѣми его нарѣчіями, болгарскій, сербо-хорватскій, словенскій, чешскій, словацкій, верхне и нижне-лужицкій, польскій, кашубскій и полабскій. Къ италійской вѣтви принадлежать: французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, румынскій и нѣкоторые другіе языки. Германскую вѣтвь составляютъ языки: нѣмецкій, шведскій, норвежскій, датскій, голландскій и нѣкоторые другіе. Всего въ индоевропейской семье такихъ вѣтвей насчитывается 10.

Такимъ образомъ индоевропейская семья языковъ, какъ и всякая другая, распадается на нѣсколько группъ особенно близко сходныхъ между собой языковъ. Отношеніе между языками каждой вѣтви таково, что даетъ полное основаніе полагать, что всѣ языки данной вѣтви происходятъ отъ одного общаго языка, т.-е., что вмѣсто каждой изъ современныхъ группъ индоевропейскихъ языковъ когда-то былъ только одинъ языкъ, отъ кото-раго произошли всѣ современные языки данной вѣтви. Напримѣръ, вмѣсто русского, польского, чешского, сербского, болгарского и другихъ славянскихъ языковъ когда-то былъ одинъ языкъ, давшій имъ начало, который поэтому можно назвать общеславянскимъ языкомъ; вмѣсто современныхъ отдельныхъ германскихъ языковъ былъ одинъ общегерманскій языкъ и т. д. Эти языки въ свою очередь появились вмѣсто одного общеиндоевропейского языка. Такимъ образомъ получается слѣдующая картина происхожденія языковъ индоевропейской семьи. Въ глубокой древ-

ности вмѣсто современныхъ намъ языковъ индоевропейской семьи былъ одинъ общеиндоевропейскій языкъ, какъ мы называемъ его теперь; этотъ общеиндоевропейскій языкъ съ течениемъ времени распался на отдельные языки, давшіе потомъ начало современнымъ намъ языкамъ этой семьи. При этомъ изъ общеиндоевропейского языка не сразу, можетъ быть, выдѣлились предки языки тѣхъ вѣтвей, которые различаются въ индоевропейской семье въ настоящее время. Такъ вслѣдствіе значительного сходства между языками славянской и балтійской вѣтвей есть основаніе полагать, что изъ общеиндоевропейского языка сначала выдѣлился балтійско-славянскій языкъ, распавшійся потомъ на общеславянскій и общебалтійскій языки, давшіе затѣмъ начало отдельнымъ славянскимъ и балтійскимъ языкамъ.

На основаніи всего сказанного о языкахъ индоевропейской семьи нашъ русскій языкъ можетъ быть опредѣленъ, какъ языкъ славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ. Но русскій языкъ, какъ и всякий другой современный намъ языкъ, не представляетъ единаго цѣлаго. Въ настоящее время онъ распадается на нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское, въ которыхъ въ свою очередь различаются поднарѣчія и говоры. Дробленіе языка на нарѣчія и говоры вызывается рядомъ разнообразныхъ причинъ, а прежде всего разселеніемъ по обширной территории народа, говорящаго этимъ языккомъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ объединяющихъ причинъ, напримѣръ, одного политического центра или другихъ обстоятельствъ различные говоры и нарѣчія могутъ объединиться въ едино языкъ.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, чѣмъ языкъ отличается отъ нарѣчія и когда мы имѣемъ дѣло съ языккомъ и когда съ нарѣчіемъ. Изъ того, что сказано о распаденіи одного когда-то общаго языка и о дѣленіи современного русскаго языка на нарѣчія, слѣдуетъ, что нарѣчіе есть дальнѣйшее подраздѣленіе языка. Съ этой точки зренія всякий современный намъ языкъ есть нарѣчіе того общаго языка данной вѣтви, отъ которой происходятъ современные нынѣ языки. Такъ, напримѣръ, русскій, польскій, чешскій, сербскій, болгарскій и другие славянскіе языки являются нарѣчіями общеславянскаго языка; недаромъ иногда польскій, чешскій, сербскій и другие славянскіе языки называются славянскими нарѣчіями. Итакъ, всякий языкъ въ историческомъ смыслѣ, по отношенію къ своему прошлому, есть нарѣчіе другого языка, отъ котораго онъ происходитъ. Разница между нарѣчіемъ и языккомъ можетъ быть проведена только съ точки зренія ихъ взаимоотношенія въ настоящемъ. Нарѣчіе какого-нибудь языка, то-есть его развѣтвленіе, можно считать самостоятельнымъ языккомъ, а не нарѣчіемъ, если оно живеть самостоятельной языковой жизнью. Приложивъ этотъ критерій къ современной намъ бѣлорусской рѣчи, а равно къ малорусской и великорусской, мы должны будемъ признать ихъ, съ одной стороны, нарѣчіями единаго когда-то общерусскаго языка, а съ другой—самостоятельными языками, поскольку они живуть самостоятельной языковой жизнью, т.-е. поскольку въ нихъ совершаются

измѣненія независимо другъ отъ друга. Въ этомъ смыслѣ я буду употреблять въ приложениі къ бѣлорусской рѣчи и другимъ нарѣчіямъ русскаго языка выраженія «нарѣчіе» и «языкъ», соединяя ихъ иногда вмѣстѣ — «нарѣчіе-языкъ».

Изъ всего сказаннаго ясно, что бѣлорусская рѣчь находится въ ближайшемъ родствѣ съ другими нарѣчіями русскаго языка, такъ какъ проходитъ вмѣстѣ съ ними отъ одного общерусскаго языка. При характеристицѣ ея современнаго состоянія необходимо слѣдовательно будеть сопоставлять ее съ другими нарѣчіями русскаго языка, такъ какъ только путемъ такого сопоставленія можно будеть прослѣдить ея судьбу въ прошломъ и выяснить нѣкоторая явленія и особенности въ настоящемъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗДМЪЧАНІЯ О ЗВУКАХЪ РѢЧИ ВООБЩЕ.

Звуки человѣческой рѣчи и условія образованія ихъ. Основу всякаго языка составляютъ звуки, которые, встѣная въ различныя сочетанія, образуютъ слова въ узкомъ значеніи этого слова*). Звуки языка мы обыкновенно отличаемъ тругъ отъ друга по ихъ акустическому впечатлѣнію, то-есть по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на нашъ слухъ и воспринимаются нашимъ сознаніемъ сообразно съ этимъ впечатлѣніемъ. Слыша звуки живой человѣческой рѣчи, мы говоримъ, что мы слышимъ, напримѣръ, звуки: А, О, И, Б, П, Р, Л, и такимъ образомъ опредѣляемъ ихъ такъ, какъ слышимъ, то-есть, какъ говорятъ, по акустическому впечатлѣнію. По акустическому впечатлѣнію мы отличаемъ обыкновенно и звуки одного языка отъ звуковъ другого. Вслушиваясь, напримѣръ, въ произношеніе словъ одинъ и день въ великорусскомъ и малорусскомъ языкѣ, мы на слухъ оѣличаемъ, что не всѣ звуки въ этихъ словахъ звучать одинаково въ томъ и другомъ языкѣ. Однако опредѣленіе звуковъ на слухъ, по слуховымъ впечатлѣніямъ, не всегда отличается точностью и не всегда бываетъ удобно; между тѣмъ, при научномъ изученіи какого нибудь языка и его говоровъ весьма возможно точнѣе определить его звуковой составъ.

При научномъ изученіи языка принято опредѣлять звуки рѣчи и отличать ихъ другъ отъ друга по условіямъ ихъ образованія, т.-е. въ зависимости отъ того, какие органы рѣчи принимаютъ участіе въ образованіи звука, каково взаимоотношеніе этихъ органовъ во время образования звука и т. д. Въ виду важности такого опредѣленія звуковъ и для бѣлорусской рѣчи остановлюсь вкратцѣ на этихъ условіяхъ.

Органы рѣчи. Въ образованіи звуковъ нашей рѣчи принимаютъ участіе слѣдующіе органы: гортань съ находящимися въ ней голосовыми связками, полость рта, языкъ, зубы, губы и полость носа. Къ нимъ присоединяется еще дѣятельность легкихъ, выдыхающихъ воздухъ и направляющихъ его по дыхательному горлу въ гортань. Отъ различнаго положе-

*) Въ болѣе широкомъ смыслѣ словомъ можетъ быть и отдельный звукъ.

нія органовъ рѣчи зависить и отличіе звуковъ другъ отъ друга, что сей-
часъ и увидимъ изъ разсмотрѣнія образованія звуковъ.

Процессъ образованія звуковъ и отличіе ихъ другъ отъ друга по своему составу. Въ основныхъ чертахъ процессъ образованія звуковъ рѣчи сводится къ слѣдующему. Воздухъ, выдыхаемый легкими, входитъ чрезъ дыхательное горло въ гортань и здѣсь встрѣчаетъ на своемъ пути голосовая связки. Голосовые связки представляютъ изъ себя два эластичныхъ мускула, имѣющихъ горизонтальное направленіе и соединяющихся съ двумя хрящами. Эти хрящи могутъ въ большей или меньшей степени раздвигаться, вслѣдствіе чего голосовые связки болѣе или менѣе натягиваются и сообразно съ этимъ или тѣсно соприкасаются между собой и закрываютъ проходъ воздуху между ними въ полость рта, или же между ними остается небольшая щель.

Когда голосовые связки сильно натянуты и плотно соприкасаются другъ съ другомъ, струя воздуха, поступая изъ легкихъ въ гортань, надавливаетъ на связки, раздвигаетъ ихъ и приводить въ ритмической колебанія, въ результатѣ чего получается музыкальный звукъ, называемый голосомъ. Изъ гортани струя воздуха вмѣстѣ съ образовавшимся голосомъ входитъ въ полость рта. Здѣсь, съ одной стороны, усиливается звукъ, образовавшійся въ гортани, такъ какъ полость рта является прекраснымъ резонаторомъ, а съ другой — струѣ воздуха приходится проходить или чрезъ узкое отверстіе, образуемое сближеніемъ зубовъ и губъ, или итти по болѣе или менѣе узкому проходу, образуемому нѣбомъ и болѣе или менѣе приподнятымъ языкомъ, или, наконецъ, раздвигать сомкнутые органы рѣчи. Отъ тренія струи воздуха о поверхность сближенныхъ органовъ рѣчи или вслѣдствіе разрыва ихъ при смыканіи образуется шумъ. Этотъ шумъ присоединяется къ образовавшемуся въ гортани голосу, и въ результатѣ получается звукъ, состоящий изъ голоса и шума. Если при этомъ органы рѣчи сомкнуты или настолько сближены между собой, что для прохожденія воздуха образуется узкій проходъ, то шумъ бываетъ сильнѣе звука и преобладаетъ надъ голосомъ; если же это сближеніе не столь сильно, то шумъ будетъ слабѣе голоса, и голосъ будетъ преобладать надъ шумомъ.

Не всегда однако шумъ образуется только въ полости рта. Полость рта имѣть сообщеніе съ полостью носа. Входъ изъ полости рта въ носовую полость можетъ быть свободнымъ и можетъ закрываться. Мягкая часть нѣба, приподнимаясь нѣсколько кверху, закрываетъ этотъ проходъ, а опускаясь, дѣлаетъ его свободнымъ. Когда входъ въ носовую полость закрытъ, то струя воздуха вмѣстѣ съ образовавшимся голосомъ входитъ только въ полость рта, и шумъ образуется только въ ней. Если же этотъ проходъ открытъ, то струя воздуха, войдя въ полость рта, вступаетъ чрезъ этотъ проходъ въ носовую полость, отчего звуки получаютъ носовой характеръ и могутъ быть поэтому названы носовыми звуками.

Не всегда также звуки рѣчи состоять изъ голоса и шума. Такой составъ имѣть звуки только въ томъ случаѣ, когда голосовые связки натянуты и между ними нѣтъ прохода для струи воздуха. Но голосовые связки могутъ быть и не натянуты, и струя воздуха свободно можетъ проходить между ними. Въ такомъ случаѣ въ гортани не образуется голоса, и струя воздуха, пройдя безпрепятственно между голосовыми связками, входитъ въ полость рта. Здѣсь она вступаетъ въ тѣ же условия, какъ и въ томъ случаѣ, когда въ гортани образуется голосъ, т.-е. проходить чрезъ сближенные или сомкнутые органы рѣчи, въ результате чего также образуется шумъ, и звукъ въ такомъ случаѣ слѣдовательно будетъ состоять только изъ шума.

Такимъ образомъ звуки нашей рѣчи по своему составу бываютъ трехъ родовъ:

1) они состоять изъ голоса и шума, при чёмъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ. Наглядно это можно обозначить такъ: Г+ш (Г большое означаетъ большую силу голоса сравнительно съ шумомъ, обозначаемымъ чрезъ ш маленькое);

2) также состоять изъ голоса и шума, но шумъ преобладаетъ надъ голосомъ, что, слѣдя тому же способу обозначенія, выразится такъ — г+Ш

и 3) звуки состоять только изъ шума (Ш).

Къ звукамъ первой категоріи принадлежать гласные и согласные Р, Л, Н, М; называемые сонорными; къ звукамъ второй категоріи принадлежать звонкие согласные, Б, В, Г, Д, Ж, З, а къ третьей — глухие согласные: К, Т, П, С, Ш, Ф, Х.

Въ гласныхъ звукахъ, на основаніи сказанного о мѣстѣ образования шума, слѣдуетъ различать гласные чистые, образующіеся при закрытомъ входѣ въ полость рта, т.-е. не носовые, и гласные носовые, въ образованіи которыхъ принимаетъ участіе не только полость рта, но и полость носа. Носовые гласные есть, напримѣръ, во французскомъ и польскомъ языкахъ. Въ русскомъ литературномъ языке и въ нарѣчіяхъ русского языка носовыхъ гласныхъ въ настоящее время нѣть, однако они были въ общерусскомъ языке, но еще до появленія письменности перешли въ гласные чистые.

Изъ согласныхъ только сонорные Н и М образуются при свободномъ проходѣ струи воздуха въ носовую полость, почему называются также согласными носовыми.

Гласные звуки обыкновенно образуются при колебаніи голосовыхъ связокъ во всю ихъ длину; но голосовые связки могутъ звучать и не во всю ихъ длину, а только въ нѣкоторой своей части. Образующійся въ томъ и другомъ случаѣ голосъ не одинаковъ. При частичномъ колебаніи голосовыхъ связокъ онъ, такъ сказать, менѣе полный, чѣмъ когда связки звучать во всю длину. Звуки, образующіеся при полномъ голосѣ, называются гласными полнаго образования, а гласные, образующіеся съ неполнымъ голосомъ, называются гласными неполнаго образования. Гласные не-

полнаго образованія слышатся рѣже, чѣмъ гласные полнаго образованія. Въ русскомъ литературномъ произношениі гласный звукъ неполнаго образованія слышится, напримѣръ, на мѣстѣ звуковъ О и А въ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ слогъ, непосредственно предшествующаго ударяемому. Сравнимъ, напримѣръ, въ русскомъ литературномъ произношениі звуки, обозначаемые буквами О и А въ словахъ молотокъ, молодой, демонъ, выговоръ, заказалъ, плакала и т. п. Мы увидимъ, что звуки, обозначаемые буквами О и А, во второмъ къ началу отъ ударяемаго слога и въ слогахъ, слѣдующихъ за ударяемымъ, не тождественны звукамъ, также обозначаемыми этими буквами въ ударяемомъ и въ предударныхъ слогахъ. На слухъ этотъ гласный неполнаго образованія представляется менѣе яснымъ, чѣмъ гласный полнаго образованія, и воспринимается нами какъ звукъ, похожій на Ы. Гласный звукъ неполнаго образованія слышится въ русской литературной рѣчи въ извѣстныхъ условіяхъ и на мѣстѣ неударяемаго звука Е, но по акустическому впечатлѣнію и по условіямъ образования онъ отличается отъ гласного неполнаго образованія на мѣстѣ О и А. Гласные неполнаго образованія, какъ увидимъ дальше, есть въ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ нарѣчіи. Въ обычномъ письмѣ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, гласные звуки неполнаго образованія не отличаются отъ гласныхъ полнаго образованія, но въ научныхъ работахъ по русскому языку они имѣютъ особое обозначеніе.

Звонкіе согласные отличаются на слухъ отъ глухихъ болѣй звучностью, почему и называются звонкими. Большая звучность звонкихъ согласныхъ сравнительно съ глухими становится еще очевиднѣе если произносить поперемѣнно звонкій и глухой согласный, напримѣръ: Ж, и Ш, З и С, Д и Т, В и Ф и т. д., закрывъ уши. Это отличіе звонкихъ согласныхъ отъ глухихъ имѣть свою причину какъ разъ въ томъ обстоятельствѣ, что глухіе согласные состоять только изъ шума, а звонкіе не только изъ шума, но и изъ голоса, придающаго имъ большую звучность. Наличность голоса въ звонкихъ согласныхъ и отсутствіе его въ глухихъ можно ощущать также при помощи слѣдующаго прѣема. Приложивъ палецъ къ выдающемуся спереди шеи, такъ называемому, кадыку и произнѣя поперемѣнно звонкіе и глухіе согласные мы при произношеніи звонкихъ будемъ ощущать дрожаніе хряща, при произношеніи же глухихъ этого дрожанія, наоборотъ, не будетъ ощущаться.

Отличіе гласныхъ звуковъ отъ согласныхъ. Обращаясь къ указаннымъ категоріямъ звуковъ и сравнивая между собой звуки рѣчи по ихъ составу, легко замѣтить, что, такъ называемые, гласные звуки по своему составу отличаются существенно отъ глухихъ и только отчасти отъ звонкихъ согласныхъ. Съ сонорными же согласными они имѣютъ совершенно одинаковый составъ—такъ же, какъ и сонорные, состоять изъ голоса и шума, при чемъ голосъ у нихъ преобладаетъ надъ шумомъ. Съ чѣмъ же, возникаетъ вопросъ, заключается отличіе гласныхъ отъ сонорныхъ соглас-

ныхъ, то есть, почему гласные и сонорные согласные звучать неодинаково, если ихъ составъ одинъ и тотъ же? Произнося гласные и сонорные согласные звуки (Р, Л, Н, М) и внимательно слѣдя за положеніемъ органовъ рѣчи при произношениі тѣхъ и другихъ, нетрудно замѣтить, что при произношениі гласныхъ органы рѣчи въ меньшей степени сближены, и ротъ открыть шире, чѣмъ при произношениі сонорныхъ согласныхъ, не говоря уже о томъ, что при гласныхъ органы рѣчи никогда не бываютъ сомкнуты.

Качественные отличія звуковъ въ зависимости отъ положенія органовъ рѣчи. Неодинаковымъ положеніемъ органовъ рѣчи обуславливается качественное отличіе другъ отъ друга какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ. Именно, благодаря этому обстоятельству одинъ гласный звукъ злучить иначе, чѣмъ другой, и воспринимается нашимъ слухомъ одинъ какъ И, другой какъ О и т. д. То же можно сказать и о согласныхъ.

Разновидности гласныхъ звуковъ. На качество гласныхъ звуковъ большое влияніе оказываетъ прежде всего положеніе языка относительно нѣба. Наблюдая произношеніе гласныхъ звуковъ, нетрудно замѣтить, что при произношениі ихъ языкъ не остается въ спокойномъ состояніи, а приподнимается въ направленіи къ нѣбу. При произношениі однихъ гласныхъ поднимается передняя часть языка, кончикъ его, въ направленіи къ передней части нѣба. Такое положеніе, напримѣръ, занимаетъ языкъ при произношениі звука И. При произношениі другихъ, напр. звука Ы, происходитъ такой же подъемъ языка, но уже средней его части въ направленіи къ срединѣ нѣба, приблизительно къ тому мѣсту его, где оканчивается твердая часть нѣба и начинается мягкая. Наконецъ, при произношениі нѣкоторыхъ гласныхъ замѣчается подъемъ задней части языка къ задней части нѣба. Такое положеніе занимаетъ языкъ, напримѣръ, при произношениі звука А.

Сообразно съ тѣмъ, какая часть языка при образованіи звука поднимается въ направленіи къ той или другой части нѣба, всѣ гласные звуки могутъ быть сведены въ три группы.

- 1) Если въ направленіи къ передней части нѣба поднимается кончикъ языка, то гласные звуки, образуемые при такомъ положеніи языка, принято называть гласными передняго ряда.
- 2) Если въ направленіи къ срединѣ нѣба поднимается средняя часть языка, то гласные называются гласными средняго ряда.
- 3) Если происходитъ подъемъ задней части языка въ направленіи къ задней части нѣба, то образуемые при такихъ условіяхъ звуки называются гласными задняго ряда.

Установивъ путемъ наблюденія образованіе гласныхъ звуковъ въ трехъ рядахъ—переднемъ, среднемъ и заднемъ, продолжимъ эти наблюденія дальше. Будемъ произносить слова: зять, печать, кричать такъ, какъ они произносятся въ русскомъ литературномъ языкѣ, и вслушаемся, какъ звучать въ этихъ словахъ звуки, обозначаемые буквами Я и А. Легко

замѣтить, что здѣсь мы слышимъ далеко не тѣ звуки, что въ словахъ яма, ярлыкъ, нарядный и т. п. хотя и тамъ и здѣсь на письмѣ они обозначаются одинаково. Прослѣдимъ теперь, какое положеніе занимаетъ языкъ при произношеніи этихъ звуковъ, то-есть, какого ряда будууть эти звуки. Оказывается, что это будуутъ звуки переднаго ряда, т.-е. того же ряда, какъ и звукъ И, но кончикъ языка при произношеніи ихъ не такъ высоко приподнять къ нѣбу, какъ при произношеніи И и даже, сравнительно съ подъемомъ его при И, занимаетъ очень низкое положеніе. Будемъ далѣе произносить звукъ Э, следя за подъемомъ языка. Оказывается, что и звукъ Э такъ же будетъ звукомъ переднаго ряда, какъ звукъ И и только что разсмотрѣнныи звукъ въ словахъ зять, печать, кричать, обозначаемый буквами Я и А, но при произношеніи его языкъ поснимается въ направленіи къ переднему нѣбу выше, чѣмъ при произношеніи звука, обозначаемого въ словахъ зять, печать, кричать буквами А и Я, и ниже, чѣмъ при произношеніи звука И, т.-е. занимаетъ приблизительно среднее положеніе, хотя все три звука будутъ гласными переднаго ряда. Такимъ образомъ въ переднемъ ряду мы можемъ различать три гласныхъ звука, при чѣмъ при прочтѣніи одного изъ нихъ передняя часть языка поднимается высоко, т.-е. занимаетъ верхнее положеніе, при произношеніи другого—среднее и при произношеніи треть资料—нижнее. Сообразно съ этимъ, первый звукъ, т.-е. И, называется гласнымъ звукомъ переднаго ряда верхняго подъема; звукъ Э—гласнымъ звукомъ переднаго ряда средняго подъема и звукъ, наблюдаемый въ словахъ зять, печать, кричать и подобныи имъ,—гласнымъ переднаго ряда нижняго подъема. Для обозначенія гласного звука переднаго ряда нижняго подъема въ русской азбукѣ нѣть соответствующей буквы; въ научныхъ же работахъ, т.-е. тамъ, где требуется больше точности въ обозначеніи звуковъ, его обозначаютъ особымъ буквеннымъ знакомъ (ä).

Примѣчаніе. Нѣсколько дольше мы увидимъ, что, кроме отмѣченного сейчасъ гласного звука переднаго ряда нижняго подъема, въ русскомъ языкѣ есть и другие гласные звуки, для которыхъ также нѣть соответствующихъ буквъ въ русской азбукѣ и которые на письмѣ обозначаются буквами другихъ звуковъ. То же найдемъ и въ бѣло-русскомъ и всякомъ другомъ языкѣ. Отсюда вытекаетъ основное правило, что при наблюденіи надъ звуковымъ составомъ какого-нибудь языка или говора, то-есть надъ тѣмъ, какіе есть звуки въ томъ или иномъ говорѣ, необходимо отрѣшиться отъ нашего обычнаго представленія о звукѣ на основаніи обозначенія его на письмѣ буквой, а внимательно вслушиваться въ произношеніе звука и опредѣлять его по акустическому впечатлѣнію или, еще лучше, по условіямъ образования.

Въ среднемъ ряду также найдемъ гласные верхняго, средняго и нижняго подъема. Звукомъ средняго ряда верхняго подъема будетъ звукъ Ы.

Звукомъ средняго ряда средняго подъема въ русскомъ литературномъ языкѣ будетъ тотъ гласный звукъ неполнаго образованія въ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ предударного, на мѣстѣ А и О, о которомъ уже приходилось говорить нѣсколько раньше (стр. 000). Въ нѣкоторыхъ условіяхъ въ русской литературной рѣчи слышится и звукъ средняго ряда нижняго подъема, но на письмѣ ни тотъ ни другой звукъ не обозначаются особыми буквами.

Въ заднемъ ряду также, въ зависимости отъ подъема языка, возможны гласные верхняго, средняго и нижняго подъема, но въ русскомъ литературномъ языкѣ есть только гласный нижняго подъема А.

Разсмотрѣнные гласные звуки русскаго литературнаго языка И, Э, Ы, А и другіе произносятся безъ участія губъ. Но произнося звуки О и У, мы замѣтимъ, что при произношениі ихъ видное участіе принимаютъ и губы—именно, они произносятся съ округленными и вытянутыми впередъ, особенно при У, губами. Такіе звуки, которые произносятся съ подобнымъ участіемъ губъ, называются гласными лабіализованными. Гласные же, произносимые безъ округленія и вытягиванія губъ, называются гласными нелабіализованными. Таковы всѣ разсмотрѣенные мною гласные передняго средняго и задняго ряда всѣхъ трехъ подъемовъ.

Въ лабіализованныхъ гласныхъ звукахъ, такъ же какъ и въ нелабіализованныхъ, различаются гласные передняго, средняго и задняго ряда и въ каждомъ ряду также можно различать звуки верхняго, средняго и нижняго подъема. Такъ, опредѣляя положеніе языка при произношениі звуковъ О и У, замѣтимъ, что оба они образуются при подъемѣ задней части языка въ направленіи къ заднему нѣбу и следовательно будутъ гласными задняго ряда; различие только въ подъемѣ языка: при У онъ занимаетъ верхнее положеніе, а при О среднее. Слѣдовательно, У будетъ лабіализованный звукъ задняго ряда верхняго подъема, а О лабіализованный звукъ задняго ряда средняго подъема. Лабіализованного звука задняго ряда нижняго подъема въ русскомъ литературномъ языкѣ не наблюдается, но онъ есть въ нѣкоторыхъ иностраннѣхъ языкахъ. Этотъ звукъ можно получить, если произносить звукъ О, раскрывть ротъ нѣсколько шире, приблизительно какъ нужно для произношениія А, не измѣня при этомъ окружленія губъ.

При такихъ условіяхъ языкъ займетъ нижнее положеніе, и въ результатѣ получится лабіализованный звукъ задняго ряда нижняго подъема. На слухъ, то есть по акустическому впечатлѣнію, онъ можетъ быть определенъ, какъ звукъ средній между А и О. Точно также, если нелабіализованные звуки передняго и средняго ряда будутъ произноситься съ участіемъ губъ, то въ результатѣ получатся лабіализованные гласные передняго и средняго ряда всѣхъ трехъ подъемовъ. Въ русскомъ литературномъ языкѣ не всѣ эти звуки слышатся, но при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторые изъ нихъ можно наблюдать. Такъ въ словахъ: любить, любимецъ, тюфякъ и т. под. въ первомъ слогѣ слышится лабіализованный звукъ передняго ряда верхняго подъема. На письмѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ

звука, обозначаемого буквой Ю въ словахъ юный, юла и т д. Однако, вслушиваясь въ произношениѣ того и другого звука и сльдя за подъемомъ языка при произношениѣ ихъ, не трудно замѣтить, что и въ акустическомъ отношеніи и по условіямъ образованія они не тождественны.

Разновидности согласныхъ звуковъ. Наблюдая положеніе органовъ рѣчи при произношениѣ, такъ называемыхъ, согласныхъ звуковъ, мы замѣтимъ, что при произношениѣ однихъ согласныхъ органы рѣчи съ большей степенью сближаются между собой, чѣмъ при произношениѣ гласныхъ звуковъ, а при произношениѣ другихъ пр исходитъ даже полное смыканіе органовъ рѣчи. Такъ звуки С, Ш, З и Ж произносятся при очень сильномъ сближеніи зубовъ, а звуки Ф и В при такомъ же сближеніи губъ; также звукъ Х и бѣлорусское или южно-великорусское Г, которое въ стличіе отъ русскаго литературнаго и съверно-великорусскаго Г, звучащаго нѣсколько иначе, удобнѣе было бы обозначать другой какой-нибудь буквой, напримѣръ, латинской буквой h образуются при весьма значительномъ сближеніи задней части языка съ задней частью нѣба (съ мягкимъ нѣбомъ). Струй воздуха при образованіи этихъ звуковъ приходится проходить чрезъ очень узкій проходъ, образуемый сближенными органами. Отъ тренія ея о поверхности сближенныхъ органовъ образуется шумъ. Этотъ шумъ составляетъ характерную черту этихъ звуковъ, вслѣдствіе чего ихъ принято называть фрикативными согласными (отъ латинскаго слова *fricare* — тереть). На слухъ, по акустическому впечатлѣнію, они представляются намъ звуками протяжными—ихъ можно тянуть, произносить, такъ сказать, длительно, почему въ учебникахъ грамматики ихъ и называютъ длительными согласными. Съ другой стороны, не трудно замѣтить, что при произношениѣ П и Б происходит полное смыканіе губъ; при произношениѣ Т и Д такое же смыканіе языка съ верхними зубами, а при произношениѣ К и русскаго литературнаго и съверно-великорусскаго Г въ сочетаніяхъ КА, ГА, КУ, ГУ, КО, ГО—смыканіе задней части языка съ задней частью нѣба. Подъ напоромъ идущей изъ легкихъ струи воздуха происходит разрывъ сомкнутыхъ органовъ рѣчи, отчего получается на мѣстѣ смыканія характерный для звуковъ шумъ—варывъ, а самые звуки поэтому принято называть взрывными согласными. На слухъ, по акустическому впечатлѣнію они, сравнительно съ фрикативными и вообще съ другими звуками нашей рѣчи, представляются произносимыми очень быстро, мгновенно (тянуть ихъ, какъ фрикативные, нельзѧ), почему въ грамматикахъ ихъ принято называть мгновенными согласными.

Какъ фрикативные, такъ и взрывные согласные въ зависимости отъ того, гдѣ образуется главнымъ образомъ шумъ, могутъ быть раздѣлены на губные, зубные и задненебные. Губные въ русскомъ языкѣ будутъ слѣдующіе—взрывные Б и П, фрикативные В и Ф при чѣмъ Б и В звонкіе а П и Ф глухіе Зубные взрывные: звонкій Д и глухой Т; фрикативные звонкіе З и Ж и глухіе С и Ш. Звуки З и С по акустическому впечатлѣнію называются свистящими, а Ж и Ш шипящими.

Звуки К, Г, Х и һ въ сочетаніи съ гласными задняго ряда (а, о, у) будутъ средненебными; въ соединеніи же съ Э, т.-е. въ КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, они будуть средненебные, что легко замѣтить, произнося поперемѣнно сочетанія: КА, КО, КУ и КЭ; ГА, ГО, ГУ и ГЭ и т. д. Въ русскомъ литературномъ языкѣ, а также и въ нарѣчіяхъ русского языка, за исключениемъ рѣдкихъialectическихъ случаевъ, кѣть сочетаній КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, а слѣдовательно нѣть и согласныхъ средненебныхъ. На мѣстѣ ихъ имѣемъ сочетанія: КЕ, ГЕ, ХЕ и һЕ (послѣднее въ указанныхъ выше нарѣчіяхъ русского языка), въ которыхъ звуки К, Г, Х и һ на слухъ представляются болѣе мягкими, чѣмъ въ КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, почему и называются средненебными смягченными. Средненебными смягченными будутъ въ русскомъ языкѣ эти звуки и въ соединеніи съ И. На письмѣ средненебные смягченные согласные обозначаются тѣми же буквами, что и задненебные.

Къ средненебнымъ смягченнымъ согласнымъ въ русскомъ языкѣ принадлежитъ еще одинъ звукъ, также необозначаемый на письмѣ собою буквой. Будемъ медленно произносить Я, Ю, Е и вслушиваться въ наше произношеніе. Мы скоро замѣтимъ, что Я, Ю, Е не простые звуки, а слоги, состоящіе изъ согласного звука, очень похожаго на наше, такъ называемое, И съ краткимъ знакомъ (Ї), и гласныхъ А, У, Э. Этотъ согласный звукъ будетъ средненебнымъ смягченнымъ звонкимъ фрикативнымъ. Е:о принято называть Йотомъ и въ научныхъ руководствахъ по русскому языку обозначаютъ буквой ѹ. При такомъ обозначеніи Я, Ю, Е будетъ изображаться слѣдующимъ образомъ: ѿ, ѹу, ѹе.

Примѣчаніе. Не всегда однако буквы Я, Ю, Е обозначаютъ въ русскомъ письмѣ слоги JA, JU, JE. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ НЯ, НЮ, НЕ, ДЯ, ДЮ, ДЕ, ЛЯ, ЛЮ, ЛЕ и т. д. при протяжномъ произношеніи ихъ ясно различаемъ мягкий согласный звукъ Н, Д, Л и гласные А, У, Э. Слѣдовательно Йота здѣсь нѣть, и Я, Ю, Е обозначаютъ здѣсь звуки А, У, Э въ положеніи ихъ послѣ мягкихъ согласныхъ звуковъ.

Какъ задненѣбные, такъ и средненѣбные смягченные согласные К и Г будутъ взрывные звуки, а Х и һ фрикативные, причемъ К и Х глухіе, а Г и һ звонкіе.

Кромѣ губныхъ, зубныхъ, задненѣбныхъ и средненѣбныхъ согласныхъ, могутъ быть еще согласные, у которыхъ шумъ образуется въ гортани. Такіе согласные называются гортанными. Въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ нѣть гортанныхъ согласныхъ; въ малорусскомъ же и отчасти въ белорусскомъ нарѣчіи къ такимъ согласнымъ принадлежитъ гортанное приыханіе, являющееся 1) на мѣстѣ русского литературнаго Г и 2) какъ приставочный звукъ предъ нѣкоторыми гласными въ началѣ слова.

Всѣ фрикативные и взрывные согласные могутъ быть объединены въ одну большую группу шумныхъ согласныхъ, такъ какъ шумъ со-

ставлять ихъ характерную черту: глухіе взрывные и фрикативные состоять только изъ шума, а въ звонкихъ шумъ преобладаетъ надъ голосомъ.

Въ согласныхъ Р, Л, Н, наоборотъ, голосъ преобладаетъ и надъ шумнымъ и составляетъ ихъ отличительную черту, благодаря чему они называются сонорными согласными и составляютъ ссобую группу сравнительно съ шумными согласными. По мѣсту образованія шума Р, Л и Н въ русскомъ языке будуть зубные, а М губной звукъ, причемъ Н и М въ то же время, какъ уже сказано раньше, носовые звуки, а Р и Л называются обыкновенно плавными. Носовые согласные отличаются отъ плавныхъ и вообще другихъ звуковъ русского языка тѣмъ, что при образованіи ихъ открытъ проходъ въ носовую полость.

Слитные согласные (аффрикаты). Всѣ перечисленные согласные звуки будутъ простые согласные: каждый изъ разсмотрѣнныхъ согласныхъ состоять изъ одного звука. Но вслушиваясь въ произношеніе въ бѣлорусской рѣчи словъ: дѣдъ, гляди, веди и т. д., мы замѣтимъ что на мѣстѣ русского литературнаго Д въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышится не звукъ Д, а сложный согласный, въ котроромъ на слухъ можно отличить два звука—Д и З, слитыхъ вмѣстѣ. Такоже и въ произношеніи бѣлорусскихъ гляджу, сяджу, саджаць и т. д. замѣтимъ, что звукъ на мѣстѣ русского литературнаго Д также есть слитный звукъ, и составными его частями являются звуки Д и Ж. Слитными также звуками будуть и звуки Ц и Ч: Ц состоять изъ звуковъ Т и С, а Ч—изъ Т и Ш, произносимыхъ слитно и по условіямъ образованія нѣсколько отличающихся отъ Т и С, Т и Ш, произносимыхъ стѣльно.

Всматриваясь въ звуковой составъ слитныхъ звуковъ ДЗ, ДЖ, Ц и Ч, замѣтимъ, что составными элементами ДЗ и ДЖ являются звонкіе зубные звуки: взрывный и фрикативный, а составными элементами Ц и Ч—глухіе зубные согласные: также взрывный и фрикативный. Такіе слитные согласные звуки называются аффрикатами; ДЗ и ДЖ будуть звонкіе зубные аффрикаты*), а Ц и Ч глухіе зубные аффрикаты. По акустическому впечатлѣнію аффрикаты ДЗ и Ц свистящіе, а ДЖ и Ч шипящіе.

Слогъ, слоговые и неслоговые звуки. Звуки всякаго языка во всѣхъ ихъ разновидностяхъ являются тѣмъ первоначальнымъ элементомъ, изъ которого формируется наша рѣчь. Однако для каждого изъ насъ очевидно, что отдѣльные слова, представляя изъ себя комплексы звуковъ, распадаются не на отдѣльные звуки, а на слоги, состоящіе изъ одного гласнаго звука или изъ гласнаго и нѣскольк.хъ согласныхъ звуковъ. Слогъ, состоящий изъ нѣсколькихъ звуковъ, представляеть изъ себя нѣчто цѣльное—звуки, составляющіе его, какъ бы спаяны между собой. Практика начального обучения дѣтей грамотѣ показываетъ, что на первыхъ порахъ обучения дѣтямъ нелегко бываетъ выдѣлять изъ словъ звуки,

*) За отсутствіемъ значка, который обыкновенно ставится надъ аффрикатами ДЗ и ДЖ и показываетъ слитное произношеніе составляющихъ ихъ звуковъ, они напечатаны здѣсь и далѣе будуть, къ сожалѣнію, печататься безъ него.

и методика обучения грамотѣ указываетъ нѣсколько пріемовъ для такого выдѣленія, между тѣмъ какъ на слоги слова распадаются легко, безъ всякихъ усилий съ нашей стороны. Причина такого тѣснаго Объединенія звуковъ въ слоги заключается въ томъ, что звукъ или "ѣскокъко звуковъ, образующиіе слогъ, произносится однимъ напоромъ воздуха. Слогъ, оканчивающійся на гласный звукъ, называется открытымъ слогомъ, таковы, напримѣръ, слоги въ словахъ: во-да, зи-ма и т. д. а слогъ, оканчивающійся на согласный звукъ, называется закрытымъ напримѣръ: вод-ныи, зим-чи и т. д.

Вслушиваясь въ звуки, входящіе въ составъ слога, нельзя не замѣтить, "что гласный звукъ слога произносится съ большей силой, чѣмъ приналежащіе къ этому слогу согласные. Звукъ, произносимый въ слогъ съ большей силой, чѣмъ другіе звуки слога, принято называть слоговыми, а менѣе сильные звуки того же слога неслоговыми. Слоговыми звуками бываютъ преимущественно гласные звуки, но могутъ быть слоговыми также и согласные (главнымъ образомъ сонорные). Напримѣръ, въ современномъ чешскомъ языкѣ слоговыми бываютъ Р и Л, а въ сербскомъ —Р. Съ другой стороны, и гласные звуки не всегда бываютъ слоговыми. Напримѣръ, въ бѣлорусской рѣчи есть У неслоговое: въ словахъ воўк, поўный, даў, прышоў, лаўка и т. под. имѣемъ У неслоговое изъ мѣстъ Л и В.

Примѣчаніе. Знакъ надъ У означаетъ, что У здѣсь неслоговое.

По силѣ звукъ У здѣсь слабѣе предшествующаго ему гласного и примыкаетъ къ нему вмѣстѣ съ такими же неслоговыми согласными. Въ русскомъ литературномъ языкѣ, а равно и въ нарѣчіяхъ русского языка неслоговое бываетъ И въ сочетаніи съ предшествующимъ ему гласнымъ; на письмѣ неслоговое И въ русскомъ языкѣ обозначается буквой И съ такъ называемымъ краткимъ знакомъ (І). Напримѣръ, неслоговое И имѣемъ въ словахъ: случай, найму, пойду, водолей (сравн. случаи, водолеи съ И слоговымъ).

Дифтонги. Иногда въ слогѣ можетъ стоять рядомъ два гласныхъ звука, изъ которыхъ одинъ будетъ слоговымъ, а другой неслоговымъ. Такъ какъ слоговой гласный звукъ произносится съ большой силой, чѣмъ неслоговый, то въ данномъ случаѣ неслоговый гласный примыкаетъ къ слоговому, сливаясь съ нимъ вмѣстѣ. Такое соединеніе двухъ гласныхъ одного слога — одного слогового, а другого неслогового — называется дифтонгомъ. Такими, напримѣръ, дифтонгами будутъ въ русскомъ языкѣ слоги: аї, ої, ёї, уї и т. д. Кромѣ этихъ дифтонговъ, свойственныхъ всѣмъ нарѣчіямъ русского языка, въ южно-бѣлорусскихъ и сѣверно-малорусскихъ говорахъ, какъ увидимъ дальше, есть дифтонги, представляющіе соединеніе слоговыхъ съ другими неслоговыми гласными.

Послѣ этикъ краткихъ замѣчаній о природѣ звуковъ вообще перейду къ разсмотрѣнію звукового состава бѣлорусской рѣчи.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВЪ СОВРЕМЕННОЙ БЪЛОРУССКОЙ РЪЧИ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЗВУКОВЫМЪ СОСТАВОМЪ ДРУГИХЪ НАРѢЧІЙ И РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Границы бълорусской территории. Бълорусское нарѣчіе является языкомъ почти 10 миллионовъ людей, живущихъ на довольно обширной территории. Границы этой территории, въ следствительно и бълорусской рѣчи, если имѣть въ виду только чистые бълорусскіе говоры безъ переходныхъ отъ бълорусского нарѣчія къ тѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка, съ которыми граничитъ бълорусское, могутъ быть опредѣлены приблизительно слѣдующимъ образомъ.

На сѣверъ граница проходитъ приблизительно по южной границѣ Псковской и Тверской губерніи отъ озера Бысокаго въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи до рѣки Вазузы.

На югъ граница идетъ отъ мѣстечка Сурожа, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, приблизительно до г. Новогородъ Сѣверска, Черниговской губерніи, нѣсколько сѣвернѣе его. Въ этихъ предѣлахъ она отдѣляеть къ Бълоруссіи въ качествѣ южныѣ ея окраинъ небольшую часть на самомъ сѣверѣ Бѣльскаго и Пружанскаго уѣзовъ Гродненской губерніи, небольшую часть Пинскаго уѣзда вдоль его сѣверо-восточной границы, сѣверную часть Мозырскаго уѣзда, приблизительно къ сѣверу отъ рѣки Припяти; почти весь Рѣчицкій уѣздѣ Минской губерніи, кромѣ небольшой части на югѣ; сѣверную часть Городнянского уѣзда Черниговской губерніи, весь Новозѣбковскій и сѣверную часть Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда до рѣки Десны.

Восточная граница бълорусскаго нарѣчія проходитъ между конечными на востокѣ пунктами сѣверной и южной границы, отдѣляясь къ Бълоруссіи почти всю Смоленскую губернію, кромѣ восточной ея части, небольшую часть на западѣ Орловской и часть Черниговской губерніи по рѣкѣ Деснѣ до конечнаго пункта южной бълорусской границы на востокѣ.

На западъ граница проходитъ ломаной линіей между мѣстечкомъ Суражомъ, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи и озеромъ Высокимъ въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Въ этихъ предѣлахъ, направляясь то на сѣверо-востокъ, то на сѣверо-западъ, она отдѣляеть къ Бълоруссіи юго-восточную часть Люцинскаго, Рѣжицкаго и Двинскаго уѣзовъ Витебской губерніи, часть Иллукстскаго уѣзда Курляндской губерніи, часть Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи, почти весь Свѣнцянскій и Виленскій уѣзлы, кромѣ сѣверныхъ ихъ частей, небольшую восточную часть Трокскаго уѣзда, почти весь Ошмянскій уѣздѣ, кромѣ небольшой части на западѣ; почти весь Лидскій, кромѣ сѣверной его части, почти весь Гродненскій. восточную часть Августовскаго уѣзда Су-

валкской губернії, Сокольскій уѣзда, кромъ небольшой части на западѣ, и восточную часть Бѣлостокскаго Гродненской губернії*).

Сосѣдями бѣлоруссовъ на западѣ являются поляки, литовцы и латыши; на сѣверѣ и востокѣ великоруссы, а на югѣ малоруссы. Сосѣдство бѣлоруссовъ съ великоруссами и малоруссами способствовало образованію говоровъ переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ южно-великорусскимъ, отъ сѣверо-великорусскихъ къ бѣлорусскимъ и отъ малорусскихъ къ бѣлорусскимъ. На западныхъ окраинахъ Бѣлоруссіи среди бѣлоруссовъ живутъ поляки и литовцы; польскія поселенія встрѣчаются также и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. При характеристицѣ бѣлорусскаго языка въ его современномъ состояніи я буду имѣть въ виду только чисто бѣлорусскіе говоры безъ переходныхъ. Сообразно съ этимъ опредѣлена мною приблизительно и бѣлорусская территорія.

Современное состояніе бѣлорусскаго нарѣчія. Въ означеныхъ предѣлахъ бѣлорусская рѣчь въ современномъ своемъ состояніи не вездѣ одинакова. Вслушиваясь въ рѣчь бѣлоруссовъ изъ разныхъ мѣстностей, нельзя не замѣтить, что въ ихъ говорахъ есть свои особенности. Напримѣръ, говоры юга Бѣлоруссіи имѣютъ такія черты, какихъ нѣтъ въ другихъ бѣлорусскихъ говорахъ; также сѣверо-восточные бѣлорусскіе говоры, какъ увидимъ дальше, отличаются отъ юго-западныхъ и т. д. Но въ то же время нетрудно замѣтить, что несмотря на это бѣлорусскому языку во всемъ его объемѣ, т.-е. всѣмъ его нарѣчіямъ и говорамъ, свойственны общія черты, которая поэтому могутъ быть названы общебѣлорусскими. Такъ какъ главнымъ образомъ эти черты во всей ихъ совокупности и и характеризуютъ бѣлорусскую рѣчь, отличая ее отъ другихъ нарѣчій русскаго языка, то при характеристицѣ бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи я буду рассматривать сначала общебѣлорусскія черты, а потомъ встрѣчающіяся только въ отдѣльныхъ говорахъ.

Звуки общебѣлорусскіе. Гласные звуки. Гласные звуки въ бѣлорусскомъ языкѣ, свойственные всѣмъ его нарѣчіямъ, приблизительно тѣ же, что и русскомъ литературномъ языкѣ**). Въ этомъ отношеніи бѣлорусская рѣчь сближается главнымъ образомъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и отчасти расходится съ малорусскимъ и сѣверо-великорусскимъ. Такъ а) звуки И и Е въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ и вообще въ великорусской рѣчи, смягчаютъ предшествующіе имъ согласные звуки, между тѣмъ какъ въ малорусскомъ языкѣ предшествующіе имъ согласные тверды. Сравн., напримѣръ, эти

*) Болѣе подробно границы бѣлорусскаго нарѣчія даются въ трудахъ ак. Е. Ф. Карского и въ „Трудахъ Московской Діалектологической Комиссіи“, вып. 5. (Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ). См. также пособія общаго характера по русскому языку, напримѣръ, профес. В. К. Поржезинскаго. Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической рамматикѣ рус. языка. Изд. 2-ое.

**) Опредѣленіе бѣлорусскихъ гласныхъ по условіямъ образованія и разновидности гласныхъ звуковъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій см. у Е. Ф. Карского. Бѣлоруссы, т. II, ч. 1-я, стр. 4—12.

звуки въ бѣлорусскомъ, великорусскомъ и малорусскомъ произношениі слѣдующихъ словъ: пень, кутецъ, листъ, одинъ и т. д.; б) въ бѣлорусской рѣчи, такъ же какъ и въ великорусской, различаются звуки И и Ы, въ малорусской же звуки И и Ы совпадаютъ въ одному звукѣ, среднечъ между И и Ы. Сравн., напр., и тамъ и здѣсь произношеніе словъ одинъ, рыба-сынь, лысый и т. д.; в) бѣлорусской рѣчи, такъ же какъ русской литературной и южно-великорусской, свойственны въ извѣстныхъ условіяхъ гласные звуки неполнаго образованія на мѣстѣ неударяемыхъ А, О, Е, о чёмъ рѣчь ниже, чего нѣтъ ни въ малорусскомъ, ни въ южно-великорусскомъ нарѣчіи.

Неслоговое гласные. Особенность бѣлорусского языка, отличающую его отъ русского литературного, составляетъ наличность въ немъ У неслогового и болѣе широкое, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языккомъ, употребленіе И неслогового.

Неслоговое У въ бѣлорусской рѣчи слышится:

а) на мѣстѣ В послѣ гласнаго звука предъ слѣдующимъ согласнымъ напримѣръ: лаўка, праўда, даўно, пошли ў двоемъ, пашли ў хату, хадзила ў горат и т. д.

б) на мѣстѣ В въ началѣ слова предъ согласнымъ, при чёмъ такое Ў очень кратко, напримѣръ: ўнук, ўдава и т. д.

в) на мѣстѣ В въ концѣ слова, напримѣръ: кроў (ковь), любоў (любовь), пудоў (пудовь) и т. д.

г) на мѣстѣ русского литературного неударяемаго У предъ согласнымъ звукомъ въ началѣ слова или послѣ гласнаго звука предыдущаго слова, напримѣръ: ўгроза (угроза), ўдача (удача), ўмёр, была ў брата, стали ўчыць и т. д.

д) на мѣстѣ Л въ глагольныхъ формахъ: даў, сказаў, рубиў, спаў и т. д. (даљъ, сказаль, рубиль, спалъ).

е) также на мѣстѣ русского литературного Л внутри словъ при извѣстныхъ условіяхъ, о чёмъ рѣчь ниже, напр.: воўк (волкъ), шоўк (шелкъ), поўный (полный), жоўтый (желтый) и т. д.

Неслоговое И, помимо тѣхъ случаевъ, когда онъ имѣеть мѣсто въ русскомъ литературномъ языке, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится въ началѣ слова на мѣстѣ неударяемаго И послѣ гласнаго звука предыдущаго слова, а также и безъ этого условія въ началѣ слова предъ согласнымъ, при чёмъ въ послѣднѣй слушать И неслоговое очень кратко, напримѣръ: на йголку, я й ты, за йвана, йграць (играть), йголка (иголка), ймя (имя), (послѣднія три съ очень краткимъ И).

Согласные звуки. Въ области согласныхъ звуковъ бѣлорусская рѣчь представляетъ больше отклоненій отъ русского литературного языка, чѣмъ въ гласныхъ.

1) На мѣстѣ русского литературного Г взрывнаго въ бѣлорусской рѣчи слышится или Г фрикативное, какъ въ южно-великорусской рѣчи, или гортанное придыханіе, какъ въ малорусской. Г взрывное въ бѣлорусской рѣчи

очень рѣдко. Съ такимъ Г произносятся нѣкоторыя слова, заимствованыя изъ польского языка—грунт, ганки (или гана), гуз, глай и нѣкото-рыя другія; его можно также слышать въ сочетаніи ЗГ: розга, мозгъ, мазги и т. д.

2) Особенность бѣлорусской рѣчи, сравнительно съ русскимъ лите-ратурныхъ языкомъ, составляютъ аффрикаты—звонкая зубная свистящая ДЗ на мѣстѣ русского литературнаго Д мягкаго, напримѣръ: дѣйт, сядз, глядзи и т. д. и звонкая зубная шипящая ДЖ на мѣстѣ русского лите-ратурнаго Д въ глагольныхъ формахъ, напр.: сяджу, саджала, саджаць, раджаць и т. д. и въ нѣкоторыхъ именахъ — ўраджай (урожай), паходж (похожъ) и друг.

3) Большее распространеніе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языке, имѣеть въ бѣлорусской рѣчи аффриката Ц: кроме тѣхъ случаевъ, гдѣ она слышится и въ русскомъ литературномъ языке, бѣлорусская рѣчь имѣеть ее и на мѣстѣ Т мягкаго: сѣсь, глядзѣць, ацец (отець), идзець (идетъ) и т. д.

4) Въ бѣлорусской рѣчи имѣть звука Ф, на мѣстѣ русского лите-ратурнаго Ф бѣлорусская рѣчь имѣеть Г, или Х или ХВ, напримѣръ: Пилип (Филиппъ), Пёкла (Фёкла), хунтъ, хранцузъ, хванарь, хвокусъ, хвамилія; Хвѣдаръ, ахвицеръ, Хвилип (Филиппъ) и т. д.

Въ области согласныхъ звуковъ бѣлорусская рѣчь расходится съ рус-ской литературной и въ томъ отношеніи, что нѣкоторые согласные, будучи твердыми и мягкими въ русскомъ литературномъ языке, въ бѣлорусской рѣчи могутъ быть или только твердыми или только мягкими. Такъ въ русскомъ литературномъ языке всѣ согласные звуки, кроме Ш и Ж и аф-фрикатъ Ц и Ч, могутъ быть и твердыми и мягкими, причемъ Ч только мягко, а Ш, Ж и Ц только тверды. Бѣлорусская же рѣчь представляетъ слѣдующія особенности.

1) Губные Б, П, М тверды а) на концѣ словъ, напр.: сем, восим (во-семь), цѣп, сып, голуп и т. д.; б) внутри словъ предъ согласнымъ, напри-мѣръ: щепки *); в) въ положеніи предъ йотомъ, напримѣръ: выпью, забью, пѣш, симъя (семья) и т. д.

При мѣдленномъ произношениі бѣлорусскихъ пью, пѣш, пьянница, симъя и т. под. ясно слышится твердый губной согласный + j + гласные У, Э, А. Сравн. произношеніе словъ (но только не на югѣ Бѣлоруссіи, о чёмъ рѣчь ниже) мяса, пяць, пятка, гдѣ имѣемъ—мягкій губной согласный + гласный А.

Въ остальныхъ же положеніяхъ, какъ и въ русскомъ литературномъ языке, губные Б, П, М могутъ быть и твердыми и мягкими.

Все сказанное о губныхъ Б, П, М въ одинаковой степени относится и къ звуку В, кроме положенія его въ тѣхъ условіяхъ, гдѣ онъ не сохра-няется, а переходитъ въ У несогласное.

*) Московское произношеніе—щепки. См. „Труды Моск. Діалект. Комисс.”, вып. 5, стр. 50.

2) Зубные Д и Т, кроме некоторых говорят на северо-востоке Белоруссии, только тверды, так как мягкие Д и Т во всех других говорах Белоруссии подвергаются изменению, о чём речь ниже.

3) Звук Р бывает твердым и мягким только на северо-востоке Белоруссии, на юго-запад же онъ только твердъ. Акад. Е. Ф. Карский дѣлить въ этомъ отношеніи белорусские говоры на твѣрдо эровые юго-западные и мягко-эрвые северо-восточные и границу между ними проводить*) по линіи отъ Себежа на Городокъ, Витебскъ, Горки, Прѣпойскъ, черезъ рѣку Бѣсьдь къ границѣ Черниговской губерніи и далѣе почти по границѣ Гомельского уѣзда съ Новозыбковскимъ до южной границы Белоруссии.

4) Аффриката Ч всегда тверда, напр.: чиста, нач, начы, вочы (очи) и т. д.

5) Аффриката Ц въ соответствии русскому литературному Ц, такъ же какъ и въ русскомъ литературномъ языке, тверда, но 'Ц въ соответствии русскому литературному Т мягкому всегда мягко, напримѣръ: купец, младец, но-хадзицъ, глядзѣцъ, ацец (отецъ) и т. д.

Звуки, свойственные отдѣльнымъ діалектамъ белорусской рѣчи. Гласные звуки. Нѣкоторое отклоненіе отъ системы общебелорусскихъ звуковъ представляютъ отдѣльные белорусские діалекты (говоры).

Наиболѣе крупной діалектической чертой въ области гласныхъ являются дифтонги УО, 'УО (то-есть УО послѣ мягкаго согласного звука) и ИЕ на мѣстѣ О, 'О (то-есть О послѣ мягкаго согласного звука, въ русскомъ языке на письмѣ Ё) и Е не бѣглыхъ**) въ закрытыхъ слогахъ подъ ударениемъ и дифтонгъ ИЕ на мѣстѣ ударяемаго Ъ не только въ закрѣтомъ, но и въ открытомъ слогѣ, напримѣръ: куонъ, вуол, мюод (мѣдъ), пиеч, сиэм (семь) лиес, хлиеб (хлѣбъ), блѣлы, на вадзис (на всдѣ), на вакнис (на окнѣ) и т. д.

Въ некоторыхъ случаяхъ гласные О и Е въ закрытыхъ слогахъ не переходятъ въ дифтонги, напримѣръ, въ словахъ: воух, доўгій, кроў (кровь), дроў (древъ, род. п. мн. чис.), возьмуць и друг. Причина этого заключается въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ въ древнейшую эпоху жизни русского языка въ закрытыхъ слогахъ были не О, Е, а другие звуки, которые по своей природѣ не могли переходить въ дифтонги.

Дифтонги въ указанныхъ условіяхъ встрѣчаются только въ южной части Белоруссии, граничащей съ областью северо-белорусскихъ говоровъ, также имѣющихъ тѣ же дифтонги. Территорія белорусскихъ говоровъ, имѣющихъ дифтонги, опредѣляется приблизительно такъ***): северная гра-

*) „Белорусская рѣчь“, стр. 28; Белоруссы, т. II, ч. 1, стр. 382.

**) Бѣглыми въ учебникахъ грамматики называются О и Е въ томъ случаѣ, если они выпадаютъ при измѣненіи слова, напримѣръ: сонъ, сна, сну и т. д. день, дня, дню и т. д., купецъ, купца и т. д. Въ словахъ же дымъ, конь О и Е не бѣглос—домъ, дома, дому и т. д., коль, коня, коню и т. д.

***) Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. I, ч. 1, стр. 133.

ница ея идеть приблизительно по линии чрезъ Гродно, Лиду, южнѣе Минска, чрезъ Игуменъ и Бобруйскъ; на западѣ дифтонги исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ Польшѣ, а на востокѣ ихъ уже нѣть въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда, въ восточной и юго-восточной Бобруйскаго и въ восточной Рѣчицкаго.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ неслоговыми въ дифтонгахъ бываѣтъ не О, Е, а У и И: кўонь, шиеч, сіем (семь), ліес и т. д. Въ иныхъ говорахъ дифтонгъ на мѣстѣ О имѣетъ нѣсколько иной видъ—ОӦ, Оӻ, напримѣръ: воз (возъ), всൃз, коонь, коунь и т. д.

Согласные, встрѣчающіеся только въ отдельныхъ говорахъ. Діалектическія отклоненія стъ общеблорусской системы согласныхъ отчасти уже отмѣчены при перечисленіи общебѣлорусскихъ согласныхъ. Перечисляя общебѣлорускіе согласные, приходится отмѣчать, что юго-западные говоры знаютъ только твѣрдое Р, что мягкие Д и Т слышатся только на сѣверо-востокѣ Бѣлоруссіи, особенно въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ великорусскими говорами.

Какъ на діалектическую черту въ системѣ бѣлорусскихъ согласныхъ, можно указать на шелепявыи характеръ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ мягкаго С и отчасти З; напримѣръ, въ словахъ—сало, вясло, зима, зимля и подобныхъ имъ звукъ С звучить какъ звукъ близкій къ Ш, а З—какъ близкій къ Ж, но эта черта еще недостаточно обслѣдсвана, и на нее имѣются лишь единичныи указанія.

ГЛАВНѢЙШІЯ ИЗМѢНЕНИЯ ЗВУКОВЪ БѢЛОРУССКОЙ РѢЧИ.

Явленія общебѣлорусскія въ области гласныхъ звуковъ. Разсмотрѣнныи нами звуковой составъ бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи есть тотъ материалъ, изъ котораго строится бѣлорусская рѣчь путемъ разнообразнаго сочетанія звуковъ въ отдельныи слова. Въ этикъ сочетаніяхъ звуки, какъ и во всякомъ другомъ языке, подвергаются въ извѣстныхъ условіяхъ разнаго рода измѣненіямъ. Совокупность этихъ измѣненій вмѣстѣ со всей системой звуковъ составляетъ звуковой обликъ бѣлорусскаго языка, опредѣляющій его, какъ таковой и отличающій его отъ другихъ русскихъ языковъ. Одни изъ такихъ измѣненій общебѣлорусскія, то-есть свойственны всемъ нарѣчіямъ и говорамъ бѣлорусскаго языка, а другія характеризуютъ только нѣкоторые говоры. Разсмотримъ отдельно тѣ и другіе.

Общеблорусскія измѣненія въ области гласныхъ звуковъ слѣдующія:

1) Такъ называемое аканье, т. е. измѣненіе въ А и 'А (на письмѣ обозначается буквой Я) неударяемыхъ О и Е или во всякомъ положеніи ихъ относительно ударяемаго слога и независимо оттого, какой гласный звукъ находится въ слѣдующемъ слогѣ, или только при извѣстныхъ условіяхъ, о чёмъ рѣчь дальше. На всемъ пространствѣ бѣлорусской территории аканье неодинаково: неударяемые О и Е не вездѣ подвергаются одинако-

кому измѣненію. Обшимъ въ данномъ случаѣ явлениемъ для всей Бѣлоруссіи будетъ измѣненіе неударяемыхъ О и Е—и только; что же касается того, въ какіе звуки измѣняются си и при какихъ условіяхъ происходятъ эти измѣненія, то въ этомъ отношеніи въ бѣлорусской рѣчи различаются слѣдующія разновидности аканья:

а) такъ называемое диссимилятивное аканье. Неударяемые О и Е переходятъ въ А, 'А (Я) только въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ предударномъ; если подъ удареніемъ не А, 'А (Я), а какой-нибудь другой звукъ; если же въ ударяемомъ слогѣ А, 'А, что звуки О и Е въ предударномъ слогѣ переходятъ или въ гласные неполнаго образованія, на слухъ близкіе къ Ы и И, или на мѣстѣ ихъ слышатся довольно явственныѣ Ы и И. Напримѣръ: саху, ваду, нагу, вады, вязну, вязнѣ, сястры, сястрѣ, далека, близка, но ныга, выда, сыха, висна, систра и т. д. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ О и Е слышатся также гласные неполнаго образованія или звуки Ы и И, напр. сывавѣй, пысязили, гылывѣ, пыкидаиш, пыглайдзим, сирида, восинь, палачка, сінничка и т. д. Такому же измѣненію подвергается въ этихъ говорахъ и неударяемое А въ препударномъ слогѣ, если въ ударяемомъ слогѣ А, и въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, кроме конечнаго открытаго. Напримѣръ: дѣла (дала), ссызала, зыкрычыць, здѣллы (сдѣлаль), зарѣзыла (эрѣзала), плакала и т. д. Въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ предыдущемъ, если въ ударяемомъ слогѣ не А, а какой-нибудь другой звукъ, А сохраняется, напримѣръ, грыда (города), порыха, набиў, закрыў и т. д.

Этотъ видъ аканья встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Себежскаго, Невельскаго, Городокскаго и Витебскаго уѣздовъ, Витебской губерніи; въ восточной части Могилевской губерніи и въ сѣверной Черниговской.

б) Такъ называемое сильное аканье: на мѣстѣ неударяемыхъ О и Е слышится звукъ А, 'А полнаго образованія. Напримѣръ: вада, нага, сястра, вязна, вясну, валу, галава, насадили, плакала и т. д. Сильное аканье встрѣчается въ южной части Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губерніи, въ южной части Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ Дриссенскомъ Леппельскомъ и юго-восточной части Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, въ Диссенскомъ уѣздѣ Виленск. губ., въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, Сѣннянскомъ, южной части Оршанскаго, въ Грецкомъ, въ восточной его части, Могилевскомъ, Чаусскомъ и отчасти въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

в) Умѣренное аканье: неударяемые О и Е переходятъ въ А, 'А (Я) только въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому, А въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, сохраняются. Напримѣръ: маладо́го, рано, позно (поздно), поль, горе и т. д. Умѣренное аканье встрѣчается въ въ Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверной и западной ея частей, населенныхъ не бѣлоруссами, въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, Новогрудскомъ Игуменскомъ, и отчасти Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

г) Такъ называемое слабое аканье—неударяемые О и Е иногда не посвигаютъ перенести въ А, 'А или въ гласные + полнаго образования и въ предударныхъ слогахъ, вслѣдствіе чего въ предударныхъ слагахъ наблюдаются колебанія между гласными О, Е, съ одной стороны, и А, 'А или гласными неполнаго образования и ихъ замѣстителями—съ другой, напримѣръ: гологá, во:á, но также и—хадзиць, насиць и т. д.

Слабое аканье характеризуетъ главнымъ образомъ южно-бѣлорусскіе говоры, граничаніе съ сѣверносмалорусскими, и встрѣчается въ южныхъ частяхъ Могилевской, Минской и Гродненской губерній.

Въ отдельныѣ бѣлорусскихъ говорахъ можно встрѣтить и иная разновидности аканья. Для исторіи бѣлорусского языка разновидности аканья имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. При выясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ жизни бѣлорусского языка въ прошломъ весьма важно бываетъ знать, какой видъ аканья въ томъ или другомъ бѣлорусскомъ говорѣ; поэтому при наблюденіи надъ бѣлорусскими говорами той или иной мѣстности необходимо съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ этой чертѣ бѣлорусской рѣчи и возможно точнѣе опредѣлять звукъ на мѣстѣ О, Е и А въ предударномъ и другихъ неударяемыхъ слогахъ.

Кромѣ бѣлорусской рѣчи, аканье свойственно также южно-великорусскому нарѣчу и русскому литературному языку, хотя и тамъ и здѣсь оно не вполнѣ тождественно съ бѣлорусскимъ аканьемъ. Въ русскомъ литературномъ произношеніи неударяемые О и Е также не сохраняются. Вслушиваясь въ живое русское литературное произношеніе, а не отождествляя его съ письмомъ, съ изображеніемъ слова на письмѣ, не трудно заметить, что неударяемое О въ предударномъ слогѣ всегда звучитъ какъ А, а въ другихъ неударяемыхъ слогахъ слышится звукъ, неясный въ акустическомъ отношеніи; по условіямъ образования его, по крайней мѣрѣ, въ московскомъ произношеніи, опредѣляютъ *), какъ гласный звукъ неполнаго образования средняго ряда средняго подъема (см. выше стр. 207).

Въ южно-бѣлорусскомъ нарѣчи аканье такъ же, какъ и въ бѣлорусскомъ, представляеть нѣсколько разновидностей **), но сходится съ бѣлорусскимъ въ Сольшинствѣ случаевъ только въ своей основѣ—въ фактѣ измѣненія неударяемыхъ О и Е, а въ нѣкоторыхъ условіяхъ и А. Сопоставленіе разновидностей южно-великорусского и бѣлорусского аканья приводить къ весьма цѣннымъ выводамъ при решеніи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи бѣлорусского языка, но вопросы эти, какъ специальные, не подлежать разсмотрѣнію въ настоящемъ курсѣ.

Изъ другихъ общебѣлорусскихъ явленій въ области гласныхъ звуковъ отмѣчу во-2) переходъ въ 'О (Ё) ударяемаго Е въ положеніи его

*) Пр.-Доцентъ Д. Н. Ушаковъ. Краткое введеніе въ науку о языке, изд. 3-е, стр. 25 и 41.

**) О разновидностяхъ южно-великорусского аканья см. акад. А. А. Шахматовъ. Курсъ исторіи русск. яз., читанный въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—10 учебн. году. Ч. II. Второе литографирован. изданіе, стр. 294—308, а также Профес. Н. Н. Дурново. Диалектологическая разысканія въ области великорусскихъ говоровъ. Ч. I, вып. 1-й и 2-й.

предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, кромъ шипящихъ Ш и Ж, напримѣръ: нѣс, вѣў (вель), слѣзы, цѣтка (тѣтка) и т. д., но — пайдеш (пойдѣшь), нясеш, адзежа, (одежда), ляпешка (лѣпѣшка), дзешыва (дѣшево) и т. д.

При такихъ же условіяхъ переходитъ Е въ 'О (Ё) и въ южно-великорусскомъ нарѣчіи и въ русскомъ литературномъ языѣ съ той лишь разницей, что въ нихъ Е переходитъ въ 'О (Ё) и предъ шипящими Ш и Ж, напримѣръ: идёш, несёш (на письмѣ — идѣшь, несёшь), лепѣшка и т. д.

Въ отдѣльныхъ случаихъ въ бѣлорусской рѣчи Е въ указанныхъ условіяхъ не переходитъ въ 'О (Ё), напримѣръ: смерс (смѣрзъ), умѣрла, ёлка и т. д. и наоборотъ, этотъ переходъ имѣется тамъ, гдѣ его нѣть въ южно-великорусскомъ нарѣчіи и русскомъ литературномъ языѣ — ёсць (есть), ёй и друг.

3) На мѣстѣ великорусского и русского литературнаго О и Е въ бѣлорусскомъ языѣ находимъ Ы и И: а) въ окончаніи именъ прилагательныхъ, напримѣръ: худый, злый и т. д., б) въ такихъ существительныхъ, какъ памы (помои), шыя (шея) и друг. и в) въ такихъ глагольныхъ формахъ, какъ мыю, мыеш, крюю, рью, напійся и т. д.

4) Вместо великорусскихъ и русскихъ литературныхъ сочетаній внутри слова —ро—, —ло—, —ре—, —ле— бѣлорусская рѣчь представляетъ преимущественно не въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ сочетанія: —ры—, —лы—, —ри—, —ли—, напримѣръ: крыва (крови), дрыжѣць, глытѣць, блыха, крышица, слиза, блисцѣць и т. д., но —кроу (кровь), слѣс, блох.

5) Неударяемые У и И, находясь прѣдъ согласнымъ звукомъ въ началѣ слова или слѣдя за согласнымъ предыдущаго слова, переходятъ въ неслоговые Ў и Й, напримѣръ: ўдача (удача), ўмёр, была ў брата, стали ўчыць, йграць, йголка, ймя, на йголку, я й ты, за Йвана и т. д. (ср. выше стр. 203).

6) Съ точки зрѣнія современного языка можно говорить о приставочномъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, звукѣ И въ началѣ словъ предъ Р, Л, М и отчасти другими согласными, напримѣръ — иржа, ирваць, ильну, Имглинъ (городъ Мглинъ Черниговской губерніи), иржаць, игруши (груши) и т. д.

Общебѣлорускія измѣненія согласныхъ звуковъ
Наиболѣе крупнымъ общебѣлорусскимъ явленіемъ въ области согласныхъ звуковъ слѣдуетъ признать: 1) такъ называемое дзеканье и цеканье, т.-е. измѣненіе мягкихъ Д и Т въ аффрикаты ДЗ и Ц, напримѣръ: сядзи, вядзи, сядзѣць, ацец (отецъ), цяпер (теперь) при — сяду, вяду и т. д. Это явленіе составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ бѣлорусского языка. Правда, распространено оно на территории бѣлорусской рѣчи нѣсколько неравномѣрно — на юго-западѣ оно встрѣчается почти повсемѣстно, а на сѣверо-востокѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно сосѣднихъ съ великорусскими говорами, на мѣстѣ ДЗ и Ц слышатся Д и Т мягkie — сяди, гляди, атѣц, нясеть и т. д. Но въ этихъ говорахъ въ Д и Т мягкихъ на

мѣстѣ аффрикатѣ ДЗ и Ц можно видѣть южно-великорусское вліяніе и слѣдовательно говорить обѣ измѣненіи Д и Т мягкихъ въ аффрикаты ДЗ и Ц, какъ обѣ общебѣлорусскому явленію.

Примѣчаніе. Такой же наиболѣе характерной чертой бѣлорусского языка, отличающей его отъ другихъ русскихъ нарѣчий, является и твердое Р на мѣстѣ великорусского мягкаго. Но это явленіе свойственно не всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ въ одинаковой степени, о чёмъ рѣчь ниже, а отчасти уже сказано при описаніи звукового состава бѣлорусской рѣчи.

2) Звукъ В въ условіяхъ, указанныхъ выше (стр. 203. Неслоговые гласные, §§ а, б, в), переходить въ Ў (У неслоговое).

3) Твердый Л переходитъ въ неслоговое У: а) на концѣ глагольныхъ формъ, имѣющихъ значеніе прошедшаго времени, напримѣръ: даў, хадзіў, купіў и т. д. и б) внутри словъ предъ согласнымъ звукомъ въ сочетаніи ОЛ или въ соответствующемъ измѣненіи его при томъ или другомъ видѣ аканья, напримѣръ: воўк, поўный, жоўтый, доўгій, жаўтокъ (желтокъ), чаўнокъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, напримѣръ: ігэлка, полка, Міколка и друг. Л въ указанныхъ условіяхъ не подвергается такому переходу.

Переходъ въ однихъ словахъ въ Ў звука Л въ сочетаніи ОЛ и отсутствіе его въ другихъ находитъ себѣ объясненіе въ исторіи звуковъ бѣлорусского языка: современное сочетаніе ОЛ въ тѣхъ и другихъ словахъ не тождественны другъ другу по всему происхожденію, и судьба ихъ поэтому въ дальнѣйшемъ была не одинакова.

Подобный переходъ Л въ Ў происходитъ и въ малорусскомъ языке съ той лишь разницей, что въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ такому переходу подвергается Л въ сочетаніи не только съ О, но и съ другими гласными.

4) Вслушиваясь въ русское литературное произношеніе словъ: судья, брусья, платье, вязанье, плетенье и подобныхъ имъ, легко замѣтить, что послѣ мягкихъ согласныхъ Д, С, Т, Н слышится ѡ (Йотъ) + гласные А или Э. Слѣдовательно мягкий согласный звукъ въ такихъ словахъ находится предъ ѡ. Въ бѣлорусской рѣчи на мѣстѣ русскихъ литературныхъ мягкихъ согласныхъ или шипящихъ и слѣдующаго за ними ѡ (Йота) находимъ удвоенные или долгіе согласные, напримѣръ: колья, брусья, плацьца, вясельля, свинъя, валосья, судзьдзя, сучча, ружжо и т. д.

Иногда на мѣстѣ русскихъ литературныхъ мягкихъ Д и Т предъ ѡ (Йотъ) слышатся не двойные или долгія аффрикаты ДЗ и Ц, а мягкие Д или Т + аффрикаты ДЗ или Ц, напримѣръ: судзьдзя, платьца и т. д.

Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ слышатся двойные или долгіе согласные и на мѣстѣ бѣлорусскихъ твердыхъ (Р или губныхъ) въ соответствіи русскимъ литературнымъ сочетаніямъ: мягкий согласный звукъ + ѡ въ положеніи ихъ предъ гласнымъ, т. е. въ такихъ словахъ, какъ— Марья, перья, рыбья, хлопье и т. под.

Въ появленіи въ указанныхъ условіяхъ двойныхъ или долгихъ согласныхъ бѣлорусская рѣчь сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

5) Задненѣбные звуки К, h (Г фрикативное), Х въ бѣлорусскомъ языкѣ измѣняются въ формахъ мѣстного падежа *) единственного числа мужескаго и средняго рода ед. ч. и дательного и мѣстного падежей единственного числа именъ женскаго рода съ окончаніемъ А въ свистящіе—Ц, З, С, напримѣръ: на парози (на порогѣ), у вуси (въ ухѣ), руцѣ, назѣ, на руцѣ, на назѣ, на сасѣ (на сохѣ), на рацѣ (на рѣкѣ), пры дарози, на дасцѣ (на доскѣ) и т. д., а въ звателномъ падежѣ един. числа мужескаго рода—въ шипящіе: чалавѣче, воўче и т. д.

Измѣненіе задненѣбныхъ въ шипящіе и свистящіе въ указанныхъ условіяхъ есть явленіе очень древнее—оно было еще въ общерусскомъ языкѣ. Въ настоящее время его нѣть ни въ русскомъ литературномъ языкѣ, ни въ великорусскихъ нарѣчіяхъ; кромѣ бѣлорусского, оно сохранилось также въ малорусскомъ нарѣчіи.

6) Такъ же какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ звонкіе согласные предъ глухими согласными, а также на концѣ слова переходятъ въ глухіе, напримѣръ: лошка (ложка), дарошка (дорожка), бутка (будка), дѣт, лоп, сат, голуп и т. д. Глухіе же, наоборотъ, предъ звонкими становятся звонкими, напр.: з дѣдам, аддай (отдай) и т. д.

Въ измѣненіи въ указанныхъ условіяхъ звонкихъ согласныхъ бѣлорусская рѣчь сходится съ великорусскими нарѣчіями и отличается отъ малорусского, гдѣ звонкіе согласные въ этихъ условіяхъ сохраняются. Только нѣкоторые бѣлорусскіе говоры въ этомъ отношеніи сходятся съ малорусскими.

7) Нѣкоторые согласные въ бѣлорусскомъ языкѣ подвергаются отвердѣнію, между тѣмъ какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ они мягки. На твердость Р, губныхъ и Ч уже приходилось указывать при описаніи звукового состава современного бѣлорусского языка. Здѣсь остается добавить, что нѣкоторые согласные въ бѣлорусскомъ языкѣ въ недостаточно выясненныхъ условіяхъ бывають тверды въ отдѣльныхъ словахъ. Такъ почти повсемѣстно тверды С и Д въ словахъ—сэрца, уздечка, а въ отдѣльныхъ говорахъ и въ другихъ словахъ. Нѣкоторые согласные тверды только діалектически, о чёмъ рѣчь впереди.

При мѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно рѣшить, есть ли отвердѣніе того или другого звука діалектическое или общебѣлорусское. Но повидимому, явленіе это въ большей или меньшей мѣрѣ свойственно всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ и въ основѣ своей есть общебѣлорусское.

8) Въ бѣлорусской рѣчи большое распространеніе имѣеть приставка согласного звука предъ гласнымъ въ началѣ слова и вставка между двумя

*) Мѣстнымъ падежомъ въ научныхъ руководствахъ принято называть падежъ извѣстный въ школьніхъ грамматикахъ подъ именемъ предложнаго.

гласными. Общебѣлорусскимъ приставочнымъ звукомъ обыкновенно бываетъ В; напримѣръ: вочи, вутка, вакно, вулица, восинь, навука, ни воднага (ни одного) и т. д. встрѣчаются во всей Бѣлоруссії. Діалектически приставочнымъ звукомъ бываетъ Г, о чёмъ см. дальше.

9) Свообразнымъ измѣненіемъ въ бѣлорусской рѣчи подвергаются группы нѣкоторыхъ согласныхъ. Изъ такихъ измѣненій, неизвѣстныхъ русскому литературному языку и имѣющихъ общебѣлорусскій характеръ отмѣчу слѣдующія:

а) ДН измѣняется въ НН, напр.: сянни (изъ сядни = сегодня) биньняжка (бѣдняжка), вяликаныя и т. д.

б) БМ — въ ММ: аммануў (обманулъ), аммачиў (обмочилъ), амман (обманъ) и т. д.

При мѣчаніе. Не во всей Бѣлоруссії эти слова произносятся съ такимъ измѣненіемъ согласныхъ; нѣкоторые изъ этихъ и подобныхъ имъ словъ въ отдѣльныхъ говорахъ произносятся безъ измѣненія ДН въ НН и БМ въ ММ, но все же почти всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ свойственно подобное измѣненіе и встрѣчается въ тѣхъ или другихъ словахъ.

в) Группы ТЦ и ЧЦ измѣняются въ ЦЦ, напримѣръ: маццы (матери) (первое Ц изъ Т — матцы), даццѣ (первое Ц изъ Ч — дачцѣ) на полаццы (на полочки) и т. д.

ДІАЛЕКТИЧЕСКІЯ ЗВУКОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

Явленія въ области гласныхъ. Въ краткомъ элементарномъ очеркѣ бѣлорусского языка не представляется возможнымъ перечислять всѣ діалектическія явленія и приходится ограничиться указаніемъ наиболѣе значительныхъ изъ нихъ или наиболѣе распространенныхъ. Изъ такихъ явленій въ области гласныхъ отмѣчу слѣдующія.

1) Характеризуя звуковой составъ бѣлорусского языка, я отмѣтилъ (стр. 205), что въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, соѣдніхъ съ сѣверно-малорусскими, на мѣстѣ О, 'О и Е небѣглыхъ въ закрытыхъ слогахъ подъ удареніемъ, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, и на мѣстѣ ударяемаго Ъ какъ въ закрытомъ, такъ и въ открытомъ слогѣ являются дифтонги УО, 'УО и ИЕ или ЙО, 'ЙО и ЙЕ и др. Такимъ образомъ для южно-бѣлорусскихъ говоровъ въ предѣлахъ означенной выше территории можно установить какъ правило измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ, кроме указанныхъ случаевъ, звуковъ О, 'О, Е и Ъ въ дифтонги.

Въ отдѣльныхъ говорахъ въ тѣхъ же условіяхъ на мѣстѣ О, 'О, Е и Ъ слышатся не дифтонги, а простые гласные — У или О, очень похожее на У (очень закрытое О, какъ принято говорить), И (а послѣ твердыхъ согласныхъ Ы) или очень закрытое Е, напримѣръ: кунь (конь), вуз (возъ), вул или — кбнь, вбзъ, вбл, *) пич, сим, хлиб, (хлѣбъ), шысть (шесть) или —

*) Знакъ ^ надъ буквой означаетъ закрытое свойство звука.

печь, сём, хлеб, шесть и т. д. Такимъ образомъ южно-бѣлорусскіе дифтонги въ нѣкоторыхъ говорахъ подвергаются сокращенію въ простые гласные У и И или въ очень закрытое О и Е.

Однако не во всѣхъ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, появленіе ихъ или отсутствіе имѣть мѣсто въ указанныхъ выше (стр. 205) условіяхъ: въ нѣкоторыхъ говорахъ они бываютъ во всякомъ закрытомъ слогѣ, такъ что и слова — волкъ, долгій, шель, кровь, возьмуть и т. д. также произносятся съ дифтонгами, а въ иныхъ — во всякомъ ударяемомъ слогѣ, даже и открытомъ, напримѣръ: гр҃оши (деньги), дауню, бѣрег, штю и т. д.

2) Другая наиболѣе характерная діалектическая черта — звукъ Э на мѣстѣ О и Й (или послѣ задне-нѣбныхъ И) преимущественно ударяемыхъ, а иногда и неударяемыхъ въ окончаніяхъ формъ склоненія именъ прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, напримѣръ: сляпэй, маладэй, аднэй, другей, такей, тэй, другею, чарвонэй, залатэя, дурнэя, сухея и т. д. (слѣлой, молодой, одной, другой, такой, той, другою, червонной, золотые, дурные, сухіе).

Явленіе это характеризуетъ нѣкоторые изъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: отмѣчается, напримѣръ, въ говорахъ Витебской губерніи, Могилевской, сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ менѣе крупныхъ діалектическихъ явленій въ области гласныхъ отмѣчу слѣдующія.

1) Преимущественно въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ неударяемаго А послѣ мягкаго согласнаго звука слышится звукъ Е, иногда не вполнѣ явственный, по акустическому впечатлѣнію (т.-е. на слухъ) близкій къ И, напримѣръ: вытрес, поес, гледзючи, месайд, заец, петно, езык и т. д. Наблюдается это явленіе преимущественно при положеніи 'А (на письмѣ Я) предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, но не рѣдки случаи, когда за 'А слѣдуетъ мягкий согласный, напр.: масленица, гледзи, пѣсьнеми, калодзезъ и т. д. Въ тѣхъ же говорахъ отмѣчается это явленіе и въ окончаніи -СЯ глаголовъ — напиусе, павалиусе, не бойцисе и т. д.

2) Во многихъ говорахъ на концѣ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ послѣ звуковъ Й и И отпадаетъ И неслоговое. Явленіе это наблюдается: а) въ именахъ прилагательныхъ, напр.: сляпы, малады, зялёны, жоўты, сини, лѣтни, гарачы и т. д.; б) въ формахъ повелительного наклоненія глаголовъ — пить, бить, лить: пи, би, ли, нали, вли (пей, бей, лей, налей, вли), но — мый, крый, вый.

3) Неударяемое И въ началѣ нѣкоторыхъ словъ отпадаетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ, напримѣръ: граць (играть), голка (иголка), мѣць (имѣть) и т. д.

4) Въ отдѣльныхъ говорахъ гласные подвергаются измѣненію подъ влияніемъ звуковъ въ сосѣднихъ слогахъ. Напримѣръ, звукъ Й между губными или послѣ губного звука переходитъ въ У: умуваць, буваць, бувала, була и т. д.

Также на югъ Бѣлоруссіи звукъ О въ сосѣдствѣ съ губными и задненѣбными, а иногда и въ другихъ условіяхъ звучить какъ У или какъ звукъ, въ значительной степени близкій къ У, напримѣръ: пусулиў (посулиль), новуй (новой), пудъ носамъ, (подъ носомъ) пугуляць, палкуй, гулуга и т. д.

Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ звукъ А предъ слѣдующимъ Ў (У неслоговое) переходитъ въ О: троўка, муроўка, доў (далъ) узёў (взялъ), паклоў (положилъ) и т. д.

Аналогичнымъ измѣненіямъ въ извѣстныхъ условіяхъ подвергаются и нѣкоторые другіе звуки.

5) Въ нѣкоторыхъ говорахъ своеобразнымъ измѣненіямъ подвергаются Ы и У. Въ результатѣ этихъ измѣненій на мѣстѣ Ы слышится или очень краткій, не вполнѣ ясный по акустическому впечатлѣнію звукъ или довольно явственное А, напримѣръ: вымата, прыказаваць, бала, даў ба (далъ бы).

На мѣстѣ же У слышится или также неясный звукъ или довольно явственные А или Ы, напримѣръ: кинаў (кинуль), савѣтаю, сциснаў, голыба, (голубя) коршынъ и т. д., также въ формахъ винительного падежа ед. ч. ж. р. именъ прилагательныхъ—вяликаю, зялёнаю и т. д.

6) Во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ наблюдается переходъ Ы въ И послѣ губныхъ звуковъ, напримѣръ: ми (мы), ви (вы), бикъ (быкъ), мила (мыло), висока (высоко) и т. д. Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, наблюдается смышеніе звуковъ Ы и И, т.-е. произношеніе Ы вмѣсто И и обратно.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ гласныхъ, имѣющихъ мѣсто главнымъ образомъ въ окончаніи нѣкоторыхъ формъ именъ прилагательныхъ, скажу при характеристикѣ склоненія прилагательныхъ.

Явленія въ области согласныхъ звуковъ. Изъ діалектическихъ явлений въ области согласныхъ звуковъ наиболѣе существенными будутъ слѣдующія.

1) При характеристицѣ общебѣлорусского измѣненія согласныхъ звуковъ мы видѣли, что на мѣстѣ русскаго литературнаго мягкаго согласнаго звука въ положеніи его предъ j (йотъ) въ бѣлорусской рѣчи слышится двойной или долгій мягкий согласный (стр. 210). Діалектически же, въ нѣкоторыхъ говорахъ, отмѣчено наблюдателями сокращеніе возникшаго въ такихъ условіяхъ долгаго согласнаго звука, то-есть переходъ его въ недолгій. Записи изъ Новогрудскаго, Лидскаго, Дисненскаго, Борисовскаго уѣздовъ и другихъ мѣстъ указываютъ на такое сокращеніе.

2) Въ говорахъ,сосѣднихъ съ малорусскими, слова—пять, мясо, время пятка, привезъ и подобные имъ произносятся слѣдующимъ образомъ: пьяць, мъясо, времѧ, пятка, прывѣзъ или—пьяць, пятка, времѧ и т. д. Анализируя звуковой составъ этихъ словъ въ общебѣлорусскомъ и приведенномъ діалектическомъ произношеніи, увидимъ, что въ этихъ словахъ на мѣстѣ общебѣлорусского (а также и общерусского) сочетанія губной

мягкій согласныи + гласныи звукъ въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, находимъ мягкій или твердый губной согласный + j + гласный. То же и въ малорусскомъ нарѣчіи.

3) Въ съверныхъ бѣлорусскихъ городахъ, напримѣръ: въ Себежскомъ, Велижскомъ уѣзгахъ Витебской губерніи, Бѣльскомъ, Духовщинскомъ, Порѣчскомъ уѣздахъ Смоленской губ. и нѣкоторыхъ другихъ мѣстн. смѣшиваются между собой звуки Ч и Ц, то-есть на мѣстѣ общерусского Ч произнесится Ц и обратно, напримѣръ: пятница, черкза, (церковь) чарства, вулича, яичо, но—цай дацка, нитацка и т. д.

По опредѣленію академика Е. Ф. Карского*), бѣлорусские говоры со смѣшеніемъ Ч и Ц занимаютъ территорію къ съверу отъ Смоленска, Суража Витебской губерніи, Невеля и Себежа.

Кромъ этихъ говоровъ, явленіе это извѣстно съверно-великорусскимъ говорамъ и составляеть одну изъ наиболѣе характерныхъ ихъ чертъ.

4) Въ съверо-восточныхъ говорахъ, знающихъ не только тверое, но и мягкое Р, часто смѣшивается твердое Р съ мягкимъ, напримѣръ: гразь, трапка, румка, рамнем (ремнемъ), грып, (грибъ) но—ряма, вирябей, пиряги (пироги), риба и т. д.

5) Во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ приставочнымъ звукомъ бываетъ h (Г африкативное) или гортанное предыханіе, напримѣръ: hэты (этотъ), hиншый (иной), harbus (арбузъ), Ганна (Анна) и т. д. Въ словахъ — hэты, hэній, hэтакъ, Ганна, гарбус этотъ приставочный звукъ встрѣчается въ огромномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ, въ другихъ же—только въ отдѣльныхъ говорахъ. Въ частности, въ юго-западныхъ говорахъ приставочное h или гортанное предыханіе чаще встрѣчается, чѣмъ въ съверо-восточныхъ—здѣсь находимъ его въ тѣхъ словахъ, которыя въ другихъ говорахъ имѣютъ приставочное В или вовсе не принимаютъ приставочного звука, напримѣръ: huлица, harэх (орѣхъ), hавѣс (овѣсть), haўца (овца), hостры, hугаль (уголь) и т. д.

Въ отдѣльныхъ словахъ наблюдается и обратное явленіе—отпаденіе и выпаденіе этихъ звуковъ, напримѣръ: лянъ (глянь), лядзи (гляді), палядзи (погляди), сядни (сегодня) и др.

6) При характеристикѣ общебѣлорусскихъ явленій въ области согласныхъ звуковъ мною было отмѣчено (стр. 211), какъ общебѣлорусское явленіе, отвердѣніе въ отдѣльныхъ словахъ нѣкоторыхъ согласныхъ. Діалектически это явленіе еще болѣе распространено, и въ говорахъ твердыми бываютъ въ отдѣльныхъ словахъ и другие согласные, помимо тѣхъ, спорадическое (т.-е. въ отдѣльныхъ случаяхъ) отвердѣніе которыхъ почти повсемѣстно. Для нѣкоторыхъ случаевъ и здѣсь также нельзя точно установить, при какихъ условіяхъ согласные тверды, и приходится ограничиваться только указаніемъ отдѣльныхъ словъ съ тѣми или другими твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчены твердые М и Н на мѣстѣ общебѣлорусскихъ мягкихъ

*) Бѣлорусская рѣчъ, стр. 36.

въ слѣдующихъ словахъ: мэдлиць, мэдовыи, вочин (очень), сажан (са-жень) и др.

На югѣ и на западной окраинѣ Бѣлоруссіи въ нѣкоторыхъ говорахъ С твердо въ окончаніи -СЯ глаголовъ, напримѣръ: напиўса, наѣўса, павалиласа, адзиваласа (одѣвалась) и т. д.

Число случаевъ съ твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ увеличивается въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими.

П р и мѣчаніе. Для освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ жизни бѣлорусского языка въ прошломъ весьма важно было бы располагать возможно большимъ количествомъ примѣровъ съ твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ и притомъ изъ разныхъ мѣстностей и говоровъ Бѣлоруссіи. Поэтому весьма желательно, чтобы при наблюденіяхъ надъ отдѣльными бѣлорусскими говорами лица, дѣлающія эти наблюденія и дающія описание говоровъ, отмѣчали возможно тщательнѣе эту, на первый взглядъ, незначительную черту.

На ряду съ этимъ нѣкоторые согласные становятся твердыми при определенныхъ условіяхъ. Такъ во многихъ говорахъ отмѣчено твердое Л, вмѣсто мягкаго, предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, напримѣръ: малычк, палычк, палцы, мылныи, крахмалныи. салца (сальце), болна (больно), волный (вольный), калцо и т. д.

Явленіе это имѣетъ весьма широкое распространеніе въ Бѣлоруссіи

7) Дialectически также наблюдается обратное явленіе—мягкій согласный звукъ вмѣсто твердаго. Такъ въ нѣкоторыхъ говорахъ въ отдѣльныхъ словахъ мягко Л, напримѣръ: польныи (полный), вальною (волною) и др.

Въ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говорахъ не мало также есть и другихъ болѣе мелкихъ чертъ, представляющихъ измѣненіе отдѣльныхъ звуковъ и группъ согласныхъ или подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ или вызванное другими причинами. Нѣкоторая изъ этихъ чертъ имѣютъ довольно широкое, чуть ли не повсемѣстное распространеніе, такъ что стоять какъ бы на границѣ между явленіями общебѣлорусскими и бѣлорусскими dialectическими, но при всемъ томъ нерѣдко ограничиваются только отдѣльными словами. Въ настоящемъ краткомъ и притомъ популярномъ описаніи бѣлорусского языка въ его современномъ состояніи не нахожу возможнымъ останавливаться на нихъ. Отмѣчу только слѣдующее.

Говоры, пограничные съ великорусскими, имѣютъ мягкое Ч, мягкое Р (иногда и на мѣстѣ твердаго), мягкое Д и Т на мѣстѣ общебѣлорусскихъ ЏЗ и Ц, звукъ В вмѣсто Ў (У неслоговое) на концѣ слова и предъ глухими согласными или Ф, т.-е. произношеніе—вовк, лавка, кров любов или—вофк, лафка, кроф, любоф, дѣт, атец, хадить и т. д., вмѣсто—воўк, лаўка, кроў, любоў, дѣт, ацец, хадзиць и т. д.

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, встрѣчаются нѣкоторые малорусскія черты, неизвѣстныя бѣлорусскимъ говорамъ, но они отчасти уже отмѣчены мною раньше.

ФОРМЫ СКЛОНЕНИЯ И СПРЯЖЕНИЯ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ БѢЛОРУССКОМЪ ЯЗЫКѣ.

Замѣчанія общаго характера о склоненіи и спряженіи въ бѣлорусскомъ языку. Подобно тому какъ и въ звукахъ, современная бѣлорусская рѣчь представляетъ рядъ весьма характерныхъ явлений въ формахъ склоненія и спряженія. Одни изъ этихъ явлений общебѣлорусскія, а другія только діалектическія. Взятые вмѣстѣ, они составляютъ ту сумму признаковъ, по которымъ бѣлорусская рѣчь легко распознается среди другихъ нарѣчій русскаго языка. Эти явленія особенно ярко выступаютъ при сопоставленіи бѣлорусскаго языка въ фактахъ склоненія и спряженія съ другими нарѣчіями русскаго языка и русскимъ литературнымъ языкомъ.

Русскій языкъ въ современномъ своемъ состояніи во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ и говорахъ преставляетъ значительныя отклоненія въ формахъ склоненія и спряженія глаголовъ отъ общерусскаго языка. Общерусскій языкъ, то-есть тотъ единый когда-то русскій языкъ, который съ теченіемъ времени распался на отдѣльные говоры, былъ богаче формами склоненія и спряженія, чѣмъ современный русскій языкъ. Въ немъ было нѣсколько больше разновидностей склоненія именъ существительныхъ, чѣмъ въ современномъ русскомъ языку; напримѣръ, слова: сынъ, волъ; домъ и нѣкоторая другія склонялись въ немъ иначе, чѣмъ слова—рабъ, городъ мужъ и т. д.; больше также было въ немъ падежныхъ формъ, несходныхъ другъ съ другомъ; напримѣръ: дательный, творительный и мѣстный *) падежи множественного числа мужскаго рода не были сходны съ тѣми же формами именъ женскаго рода, оканчивающихся на А; кроме того, звательный падежъ единствен. числа въ цѣломъ рядъ именъ существительныхъ не былъ сходенъ съ именительнымъ, а имѣлъ особое окончаніе; наконецъ, числъ въ общерусскомъ языку было не два, какъ въ наше время, а три—кромѣ единственного и множественного числа, было еще двойственное число, употреблявшееся тогда, когда рѣчь шла о двухъ предметахъ. Несходны были и нѣкоторая падежная формы именъ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій съ соответствующими формами въ современномъ рускомъ языку. Въ спряженіи глагола были формы прошедшихъ простыхъ, и сложныхъ временъ; иная окончанія, чѣмъ теперь, имѣли и формы причастій и т. д.

Достаточно этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы видѣть, что современный русскій литературный языкъ значительно отступаетъ отъ старины—въ немъ мы находимъ или рядъ новообразованій или полную утрату того, что широко было распространено въ общерусскомъ языку. Въ этомъ отношеніи бѣлорусская рѣчь болѣе архаична—въ ней больше сохранилось старыхъ формъ. чѣмъ въ русскомъ литературномъ языку. Но съ другой сто-

*) См. стр. 211.

роны, въ ней есть и новообразованія, свойственныя какъ всѣмъ современнымъ русскимъ нарѣчіямъ и русскому литературному языку, такъ и исключительно ей одной. Выдѣляя изъ бѣлорусского склоненія именъ и спряженія глаголовъ формы, представляющія, съ одной стороны, архаизмы, а съ другой—неизвѣстныя русскому литературнои языку новообразованія, мы получимъ въ итогѣ особенности измѣненія въ бѣлорусской рѣчи именъ и глаголовъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Какъ и при описаніи звукового состава бѣлорусского языка въ современномъ его состояніи, такъ и здѣсь попутно я буду отмѣтить, въ какихъ своихъ особеностяхъ бѣлорусская рѣчь сходится съ другими нарѣчіями русского языка, чтобы такимъ путемъ выяснить и въ этой области отношеніе бѣлорусской рѣчи къ другимъ нарѣчіямъ русского языка.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ.

Имена существительные. Нѣкоторыя особенности въ грамматическомъ родѣ именъ существительныхъ. Въ именахъ существительныхъ бѣлорусская рѣчь сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ представляетъ особенности въ принадлежности нѣкоторыхъ именъ къ тому или иному грамматическому роду, въ измѣненіи именъ по числамъ и въ образованіи формъ нѣкоторыхъ падежей.

Нѣкоторыя имена существительные въ бѣлорусской рѣчи принадлежать не къ тому грамматическому роду, къ которому они относятся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Такъ слова: собака, лошадь, боль, погибель, плѣшь, цѣпь, полынь, пыль и нѣкоторыя другія—мужескаго рода и наоборотъ—гусь, лучъ, мечъ, а также стадо, пиво, диво, царство и нѣкоторыя другія—женскаго

Происходитъ это отчасти по той причинѣ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ бѣлорусской рѣчи имѣютъ другія окончанія, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, и по своимъ окончаніямъ сходны со словами другого грамматического рода. Такъ слова—плѣшь, цѣпь, полынь, пыль въ бѣлорусской рѣчи имѣютъ на концѣ твердый согласный звукъ, т.-е. произносятся въ бѣлорусскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: плѣш, цѣп, палын, пыл, и сходны въ этомъ отношеніи съ именами мужескаго рода, а потому, естественно, стали измѣняться одинаково съ ними и перешли въ разрядъ имёнъ мужеск. рода. Въ словахъ средняго рода—стадо, пиво, диво и др. конечно неударяемое О въ силу аканья звучитъ одинаково съ такимъ же неударяемымъ окончаніемъ А именъ существительныхъ женскаго рода; отсюда—измѣненіе этихъ словъ по падежамъ такъ же, какъ имена существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на А. Другія слова измѣнили свой грамматический родъ подъ вліяніемъ другихъ болѣе сложныхъ причинъ.

Необходимо однако здѣсь отмѣтить, что далеко не у всѣхъ отмѣченныхъ наблюдателями именъ измѣненіе грамматического рода есть явле-

ніе общебѣлорусское—въ большинствѣ случаевъ имена съ такимъ измѣненіемъ встрѣчаются въ отдельныхъ говорахъ.

Формы двойственного числа въ современной бѣлорусской рѣчи. Въ общерусскомъ языкѣ, какъ уже сказано раньше, кромѣ единственного и множественного числа, было еще двойственное число, употреблявшееся тогда, когда рѣчь шла о друхъ предметахъ.

При мѣчаніе. Двойственное число было и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, при чёмъ древне-церковно-славянскія формы двойственного числа сходны съ соответствующими формами общерусского языка. Поэтому, припоминая древне-церковно-славянскія формы двойственного числа именъ существительныхъ, мы получимъ представление и о формахъ двойственного числа въ общерусскомъ языке. Лицамъ же, незнакомымъ хотя бы съ элементарной грамматикой древне-церковно-славянского языка, рекомендую ознакомиться съ этими формами по любому учебнику древне-церковно-славянского языка для среднихъ учебныхъ заведений.

Современная русская литературная и великорусская рѣчь представляеть лишь незначительные остатки этихъ формъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ—лва раза, два ряды, два шага, два часа. Гдѣ формы раза, ряды, шага, часа—сохраненіе старины, остатки формъ двойственного числа. Тѣ же формы двойственного числа употребляются въ современной русской литературной рѣчи и послѣ числительныхъ три четыре: три, четыре ряда, шага и т. д., но такое употребленіе формъ двойственного числа есть уже новообразованіе, такъ какъ при числительныхъ три и четыре въ станицу ставились имена существительныя во множественномъ числѣ.

При мѣчаніе. Въ звуковомъ отношеніи формы раза, ряда, шага, часа совпадаютъ съ формами родительного падежа единств. числа, но отличаются отъ нихъ по мѣсту ударенія, сохраняя удареніе формъ двойственного числа.

Но и сохранившися формы двойственного числа—раза, ряда, шага, часа обыкновенно сознаются нами, какъ формы родительного падежа, а въ школьныхъ учебникахъ грамматики говорится, какъ о правилѣ, что послѣ числительныхъ 2, 3 и 4 ставится родительный падежъ имени существительного. Однако съ научно-исторической точки зренія это—формы иминительного или винительного падежа двойственного числа, и следовательно въ русскомъ литературномъ языкѣ сохранились остатки формъ двойственного числа отъ именъ существительныхъ мужескаго рода при названныхъ числительныхъ.

Бѣлорусская рѣчь здѣсь нѣсколько расходится съ русской литературной. При числительныхъ два, три, четыре эти существительные ставятся не въ двойственномъ, а во множественномъ числѣ: два, три, четыри разы, два, три, четыри рады (или ряды) и т. д., т.-е. бѣлорусская рѣчь не сохранила и въ такой степени, какъ русскій литературный языкъ и великорусское нарѣчіе, формъ двойственного числа отъ именъ существи-

тельныхъ мужескаго рода даже при числительномъ два и не употребляетъ ихъ, какъ новообразованіе, при числительныхъ 3 и 4. Но съ другой стороны, правда, преимущественно на юго-западѣ Бѣлоруссіи распространены въ сочетаніи съ тѣми же числительными формы именительного и винительного падежей двойственного числа отъ именъ существительныхъ женскаго рода съ окончаніемъ А и средняго рода съ окончаніемъ О, напримѣръ: дзѣвѣ руцѣ, дзѣвѣ назѣ, тры бядзѣ, тры хацѣ дзѣвѣ сялѣ, тры, чатыры сялѣ и т. д. Подобныхъ примѣровъ приводится достаточное количество въ записяхъ бѣлорусскихъ говоровъ изъ разныхъ мѣстъ юго-западной Бѣлоруссіи, на сѣверо-востокѣ же это явленіе рѣдко, а во многихъ сѣверо-восточныхъ говорахъ и вовсе не встрѣчается: здѣсь въ подобныхъ сочетаніяхъ тѣ же формы множественного числа, что въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ говорахъ.

Въ сохраненіи въ этихъ условіяхъ формъ двойственного числа бѣлорусская рѣчь сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ, которое также сохраняетъ при тѣхъ же числительныхъ формы именительного и винительного падежей двойственного числа отъ тѣхъ же именъ женскаго и средняго рода.

Формы остальныхъ падежей двойственного числа почти вовсе не встрѣчаются въ русскомъ литературномъ языкѣ. Бѣлорусская же рѣчь употребляетъ кое-гдѣ формы и другихъ падежей двойственного числа, не ограничивая при этомъ употребленіе ихъ, какъ въ формахъ именительного и винительного падежей, сочетаніемъ съ указанными числительными. Правда, форма родительно-мѣстнаго падежа двойственного числа въ современной бѣлорусской рѣчи рѣдка: въ записяхъ имѣются чуть ли не единичные примѣры. Но формы дательно-творительного падежа отмѣчаются наблюдателями бѣлорусской рѣчи довольно часто, на ряду съ болѣе распространенными формами множественного числа, главнымъ образомъ отъ названий парныхъ предметовъ — плечо, око, ухо, рука, нога, т.-е. формы—плячыма, ачыма, ушыма, рукама, нагама и т. д., а также и отъ другихъ словъ мужеск., женск. и средн. рода, напр.: грашыма, грыбама, слугама, слязыма и т. д.

Формы звательного падежа единств. числа въ современной бѣлорусской рѣчи. Крупной чертой, характеризующей бѣлорусское склоненіе и отличающей въ этомъ отношеніи бѣлорусскій языкъ отъ русского литературнаго языка, является также сохраненіе въ нѣкоторыхъ разновидностяхъ склоненія именъ существительныхъ формъ звательного падежа ед. числа, несходныхъ съ именительнымъ. Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ известно, звателійный падежъ единств. числа отъ именъ существительныхъ, за весьма немногими исключеніями, напримѣръ: Господи, Боже, отче и нѣкотор. др. сходень съ именительнымъ. Явленіе это есть новообразованіе, такъ какъ въ общерусскомъ языкѣ такого сходства между этими падежами отъ именъ мужескаго и женскаго рода, кроме нѣкоторыхъ разновидностей склоненія этихъ именъ, не было, и звателійные падежи имѣли особое окончаніе.

Бѣлорусскій языкъ въ этомъ отношеніи расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ: въ немъ сохранились старыя формы звателнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ мужскаго и женскаго рода съ окончаніемъ А. Звателный падежъ отъ именъ мужскаго рода имѣть въ бѣлорусскомъ языкѣ тѣ же окончанія, что и въ общерусскомъ, т.-е. Е и У или въ отдѣльныхъ говорахъ на мѣстѣ Е тотъ звукъ, въ который въ силу аканья переходитъ неударяемое Е, напримѣръ: брате, пане, Паўле, коню, гаю, паночку, паничыку, дзѣду, воўче, чалавѣче и т. д. Отступаетъ отъ общерусскаго языка бѣлорусская рѣчь лишь въ томъ, что окончаніе У, а иногда и Е не всегда принимаютъ тѣ имена, которыя имѣли его въ звателномъ падежѣ въ общерусскомъ языкѣ.

Имена женскаго рода также образуютъ звателный падежъ со старыми окончаніями О и Е, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ при извѣстныхъ условіяхъ О и Е, напримѣръ: мамо, матко, сестро, земле, панюхно и т. д.

Однако и въ бѣлорусской рѣчи звателные падежи часто замѣняются, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, именительными, особенно въ сѣверо-восточныхъ говорахъ, тѣмъ болѣе что неударяемые О и Е звучать здѣсь какъ неударяемые А и 'А (А послѣ мягкаго согласнаго, на письмѣ Я).

Въ говорахъ, состоящихъ съ великорусскими, въ именахъ женскаго рода въ значеніи звателнаго падежа встрѣчаются новообразованія, свойственные великорусской рѣчи и имѣющія въ великорусскихъ говорахъ также значеніе звателнаго падежа, напримѣръ: Дунь (Дуня), Каць (Катя), цѣць (тётя), баб (баба) и т. д.

Въ сохраненіи формъ звателнаго падежа бѣлорусская рѣчь имѣть сходство съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Въ формахъ другихъ падежей бѣлорусская рѣчь также представляетъ не мало особенностей сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, но здѣсь нѣть единства между падежами отдѣльныхъ разновидностей склоненія, то-есть въ одной разновидности склоненія одни падежи представляютъ своеобразныя особенности, а въ другой другіе. Въ виду этого въ дальнѣйшей характеристицѣ бѣлорусскаго склоненія придется отмѣтить эти особенности отдельно въ каждой разновидности склоненія.

Разновидности склоненія именъ существительныхъ въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ различаются почти тѣ же разновидности, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ. Отступленія весьма незначительны и касаются только слова путь.

Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ слово путь склоняется иначе, чѣмъ другія имена существительныя мужск. рода, оканчивающіяся на мягкой согласной звукѣ (на письмѣ Ь): вмѣстѣ съ такими словами женск. рода, какъ—ночь, кость, мышь и т. д. оно образуетъ особое склоненіе, извѣстное въ учебникахъ грамматики подъ именемъ третьего склоненія.

То же было и въ общерусскомъ языке. Въ бѣлорусскомъ же языке слово путь измѣняется, какъ всѣ другія имена мужеск. рода мягкаго склоненія, т.-е. такія, какъ—конь, лень, звѣрь и т. д.

Такимъ образомъ въ современномъ бѣлорусскомъ языке можно различать слѣдующія разновидности въ склоненіи именъ существительныхъ: а) твердое и мягкое склоненіе именъ существительныхъ мужеск. рода, б) твердое и мягкое склоненіе именъ средняго рода, в) твердое и мягкое склоненіе именъ женск. рода съ окончаніемъ А, г) склоненіе именъ существительныхъ женск. рода съ мягкимъ или бывшимъ когда-то мягкимъ *) согласнымъ звукомъ на концѣ (на письмѣ Ъ) и д) склоненіе именъ, известныхъ въ учебникахъ грамматики подъ именемъ разносклоняемыхъ.

ТВЕРДОЕ И МЯГКОЕ СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ МУЖЕСКАГО РОДА.

Единственное число.

Именительный падежъ, кромѣ обычныхъ формъ, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ и другими нарѣчіями русского языка, иногда имѣеть въ твердой разновидности склоненія, преимущественно въ собственныхъ именахъ или въ словахъ, означающихъ родство, окончаніе О, а въ говорахъ, измѣняющихся неударяемое О въ конечномъ открытомъ слогѣ,—А, напримѣръ: Пятрб, Паўлб, Гаўрыло, Днятрб, бацько, татко и т. д. или Гаўрыла, бацька, татка. При переходѣ О въ А эти имена въ косвенныхъ падежахъ могутъ измѣняться, какъ имена женск. рода съ окончаніемъ А—Гаўрылы, Гаўрылѣ, или Гаўрыли, съ Гаўрылой и т. д.

Въ образованіи формъ именительного падежа единств. числа съ окончаніемъ О бѣлоруск. рѣчи сходится съ малорусской.

Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ въ значеніи именительного падежа можно встрѣтить формы звательного, напр.: поѣхаў сынку, идзѣ казача, ишоў паничу и т. д.**) И здѣсь также сходство съ малорусскимъ языкомъ.

Родительный падежъ такъ же, какъ и въ русскомъ литературномъ языке, оканчивается на А и отчасти на У, при чёмъ въ бѣлорусской рѣчи окончаніе У иногда принимаютъ такія слова, которыя въ русскомъ литературномъ языке имѣютъ А.

Въ дательномъ падежѣ особенность представляютъ только нѣкоторые юго-западные бѣлорусскіе говоры: здѣсь дательный падежъ отъ именъ лицъ иногда имѣеть въ твердомъ склоненіи окончаніе—ОВИ и въ мягкомъ—ЕВИ со свойственнымъ отдѣльнымъ говорамъ измѣненіемъ при безударности звуковъ О и Е, напримѣръ: хлопцави, дзядзькави, канёви, кавалёви и т. д. Подобные формы дательного падежа отмѣчены въ Грод-

*) Такія слова, какъ рожь, ночь, мышь въ современномъ бѣлорусскомъ языке имѣютъ на концѣ твердый согласный, такъ какъ шипящіе въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тверды, но въ общерусскомъ языке они были мягки.

**) См. Е. Ф. Карский. Бѣлоруссы, П. стр. 160—161.

ненскомъ, Рѣчицкомъ, Слуцкомъ, Сокольскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Винительный падежъ у именъ предметовъ неодушевленныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ сходенъ съ родительнымъ, а не съ именительнымъ, напримѣръ: сѣкуть дуба, вазьми рубля, пояса несла и т. д.*), чѣмъ бѣлорусская рѣчъ отличается въ этомъ падежѣ отъ русского литературного языка.

Творительный падежъ въ твердомъ и мягкому склоненіи имѣеть такія же окончанія, какъ и въ русскомъ литературномъ языке, только въ говорахъ звуки О и Е окончаній - ОМЪ и - ЕМЪ подвергаются въ силу аканья соответствующимъ измѣненіямъ.

Мѣстный падежъ чаще, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языке, принимаетъ окончаніе У; отмѣчается оно и у такихъ именъ, которые въ русскомъ литературномъ языке имѣютъ окончаніе Е (на письмѣ Ъ), напримѣръ: у бярэзьнику, у вучылишу, на каню, у мяшку и т. д. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчены мѣстные падежи съ окончаніемъ Е или съ соответствующимъ измѣненіемъ его при безударности отъ такихъ именъ, которые въ русскомъ литературномъ языке въ мѣстномъ падежѣ имѣютъ У, напримѣръ: у лѣси, у садзи (въ саду), на берази (на берегу) и т. д. при формахъ съ окончаніемъ У. Въ мягкой разновидности склоненія, кроме того, встрѣчаются мѣстные падежи съ окончаніемъ И и при удареніи на окончаніи, напримѣръ: на кани, на краи и т. д. Сходно съ этимъ образуютъ мѣстный падежъ и имена, оканчивающіяся на шипящій звукъ или Ц—на нажы, на мячи, на канцы и т. д.

Формы мѣстного падежа съ окончаніемъ И есть остатокъ старины. Въ общерусскомъ языке такое окончаніе всегда имѣть мѣстный падежъ въ мягкой разновидности склоненія. Слѣдовательно современный русский литературный языкъ, а также и бѣлорусскій, тамъ где онъ имѣть мѣстные падежи въ мягкомъ склоненіи съ окончаніемъ Е (Ъ), представляютъ въ этихъ падежахъ новообразованіе.

Въ сохраненіи формы мѣстного падежа съ окончаніемъ И въ мягкой разновидности склоненія бѣлорусская рѣчъ сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Особенность склоненія именъ мужск. рода въ бѣлорусскомъ языке составляетъ также измѣненіе задненѣбныхъ звуковъ предъ падежными окончаніями въ звателномъ и мѣстномъ падежахъ. (Сравн. выше. стр. 211).

Множественное число.

Сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, бѣлорусская рѣчъ въ именительномъ падежѣ твердой разновидности склоненія представляетъ особенности какъ общебѣлорусского, такъ и діалектическаго характера.

*) См. Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, ч. 2, стр. 167.

Во-первыхъ, именительный падежъ множествен. числа съ окончаніемъ А вовсе неизвѣстенъ бѣлорусской рѣчи: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русская литературная рѣчь и великорусское нарѣчіе имѣетъ А, напримѣръ: города, берега, лѣса и т. д., въ бѣлорусской рѣчи—Ы (или послѣ задненѣбныхъ И) — гарады, бираги, лясы и т. д. Явленіе это общебѣлорусское.

Во-вторыхъ, на юго-западѣ Бѣлоруссіи въ отдельныхъ говорахъ встрѣчаются, но почти исключительно въ твердой разновидности именительные падежи множествен. числа съ окончаніемъ Э, а въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги,—съ дифтонгами ЙЭ или ЙЕ, если удареніе падаетъ на окончаніе, напримѣръ: волэ, дворэ, братэ, мясэ, хлопцэ, конé, рублэ, ваўкэ, мужыкэ, хлопцыэ, братыб, сярпыё, лугиё, гаршкиё*) и т. д.

Именительныхъ падежей съ такимъ окончаніемъ нѣтъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, и съ точки зрењія современного русского литературного языка такая форма именительного падежа можетъ показаться очень странной. Но обратимъ здѣсь вниманіе на то, что въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, здѣсь слышится не Е, а дифтонгъ и что въ памятникахъ западно-русской письменности встрѣчаются такія формы не только съ Е въ окончаніи, но и съ Ъ. Эти два обстоятельства указываютъ на то, что когда-то этотъ падежъ имѣлъ на концѣ звукъ Ъ, впослѣдствіи измѣнившійся въ Е или въ дифтонгъ. Дальнѣйшее объясненіе происхожденія этихъ формъ даетъ намъ исторія русского языка. Именно, въ общерусскомъ языкѣ Ъ было въ окончаніи винительного падежа множественного числа тѣхъ именъ существительныхъ мужск. рода, которые въ современномъ русскомъ языкѣ имѣютъ мягкий согласный звукъ на концѣ, т.-е. такихъ, какъ—конь, корабль, царь и т. под. Съ теченіемъ времени форма винительного падежа стала смѣшиваться съ формой именительного. Вслѣдствіе этого винительный падежъ сталъ употребляться вмѣсто именительного, т.-е. у именъ мягкаго склоненія значеніе именительного падежа получили формы съ окончаніемъ Ъ—конь, князъ, краѣ, обычай и т. д., что и находимъ въ памятникахъ письменности. Отъ именъ мягкаго склоненія это окончаніе было перенесено и въ именительный падежъ твердаго, что также встрѣчается въ памятникахъ западно-русской письменности и удержалось преимущественно въ нихъ, какъ діалектическое явленіе, съ соответствующимъ измѣненіемъ Ъ.

Приѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь, что современная русская литературная форма именительного падежа множествен. числа твердаго склоненія съ окончаніемъ -Ы—рабы, столы, дворы и т. д. по своему окончанію есть старая форма винительного падежа множественного числа тѣхъ же именъ; именительный же падежъ въ твердомъ склоненіи имѣлъ окончаніе И, предъ которымъ задненѣбные звуки измѣнялись въ свистящіе, напримѣръ: раби, хлѣби, человѣци, волци. То же было и въ древне-церковно славянскомъ языкѣ (см. учебникъ грам-

*) См. Е. Ф. Карский. Бѣлоруссы, т. I, ч. 2, стр. 182—183.

матики древне-церковно-славянского языка) и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Діалектически, кое-гдѣ на западѣ Бѣлоруссіи, встрѣчается окончаніе - ОВЕ: панбве, сватбве, братбве и т. д. или съ измѣненіемъ конечнаго неударяемаго Е.

Имена на - ИН, принимающія въ русскомъ литературномъ языкѣ въ именительномъ падежѣ множествен. числа окончаніе - Е (крестьяне, мѣщане, дворяне), въ современномъ бѣлорусскомъ языке въ большинствѣ говоровъ имѣютъ - И; формы съ - Е рѣдки.

Родительный падежъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, представляетъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, въ твердомъ склоненіи въ бѣлорусской рѣчи менѣе употребительны формы родительного падежа множественного числа, равная именительному единственнаго, т.-е. представляющія съ точки зрењія современного языка слово въ его основной формѣ, каковы, напримѣръ, въ русскомъ литературномъ языке родит. падежи множествен. числа: аршинъ, глазъ, волбсь и т. д. Въ записяхъ бѣлорусской рѣчи подобныя формы отмѣчены въ весьма незначительномъ количествѣ, но при этомъ иногда отъ такихъ словъ, которыя въ русскомъ литературномъ языке имѣютъ родительный падежъ множественного числа съ окончаніемъ - ОВ. (См. Е. Ф. Карский. Бѣлорусы, т. II, ч. 2, стр. 189).

Во-вторыхъ, болѣе распространенное окончаніе этого падежа - ОВ звучить какъ - ОЎ или - АЎ, вслѣдствіе свойственнаго бѣлорусскому языку измѣненія В на концѣ слова и неударяемаго О, напримѣръ: гарадоў, салдатаў, разоў и т. д.

Имена съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ имѣютъ въ этомъ падежѣ слѣдующія окончанія: а) свойственное русскому литературному языку ЕЙ съ соответствующими въ отдельныхъ говорахъ измѣненіями при безударности звука Е, напримѣръ: канѣй, рублѣй, грашѣй, или кѣній, грбшый, кбняй, грбшай и т. д.; б) то же окончаніе - ОЎ или - АЎ, что и въ твёрдомъ склоненіи, напримѣръ: рублѣў, канѣў и т. д.

Винительный падежъ, какъ въ другихъ нарѣчіяхъ рус. языка и въ русскомъ литературномъ языке, сходенъ съ именительнымъ или родительнымъ, а слѣдовательно въ винительномъ падежѣ встрѣчаются тѣ же окончанія, что въ именительномъ или родительномъ падежѣ.

Общебѣлорусскія формы дательного, творительного и мѣстнаго падежей тѣ же, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языке, т.-е. съ окончаніями - АМ, - АМИ, - АХ. Діалектически же встрѣчаются и другія формы.

Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ наблюдателями отмѣчаются у именъ обѣихъ разновидностей склоненія формы дательного падежа съ окончаніемъ - ОМ, если удареніе падаетъ на окончаніе, напримѣръ: братомъ, зубомъ, паномъ, москалёмъ, ковалёмъ и т. д.

Діалектически также встрѣчаются творительные падежи съ окончаніями - МИ, - АМЫ, - АМ и - АМА, напримѣръ: коньми, ключми, грошми,

дварамы, панамы, сватамы, зубам, грашам, ключам, за грыбами и т. д. Формы на -АМА сравнительно рѣдки, а на -АМ встречаются преимущественно на сѣверѣ Бѣлоруссіи, по сосѣдству съ сѣверно-великорусскими говорами; прочія же діалектическія формы имѣютъ болѣе широкое распространеніе.

Кромѣ бѣлорусского нарѣчія, эти формы встречаются также и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Въ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говорахъ мѣстныи падежъ принимаетъ окончанія: -ЕХ, -ОХ и -'ОХ (на письмѣ -ЁХ), при чемъ окончаніе -ОХ бываетъ преимущественно ударяемо, а -ЕХ при отсутствіи ударенія на немъ подвергается въ силу аканья соответствующимъ измѣненіямъ, хотя вообще мѣстные падежи съ окончаніемъ -ЕХ встречаются рѣдко. Формы же съ окончаніями -ОХ и -'ОХ болѣе часты и отмѣчаются въ рядѣ говоровъ, напримѣръ: грыбох, дубох, садох, паясох, лясох, людзѣх, гасыцѣх и т. д.

Такія формы мѣстного падежа неизвѣстны современной русской литературной рѣчи и есть старыя русскія окончанія, нѣсколько измѣненные въ звуковомъ отношеніи и употребляемыя въ бѣлорусскомъ языкѣ отчасти не на свое мѣсто.

Окончаніе -ЕХ есть измѣненное старое общерусское окончаніе мѣстного падежа -ѢХЪ со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ Ъ въ Е; въ общерусскомъ языкѣ это окончаніе имѣла значительная часть именъ мужскаго рода, принадлежащихъ теперь къ твердой разновидности рассматриваемаго склоненія.

Окончаніе -ОХ также есть нѣсколько измѣненное въ звуковомъ отношеніи окончаніе мѣстного падежа такихъ именъ существительныхъ, какъ— воль, сынъ, домъ, верхъ и т. д., которая, какъ уже сказано (стр. 217), въ общеславянскомъ языкѣ составляли особое склоненіе. Въ образованіи мѣстного падежа съ окончаніемъ -ОХ не отъ этихъ только, но и отъ другихъ именъ мужскаго рода бѣлорусская рѣчи не расходится съ общерусскимъ языккомъ позднѣйшаго периода: въ общерусскомъ языкѣ въ болѣе позднюю эпоху было то же самое—разграничение между тѣми и другими именами мужскаго рода было въ общерусскомъ языкѣ только въ болѣе ранній периодъ его исторіи.

Окончаніе -'ОХ (ЁХ) также есть измѣненное въ звуковомъ отношеніи старое окончаніе мѣстного падежа такихъ именъ существительныхъ, которая въ современномъ русскомъ языкѣ составляютъ, такъ называемое, третье склоненіе.

Приѣчаніе. Въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи къ этому склоненію, какъ уже сказано раньше (стр. 222), принадлежать только имена женскаго рода съ мягкимъ или бывшимъ когда-то мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ (на письмѣ Ь). Въ русскомъ литературномъ языкѣ сюда относится и слово мужскаго рода путь. Въ общерусскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ ранній периодъ его исторіи сюда, кромѣ слова путь, принадлежали и нѣкоторыя другія имена мужскаго рода.

Современная белорусская речь, образуя въ отдельныхъ своихъ говорахъ мѣстный падежъ съ такимъ окончаніемъ вообще отъ именъ мужескаго рода съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ, а не только отъ тѣхъ, которые когда-то принадлежали къ тому склоненію, видоизмѣненіе котораго въ настоящее время известно подъ именемъ III-го склоненія, употребляеть такимъ образомъ это окончаніе не всегда согласно со ста-риной.

Подобная окончанія принимаетъ мѣстный падежъ и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ СРЕДНЯГО РОДА СЪ ОКОНЧАНИЕМЪ О и Е.

Въ склоненіи именъ существительныхъ средняго рода съ окончаніемъ О и Е белорусская речь расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ только въ именительномъ и родительномъ падежахъ множественного числа именъ съ окончаніемъ О, въ остальныхъ же падежахъ тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языке, со свойственнымъ белорусскому языку измѣненіемъ нѣкоторыхъ звуковъ.

Именительный падежъ множественного числа имѣть преимущественно окончаніе Ы, напримѣръ: балоты, дровы, кольцы, вокны, сёлы и т. д.; окончаніе А встрѣчаеться рѣже.

Родительный падежъ въ отдельныхъ говорахъ принимаетъ окончаніе -ОЎ или при безударности -АЎ, напримѣръ: вокнаў, яблакаў, палотнаў, мястоў и т. д. Отъ нѣкоторыхъ именъ такія формы повсемѣстны.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ ЖЕНСКАГО РОДА СЪ ОКОНЧАНИЕМЪ А. ТВЕРДОЕ И МЯГКОЕ СКЛОНЕНИЕ.

Въ склоненіи именъ женского рода съ окончаніемъ А белорусская речь расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ 1) вслѣдствіе свойственного белорусской речи измѣненія нѣкоторыхъ звуковъ и 2) вслѣдствіе наличности въ нѣкоторыхъ падежахъ иныхъ окончаній.

Такъ звуки Г, К, Х предъ окончаніемъ дательного и мѣстного падежей единственного числа переходятъ въ свистящіе З, Ц, С (сравн. стр. 211); окончанія дательного и мѣстного падежей единственного числа отличаются отъ соответствующихъ окончаній въ русскомъ литературномъ языке вслѣдствіе измѣненія ихъ въ говорахъ подъ удареніемъ въ дифтонги.

Изъ двухъ окончаній творительного падежа единственного числа въ русскомъ литературномъ языке -ОЮ и -ОЙ въ белорусскомъ языке болѣе употребительно первое; формы съ -ОЙ встрѣчаются рѣже.

Въ остальномъ общебѣлорусскія формы этого склоненія сходны съ соответствующими формами русского литературнаго языка. Въ говорахъ же отмѣчаются формы отдельныхъ падежей, неизвѣстныя русскому литературному языку.

Такъ въ западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ встрѣчаются формы родительного падежа единственного числа съ окончаніемъ Е, напримѣръ: зямле, травэ, вадэ и т. д. У именъ мягкой разновидности склоненія такія формы родительного падежа единственного числа есть остатокъ старины, а въ твердой—новообразованіе: въ общерусскомъ языкѣ въ мягкому склоненіи было ѳ, а въ твердомъ Ы; бѣлорусское Е слѣдовательно есть свойственное бѣлорусской рѣчи измѣненіе звука ѳ.

Въ мягкой разновидности въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ встрѣчается окончаніе И не только какъ результатъ измѣненія неударяемаго Е (изъ ѳ), что свойственно, разумѣется, и твердому склоненію, но и подъ удареніемъ; напримѣръ, отмѣчены формы: зямли, зъмяи, шесьцярни и т. д.*). Ударяемое И въ подобныхъ формахъ указываетъ на то, что И здѣсь основное, а не происходящее изъ Е и слѣдовательно есть особое окончаніе дательного падежа мягкой разновидности. Окончаніе И въ этихъ формахъ есть остатокъ старины, неизвѣстный современному русскому языку: въ общерусскомъ языкѣ имена мягкой разновидности склоненія всегда имѣли въ этихъ падежахъ И, а ѳ было только въ твердой разновидности.

Въ твердой разновидности склоненія отмѣчаются формы дательного и мѣстного падежа съ окончаніемъ Ы и съ удареніемъ на немъ—гары, сястры, души, даццы. Въ виду только что сказанного объ окончаніи дательного и мѣстного падежей твердой разновидности этого склоненія въ общерусскомъ языкѣ ясно, что формы—гары, сястры и т. д. есть новообразованія.

Въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ говорахъ отмѣчены формы творительного падежа съ окончаніемъ ЭЙ, напримѣръ: э бабэй, с хоўрэй и т. д.**).

Множественное число. Въ отдельныхъ говорахъ отмѣчены преимущественно у именъ твердой разновидности и рѣже у именъ мягкой формы именительного и винительного падежа, когда послѣдній сходенъ съ именительнымъ, съ окончаніемъ Э, а въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги,—съ дифтонгомъ ЙЕ, напримѣръ: вадэ, крупэ, дзяўкэ, жанкѣ или—дзяўкіе, жанкіе и т. д. Это окончаніе въ твердой и мягкой разновидности склоненія такого же происхожденія, какъ и соответствующія формы у именъ мужскаго рода (см. стр. 224).

Въ отдельныхъ случаяхъ родительный падежъ множественного числа принимаетъ окончаніе -ОЎ или при безударности его -АЎ, т.-е. такое же, какъ имена мужскаго и средняго рода, напримѣръ: мухаў, матушкаў, сёстраў, лисицаў и т. д.

Діалектически, какъ и въ именахъ мужскаго и средняго рода, встрѣчаются формы творительного падежа съ окончаніемъ —амы, —ми,

*). Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 216, 222.

**). Е. Ф. Карскій. Бѣлорусская рѣчь, стр. 42; Бѣлоруссы, II, 2, стр. 221.

—ам, напримѣръ: рукамы, нагамы, рукми, свячми, съязьми, с рукам, за дровам, лаўкам и т. д. *).

Особенность бѣлорусской рѣчи въ этомъ склоненіи, неизвѣстную русскому литературному языку, представляютъ такія формы именительного падежа единственного числа, какъ—пани, княгини, гаспадыни, отмѣчаемыя въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, при чёмъ первая встрѣчается, повидимому, повсемѣстно.

Къ склоненію именъ женского рода съ окончаніемъ А принадлежать и имена мужского рода съ такимъ же окончаніемъ, т.-е. такія, какъ судзьдзя, стараста, старшина и т. под., но въ нѣкоторыхъ говорахъ они образуютъ нѣкоторые падежи, какъ имена мужского рода.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕНЪ ЖЕНСКАГО РОДА СЪ МЯГКИМЪ ИЛИ БЫВШИМЪ КОГДА-ТО МЯГКИМЪ СОГЛАСНЫМЪ ЗВУКОМЪ НА КОНЦЪ (на письмѣ съ Ь).

Имена женского рода, оканчивающіяся на мягкой согласный звукъ или на шипящіе, бывшіе когда-то мягкими, имѣютъ тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, кромѣ творительного падежа единственного числа и дательного, творительного и мѣстного множественнаго.

Въ творительномъ падежѣ единственного числа отмѣчаются влѣдущія окончанія: во-первыхъ, то же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, т.-е. ю (на письмѣ Ю), предъ которымъ происходитъ свойственное въ такомъ положеніи бѣлорусской рѣчи удвоеніе предшествующаго согласнаго звука (см. стр. 210), вслѣдствіе чего бѣлорусскіе творительные падежи съ такимъ окончаніемъ звучатъ иначе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, напримѣръ: солью, грязю, пасцелью, ноччу, печчу и т. д. Дialectически, вмѣсто удвоенного, бываетъ долгій согласный, сокращающійся въ нѣкоторыхъ говорахъ.

Во-вторыхъ, —ю, —ей при безударности окончанія, съ соответствующимъ измѣненіемъ въ говорахъ въ силу аканья звука Е, и въ третьихъ, подъ удареніемъ —ою, —ёю (—'ою) и —ой, —ёй (—'ой), напримѣръ: ночею, ночей или начою, начой, касьцёю, касьцей.

Въ дательномъ, творительномъ и мѣстномъ падежахъ, кромѣ окончаній, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, отмѣчаются въ отдельныхъ говорахъ подъ удареніемъ слѣдующія окончанія: въ дательномъ падежѣ —'ом и въ мѣстномъ —'ох, а въ творительномъ —ми, напримѣръ: касьцем, грудаёх, касьцёх, касьцыми, дзвярьми и т. д.

Формы творительного падежа съ окончаніемъ —ми есть сохраненіе старины: въ общерусскомъ языкѣ въ творительномъ падежѣ въ этомъ склоненіи было только окончаніе —ми.

*) Е. Ф. Карскій. Бѣлорусская рѣчь, стр. 42; Бѣлоруссы, П, 2, стр. 228.

Формы дательного падежа съ окончаниемъ —'ом и мѣстнаго съ окончаниемъ 'ох—также старина, но нѣсколько измѣненная въ звуковомъ отношеніи.

Въ русскомъ литературномъ языкѣ къ этому склоненію принадлежить въ единственномъ числѣ и слово мужескаго рода путь*), но въ бѣлорусскомъ языкѣ, какъ уже сказано, оно и въ единственномъ числѣ склоняется, какъ—конь, корабль и друг., то-есть какъ имена мужескаго рода мягкаго склоненія.

РАЗНОСКЛОНЯЕМЫА ИМЕНА.

Склоненіе въ бѣлорусскомъ языкѣ именъ, называемыхъ въ учебникахъ грамматики разносклоняемыми, также представляетъ нѣкоторыя отличія отъ склоненія ихъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Такъ имена средняго рода съ такъ называемымъ наращеніемъ —ен—, т.-е. такія, какъ имя, время, темя, племя, пламя и т. д., часто образуютъ въ единственномъ числѣ формы безъ этого наращенія и склоняются, какъ имена средняго рода мягкаго склоненія, напримѣръ: имю, цемю, племю, имям, племям и т. д. Въ нѣкоторыхъ формахъ, напримѣръ, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа они иногда сохраняютъ это наращеніе, но имѣютъ окончаніе —оў или при безударности его —аў, наприм. именаў**).

Примѣчаніе. Формы безъ наращенія употребляются иногда и въ русской литературной рѣчи. Ихъ можно также встрѣтить въ поэтическихъ произведеніяхъ, напримѣръ: «То къ темю ихъ прижметъ» (Крыловъ); «Подобралъ туманъ выше темя горъ» (Кольцовъ); «Время нѣть» (Грибоѣдовъ, «Горе отъ ума». Д. III, явл. 18) и т. д.

Имена съ такъ называемымъ наращеніемъ Т отличаются отъ такихъ именъ въ русскомъ литературномъ языкѣ въ образованіи главнымъ образомъ формъ единственнаго числа. Въ русскомъ литературномъ языкѣ въ единственномъ числѣ почти исключительно употребляются формы съ суффиксомъ -ОНОК: телёнокъ, поросёнокъ, теленка, поросенка и т. д. Только слово дитя измѣняется съ наращеніемъ Т: дитя, дитяти, дитятей и т. д.

Въ бѣлорусскомъ же языкѣ, наоборотъ, только слово дитя часто замѣняется новообразованіемъ съ суффиксомъ -ЁНОК (дзицёнок) и образуетъ отъ него остальные падежи единственнаго числа. Всѣ же другія имена, означающія названія молодыхъ животныхъ, склоняются съ наращеніемъ Т, измѣняя его при цеканыи въ Ц, напримѣръ: парася, парасяци, циля, циляци и т. д. Въ подобныхъ формахъ бѣлорусская рѣчь сохраняетъ старину, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями ея въ отдѣльныхъ падежахъ.

*) Во множественномъ числѣ оно теперь склоняется какъ прочія имена существительныя мужескаго рода съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ.

**) Акад. Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы. II, 2, стр. 246.

Приимѣчаніе. Въ склоненіи слова дитя въ единствен. числѣ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ рядомъ съ обычной формой отмѣчается и своеобразная форма дательного падежа—дзицяю*).

Въ образованіи формъ множественнаго числа бѣлорусская рѣчь почти не отличается отъ русской литературной; только въ именительномъ падежѣ нерѣдко окончаніе Ы, вмѣсто А: циляты, парасяты и т. д.

Въ множественномъ числѣ нерѣдко также встрѣчаются эти имена и съ усложненнымъ суффиксомъ - ЕНЯТ - (разумѣется, съ соответствующимъ измѣненіемъ неударяемаго Е)—гусиняты, воўчаняты, казылиняты и т. д.

Объ именахъ, склоняемыхъ въ русскомъ литературномъ языѣ съ наращеніемъ Р, т.-е. о склоненіи именъ мать и дочь, надо замѣтить слѣдующее. Слово дочь не употребляется въ бѣлорусской рѣчи, а замѣняется производными отъ него дачка или дочка.

Слово мать обыкновенно имѣеть на концѣ звукъ Ц'—маць; кроме того, употребляется форма маци. Эта форма есть архаизмъ и, кроме бѣлорусской рѣчи, сохранилась также и въ малорусскомъ нарѣчіи, разумѣется, съ сохраненіемъ звука Т (мати). Формы множественнаго числа образуются отъ производнаго слова матка; иногда отъ него образуются и формы единственнаго числа.

МѢСТОИМЕНІЯ.

Общая характеристика мѣстоименій въ бѣлорусскомъ языѣ.

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи приблизительно тѣ же мѣстоименія, что и въ русскомъ литературномъ языѣ. Только нѣкоторыя изъ нихъ есть новообразованія, неизвѣстныя русской литературной рѣчи, но встрѣчающіяся отчасти и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ-языкахъ. Таковы, напримѣръ: наській, явоный, а въ нѣкоторыхъ говорахъ ягоный, ихній или ихный, такоўській, жодный, жодзен или жадзен, якій и другія. Нѣкоторыя мѣстоименія въ бѣлорусскомъ языѣ нѣсколько отличаются отъ соответствующихъ мѣстоименій въ русскомъ литературномъ языѣ или вслѣдствіе свойственныхъ бѣлорусскому языку и разсмотрѣнныхъ выше звуковыхъ явлений, или въ силу измѣненій ихъ звукового состава, вызванныхъ другими причинами. Таковы, напримѣръ: гэты или гэтый, ўесь, кажный (каждый), ён (онъ), яна (она), тэй (тотъ) и т. д.

Въ формахъ склоненія мѣстоименій тоже есть особенности, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Одинъ изъ нихъ—новообразованія, неизвѣстныя русской литературной рѣчи и вызванныя свойственнымъ бѣлорусскому языку измѣненіемъ въ извѣстныхъ условіяхъ звуковъ или другими причинами, а другія—остатокъ старины. Оставляя въ сторонѣ, какъ общеизвѣстныя, формы общія у бѣлорусского языка съ русскимъ литературнымъ, отмѣчу наиболѣе значительныя, сравнительно съ нимъ,

* Акад. Е. Ф. Карский. Бѣлоруссы. II, ч. 2, стр. 248.

особенности въ склонениі отдельныхъ мѣстоименій или группъ мѣстоименій.

Личная мѣстоименія 1-го и 2-го лица и возвратное мѣстоименіе. Въ склонениі личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица только формы множественного числа сходны съ соответствующими формами русского литературного языка. Въ единственномъ числѣ эти мѣстоименія, а также и возвратное себя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются отъ соответствующихъ формъ въ русскомъ литературномъ языке. Приведу полностью склоненіе этихъ мѣстоименій въ единственномъ числѣ съ диалектическими вариантами отдельныхъ падежей.

Им.	я.	ты.
Род.	мянѣ, мине.	цябѣ, цибе.
Дат.	мнѣ.	табѣ, тобѣ.
Вин.	сходень съ родительнымъ.	
Твор.	мною.	табою.
Мѣст.	сходень съ дательнымъ.	сабою.

Въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, въ дательномъ и мѣстномъ падежѣ на мѣстѣ ъ слышится соответствующей дифтонгъ.

Формы дательного падежа табѣ, сабѣ и родительного мяне, цябе, сябя и мине, цибе, сибе есть нѣсколько измѣненные аканьемъ остатки старины: въ общерусскомъ языкѣ были, между прочимъ, въ дательномъ падежѣ формы тобѣ, собѣ, а въ родительномъ мене, тебе, себе.

Диалектически, въ юго-западныхъ белорусскихъ говорахъ, встрѣчаются въ винительномъ падежѣ формы МЕ, ЦЕ, СЕ.

Мѣстоименіе 3-го лица. Мѣстоименіе 3-го лица склоняется какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ только въ косвенныхъ падежахъ множественного числа, а въ остальныхъ представляетъ слѣдующія образования.

Единственное число.

	Мужской родъ.	Средний родъ.	Женский родъ.
Им.	ён.	янб.	яна.
Р.	ягб.		яб.
Д.	яму.		ѣй.
В.	какъ родительный.	какъ въ мужскомъ родѣ.	яѣ.
Т.	йим.		ѣй, єю.
М.	йим, ём.		ѣй.

Множественное число.

Им. яны, ены, ёны для всѣхъ родовъ.

Диалектически отмѣчается форма родительного падежа единств. числа муж. рода ёгб, а женскаго ие.

Особенность мѣстоименія 3-го лица, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языккомъ, составляетъ еще то обстоятельство, что формы

косвенныхъ падежей, имѣя предъ собой предлогъ, не принимаютъ приставочного звука Н, напримѣръ к яму, к ёй, аб ёй и т. д. Отмѣчаемыя кое-гдѣ формы съ Н—результатъ великорусского влиянія.

Мѣстоименія неличныя.

Общая характеристика. Въ мѣстоименіяхъ неличныхъ та же картина: одни формы тождественны съ соответствующими формами въ русскомъ литературномъ языкѣ, поскольку это тождество не нарушается свойственными бѣлорусской рѣчи измѣненіями звуковъ, а другія представляютъ или неизвѣстныя русскому литературному языку новообразованія, или въ большей или меньшей степени измѣненныя старыя формы и также не встрѣчающіяся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Отмѣтимъ наиболѣе распространенная изъ формъ, не встрѣчающихся въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Мѣстоименія указательныя представляютъ значительное количество такихъ формъ; формъ, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, у нихъ сравнительно немного. Приведу поэтому полностью склоненіе одного изъ указательныхъ мѣстоименій, напримѣръ, мѣстоименія той (тотъ) съ діалектическими variantами отдельныхъ формъ.

Единственное число.

Мужской родъ. Им. той, тыи, тэй, тўой (въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги); род. таго; дат. таму; вин. сходень съ именительнымъ или съ родительнымъ; твор. тым; мѣст. тым.

Средний родъ. Им. В. Зв. тбѣ, тбя, тоѣ. Остальные падежи какъ въ мужск. родѣ.

Женский родъ. Им. тая; род. таё, тыё, таей, таёй, тэй, тыя, тыи; дат. таей, той, тэй, таёй; вин. тую; твор. таей, таёй, таю, таёю, тою; мѣст. таей, таю, той, тэй, таёй, таёю.

Множественное число.

Во всѣхъ падежахъ множества числа формы мужского, женского и средняго рода одинаковы.

Им. тыи, тыя, тыи (въ зависимости отъ говора); род. тых; дат. тыми; вин. сходень съ именительнымъ или съ родительнымъ; твор. тыми; мѣст. тых.

Также склоняются мѣстоименія: гэтый (діалектически геты, еты, еты), такій или таки, самыи, кожныи (діалектически кожныи), якій или яки, ниякій, ўсякій, ихній или ихныи, каторый, ейный и друг.

Изъ приведенныхъ формъ именит., отчасти винительный, творит. и мѣстн. падежи единственного числа мужского и средняго рода есть новообразованія, отличающія бѣлорусскую рѣчу отъ русского литературнаго языка и отчасти отъ другихъ русскихъ нарѣчий; формы род. и дат. паде-

жей того же рода и числа сходны съ тѣми же формами въ русскомъ литературномъ языкѣ съ тѣмъ лишь отличiemъ, что на мѣстѣ звука В въ родительномъ падежѣ въ рус. литературномъ языкѣ бѣлорусское нарѣчіе имѣть Г фрикативное *).

Примѣчаніе. Фрикативное Г на мѣстѣ русского литературнаго В въ окончаніи родительн. падежа единств. числа мужеск. и средн. рода имѣютъ и другія мѣстоименія, а также имена прилагательныя полной формы, числительныя порядковыя и причастія.

Формы единственнаго числа женскаго рода—попреимуществу бѣлорусскія новообразованія. Только форма род. пад. таѣ есть старая форма, измѣненная въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ общерусскаго ѿ и неударяемаго О въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: въ общерусскомъ языкѣ родит. падежъ единств. числа женскаго рода быль той.

Формы множественнаго числа есть новообразованія, отличающія бѣлорусскую рѣчь какъ отъ общерусскаго языка, такъ и отъ современного русского литературнаго: въ общерус. языкѣ во множественномъ числѣ, кромѣ именительного и винительного падежа всѣхъ родовъ (муж., женск. и средн.), были тѣ же формы, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ (разумѣется, съ ѿ на мѣстѣ современного Е).

Примѣчаніе. Формы именительного и винительного падежа множествен. числа мужеск., средняго и женскаго рода въ общерусскомъ языкѣ были такія же, какъ и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ. Желающимъ ознакомиться съ этими формами рекомендую обратиться къ учебнику грамматики древне-церковно-славянскаго языка.

Склоненіе мѣстоименій мой, твой, свой. Въ склоненіи мѣстоименій мой, твой, свой, кромѣ формъ, общихъ съ современнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, въ родительномъ и дательномъ падежѣ мужескаго и средняго рода единствен. числ. отмѣчены слѣдующія, болѣе распространенные формы: майго, твайго, свайго; майму, твайму, свайму; кромѣ того, мѣстный падежъ обыкновенно замѣняется творительнымъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчаются формы родительного падежа маго, тваго, сваго.

Остальные падежи въ мужескомъ и среднемъ родѣ единственнаго числа тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Въ женскомъ родѣ единственнаго числа не сходны съ русскимъ литературнымъ языкомъ: 1) формы родительного падежа — маѣ, тваѣ, сваѣ, маѣй, тваѣй, сваѣй; 2) дательного и мѣстного — маѣй, тваѣй, сваѣй и 3) творительного — маѣй, маю, тваѣй, тваѣю и т. д. Всѣ эти формы есть новообразованія: въ общерусскомъ языкѣ были слѣдующія формы: род. пад. моѣ, твоѣ, своеѣ; дательный и мѣстный моей, твоей, своей и творительный мою, твою, свою.

*) На письмѣ въ русскомъ литературномъ языкѣ также Г, равно какъ пишутся эти формы съ О—того, тому.

Въ именительномъ падежѣ множественного числа эти мѣстоименія имѣютъ одну для всѣхъ родовъ старую, форму — маѣ, тваѣ, сваѣ со звукомъ Е изъ стараго Ъ и съ А изъ О (вслѣдствіе аканья), но формы эти въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ отчасти не на своемъ мѣстѣ: въ общерус. языкѣ моѣ, твоѣ, своѣ были формами только именит. и винит. падежей множ. числа женскаго рода и винительного множественного числа мужскаго.

Рѣже встрѣчаются формы именительного падежа множеств. числа маи, тваи, сваи (для всѣхъ родовъ). Остальные падежи множ. числа какъ въ русскомъ литературномъ языке.

Сходно съ мой, твой, свой склоняются и мѣстоименія чыї, чыѧ, чыѣ.

Мѣстоименіе ўвесь или увесь (весь) представляеть въ нѣкоторыхъ падежахъ, съ одной стороны, образованія, сходныя съ отмѣченными въ только что разсмотрѣнныхъ мѣстоименіяхъ, а съ другой—отличается отъ соответствующихъ формъ въ русскомъ литературномъ языке своимъ звуковымъ составомъ, обусловленнымъ звуковыми явленіями въ бѣлорусской рѣчи. Вслѣдствіе этого склоненіе его имѣтъ слѣдующій видъ.

Единственное число.

Мужскій родъ. Им. ўвесь, увесь. Р. ўсягб, ўсягб. Д. ўсяму. В. какъ именит. или родит. Т. ўсим, ўсиэм въ говорахъ имѣющихъ дифтонги. М. ўсим, усѣм, ўсюомъ въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги.

Средній родъ. Им. и вин. ўсѣ, усѣ. Остальные падежи какъ въ мужск. родѣ.

Женскій родъ. Им. ўся, уся. Р. ўсяѣ, ўсеѣ, ўсеї, ўсѣй. Д. ўсѣй, ўсѣй. В. усю, ўсю. Т. ўсей, ўсѣй. М. ўсей, ўсѣй.

Множественное число.

Для всѣхъ родовъ. Им. ўси, уси, ўсе(ѣ), усиѣ. Р. ўсих, усих, ўсехъ (усѣхъ), ўсиэхъ. Д. ўсим, ўсиэм. В. какъ именительный или родительный. Т. ўсими, ўсеми (усѣми), ўсиэми. М. ўсих, ўсехъ (усѣхъ).

Въ мѣстоименіяхъ хто и что (кто и что) несходны съ соответствующими формами русского литературного языка формы творительного падежа ким и чым. Форма ким есть новообразованіе, а чым—нѣсколько измѣненная старая форма: въ общерусскомъ языке были формы цѣмъ и чимъ. Остальные формы этихъ мѣстоименій тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языке, разумѣется, съ тѣмъ отличиемъ въ родительномъ падежѣ, о которомъ сказано выше (стр. 234).

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Имена прилагательные краткой формы. Бѣлорусская рѣчъ употребляетъ почти исключительно имена прилагательные, такъ называемые

мой, полной формы. Прилагательные, такъ называемой, краткой формы еще менѣе употребительны, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языѣ. Употребленіе ихъ ограничивается почти исключительно пѣснями.

Прилагательные полной формы. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы бѣлорусская рѣчь въ однихъ падежахъ имѣеть тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языѣ, а въ другихъ представляеть своеобразныя особенности, характеризующія или только ее одну или вмѣстѣ съ ней и другія русскія нарѣчія - языки. Особенности эти слѣдующія.

Единственное число.

Мужескій родъ. Именительный падежъ обыкновенно имѣеть въ твердомъ склоненіи окончаніе -ЫЙ, и въ мягкомъ -ИЙ. Русскаго литературнаго окончанія -ОЙ (въ известныхъ условіяхъ) въ бѣлорусскомъ нарѣчіи вовсе нѣтъ, напримѣръ: красный, зяленый, синій, вяликій, дурный, сляпый, злый и т. д. Въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ и кое-гдѣ на сѣверо-востокѣ формы именительного падежа не имѣютъ на концѣ Й и оканчиваются на -Ы и -И: дурны, сляпы, злы, сини, зялены и т. д. ♦

Въ говорахъ сѣверо-восточной Бѣлоруссіи, хотя и не вездѣ, именительный падежъ оканчивается на ЭЙ—святэй, маладэй, вяликае, другай, дурнэй и т. д.

Родительный падежъ въ твердомъ склоненіи имѣеть -ОГО и въ мягкомъ -ЕГО, разумѣется, съ Г фрикативнымъ и съ измѣненіемъ въ говорахъ неударяемыхъ О и Е. Русскихъ литературныхъ окончаній съ В на мѣстѣ Г въ бѣлорусской рѣчи, какъ уже сказано (стр. 234), вовсе нѣтъ.

Въ качествѣ діалектическихъ отмѣчены родительные падежи—богатао друго (другого) *), то-есть съ выпаденіемъ Г, а во второмъ примѣрѣ и со стяженіемъ двухъ гласныхъ въ одинъ звукъ.

Остальные падежи единственного числа въ мужескомъ родѣ имѣютъ такія же окончанія, какъ въ русскомъ литературномъ языѣ, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е. Незначительные отклоненія отмѣчаются только въ отдѣльныхъ говорахъ: Такъ въ рядѣ говоровъ въ значеніи мѣстнаго падежа употребляются формы творительнаго, напримѣръ: ў другимъ, ў жоутымъ, ў цёмнымъ, на чужымъ и т. д. **).

Средній родъ. Именительный падежъ, кроме одинаковыхъ съ русскимъ литературнымъ языкамъ окончаній -ОЕ въ твердомъ и -ЕЕ въ мягкомъ склоненіи, съ соответствующимъ измѣненіемъ ихъ въ силу аканья, имѣеть иногда эти окончанія въ другомъ нѣсколько видѣ.

Такъ въ отдѣльныхъ говорахъ отмѣчается именительный падежъ средняго рода со стяженными окончаніями -О и -Е или съ измѣненіемъ ихъ соответствующимъ образомъ при аканьѣ, напримѣръ: ново, сине.

*) Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 310.

**) Тамъ же, стр. 317.

Примѣчаніе. Отъ именъ прилагательныхъ краткой формы такие именительные падежи отличаются по мѣсту ударенія: стяженные формы имѣютъ удареніе на томъ же слогѣ, что и полныя, а краткія—на окончаніи.

Въ нѣкоторыхъ южно-бѣлорусскихъ говорахъ встрѣчаются именительные падежи съ окончаніемъ Э, напримѣръ: бѣлэ, румянэ, малэ, чыстэ, золотэ и т. д.

Формы косвенныхъ падежей средняго рода единств. числа, кроме винительного, тѣ же, что и въ мужескомъ родѣ.

Женскій родъ. Именительный падежъ имѣеть одинаковое съ русскимъ литературнымъ языкамъ окончаніе -АЯ. Въ юго-западныхъ говорахъ окончаніе -АЯ встрѣчается въ стяженномъ видѣ — добра, вялика, и т. д.

Примѣчаніе. Формы со стяженнымъ окончаніемъ отличаются отъ краткихъ формъ такъ же, какъ и въ среднемъ родѣ, по мѣсту ударенія.

Формы родительного падежа представляютъ по говорамъ значительное количество разновидностей. Здѣсь встрѣчается и общее съ русскимъ литературнымъ языкамъ окончаніе -ОЙ въ твердомъ и -ЕЙ въ мягкомъ склоненіи съ измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е, и рядъ окончаний, неизвѣстныхъ русскому литературному языку и представляющихъ отчасти новообразованія, отчасти остатки старинн. Такъ отмѣчаются родительные падежи съ окончаніемъ -ЭЙ въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ это окончаніе въ именительномъ падежѣ единственного числа мужескаго рода, напримѣръ: новэй, старэй, другей и т. д.

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими или, по опредѣленію акад. Е. Ф. Карскаго *), поблизости къ Полѣсью, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ отмѣчается окончаніе -ОИ въ твердой разновидности склоненія и -ЕИ въ мягкой, съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неударяемыхъ О и Е, напримѣръ: богатаи, родзенои, маладои, синяи, новои и т. д. **).

Въ отдельныхъ говорахъ иногда формы родительного падежа съ окончаніемъ -ОЕ въ твердомъ и -ЕЕ въ мягкомъ, и -ЫЕ въ твердомъ и -ИЕ въ мягкомъ склоненіи, съ соответствующимъ измѣненіемъ при аканы неударяемыхъ О и Е, напримѣръ: лихбе доли, быстрае раки ***); старые бабы, халодные вады, вяликія нядзѣли и т. д.

Изъ этихъ окончаній одни (-ОЕ, -ЕЕ, -ЫЕ, -ИЕ) есть остатокъ старины, измѣненный сообразно съ звуковыми явленіями въ бѣлорусской рѣчи; другія (-ОИ) — заимствованіе изъ малорусского нарѣчія, а третыи — новообразованія.

*) „Бѣлорусская рѣчь“, стр. 48.

**) Е. Ф. Карскій. Бѣлорусы II, 2, стр. 313.

***) Тамъ же, стр. 312.

Примѣчаніе. Общерусскимъ окончаніемъ этого падежа въ позднѣйшій періодъ эпохи общерусского единства было -ЫВ въ твердомъ и -ѢВ въ мягкомъ склоненіи; рядомъ съ ними въ памятникахъ древне-русской письменности, и притомъ даже чаще, встрѣчается -ОВ и -ЕВ. Эти, послѣднія есть окончанія родительного падежа единственного числа женскаго рода такихъ мѣстоименій, какъ тотъ и мой и другихъ, сходно склоняющихся съ ними, замѣнившія основныя окончанія -ЫВ и -ѢВ и употреблявшіяся въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка одновременно съ ними.

Бѣлорусское нарѣчіе въ приведенныхъ окончаніяхъ сохранило въ отдельныхъ говорахъ старыя формы, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ старого Щ и неударяемыхъ О и Е. Кроме бѣлорусского нарѣчія, эти формы сохранились и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ—ихъ отмѣчаютъ, напримѣръ, въ Олонецкой, Архангельской губ. и другихъ мѣстахъ.

Дательный падежъ, кроме общихъ съ русскимъ литературнымъ языками окончаній -ОЙ и -ЕЙ, съ соответствующимъ по говорамъ измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е, имѣть также въ сѣверо-восточныхъ говорахъ и окончаніе -ЭЙ—чыстэй, сляпэй, маладэй, другей, вяликей и т. д.

Въ винительномъ падежѣ, кроме общаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончанія -УЮ, часто встрѣчается при безударности окончанія -АЮ, а иногда и -ЫЮ, напримѣръ: добраю, добрую, вяликаю, дубовую палку, старшаю, бальшаю дачку и т. д. Звуки А и Ы на мѣстѣ неударяемаго У въ этомъ окончаніи есть результатъ тѣхъ діалектическихъ измѣненій неударяемаго У, о которыхъ уже приходилось говорить при разсмотрѣніи діалектическихъ измѣненій гласныхъ (стр. 214).

Творительный падежъ, какъ и въ русскомъ литературномъ языке, оканчивается на -ОЮ, -ЕЮ и рѣже на -ОЙ, -ЕЙ, съ измѣненіемъ въ говорахъ неударяемыхъ О и Е.

Діалектически встрѣчаются формы творительного падежа съ окончаніемъ -ЭЙ: старэй, маладэй, святэй и т. д.

Формы мѣстнаго падежа тѣ же, что и дательного.

Множественное число.

Падежные окончанія во всѣхъ трехъ родахъ во множественномъ числѣ одинаковы.

Именительный падежъ имѣть въ зависимости отъ говоровъ различныя окончанія, изъ которыхъ одни болѣе широко распространены, а другія отмѣчаются только въ отдельныхъ говорахъ. Болѣе широкое распространение имѣютъ именительные падежи съ окончаніемъ -ЫЕ въ твердомъ и -ИЕ въ мягкомъ склоненіи съ измѣненіемъ въ говорахъ конечнаго Е, напримѣръ: добрые, синіе или—добрыя, вяликія, маладыя и т. д.

Нерѣдки также формы именительного падежа съ окончаніемъ -ЫИ въ твердомъ и -ИИ въ мягкомъ склоненіи и послѣ задненѣбныхъ, напримѣръ: халодныи, добрыи, вяликіи, синіи и т. д.

Рѣже, въ отдельныхъ говорахъ встрѣчаются именительные падежи съ окончаніемъ -ЭЯ, напримѣръ: старэя, чужея, злэя, маладэя и т. д. и еще рѣже съ окончаніемъ -АИ: съраи, добраи *).

Всѣ эти формы находятъ себѣ объясненіе или въ исторіи русскаго языка или въ свойственномъ бѣлорусской рѣчи измѣненіи гласныхъ.

Остальные падежи множественного числа, кромѣ творительного, имѣютъ такія же окончанія, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Въ творительномъ падежѣ, кромѣ одинакового съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончанія (-ЫМИ въ твердомъ и -ИМИ въ мягкомъ склоненіи), встрѣчается еще окончаніе -АМИ: дробнами, синями и т. д. и едва ли не въ единичныхъ случаяхъ -МИ и -МА. Изъ имѣющихъся матеріаловъ академ. Е. Ф. Карскій приводить—горючими слезами, з голыма рукама **).

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЯ.

Имена числительныя, такъ называемыя, порядковая склоняются какъ имена прилагательныя полной формы, а въ склоненіи, такъ называемыхъ, количественныхъ именъ есть своеобразныя особенности. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія.

Числительныя два (мужеск. родъ) и дзвѣ (женск. и средн. родъ) склоняются такъ же, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и слѣдующія формы, неизвѣстныя русскому литературному языку ***).

Родит. двоихъ, дзвюхъ, дзвѣхъ.

Дат. двомъ, дзвюмъ, дзвѣмъ, двома, дзвумы, дзвюмамъ, дзвюмамъ.

Твор. двуна, двома, дзвюна, дзвѣма.

Мѣст. двоихъ, дзвюхъ, дзвѣхъ.*)

Сходно съ этимъ образуютъ формы родительного, дательного, творительного и мѣстнаго падежей числительныя 3, 4, 5 и т. д. рядомъ съ такими формами, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ.

СПРЯЖЕНИЕ.

Общая характеристика спряженія въ бѣлорусскомъ языке.

Въ спряженіи глагола бѣлорусская рѣчь меньше расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ въ склоненіи именъ, но и здѣсь также есть, съ одной стороны, остатки старины, а съ другой — новообразованія,

*) Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 321 и Бѣлорусская рѣчь, стр. 49.

**) Бѣлоруссы, II, 2, стр. 322.

***) Е. Ф. Карскій. Бѣлорусская рѣчь, стр. 46—47 и Бѣлоруссы, II, 2, стр. 323—326.

несвойственный русскому литературному языку. Не останавливаясь по-прежнему на формахъ, общихъ у бѣлорусского нарѣчія съ русскимъ литературнымъ языкомъ, отмѣчу новообразованія и архаизмы, неизвѣстныя современному русскому литературному языку.

Настоящее время.

Изъявительное наклоненіе. Изъ формъ настоящаго времени изъявительного наклоненія сюда принадлежитъ 3-е лицо единств. числа и 1-е, 2 е и 3-е множественнаго.

3-е лицо единствен. числа оканчивается, во-первыхъ, на Т мягкое или въ цекающихъ говорахъ на Ц мягкое, напримѣръ: нясець, вядзець, грѣиць, кажыць, бярэць и т. д., во-вторыхъ — у глаголовъ, такъ называемаго, I-го спряженія на юго западѣ Бѣлоруссіи и кое-гдѣ на сѣверо-востокѣ третье лицо вовсе не принимаетъ окончанія Т' (Т мягкое, на письмѣ Тъ) и равняется основѣ настоящаго времени съ соответствующимъ въ говорахъ измѣненіемъ при безударности звука Е, напримѣръ: расьце, кладзе, бярэ, пье, краснѣя, спѣя дзѣля и т. д. Не принимаютъ окончанія Т' или Ц' и глаголы, такъ называемаго, II-го спряженія съ удареніемъ на основѣ: 3-е лицо и у этихъ глаголовъ равняется основѣ настоящаго времени, но съ замѣной, подъ вліяніемъ подобныхъ формъ глаголовъ I-го спряженія, конечнаго гласнаго основы И звукомъ Е съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ его въ силу аканья: ходзя, гавора, любя и т. д. но — стаиць, глядзиць, крычиць, и т. д. (удареніе не на основѣ).

Формы 3-го лица единственнаго числа имѣютъ мягкое Т на концѣ или вовсе не принимаютъ окончанія также въ южно-великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіи и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Мягкое Т въ окончаніи 3-го лица единственнаго числа есть явленіе очень древнее: мягкимъ было Т въ этой формѣ и въ общерусскомъ языкѣ. Діалектически были въ старину и формы безъ окончанія Т, но такія формы въ современномъ бѣлорусскомъ языке, какъ доказываетъ это акад. Е. Ф. Карскій (Бѣлоруссы II, 2, стр. 343—345), есть скорѣе новообразованія, чѣмъ архаизмъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ Могилевской губерніи отмѣчены формы третьяго лица единственнаго числа съ окончаніемъ -ТИ—бягити вовк, стоти чаловѣкъ *).

Какъ діалектическія явленія, встрѣчаются формы 3-го лица единств. числа съ твердымъ Т, а также и нѣкоторыя другія образованія.

Первое лицо множествен. числа имѣеть то же окончаніе, что и въ русскомъ литературномъ языке, только въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ оно принимаетъ окончаніе -МО: дамб, ўмб, спимб, купимб и т. д. Это окончаніе свойственно также и малорусской рѣчи.

2-е лицо множеств. числа имѣеть то же окончаніе, что и въ русскомъ литературномъ языке, т.-е. -ТЕ, съ измѣненіемъ въ цекающихъ

*) Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, П, 2, стр. 346.

говорахъ Т въ Ц; конечное Е при безударности въ силу аканья измѣняется въ говорахъ соответствующимъ образомъ; нерѣдко на него падаетъ удареніе, и въ такихъ случаяхъ оно или остается безъ измѣненія или переходитъ въ 'О (на письмѣ Ё): купицѣ, спицѣ, жывицѣ, спицѣ, идзицѣ и т. д.

3-е лицо во множ. числѣ такъ же, какъ и въ единственномъ, оканчивается на мягкое Т, напримѣръ: сидзяць, глидзяць, сохнуць, вянуць и т. д.

Мягкость Т въ окончаніи 3-го лица множественного числа такое же древнее явленіе, какъ и въ 3-емъ лицѣ единственного числа.

Существенно отличается эта форма отъ соответствующей формы въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ еще тѣмъ, что въ образованіи ея часто глаголы второго спряженія принимаютъ окончаніе первого спряженія, т.-е. -УТ' или -УЦ', вместо -АТ' или -АЦ', напримѣръ: ходзюць, хочуць, любуюць, гаворуць и т. д.

Отмѣченныя, какъ діалектическія, формы 3-го лица единств. числа окончаніемъ ТИ и твердымъ Т встрѣчаются также и во множественномъ числѣ.

Нѣсколько иначе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, образуются формы настоящаго времени отъ глаголовъ ДАТЬ и ЪСІЬ. Во 2-мъ лицѣ единственного числа они имѣютъ — даси, яси, а въ нѣкоторыхъ говорахъ, сверхъ того, и — дасиш, ясиш; 1-мъ лицѣ множественного числа — дадзѣм, ядзѣм, въ нѣкоторыхъ южно-бѣлорусскихъ говорахъ — дамб, ямб, а въ говорахъ соседнихъ съ великорусскими — дадзим, ядзим.

Формы 2-го лица множественного числа, во-первыхъ, тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, но, разумѣется, съ измѣненіемъ въ говорахъ мягкихъ Д и Т и съ тѣмъ лишь отличіемъ, что діалектически встрѣчаются формы съ удареніемъ на конечномъ гласномъ звукѣ Е—да-дзицѣ, ядзицѣ или съ измѣненіемъ его въ этихъ условіяхъ въ 'О (Ё)—да-дзицѣ, ядзицѣ; во-вторыхъ, довольно распространены формы дасьцѣ, ясьцѣ.

3-е лицо множественного числа отъ глагола ЪСТЬ—ядуць.

Изъ этихъ формъ формы 2-го лица единственного числа даси, яси и 1-го лица множествен. числа дамб, ямб есть нѣсколько измѣненные архаизмы: такія образованія были въ говорахъ общерусского языка и въ общеславянскомъ языкѣ. Такой же архаизмъ, но также съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ звукахъ представляютъ и формы 2-го лица множественного числа дасьцѣ и ясьцѣ: въ общерусскомъ языкѣ было — дасте и йсте. Остальная изъ приведенныхъ формъ этихъ глаголовъ есть новообразованія.

Изъ формъ настоящаго времени, такъ называемаго, вспомогательного глагола БЫЦЬ въ бѣлорусской рѣчи, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, употребляется только форма 3-го лица единственного числа, представляющая слѣдующія разновидности: ёсць, ёсть, ёсь, е.

Повелительное наклонение.

Формы повелительного наклонения единственного числа тъ же, что въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Чаще только въ бѣлорусскомъ языкѣ встрѣчаются формы 2-го лица безъ окончанія И, то-есть оканчивающіяся на согласный звукъ; напримѣръ, въ говорахъ отмѣчаются слѣдующія формы: несь, зроб, пасоб и т. д.

Въ множественномъ числѣ говоры, не соѣдніе съ великорусскими, имѣютъ формы 1-го и 2-го лица съ суффиксомъ Е или ЙЕ (въ говорахъ имѣющихъ дифтонги) предъ окончаніемъ 1-го лица - М (на письмѣ МЪ) и 2-го - ТЕ, напримѣръ: пайдзэм, нясѣм, хадзѣм, ляжем, касем или несіем, вядзіем и т. д. и нясеце, вядзіце, ідзеце, жнеце, хадзіце, глядзіце или нясіеце, вядзіеце и т. д. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются и формы съ суффиксомъ И—вядзице, касице, нясиця, ляжыця и т. д.

Формы съ суффиксомъ Е или ЙЕ есть старыя образованія со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи звуковымъ измѣненіемъ и имѣющія болѣе широкое распространеніе, чѣмъ въ общерусскомъ языкѣ: въ общерусскомъ языкѣ эти формы имѣли суффиксъ ѿ у части глаголовъ, относимыхъ въ современной русской грамматикѣ къ первому спряженію, и суффиксъ И въ формахъ отъ остальныхъ глаголовъ; въ современной же бѣлорусской рѣчи, какъ видно и изъ приведенныхъ примѣровъ, въ образованіи формъ съ тѣмъ или другимъ суффиксомъ нѣтъ того разграниченія между глаголами, какое было въ старину.

Южно-бѣлорусскіе говоры имѣютъ формы повелительного наклоненія 1-го лица множественного числа съ окончаніемъ - МО: ходзemo, уцекаймо, гляньмо и т. д.

Формы 3-го лица повелительного наклоненія образуются такъ же, какъ и въ великорусскомъ языкѣ съ той лишь особенностью, что вместо русского литературного «пустъ» бѣлорусская рѣчь имѣеть нехай (или нихай, няхай): нихай йон скажа, нихай пойдуць и т. д.

Будущее время.

Будущее время въ бѣлорусскомъ нарѣчіи выражается такъ же, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ; нѣкоторыя отклоненія преимущественно діалектическаго характера.

1) Во многихъ говорахъ будущее сложное выражается при помощи маю, маеш и т. д.: маю хадзиць, маю рабиць, маем купиць и т. д.

2) Въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ весьма обычны формы будущаго времени такого же образованія, какъ и въ малорусскомъ языкѣ—робицьму, робицимеш, робицьме, робицьмем, робицьмече, робицьмуч (Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 390).

Прошедшее время.

Формы прошедшего времени сходны съ соответствующими формами русского литературного языка, поскольку это сходство не нарушается свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ звуковъ.

Особенность бѣлорусской рѣчи, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, составляетъ, такъ называемое, давнепрошедшее время, но, по словамъ акад. Е. Ф. Карского*), оно встрѣчается рѣдко и «какъ особая форма прошедшаго не чувствуется». Е. Ф. Карскій приводитъ слѣдующіе примѣры бѣлорусского давнепрошедшаго времени: Я крѣтко ужасно бывъ уснувъ, я бы занямох, я пришў бы, але яго не застаў **), прасиў бы и друг.***).

Неопределеннное наклоненіе.

Кромѣ формъ неопределенного наклоненія съ тѣкущимъ же окончаніемъ Т' (Т мягкое, на письмѣ ТЬ), какъ и въ русскомъ литературномъ языке, или въ цекающихъ говорахъ съ -Ц' (Ц мягкое), въ бѣлорусскомъ языке весьма распространено въ неопределенномъ наклоненіи окончаніе -ТИ или при цеканыи -ЦИ, напримѣръ: сѣсьци, Ѣсьци, хаваци, насици, жыци и т. д.

Русский литературный языкъ, какъ известно, имѣетъ въ неопределенномъ наклоненіи окончаніе -ТИ: нести, везти, плести, трясти и т. д. только при удареніи на немъ; неопределенное наклоненіе съ удареніемъ не на окончаніи оканчивается на Т', кромѣ такихъ случаевъ, какъ—вынести вынести, выгнасти и подобныхъ имъ, гдѣ И сохраняется подъ вліяніемъ формъ — нести, трясти, мести съ удареніемъ на И. Въ бѣлорусской рѣчи употребленіе въ неопределенномъ наклоненіи окончанія -ТИ не находится въ зависимости отъ ударенія: оно бываетъ и подъ удареніемъ и безъ него.

Это явленіе есть архаизмъ; бѣлорусская рѣчь сходна здѣсь съ малорусской и нѣкоторыми сѣверно-великорусскими говорами.

ПРИЧАСТИЯ и ДѢЕПРИЧАСТИЯ.

Живая бѣлорусская рѣчь не употребляетъ формъ причастій настоящего и прошедшаго времени дѣйствительного залога, известныхъ въ русской книжной рѣчи. Въ бѣлорусскомъ языке употребительны только, такъ называемыя, дѣепричастія съ окончаніемъ въ настоящемъ времени -УЧЫ и -АЧЫ, а въ прошедшемъ -ШЫ и -ЎШЫ: хбдзючы, съдзючы, лежучы, рыдаячы, стоячы, съўшы, Ѣўшы, даўшы и т. д. Какъ и въ

*) Бѣлоруссы, II, 2, стр. 384—385.

**) Тамъ же.

***) Бѣлорусская рѣчь, стр. 53.

формахъ 3-го лица множ. числа настоящаго времени (см. стр. 241), такъ и въ причастіяхъ настоящаго времени окончанія -УЧЫ и -АЧЫ смѣшиваются: то и другое могутъ принимать глаголы I-го и II го спряженія.

Въ говорахъ, соѣдніхъ съ великорусскими, встрѣчаются дѣепричастія съ окончаніемъ -МШЫ: уѣхамши, ўзямши.

Изъ формъ страдательного залога Бѣлорусская рѣчь употребляетъ только причастія прошедшаго времени такого же образованія, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Этимъ я и закончу характеристику бѣлорусского языка въ современномъ его состояніи.

Сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ бѣлорусская рѣчь представляетъ нѣкоторыя особенности въ удареніи и въ синтаксисѣ. Особенности эти, правда, невелики, но для полной характеристики современного бѣлорусского языка необходимо и ихъ имѣть въ виду. Однако за недостаткомъ времени я не имѣю возможности остановиться на нихъ и отсылаю желающихъ ознакомиться съ синтаксисомъ современного бѣлорусского языка къ работѣ акад. А. Ф. Карского «Бѣлорусская рѣчь» (стр. 53—58), а лицъ, имѣющихъ нѣкоторую лингвистическую подготовку, къ 3-й части II-го тома его «Бѣлоруссовъ», при чемъ настоятельно рекомендую также обратиться къ I-му тому и къ 1-й и 2-й части II-го тома этого труда, гдѣ можно найти болѣе подробную характеристику современной бѣлорусской рѣчи, чѣмъ та, которую при наличии ряда условій могъ дать я въ своихъ лекціяхъ; тамъ же (т. II, ч. 1) смотр. и обѣ удареніи въ бѣлорусскомъ языкѣ.

Очень также рекомендовать бы вниманію лицъ съ лингвистической подготовкой главу о бѣлорусскомъ нарѣчіи въ «Курсѣ исторіи русского языка» академика А. А. Шахматова, читанномъ въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—1910 гг. Къ сожалѣнію, этотъ курсъ литографированный и въ настоящее время является библіографической рѣдкостью.

II. БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ ВЪ ПРОШЛОМЪ.

Охарактеризовавъ бѣлорусскую рѣчь въ ея современномъ состояніи, естественно задать вопросъ, каковъ былъ бѣлорусскій языкъ въ прошломъ, нѣсколько вѣковъ назадъ. Вѣдь всякий живой языкъ, какъ уже сказано раньше, подвергается измѣненію на протяженіи всего періода своего существованія. Сравненіе современного русского литературного языка съ языкомъ русскихъ литературныхъ произведеній предшествующихъ вѣковъ (см. стр. 186) служить яснымъ примѣромъ такого измѣненія. Слѣдовательно современная бѣлорусская рѣчь это есть стадія бѣлорусского языка только въ настоящее время, отличающаяся отъ бѣлорусского языка въ прошломъ. Каковъ же былъ бѣлорусскій языкъ въ прошломъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти могутъ дать памятники западно-русской письменности. Такъ изъ этихъ памятниковъ мы узнаемъ,

что съ XIV вѣка въ западно-русскихъ памятникахъ появляется аканье, твердое Р на мѣстѣ мягкаго, глухіе согласные на мѣстѣ звонкихъ въ положеніи ихъ предъ глухими; памятники же этого вѣка указываютъ на измѣненіе Л въ У неслоговое; съ XIII-го вѣка имѣются указанія на измѣненіе В въ У неслоговое и съ XV-го на измѣненіе И въ И неслоговое; примѣры дзеканья и цеканья встрѣчаются съ XV—XVI в. и т. д. Такоже въ памятникахъ находимъ, что тѣ или другія новообразованія въ формахъ склоненія и спряженія появляются, начиная съ такого-то вѣка или наоборотъ, та или иная старая форма уже не встрѣчается въ такомъ-то вѣкѣ.

Однако этихъ данныхъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы составить ясное представление о бѣлорусскомъ языкѣ въ прошломъ. Прежде всего они не отличаются полнотой; напримѣръ, такое явленіе, какъ измѣненіе звуковъ Е, О и Ъ въ дифтонги, не отмѣчается ни въ самыхъ раннихъ ни въ болѣе позднихъ памятникахъ западно-русской письменности. Если же принять во вниманіе, что передача звуковъ на письмѣ вообще не отличается точностью и письмо не идетъ въ уровень съ жизнью языка, то-есть, что на письмѣ обозначаются далеко не всѣ звуки языка, какъ это уже и отмѣчено мной (стр. 193, 195, 196—197), и что на письмѣ, съ одной стороны, продолжаютъ употребляться буквы уже не существующихъ звуковъ (ср., напр., въ русскомъ литературномъ языкѣ употребленіе на письмѣ буквы Щ), а съ другой—вновь возникшіе звуки или вовсе не выражаются на письмѣ (ср. аканье въ русскомъ литературномъ языкѣ) или выражаются значительно позднѣе, чѣмъ возникли въ языкѣ,—то станетъ ясно, что западно-русские памятники письменности еще не даютъ прямого и точнаго отвѣта на вопросъ о состояніи бѣлорусского языка въ прошломъ. Изъ нихъ только видно, что то или другое явленіе въ языкѣ уже обозначалось на письмѣ въ такомъ-то вѣкѣ, но когда именно оно возникло, насколько раньше того времени, какъ стало обозначаться на письмѣ,—это можно установить только послѣ тщательного и довольно сложнаго, требующаго серьезной научной подготовки анализа представляемыхъ письменными памятниками написаний. Но, помимо этого, слѣдуетъ имѣть въ виду, что памятники западно-русской письменности не даютъ исчерпывающаго матеріала и въ другомъ отношеніи. Именно, древнѣйшіе памятники западно-русской письменности относятся только къ XIII-му вѣку; болѣе древнихъ памятниковъ западно-русской письменности нѣтъ. Слѣдовательно эти памятники письменности даютъ матеріаль для характеристики бѣлорусской рѣчи только съ XIII-го вѣка. Что же представляла бѣлорусская рѣчь до XIII-го вѣка? Когда она приняла тотъ видъ, въ какомъ отражается въ памятникахъ, начиная съ XIII-го вѣка? Западно-русские памятники письменности естественно не могутъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Для разрешенія его обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ изъ современного состоянія бѣлорусской рѣчи и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что известно о первоначальныхъ поселеніяхъ русскихъ племенъ на територіи теперешней Бѣлоруссіи.

Характеризуя современную белорусскую речь сравнительно с другими русскими наречиями, мы видели, что в ней, кроме чертъ, общихъ съ другими наречиями русского языка, указывающихъ на происхождение всѣхъ современныхъ русскихъ наречий-языковъ отъ одного общерусского языка, есть, во-первыхъ, собственно белорусскія черты, т. е. свойственные исключительно ей, каковы: 1) дзеканье, 2) цеканье, 3) отвердѣніе Р, 4) рядъ диалектическихъ явлений въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ и 5) нѣкоторые особенности въ склоненіи и спряженіи.

Во-вторыхъ,— черты общія съ малорусскимъ наречиемъ, напримѣръ: 1) Ы и И въ такихъ словахъ, какъ мыю, крыю, рью, налій, шый, пії шыя, злый, худый и т. д.; 2) Ы и И послѣ плавныхъ въ соотвѣтствии современнымъ великорусскимъ О и Е преимущественно не въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ: крыви, дрыжаць, крышиць и т. д. 3) измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ Л въ У неслогоное, 4) двойные или долгіе согласные на мѣстѣ русскихъ литературныхъ сочетаній — мягкий согласный или шипящій + ю въ положеніи предъ гласнымъ звукомъ (колья, брусья, плацьца, клочча, сучча и т. д.), 5) твердость шипящихъ согласныхъ и т. д., а также нѣкоторые явленія въ склоненіи и спряженіи.

Въ третьихъ,— черты, общія съ сѣверно-великорусскимъ наречиемъ, каково смѣшеніе Ч и Ц, и въ четвертыхъ,— черты общія съ южно-великорусскимъ наречиемъ, изъ которыхъ наиболѣе крупной является аканье, хотя оно и не вполнѣ сходно съ южно-великорусскимъ (сходство, какъ мы видѣли, только въ основныхъ чертахъ).

Изъ этихъ четырехъ группъ явлений не всѣ разнѣемѣрно распределены на белорусской территории. Больѣе широкое, повсемѣстное распространеніе имѣютъ черты собственно белорусскія и общія съ малорусскимъ наречиемъ, разумѣется, кроме чертъ диалектическихъ. Черты общія съ сѣверно-великорусскимъ наречиемъ свойственны только сѣверно-белорусскимъ говорамъ, а наиболѣе характерная изъ чертъ общихъ съ южно-великорусскимъ наречиемъ — аканье, хотя и свойственно всему белорусскому наречію, но распространено въ немъ весьма неравномѣрно: оно ослабляется и видоизмѣняется въ направленіи съ востока на западъ. Эти обстоятельства имѣютъ огромное значеніе при сужденіи о белорусскомъ языкѣ въ періодъ, предшествовавшій тому времени, отъ которого имѣются памятники западнорусской письменности, то-есть въ періодъ до XIII-го вѣка.

Наличность въ современной белорусской рѣчи чертъ собственно белорусскихъ, общихъ съ малорусскимъ, сѣверно великорусскимъ и южно-великорусскимъ наречиями указываетъ на то, что въ составъ современной белорусской народности вошли разныя русскія племенные группы, имѣвшія свои особенности въ языке, изъ совокупности которыхъ и образовалась современная белорусская речь. Начальная русская лѣтопись, говоря о разселеніи славянскихъ племенъ по русской равнинѣ, называетъ племена, занимавшія къ IX—X вѣку территорію современной Бѣлоруссіи. Здѣсь, по ея словамъ, сидѣли дреговичи, радимичи и западная часть кривичей—

смоленскіе и полоцкіе кривичи; восточные же кривичи занимали часть території теперешнихъ съверно-великорусскихъ говоровъ. Мѣсто поселенія кривичей на території теперешней Бѣлоруссіи совпадаетъ приблизительно съ тѣми современными бѣлорусскими говорами, которые на ряду съ чертами общебѣлорусскими имѣютъ черты, общія съ съверно-великорусскимъ нарѣчіемъ. Это обстоятельство даетъ основаніе видѣть въ бѣлорусскихъ говорахъ, имѣющихъ съверно-великорусскія черты, потомка говора смоленскихъ и полоцкихъ кривичей, воспринявшаго рядъ другихъ чертъ въ эпоху совмѣстной языковой жизни съ говорами другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ бѣлорусской народности.

Объ отношеніи другихъ чертъ современной бѣлорусской рѣчи къ остальнымъ племенамъ, занимавшимъ бѣлорусскую территорію, нельзя говорить съ такой опредѣленностью: здѣсь возможны разнаго рода предположенія съ извѣстной степенью вѣроятности.

Если принять выводы академ. А. А. Шахматова *) о передвижениі русскихъ племенъ и его предположеніе о ляшскомъ происхожденіи дреговичей и радимичей, то исторія бѣлорусской народности, а слѣдовательно и ея нарѣчія можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Дреговичи и радимичи есть первоначальное ядро бѣлорусской народности. Ихъ говоръ изстари характеризовался тѣми чертами въ области звуковъ, которыя теперь могутъ быть названы собственно бѣлорусскими. Эти черты воспринялъ и говоръ западныхъ кривичей послѣ того, какъ западные кривичи стали жить одною жизнью съ другими племенами, вошедшими въ составъ теперешнихъ бѣлоруссовъ. Эта первоначальная основа современного бѣлорусского языка подверглась далѣе вліянію съ двухъ сторонъ—сначала съ юга, а позднѣе и съ востока. Въ историческую эпоху подъ напоромъ кочевавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ тюркскихъ ордъ происходитъ сдвигъ съ первоначальныхъ мѣстъ поселенія славянскихъ племенъ, жившихъ на югѣ Россіи; въ результатѣ этого сдвига въ область, занятую дреговичами, двинулись древляне, въ языкѣ которыхъ къ этому времени уже были особенности, характеризующія отчасти современную малорусскую рѣчь и выработанныя совмѣстно съ другими южно-русскими племенами, образовавшими впослѣдствіи малорусскую народность. Поселеніе на території теперешней Бѣлоруссіи южно-русского племени, одного изъ предковъ теперешнихъ малоруссовъ, со своеобразными особенностями его рѣчи, имѣло своимъ послѣдствіемъ ассимиляцію первоначальныхъ поселенцевъ на бѣлорусской территорії съ переселившимися сюда болѣе многочисленными, какъ полагаютъ, древлянами. Въ результатѣ этой ассимиляціи языкъ первоначальныхъ поселенцевъ воспринялъ черты, опредѣляемыя теперь, какъ общія современной бѣлорусской и малорусской рѣчи.

Осложненный южно-русскими чертами предокъ современного бѣлорусского языка не остался въ такомъ видѣ и подвергся, какъ уже сказано,

*) Введеніе въ курсъ исторіи русского языка.

нѣкоторому измѣненію подъ вліяніемъ другой колонизаціонной волны, шедшой съ востока. Восточными соѣдями племенъ, послужившихъ ядромъ бѣлорусской народности, издавна были вятичи. Колонизаціонное движение вятичей первоначально направлялось на юго-востокъ. Но тѣ же тюркскія орды, кочевавшія здѣсь въ X, XI и XII вѣкѣ, не только прекратили движение сюда вятичей, но и вынудили ихъ двинуться назадъ, на сѣверо-западъ. Въ этомъ обратномъ движениіи вятичи широкимъ потокомъ хлынули на территорію теперешней Бѣлоруссіи, ассимилируя себѣ тамошнее населеніе и въ свою очередь ассимилируясь съ нимъ. Въ результатѣ этой ассимиляціи въ мѣстномъ языкѣ опять произошли значительныя измѣненія. Съ одной стороны, утратились нѣкоторыя изъ чертъ, принесенныхъ древлянами въ область дреговичей, радимичей и западныхъ кривичей, и сохранились только тѣ изъ нихъ, которые въ настоящее время являются общими у бѣлоруссовъ съ малоруссами, а съ другой — возникли новыя явленія, опредѣляемыя теперь, какъ общія бѣлорусскому и южно-великорусскому нарѣчію; таково, напримѣръ, аканье (ср. сказанное выше, стр. 246), характеръ и ослабленіе котораго въ направленіи съ востока на западъ и даетъ академ. А. А. Шахматову основаніе видѣть въ немъ черту, возникшую подъ вліяніемъ, шедшимъ съ востока, то-есть со стороны предковъ теперешнихъ южно-великоруссовъ.

Восточно-русское вліяніе, или вліяніе языка вятичей, было послѣднимъ крупнымъ вліяніемъ, внесшимъ существенныя измѣненія въ языкъ, лежащій въ основѣ современного бѣлорусского языка. Въ болѣе позднее время онъ испыталъ на себѣ вліяніе поляковъ, литовцевъ и другихъ соѣдей, но эти вліянія не заходили такъ глубоко, не захватывали всей его сущности въ такой стѣпени, какъ южно-русское и восточно русское вліяніе, и ограничились преимущественно словаремъ — заимствованіемъ бѣлорусской рѣчью ряда словъ польскихъ, литовскихъ и другихъ. (См. академ. Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 125—164).

Но несмотря на свой пестрый составъ, бѣлорусский языкъ въ настоящее время является болѣе или менѣе однороднымъ на всей бѣлорусской территоріи, и на мѣстѣ нѣсколькихъ племенъ, жившихъ на ней, мы находимъ теперь одну бѣлорусскую народность. Очевидно, была какая-то сила, объединившая всѣ эти разнородные элементы, спаявшая ихъ въ одно цѣлое, въ одну современную намъ бѣлорусскую народность. Объединяющую роль въ данномъ случаѣ сыграли условія политической жизни. Образовавшееся въ XIII вѣкѣ Литовское государство мало-по-малу подчинило себѣ западно-русскія области. Къ концу XIV-го вѣка подъ властью Литвы были земли, занятые когда-то дреговичами, радимичами и западными кривичами. Привязанныя къ одному политическому центру, взамѣнъ прежней разрозненности, эти области, а равно и населявшіе ихъ потомки прежнихъ племенныхъ группъ объединяются въ одно цѣлое, въ одну бѣлорусскую народность. На почвѣ такого объединенія вырабатывается и одинъ языкъ, распространившій свои характерныя черты и на языкъ тѣхъ областей, ко-

торыя раньше стояли въ исторіи племенъ, вошедшихъ въ составъ бѣлорусской народности, но теперь вмѣстѣ съ ними подпали подъ власть Литвы. Образовавшійся въ такихъ условіяхъ языкъ и есть тотъ языкъ, который мы теперь называемъ бѣлорусскимъ. Памятники западно-русской письменности, какъ мы уже видѣли, показываютъ, что этотъ языкъ къ XV вѣку почти окончательно сложился — къ этому времени въ немъ уже были на лицо почти всѣ тѣ черты, которыя характеризуютъ его и въ настоящее время. Если въ памятникахъ нѣкоторыя явленія отмѣчаются позднѣе, то это объясняется только консервативностью письма, а анализъ этихъ явленій показываетъ, что они возникли значительно раньше. Такимъ образомъ можно принять, что бѣлорусскій языкъ, какъ таковой, сложился только къ XV вѣку и следовательно только съ этихъ поръ можно говорить о бѣлорусскомъ языке.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: что означаютъ термины бѣлоруссы, Бѣлоруссія? или, какъ говорили въ старину, «Бѣлая Русь»? Ученые, занимавшіеся разъясненіемъ этихъ названій, не приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Ал. Ае. Потебня, напримѣръ, объяснялъ выраженіе «Бѣлая Русь», какъ название независимой отъ татаръ Руси, исходя изъ параллелей «бѣлый свѣтъ» въ значеніи вольный міръ, «бѣлый царь» — независимый царь, «бѣлое мѣсто» — нетяглое мѣсто и т. д.*). Академикъ В. Ив. Ламанскій отвергалъ такое толкованіе выраженія «Бѣлая Русь» на томъ основаніи, что современная Бѣлоруссія въ эпоху порабощенія татарами остальной Руси не была политически вольной, независимой **). Академикъ Е. О. Карскій полагаетъ ***), что источникъ для такого названія народа и занимаемой имъ страны заключается во внѣшности бѣлорусса — въ цвѣтѣ его волосъ и одежды: блондины, попреимуществу съ голубыми или свѣтлосѣрыми глазами, бѣлоруссы носятъ одежду (свитки, шапки-магерки и кожухи) также бѣлого цвѣта. Время появленія этого термина также не установлено съ достаточной опредѣленностью. В. Ив. Ламанскій доказывалъ, ****) что название „Бѣлая Русь“ было уже въ концѣ XIII-го вѣка и появилось раньше названій „Великая“ и „Малая Русь“. Акад. Е. О. Карскій не раздѣляетъ этого взгляда и полагаетъ, что название «Бѣлая Русь» появилось не раньше терминовъ „Великая“ и „Малая Русь“, а послѣ нихъ и въ подражаніе имъ.

Какова же судьба образовавшагося къ XV вѣку бѣлорусского языка? Эта судьба стоитъ въ тѣсной связи съ политической исторіей бѣлорусского народа. Если въ исторіи Бѣлоруссіи послѣ присоединенія западно-русскихъ областей къ Литвѣ различаютъ періоды — Литовскій, Польскій и періодъ возсоединенія съ общерусской жизнью, то такие же періоды

*.) Живая Старина 1891 г., вып. III, стр. 119; или Е. О. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 116.

**) Тамъ же, стр. 246; или Е. О. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 116.

***) Бѣлоруссы, I, стр. 117.

****) Живая Старина 1891 г., вып. III, стр. 245—248.

можно установить и въ исторіи бѣлорусского языка. Въ Литовскій періодъ бѣлорусской исторіи бѣлорусский языкъ со времени Ольгерда становится официальнымъ языкомъ и языкомъ высшаго литовскаго общества. Это обусловливается какъ численнымъ перевесомъ бѣлоруссовъ надъ литовцами, такъ и ихъ болѣе высокимъ культурнымъ уровнемъ. Литовцы постепенно усваиваютъ культуру покореннаго ими народа, а вмѣстѣ съ ней и его языкъ.

Иное положеніе занимаетъ бѣлорусскій народъ и его языкъ въ Польскій періодъ бѣлорусской исторіи, когда Литва и Бѣлоруссія находятся подъ властью Польши. При господствовавшей въ польской политикѣ по отношенію къ другимъ народностямъ полонизаціи, бѣлорусский языкъ мало-по-малу вытѣсняется изъ официального употребленія польскимъ языккомъ и надолго остается языккомъ простого народа. Народъ въ это время является единственнымъ хранителемъ бѣлорусскаго языка, такъ какъ полонизація захватываетъ верхніе слои русскаго общества. Но и народный бѣлорусский языкъ, при совмѣстной культурной жизни бѣлоруссовъ и поляковъ, а также вслѣдствіе подражанія простого народа интеллигенціи, испытываетъ на себѣ въ это время значительную долю польскаго вліянія, воспринимая рядъ полонизмовъ, преимущественно въ словарѣ (см. Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 143 и слѣд.).

Новая эра въ жизни бѣлорусского языка наступила послѣ возсоединенія Бѣлоруссіи съ общерусской жизнью. Это возсоединеніе началось отчасти еще со второй половины XVII-го вѣка и закончилось въ концѣ XVIII-го (раздѣлы Польши). Съ этого времени постепенно усиливается въ Бѣлоруссіи русское культурное вліяніе, сказывающееся и на бѣлорусскомъ языкѣ: послѣдній начинаетъ постепенно освобождаться отъ полонизмовъ. Въ этотъ же періодъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ это время интереса къ народности вообще, появляется интересъ къ бѣлорусскому народу, его словесному творчеству и средству для этого творчества—языку. Къ половинѣ XIX-го вѣка относятся и попытки литературного творчества на бѣлорусскомъ народномъ языкѣ, и бѣлорусскій народный языкъ постепенно пробрѣтаетъ характеръ литературного языка, правда, въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время бѣлоруссы имѣютъ на своемъ языкѣ газеты.*)

Современный бѣлорусскій литературный языкъ. Въ основѣ современного бѣлорусского литературного языка лежитъ юго-западный, въ частности сильно акающій говоръ. Нельзя сказать, чтобы бѣлорусскій литературный языкъ въ настоящемъ время окончательно сложился. Обиліе въ немъ полонизмовъ и діалектическихъ чертъ указываетъ на то, что обработка его еще не закончена.

Современное состояніе научнаго изученія бѣлорусскаго языка. По изученію бѣлорусского языка и его говоровъ до сихъ поръ сдѣлано много, пожалуй, больше, чѣмъ по изученію другихъ современныхъ нарѣчій русскаго языка. Здѣсь всякий бѣлорусъ, любящій свой языкъ, съ особенной благодарностью долженъ отнестиць къ академ. Е. Ф.

*.) Недавно вышла на бѣлорусскомъ нарѣчіи „Беларуская граматыка для школы“ Тарашкевича.

Карскому, въ теченіе мчогихъ лѣтъ работающему надъ изученіемъ бѣлорусского языка. Несмотря однако на обширную литературу описательного и научного характера, посвященную описанію и изученію бѣлорусского языка и его говоровъ, нѣкоторые вопросы изъ исторіи бѣлорусского языка и до сихъ порь за недостаткомъ материала остаются не вполнѣ выясненными. Между тѣмъ, при наличности нѣкоторыхъ діалектическихъ подробностей нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ, можетъ быть, получили бы нѣсколько иное освѣщеніе.

Заключеніе. Заканчивая свой курсъ, я поэтому обращаюсь къ своимъ слушателямъ, а равно и ко всѣмъ бѣлорусамъ, которымъ случится, можетъ быть, держать въ рукахъ настоящій курсъ лекцій по выходѣ его изъ печати, съ покорнѣйшей просьбой относиться съ большимъ вниманіемъ къ говору той мѣстности, гдѣ придется жить или бывать, и записывать его, не упуская и малѣйшихъ его особенностей.

Такими записями значительно увеличится материалъ для дальнѣйшаго изученія бѣлорусской рѣчи, а следовательно и русскаго языка вообще, и русской филологии въ этомъ отношеніи оказана будетъ неоцѣнимая услуга.

П. Растворгусъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОСОБІЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ БѢЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

Акад. Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. Т. II. Языкъ бѣлорусского племени. Вып. 1-й. Исторический очеркъ звуковъ бѣлорусского нарѣчія; вып. 2-й. Исторический очеркъ словообразованія и словоизмѣненія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи; вып. 3-й. Очерки синтаксиса бѣлорусской рѣчи.

Его же. Бѣлорусская рѣчь. Очеркъ народнаго языка съ историческимъ освѣщеніемъ. Его же Этнографическая карта Бѣлорусского племени. 1917 г.

Его же. Материалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ 1897 г., кн. 2-я; 1898 г., кн. 3-я; 1899 г., кн. 3-я; 1900 г., кн. 4-я; Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ, т. 75, 1904 г.; т. 82, 1907 г.; т. 88, 1910 г.).

Его же. Замѣтки по бѣлорусскимъ говорамъ (Рус. Фил. Вѣст. 1901 г. № 3—4).

Его же. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусского племени (Могилевск.-Губернск. Вѣд. 1902 г.).

Акад. А. А. Шахматовъ. Курсъ исторіи русскаго языка, ч. 2-я, литографированное изданіе лекцій, читан. въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—1910 учебн. году: (см. соотвѣтствующій отдѣлъ).

Его же. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, ч. 1-я. Исторический процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Акад. А. И. Соболовскій. Опытъ русской діалектологіи. Вып. I.

Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ. Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи. (Труды. Моск. Діалект. Ком., вып. 5).

Klich, E. Teksty, bialoruskie z powiatu nowogródzkiego (Mater. i prace Kom. językowej. II, 1903 г.).

И. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусского нарѣчія (Недостатки словаря см. у Е. Ф. Карскаго. Бѣлоруссы, т. I, стр. 251—253).

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр.

Вводныя замѣчанія.	
Роль роднаго языка въ жизни отдельныхъ лицъ и цѣлаго народа	—185
Что значить знать бѣлорусскій языкъ?	185—187
Содержаніе настоящаго курса лекцій	—187
I. Бѣлорусскій языкъ въ его современномъ состояніи.	
Отношеніе бѣлорусскаго языка къ другимъ родственнымъ языкамъ.	
Понятіе объ индоевропейской семье языковъ	187—190
Предварительныя замѣчанія о звукахъ рѣчи вообще.	
Звуки человѣческой рѣчи и условія образованія ихъ	—190
Органы рѣчи	190—191
Процессъ образованія звуковъ и отличіе ихъ другъ отъ друга по своему составу	191—193
Отличіе гласныхъ звуковъ отъ согласныхъ	193—194
Качественные отличія звуковъ въ зависимости отъ положенія орга- новъ рѣчи	—194
Разновидности гласныхъ звуковъ	194—197
Разновидности согласныхъ звуковъ	197—199
Слитные согласные (аффрикаты)	—199
Слогъ, слоговые и неслоговые звуки	199—200
Дифтонги	—200
Звуковой составъ современной бѣлорусской рѣчи сравнительно со звуковымъ составомъ другихъ русскихъ нарѣчій и рус- скаго литературнаго языка.	
Границы бѣлорусской территории	201—202
Современное состояніе бѣлорусскаго нарѣчія	—202
Звуки общебѣлорусскіе.	
Гласные звуки	202—203
Неслоговые гласные.	—203
Согласные звуки	203—205
Звуки, свойственные отдельнымъ діалектамъ бѣлорусской рѣчи.	
Гласные звуки	205—206
Согласные, встрѣчающіеся только въ отдельныхъ говорахъ	—206
Главнейшія измѣненія звуковъ бѣлорусской рѣчи.	
Явленія общебѣлорусскія въ области гласныхъ звуковъ	206—209
Общебѣлорусскія измѣненія согласныхъ звуковъ	209—212
Діалектическія звуковыя явленія.	
Явленія въ области гласныхъ	212—214
Явленія въ области согласныхъ звуковъ	214—216
Формы склоненія и спряженія въ современномъ бѣлорусскомъ языку.	
Замѣчанія общаго характера о склоненіи и спряженіи въ бѣлору- скомъ языку	217—218

Склоненіе именъ

Имена существительные. Нѣкоторыя особенности въ грамматическомъ родѣ именъ существительныхъ	218—219
Формы двойственного числа въ современной бѣлорусской рѣчи	219—220
Формы звательного падежа единственного числа въ современной бѣлорусской рѣчи	220—221
Разновидности склоненія именъ существительныхъ въ современномъ бѣлорусскомъ языку	221—222
Твердое и мягкое склоненіе именъ существительныхъ мужскаго рода	222—227
Склоненіе именъ средняго рода съ окончаніемъ О и Е	—227
Склоненіе именъ женскаго рода съ окончаніемъ А. Твердое и мягкое склоненіе	227—229
Склоненіе именъ женскаго рода съ мягкимъ или бывшимъ когда-то мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ	229—230
Разносклоняемыя имена	230—231

Мѣстоименія.

Общая характеристика мѣстоименій въ бѣлорусскомъ языку	231—232
Мѣстоименія личныя 1-го и 2-го лица и возвратное мѣстоименіе	—232
Мѣстоименіе 3-го лица	232—233
Мѣстоименія неличныя. Общая характеристика	—233
Мѣстоименія указательныя	233—234
Склоненіе мѣстоименій мой, твой, свой	234—235
Мѣстоименіе увесь	—235
Мѣстоименіе кто и что	—235

Имена прилагательныя.

Имена прилагательныя краткой формы	235—236
Прилагательныя полной формы	236—239
Имена числительныя	—239

Спряженіе.

Общая характеристика спряженія въ бѣлорусскомъ языку	239—240
Настоящее время	240—242
Повелительное наклоненіе	—242
Будущее время	—242
Прошедшее время	—243
Неопределенное наклоненіе	—243
Причастія и дѣепричастія	243—244

II. Бѣлорусская рѣчь въ прошломъ	244—250
Современный бѣлорусскій литературный языкъ	—250
Современное состояніе научнаго изученія бѣлорусского языка	250—251
Заключеніе	—251
Главнѣйшія пособія для изученія бѣлорусского языка	—251
Оглавленіе	252—253
Опечатки	254—257

ИСПРАВЛЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
186	3 св.	малорусскаге	малорусского
	9 „	наряду	на ряду
	11 сн.	наряду	на ряду
	10 „	Тоже	То же
	3 „	явыкъ	языкъ
	1 „	состаяні	состояніи
188	5 сн.	общеславянскимъ	общеславянскимъ
189	4 св.	Приэтомъ	При этомъ
190	1 св.	Неправильно перенесено на другую строку слово употреблять	
	11 св.	въ настоящемъ	въ настоящемъ
	14 „	составляютъ	составляютъ
	14 „	которая	которые
	14 сн.	какого нибудь	какого - нибудь
	3 „	Неправильно перенесено на другую строку слово направляющихъ	
191	3 св.	Процессъ	Процессъ
	11 „	Неправильно перенесено на другую строку слово меж д у.	
	21 „	прохо	прохо —
192	22 сн.	M;	M,
	21 „	согласные,	согласные:
	17 „	не носовые	неносовые
193	2 св.	литератирномъ	литературномъ
	6 „	въ словахъ	въ словахъ:
	11 сн.	согласные	согласные,
194	11 св.	обстоятельству	обстоятельству
	20 „	поднимается	поднимается
	1 сн.	какъ	какъ
195	7 св.	И и даже	И, и даже
	17 сн.	буквенныъ	буквеннымъ
196	4 св.	(стр. 000).	(стр. 193).
	9 сн.	то есть	то - есть.
197	15 св.	h образуются	h, образуются
	4 сн.	Ф при чемъ	Ф, при чемъ
199	3-4 св.	шумнымъ	шумомъ
	7 „	причемъ	при чёмъ
	15 „	замѣтимъ	замѣтимъ,
200	5 св.	произносятся	произносится
201	2 св.	другихъ нарѣчій	другихъ русскихъ нарѣчій
	13 св.	до рѣки Вазузы.	до рѣки Вазузы, отдаляя къ Бѣлоруссіи юго - западную часть Ржевской уѣзда Тверской губерніи.

14-16 св. Суража, Бѣлостокскаго уѣзда, Суража Бѣлостокскаго уѣзда Гродненской губерніи, приблизи-nenской губерніи приблизительно до тельно до г. Новгородъ Сѣверска, г. Новгородъ-Сѣверска Черниговской Черниговской

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	10 сн.	Суражомъ, Бѣлостокскаго уѣзда,	Суражомъ Бѣлостокскаго уѣзда
	9 „	уѣздѣ,	уѣздѣ
	4 „	Свѣнцянскій	Свенцянскій
202	15 сн.	что и русскомъ	что и въ рускомъ
203	16 св.	согласнымъ	согласнымъ,
	17 „	пошли ў двоемъ	пашли ў дваемъ
	17-18 св.	хад —	ха —
		зила	дзила
	13 сн.	онъ	оно
204	3 св.	мозгъ	мозг
	18 „	Х или	Х, или
	19 сн.	причемъ	при чѣмъ
	4 „	условіяхъ гдѣ	условіяхъ, гдѣ
205	6 св.	твѣрдо эровые	твѣрдо - эровые
	9 „	Бѣсьдь	Бесѣдь
	17 „	но - хадзиць	но — хадзиць
	25 „	не бѣглыхъ	небѣглыхъ
	3 сн.	дымъ	домъ
	3 „	не бѣглое	небѣглое
	1 „	Бѣлоруссы, т. П,	Бѣлоруссы, т. II,
206	7 св.	піеч, сіем, ліес	піеч, сіем, ліес
	4 сн.	удоряемаго	ударяемаго
207	12 св.	И. Напримѣръ:	И, напримѣръ:
	12 „	вязну, вязнѣ	вязну, вяснѣ
	13 „	но ныга	но — ныга
	15 „	напр.	напр.:
	15 „	пысадзили	пысадзили
	16 „	пыглядзим	пыглядзим
	16 „	палычка, санычка	палычка, санычки
	19 „	открыта. Напримѣръ:	открыта, напримѣръ:
	20 „	зарѣзыла	зарѣзыла
	21 „	въ предыдущемъ	въ предударномъ
	22 „	напримѣръ, горыда	напримѣръ: горыда
	24 „	въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Себеж-	въ говорахъ Себежскаго
		скаго	
207	25-26 св.	Городокскаго и Витебскаго уѣз- Городокскаго, Велижскаго, Полоцка- довъ, Витебской губерніи; въ во- го и Витебскаго уѣздовъ Витебской сточнай части Могилевской	губерніи, въ Смоленской, въ восточ- ной части Могилевской
	28 св.	образованія. Напримѣръ:	образованія, напримѣръ:
	29 „	вязна	вязна
	29 „	насадзили	ласадзили
	30 „	въ южной части Иллукстскаго	въ юго - восточной части Иллукст-
		уѣзда,	скаго уѣзда
	31 „	въ южной частї Ново - Александровскаго уѣзда,	въ восточной части Новоалексан- дровскаго уѣзда
	32 „	въ Дриссенскомъ Леппельскомъ и въ Дриссенскомъ, Леппельскомъ и	юго - восточной части Полоцкаго юго - западной части Полоцкаго
		уѣзда,	уѣзда
	33 „	Диссенскомъ	Дисненскомъ
	34 „	уѣздѣ,	уѣздѣ

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	34 „	Сыннянскомъ	Сынненскомъ
	35 „	въ восточной	въ заподной
	36 „	Могилевской губерніи.	Могилевской губерніи и въ Ржев- скомъ уѣздѣ Тверской.
	38 „	ударяемому, А	ударяемому, а
	39 „	сохраняются. Напримѣръ:	сохраниются, напримѣръ:
207	41 св.	за исключениемъ съверной и за- падной ея частей	за исключениемъ мѣстностей съ сильнымъ аканьемъ и западной ея части
	42 св.	населенныхъ	населенной
	43 „	Новогрудскомъ Игуменскомъ, и отчасти Быховскомъ уѣздѣ	Новогрудскомъ, Минскомъ, Игумен- скомъ, Бобруйскомъ и Слуцкомъ уѣздахъ Минской губерніи, въ Ро- гачевскомъ и отчасти Быховскомъ уѣздахъ
208	2 св.	по вергаются	подвергаются
	8 „	граничаніе съ съверносмалорус- скими	граница съ съверномалорусскими
	23 „	Неправильно перенесено на другую строку слово отождествляя	
	29 „	(см. выше стр. 207).	(см. выше стр. 196).
210	5 св.	Неправильно перенесено на другую строку слово явается	
	16 „	жаутокъ	жаутокъ
	22 „	современное сочетаніе	современныя сочетанія
	8 сн.	мягкихъ Д и Т предъ j	мягкихъ Д или Т + j
211	2 сн.	падежъ	падежъ,
212	7 св.	характеръ	характеръ,
212	2 сн.	возъ	возъ
214	18 св.	коршынъ	коршынъ
	21 „	бикъ	бикъ
	12 сн.	звука въ положеніи его предъ j (Йотъ)	звука и j (Йотъ) въ положеніи ихъ предъ гласнымъ
215	4 св.	городахъ	говорахъ
	15 „	тверое	твердое
	20 „	придыhanie	придыханіе
	22 „	hэтакъ	hэтакъ
	25 „	гортанное предыханіе	гортанное придыханіе
216	6 сн.	кров	кровъ,
217	13 св.	преставляетъ	представляетъ
	14 „	спраженія	спряженія
	10 сн.	простыхъ,	простыхъ
	7 „	замѣчаній	замѣчаній
	2 „	формъ. чѣмъ	формъ, чѣмъ
218	8 сн.	конечне	конечное
219	6 св.	дружъ	дружъ
	22 „	три четыре	три и четыре
	25 „	въ станицу	въ старину
220	7 св.	тры хацъ	тры хацъ,
222	5 сн.	Подобные	Подобныя
	1 сн.	Бѣлоруссы, П.	Бѣлоруссы, II,
223	1 сн.	Бѣлоруссы, т. П.,	Бѣлоруссы, т. I
224	23 св.	которые	которыя

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	12 сн.	письменности	письменности,
	11 „	въ нихъ	въ немъ
	1 „	Бѣлоруссы, т. П,	Бѣлоруссы, т. II,
229	1-2 св.	с рукам, за дровам, лаўкам	с рукам, лаўкам
229	19-20 св.	влѣдующія	слѣдующія
	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
235	20 св.	въ говорахъ	въ говорахъ,
	28 „	(усѣх)	(Усѣх)
239	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
240	16 св.	спѣя	спѣя,
	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
251	4 сн.	Напечатано I мягкое и е неносовое вмѣсто I твердаго и е носового за отсутствіемъ въ скоропечатнѣ соотвѣтствующихъ знаковъ; по той же причинѣ не поставленъ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ и знакъ ударенія. По не зависящимъ также отъ автора обстоятельствамъ нѣкоторыя опечатки остались неисправлѣнными; между прочимъ, на 205 стр., 29 строк. св. ошибочно поставленъ при наборѣ въ словѣ вакніе надъ буквой е знакъ закрытаго произношенія звука; на 208 стр. 1 строк. св. ошибочно поставленъ знакъ неслогового характера звука надъ буквой у въ словѣ неударяемые и т. д.	

БЕЛАРУСКАЯ ЛІТЭРАТУРА.

(НАРЫСЫ І АГЛЯДЫ).

Лекцыя, чытаная у Беларускум Народнум Університету
у Маскве.

Цяшкая доля, якая на працягу усяго гістарычнаго жыцьця Беларусі, нядчэпна яе справаджая, давяла да таго нашу краіну, што мейста ея, як роунае з другімі, чуць ня назусім загубілася у ходзя жыцьця. Сцярауши сваю гасударствяннасць з дауных часоу і падпауши пад моцны надау літвазацыі пошля заваевы яе Літоускім княжаствам, Беларусь, воляю лесу, пачала уступаць боляй і боляй свае мейста свайму пабядзіцялю-літоускаму уплыву з'яго губільнымі скуткамі ля развітшай у Полаччыня, Случчыня, Мазырчыня, Мінішчыня, і іншых вабласцех тагдашняе Беларусі, беларускай культуры. Усе прывілеі, праводзячыя тую ці іншую гасударствянную уладу, як пісаныя грамат, актау, пастанову ўсіх законау на пануючай мові, верхавенства устаноу, нагляд гасударскі за усею машынаю гасудаскае гаспадаркі—усе гэта па трошку перайходзіла у рукі літоуцау, прымкаючы іхнюю ахварбоукі і прымеркоуваючыся на іх складу управы, нацыянальных звычаяу ды іншая. Разам з пераходам, ці сапраудній, з атабраньяням у свае рукі ат беларусау, кірунку гасударская машынаю, лехка, бяз спрэчкі, перадаліся і усе чыноўныя людзі пад загад новага уладайцы краям і яго доляю, Літоуская народнасць павяла у краю сваю працу, стала пануючай і, вядома, нацыянальная асобнасці, як мова, душа, злучавы з гэстай асобнасцю, звычайна, ралігійны культ, начау прасціраць свое сільле шырэй і ширэй і захаплиць у себе памаленьку усю тагочасную інталігэнцыю, выхаванную на пачатках і развіццю беларусскае культуры. Заусёды, пры стоку дэзвух рэчак, вада тае, якае хуччэй і стромій цячэ, переганяя воду першай і усе плывучая захапляя з собою. Але, калі усе іншая удалося літоуцам аблигавіць, скинуць хварбу беларусскай мулі, та гэта ня удавалася зрабіць з беларусскаю моваю. Як ні як, а беларускі народ па лічбі куды перацягвау літоуцау, выраблянаю культураю, якую больш усяго захоувая мовленіем так сама стаяу вышэй, рауняючы з беларусамі, усе ж такі наякультурных і адсталых літоуцау. На працягу доугіх гадоу самаістнаго жыцьця, беларуская культура добра ужылася і змагацца з яе уплывам і на літоускую гасударскую управу—было цяжка і ня зусім патрэбна. Гэткія вялікія з'явішчы у жыцьці народау, як поуная усасанья, знішчэння аднаго другім—рэч ня вельмі простая. Гісторыя, на працягу сваем, толькі у дау-

нейшыя часы, у часы вялікіх перетасовак народау, адмячала прапад, выміраня таго ці іншаго із сям'і слабейших, ня змогшых вытрываць перад маснейшымі у барацьбе за жыццю. Гэтак згинула на памках гісторіі колькі народау, як мауры, скіе, рымляні, полауцы, печэнегі ды інш. С часам жа, с намерным ходам поступу і развіцьцем культуры—змаганьня між народа і, ужо ня прыводзіла да тых скуткау, як гэта было спакон вякоу. Наадварот, мы бачым, што мяркоуна к таму часу, калі зрабілася зауладаньня літоуцамі Беларусью, бач у XIV сталецьці можна бачыць, што вытрываласць у барацьбе за жыцьце між народамі мацнела і меньш куды меньш, стала прыпадкау іх занядаду. Калі і можна было казаць аб утратках таго ці іншага народау у змаганоні з другім, та талькі гэты утратак быу з боку яго эканамічнага, ці палітычнага незалежнага бытаваньня, зусімня нацыянальнага. Самая страшная варужжа у гэту напрамку, есцесцвянная і прымусовая ассыміляцыя—ня апраудалі сябе у жаданнум ля прыхільнікау яе скутку. Нават там, дзе яна боляй і упарцій прыводзілася—сустракала у цяснейшай нацыянальнай злучнасці страшэннага ворага. Ці літоускія гасударскія людзі і правячныя станы былі знакомымі з гістарычным бегам жыцця народау, ці іх жыцьціо і яго варункі уразумілі—толькі яны ня прабавалі гостра ставіць пытаньня аб гвалтоунай літвазацыі Беларусі і яна свабодна шырыла свою культуру. Ды часткаю той хвакт, ужо палітычнага сэнсу, гэта тоя, што літоуцы, як-ніяк ня чиста гвалтоуным спосабам перамаглі беларускі элемент, а мелі той ці іншы нават і налад, покуль у канец зліца у адно Літоуска-Беларуская гасударства. І мы ведаем із гісторыі, што беларуская мова траха на працягу усяго тэрміна жыцця Літоуска-Беларускага гасударства мела вахкую значнасць у ім. Многія устаноуныя граматы, усякія акты, някожучы ужо аб перапісца паміж польскімі караліямі і літоускімі князьямі—пісаліся на беларускай мове. Гэтак быу напісанні дайшоуши і захавауши да нас вядомы Літоускі статут Кейстута, літоускія мэтрыкі і інш. Апроч гасударскіх патрэб, беларуская мова была нарауне і у школах, і у судох і у тагочасных бажніцах. Адным словам, уплыу літоушчыны адбіуся ня дужа шкодна на беларускай нацыянальнасці.

Ня тоя ужо мы бачым с прыходам новых людзей, новых гаспадароу на Беларусь, палякоу, Знатная злуга (унія) гасударская паміж Польшчаю ды Літоуска-Беларускім гасударствам XV стал. гібельня адгукнуліся як на белорускum, гэтак і на літоускum народах. Раунуючы з Літвою і Беларус'ю, дзе эканамічныя варункі с прычыны слабейшай культуры, ня унеслі глыбокае рожніцы у маетнасці люцкой, Польшча была у поунуй значнасці слова стараною эканамічна развітою, маючоу у сябе і паноу-багатых і буржуазею і хлопау, калі на Літве вышэйши туан складалі блізкія да князя баяры і упраунікі, а то задавала усяму тон шляхта. Багатая культурна, Польшча, ясна, зрабіла тоя, што уплыу яе на адсталыя і у культурнум, і у эканамічнум, налітычнум быцьці Беларусь, і Літву меу моцную слу. Мова польская, развітая ды багатая, зразу перамагла між інтэліген-

цю і беларускую і літоускую. Яе ж культура, роуная заходній, магнэсам пацягнул усіх мала веля падкіх да яе з стану багатых і карыстаючых можнасце яе мець. Усе нацягнуліся у Польш, Варшаву ды Кракау, і вядома, аттуль уже яны варочаліся чыстымі палякамі. Поміж з гэтym, ста-рэнная коланізацыя Беларусі ды Літвы, надзялення багата зямлею усякіх заслужанных пры дварох літоускіх князеу і польскіх каралеу чыноунікау, баярау і выслугнай шляхты, да гэтаго яшчэ высунутая на повярх жыцьця царкоуная унія—як лепш ня трэба звярнулі Беларусь у калоню Польшчы, з усім харством сярэдня-вяковая коланізацыяне палітыкі. Палогая роу-насць, з стромым нагінам, на якой ушчало сваю пущіну развіцьце беларускае народнасці, суджаныя доляю яе законы, сапхнулі да бядоваго скутку. З гэтаго часу, с часу гасударскае уні паміж Польшчаю і Літвою, абвітаю валям маладое Ядвігі, Беларусь перайшла у другі перыяд свайго жыцьця, перыяд, у які прышлося працунаму народу беларускаму, «хлопам» «жы-веля» прычасціца да міссыі захаваньня свайго нацыянальнага жыцьця.

Уся знаць, памешчыкі, шляхта—пацягнуліся, як я сказау, у Варшаву, а наяхджаючыя на Беларусь чыноунікі і коланісты, прыносілі польскую культуру, дух, язык. Перш з гасударскага ужыцця, а потым і з будзіон-наго ужываньня вышэйшымі станамі—беларуская мова выпіхалася, замя-няючыся польскаю. Аставауся народ, прыгонны, якому толькі і асталася можнасць казаць на сваей роднай мові. Прауда, у касцелях, у судох—так сама пашла мова польская. Вымушалася і простаму народу чужынная мова, але до угі час яе умываньня усе-такі ня перамог роднае—як Польшча ня змяніла души беларусскае. Не, і казаць ня трэба, каб у такіх варунках магла іші реч аб развіцьці беларускае мовы ці нават літэратуры.

Прыгон сыпняу прыйходзіць съвет да цемных людзей, крыху ж ась-вячоных, дастауши гэтую асьвету у Польшчы, няслі свае таленты ей жа.

Гэтак ішло да 18 сталецця, да часу заваеу Беларусі расейскімі ца-рамі пры падзелу Польшчы. З гэстаго моманту Беларусь з другога боку падышла да новага фактару чужыннага уплыву, прынесшаго з сабою тую ж самую бяду з усходу, якую палякі каля двух сталецця да гэтаго няслі з-заходу. Беларусь стала с калоні—тым ласым куском, за які шчапіліся два пачаткі—велікарасейскай і польскай палітыкі зніштаженія. Німа магчымасці, не хватая слоу у мові, каб поунасцю абмуляваць разбазы-раннасць глуму, здзеку і гвалтоя, якія дзікім віхром завалі над бяздоль-най, пакутнай стараною. Калі намуляваць сабе вобраз, дзе відаць, як два каршуны раздзіраюць сваю ахвяру—та то будзя поуная снадобя долі Бе-ларусі да апошніх часоу, захоплянай кіпцюрамі памешчыкау—русыфіка-тарау, і паланізатарау, ксядзоу і папоу.

У гэтуй дзікуй схопца стагнала Беларусь і нельга было думачь, што калісі мінецца цемь ночы і нішчаны народ пачне будзіцца, станя праба-ваць свае жыцьцё, вядома, с першаго кроку ступіушки на пущіну нацыя-нальна-культурнага атраджэння. Пара гэтая якрас прышла у той час, калі уся Расея у сілу законау сацыяльнага развіцьця, ачулася на мяжы

равалюцыі 1905 году. Узраджэння Беларусі поруч з абгастрэнням нацыянальнага пытання і клясовых супрэчак, ушчалося з дужа цікавага пункту і пашло на простуй завабна-уздзячнай дарогазя—гэта уваскращэнням да жыцьця беларускае мовы, праводчыкам якога стау сам беларускі народ.

Прауда, мы ня можам ня адмеціць першых бліску на небасхілу беларускага жыцьця: праменьня, хоць і смуглый, блеклы—з'явіліся яшчэ у 60-тыя гады XVIII сталецца. Іх зас্বечвалі рэдкія, прыпадкова, пад штырхам тых іншых варункау, народалюбна настроянная людзі, больш пісары і песняры на абмылца, уведзянай развіцьцем жыцьця у систэму, адышоўшымі на паслугу суседнім, багатым народам—тym жа паякам ды расейцам.

Народнічы уплыу, захапіушы інталігэнцыю у Рasei—пераліуся і на Беларусь і крануу сабою сярэднюю інталігэнцыю і ліберальныя кругі пісьменства. Беларуская мова, захаваная на працягу доугіх гадоу у спіску і і здзеку, адна пракладала дарогу, на якой можна было праціці у гэты народ. Ды бяз нязнання яе, нязацікауляннасці ёю, нельга было назнаць і душы самога народу. Вось мы і бачым, што на змену тым адносінам да беларускага слова, якія нельга назваць інчай, як глум—і выходзячых ат забавы і «німа чаго рабіць» зравольных панкоу, пачыная ужывацца жывы, і шчыры прыхіл, якія ушчыння цэлы цуг песняроу. Сыракомля (Кандратовіч) паміж польскімі творамі працуя *крыху* і над роднымі беларускімі; Манюшка—бярэ ля сваіх мелодзіяу—мелодзі роднага краю у оперы «Сялянки», і украпляя імі свае вялікія музычныя творы. Ім першым запісана і абробляна багатая песня беларуса. Толькі многа пазней Рагоускі дадау свае працы да яго... Прауда, зашмат раней, яшчэ у XVIII веку некі В. Ровінскі, а як кажуць другія, Манькоўскі, перекладая на Беларускую мову украінскую «Энеіду» і гэтым пракладая пошля доугаго змоуку першую сцешку на дарозя гражданскага жыцьця «хамскай мовы». Потым, ужо у 50 гг. XVIII сталецца беларускі дзеяч Чэчот ня раз падае прыклад культурнае працы над атраджэнням Беларусі. Але усе гэта былі пробы, ня смелыя і ня сапрауды сур'ёзныя. Толькі В. Дунін-Марцынкевіч (1803—1885 г.г.) першым ясна і смела пачыная пісаць па беларуску, праканаўшыся на прыкладзя, што: «Беларускі селянін (*Dudav Bialoruski*)—І вып. 1875 г. Мінск), бачучы кніжку на родную мовя, ахвотній яе чытая і дзетак сваіх лягчэй прыцягая к асьвеція»...

Крыху атыдам у бок, каб паясніць некаторая няпаразумення, с першаго узгляду западаючая у парадак анісу і складу нашага пытання. Як бачыцца, у весь час на працягу нашага анісу вы натыкаліся на просячнае пытання: справа мусіц іші, як то пастауляна у перадзя, аб беларускай пісьменнасці, а у злозі рэч ідзе аб культурна-нацыянальным атраджэнні Беларусі? Чаму гэта так? Што можа быць між гэтым такога агульнага, каб так цесна злучыць гэты два пытання?

Калі мы прасачым гісторыю атраджэння другіх прыгнечаных народау, та мы ясна убачім, што самым вахкім праводцам яго з'яуляюща пісьмен-

насьць. Гэтак, пазнайцяся з атраджэньнем Украічскага народу, Літоускаго Латышскаго, Кауказскіх народаў, ды іншая. Але ні адзін з іх ня дае прыкладу гэтага цеснага спліту між развіціем пісьменнасці і атраджэння. Вядома, прычына гэтаму тая, што сама літэратура і само атраждэння беларускага народа нясе сам гэты народ а ня вярхня яго станы. Гэта рожніца адбівая самую дзіуную і пекную страніцу у беларускай гісторыі. Нацыянальна-культурная атраджэння і пісьменнасць беларуская да таго, пераказваю я, цесна зблытаны адно з другім, што гаворучы аб адным—трэба разумець і з'ясняць сабе і другоя...

Той лігкі нагон увагі да беларускага пытання, які ушчауся пад упры-
вам вялікіх Ідэй Заходу (Французская і Германская равалюцыі) і народні-
частва у Рэсеi, ішоуши зверху, меу зусім няглыбокія карэнья і ня пры-
ніос; за сабою значных пліонау.

Творчасць В. Марцінкевіча адбівала сабою пачуцьцё спагады да прыг-
нечанага народа і выказвала сабою гэта пачуцьцё. Ен прышоу да яго з
боку, пакахау за мягкасць і пакору народ-горацешац, і гета настроіла яго
струны ля апеву свайго чуцьця аб юм. Струны задрэнчалі і выпусцілі са-
бою гарачыя шчырыя зыкі. Але, вядома, ля шчырасці іх ня хапала другога
дужа важнага—гэта поунае умеласці валаданьня імі, мастацтва—што дaeцца
зnanьням, поуным і усебаковым, мовы народнае. Заусяды места пачуцьця
папауняя уражэння, і дзе больш яно перамагая—там боляй цярпіць сіла
вытваранай рэчы. Ды ля гэтага патрэбна багата таленту і мастацтва. В.
Марцінкевіч гэтага ня меу, па крайній меры, у датычнасці творчасці на
глебя беларускай—іон ня паказау.

Мова яго так сама цярпіць ад паланізмаў—і усёю наагул робіць верш
яго нядмысловым. Пэунт—хацець гэтага мы ня маям права; тым боляй—
патрабаваць. І упікі нашы, здаецца, ні у мейстру. Наадварот—вялікая па-
шана і падзяка можа быць яму—першаму трубніку беларускага пісьменства.
Чуць у 1870 г.г., пры агульнум нязнанью аб быцьці і гістарычнай знач-
насці беларускай мовы, усіожткі музычныя і багатыя вершаваньня В. Мар-
цінкевіча—гэта ня малоя дзіва. Ня дзіва, тагды, што творы яго зачытва-
ліся тады народнічаскаю інталігэнціяй і нават селянамі, хадзілі па усей Бе-
ларусі і за яе межамі. У сваіом вершы ад 1860 г. паэта піша.

«Будзям роуныя с панамі,
Самі будзям, як паны» і т. д.
Перестануць нашым братам
Як скацінай таргаваць,
Напускацца ліхім матам,
Скуру з ног да карка драць.

Хоць халодна, хоць галодна,
Холад-голад ні пачом!
Эх, каб толькі нам свабодна!
На свабодзя адживіом.

Вось панам ня дужа лоука
Самым трэба працаваць!
Пабаліць ня раз галоука,
Калі прыдзяцца араць!

Ня адзін та напацеяць
І заскача драпака...
Бо сам толькі есць умеяць
Ды драць скuru з мужыка.

Якбы быу якой скацінай,
Або горшы ад яго:
Білі пугай ды дубінай,
А цяпер брат— ого—го!

Мужык будзяць ня скацінай;
Ня раз скажэць пан с паноу:
— Пане Грышка, пане Міна!
Як жа васпан? ці здароу?

Блізка у гэткум напрамку пастройны усе творы В. Дунін Марцінкевіча. Адбітак нагонянага ослабаджэньям селян ад прыгону пачуцьця паэты, і таго настрою, які ахапіу грамадзянства. Усе дробныя рэчы яго дапоуняны, як тоя перадаюць, знатнымі творамі яго, паэмамі «Тарас на Парнасі» і «Гапон». У гэтых творах, калі толькі ня абмылкова, што іх вылажыву сапрауды В. Дунін-Марцінкевіч, заложаны вялікія пачаткі яго народніцкіх здабыткаў і паглядау. Гэтаму сведчыць той пашыр іх сярод інтэлігэнцыі тагочаснай і вызваная імі папулярнасць, як аутарцы, гэтак і сіла ды гмах беларускага эпоса, які ушчынау імі свае далейшая развіццё. Як казалася у перадзя, тэмпэрамант В. Марцінкевіча ня падпау пад ваяунічы настрой і замер на вялікай спагадзі, якая мяжуха, аднак, с пачуцьцем будзячага окліча.

Другога настрою, іншаго тэмпэрамэнту— прышоу паслядовак В. Дунін-Марцінкевіча, багаты дарам, гарачы помстай за прыгніт беларускага народу, як працауніка, гэтак і беларуса, бацька і галава да 1905 — 6 г.г. перыяду беларускай прыгожай пісьменнасці — Францішак Багушэвіч, ці па прозвішчу, Мацей Бурачок. Яго лера зіграла зусім новая і рожныя па сэнсу, а аднакія па глыбі і значнасці, пазывы і окліchy.

На першы уступ высоуваяцца ім беларуская „я“, нацыянальны пачатак, і развертвяцца шырокі плян гарачаго змаганьня за роуная, незалежная быцьдю яго сярод роунымі свабоднымі народамі. Здаецца, у яго многаграннай істнасці збегліся усе жаральцы крынуды і здзеку, перанесянаго Беларускім народам на працягу цяжкіх гадоў гістарычнага жыцьця, зліліся і успеніліся, забрынялі у цеснуй змесі і перавярнуліся у новая напекі ля музы «гневу і помсты».

Жаласлівую дудку жалейку, граючу слёзным тонам, Ф. Багушэвіч ломіць і круціць новую,—на якой пастваляя іграць датуль, пакуль сілау хопя:

Як слязы ня станя,
Тады — скончу граньня.

Бо іначай нельга. Надта ціжарным дыхам сапе ад мукау народных наукола, дужа заняволян беларускі мужык, аб яком:

Па усім съведця б'юць у звоны—
Дурны мужык, як варона...

А дурны таму, што:

Закасіуся, заарауся..

І ня мая гатоунасді азірнуцца наукол, пранізаць зіркам істнасьць свайго жыцьця, яго варункі... Ня мая съмеласьці адчыніць шырока вочы і падняць съмела язык...

Кінь наукола вокам,
Дык крывавым сокам—
Ня слязой заплачаш,
Як усе абачыш.

Прауда, пазця падабаяцца пад ціскам нядолі і гора, няпрастаннымі зваротамі на ужытую пакору народу уздымаць пачуцьцю помсты і ахвоту да змаганьня, а ня адчыняным, завучым поклічам. Апошні кірунак ён карыстая з іншаго боку, ён ня абмежвайцца ніякімі рамамі і няшкадуя пэнту і жару ля сілы зову.

У сваёй пекнуй і прыгожуй «Прадмові» да «Дудкі Беларускай» Ф. Багушэвіч здолына тлумачыць і з'ясняя пытаньня, кім мы есцяка і кім павінны быць, і абкідая свае з'яснення шчырымі яснымі і праканающимі доказамі. Прачытауши яе—нельга ня стадца беларусам, бо ня у сілах заняуважыць іх.

Нам, сучасным сведкам вялікага перакруту сацыяльнага і грамацкага жыцьця, які завецца равалюцыяй сацыялістычнай, зусім ня вагкім здзецца падабаючы мэтат пазыву да змаганьня, які аблюбован быу песьнярамі часу народнічаства, як расейскаго, гэтак і беларускаго. Толькі паказываць і «лерай абуджаць», нам роуна таму, што і намеру ня даваць да змаганьня. Нам хочацца, мы рвіомся на збройная поля уверанна і нацянькі, але трэба браць у рахунак час і яго варункі, ды варункі эпохі. Вялікі песьняр расейскі, Ня-красау, быу шчырым равалюцыянерам і зрабіу у сэнся абуджаньня равалюцыйнага пачуцьця боляй, ніж самы старанны агітатар. Ля свайго часу іон быу равалюцыянер духу і розуму, вялікі ды значны равалюцыянер. У беларускай літературы Ф. Багушэвіч стаіць вышэй Некрасава: ён съмела можа празывацца валадыром гэраічнага тэрміну яе і будзячым трубачом забітаго народу. Алеж, пераказваю, усіо ж бы такі мінорны тон пераважвау і над яго

уздымающим настроем. Поауда. вера і гард, які ён укладая у сваю надзею-
падагравалі элемэнт бадзіорасьці і ахварбоувалі у чырвань-мую яго мінору.

«Ня тужы бярозка,— з намі свет ня згіня:
Вецир, як павея, шышачкі раскіня;
Хоцьбы ты засохла,— вырасця вас боляй...
Перастаням плакаць мы над сваей доляй!
Якось яно будзя—дажывіом да дошкі;
Хоць ляпей, хоць горай, абы ня так трошки!
Шышачкі раскіня, як параскідала
Маіх шэсьць сыночкау—здаецца, ці мала?
Усе разышліся! Ну, дык рана—позна, такі, мне здаецца,
Кожны занудзіца й да дому вярнецца».

Па пекнасьці мовы і на мастацтву хвормау творы яго кудысь далей
паперліся уперад сваіх папярэднікау і цешаць нас сваю скончанаю музы-
каю. З яго з'явішчам ля беларускай літэратуры беларусы знашлі няцэ
няны скарб, бяздонную крыніцу.

Зякой хто нап'еца,
Дык вольным здаецца

Дык вось, Франц. Богушевіч (Мацей Бурачок, Рэука с-пад Барысава)
быу самым яскравым і шчыра народным паэтаю абуджаючайся да жыцьця
Беларусі да тэрміну 1905 году.

II.

Мы спыніліся толькі на двух асобах: В. Дунін-Марцінкевічу і Ф. Ба-
гушэвічу таму, што яны поунасцю ахапляюць сабою першы перыяд у гісторыі
беларускай літэратуры; усе ж другія як-бы дапаунякць іх. Ян Бар-
шэускі, Каганец ды іншыя у роуні зімі далі шмат менай (Каганец дапоу-
ніу сябе у посьля-1905-гадовы перыяд) і па ліку, і па значнасці. Хоць, вя-
дома, заслугі іх ніякім чынам ня могуць умальвацца, ня толькі-б касавацца.

1905 г., помяж с падынам соцыялістычнага руху, падняу да нябывалай
выши і рух нацыянальны. Варта праглядзеце гісторыю гэтага часу, і логка
можна будзя убачыць, які значны крок у справя нацыянальнага зняваль-
ненія зрабілі цэлы цуг расейскіх нядзяржауных, прыгнечаных нацыяу: лі-
тоуцы, латышы, украінцы, фінны і інш. Але асобна значным пліонам адбіуся
гэты год на абуджэныні беларускага народу. Здаецца з гэстаго боку 1905 г.
знарок і выпау дзеля таго, каб даць штырхач толькі беларускаму народу,
які астауся пазадзя усіх на дарозя свайго нацыянальнага будауніцтва. Іна-
чай думаць мы і ня можам. Той розмах, тая шыр, якія раптам ахапілі бе-
ларускі народ хвалімі самапазнаньня, таго ня дазваляюць. Адначасова за-
варушыліся і гарады, і мястэчкі, і сіолы. Беларусь пакрылася нацыянальнымі,
палітычнымі і сацыялістычнымі гурткамі, колкамі і грамадамі. Студэнты,

вучні, інтэлігэнцыя і асобна цікава работнікі і селяні,—усе дазвалі патрэбу часу і няйначнасьць паражэння выпхнутых ім задач. «Аслабяний сябе з усіх бакоу і назвамі рві ланцу гускаго прыгону!» гучэу бадзіоры вокліч і спыняуся у гушчы грамацкаго жыцця беларускаго народу.

Рабілася дзіва з дзіу, тым боляй, што беларускі нацыянальны рух глыбай усяго ікрас запау у слаі працунаго народу,—селян і работнікау,—і толькі вярхоў датыркнууся да інтэлігэнцыі і буржуазіі. Выяулялася, што першы прыклад робыць гісторыя, калі знізу чуяцца голас, съмела празываючы речы сваімі. Прачынауся сапрауды беларускі народ, выяуляючы сабраныя вякамі скарбы свае захаваннасьці...

Але законы сярадковай цягучасьці (цэнтрабежнай сілы) ня прамінулі датыркнуцца напрамку развіцця і беларускага руху, якто бывая і усюды. І сярэдзіна, посыля пачатковай роунавагі паусюдах, стала адзначацца у Вільні, абрысоуваючы выразна гушчэйшы злітак святавосьці.

Усе кіраунічыя сілы зышліся там, дзе варункі, колькі мага былі па часу, усебочна спрыялі таму. Вакол Вільні рэялі усе.

С часам, калі рэакцыя сумела пяраважыць аслабаніцяльны рух, і іон мусяу ужэць і нікнуць, беларускі нацыянальны рух толькі з'узіўся. а углыб рос ды рос. І вось, калі вілянскі цэнтр беларускіх сіл прыдау сваій працы культурную ахварбоуку і пачау брацца друкаваным словам паусюжыць яе, та гэтym іон нібы пераняу голас жыцця.

Адчыняная у Вільні на змену зачынянай «Нашай Долі» вядомая «Наша Ніва» начала служыць ліхтарняю, да якой паляцелі з усіх куткоу высунутыя народам яго «гаравальнікі і апевайцы думак». Між першымі пэрыадам у беларускай літэратуре і новым знашлася можнасьць адшукаць ужо было захаваную прэемнасьць. Выявілася, што та там, та сям сядзелі у цішы і вылівалі свае думкі многія нязнаныя паслядоуцы беларускіх народнікаў. Ня кідау пісаць Каганец, пісала Пашкавічанка (Цётка), пісau А. Пауловіч і пробавау свой багаты талент будучы карыфей, Янка Луцэвіч (Янка Купала), час ад часу адрываючыся ад працы над польскімі сваімі творамі. Поруч жа, за многа раней, ужо хадзілі па руках народных вучыцялю, вучняу і сельскай сацыялістычнай моладзі, здольныя гэвалюцыйныя творы і творы сатырычныя мужыка з Мікалаяушчыны, вучыцяля Костуся Міцкевіча (Якуба Коласа). Нельга адзначыць, хтэ запошніх двух і на колькі каторы з іх раней прыхіліся да свае творчасьці, толькі ведама, што ужытыя ім з нараджэнняня таленты адначасова пачалі выуляцца, расьці і класыці закладзіны новаму пэрыаду у беларускай літэратуре, пэрыаду эпосу самога народа, з гушчы яго выліванага, а ня зышоушаго да яго.

Першая беларуская газета «Наша Ніва» магнісам пацягнула іх да сябе і на страніцах сваіх панясла па віосках і сіолах тым, хто і ня думау, што яго муکі так складна адшліфованы і так пекна абмуліованы. Здавалася дасюль, што і ткаць гэткія тканіны нельга...

Казаць аб гэтых двох паэтах, Я. Купала і Якубу Коласу, аб гэтых двух вяліканах, ніколькі ня павялічваючы гэтым, у беларускай літэратуре,

каб выявіць усю аграмаднасць іх багатай працы і прасачыць за паступовым разніццем іх таленту. троўляло-б зэнць зацужа шмат часу, як ля пазнаньня іх працы да дробні, гэтакі ля абрыву яе. Да гэтага ж і сілы трэвялікія і знаньня шірокія.

Наша мэта—гэта у кароткіх агульных абрывах, як таго вымагая агляд гісторыя, дадзь боляй—меняй суцельны е брав развіцця беларускае мала-дое, але ужо занявшая належная мейста у гісторыі, народнае літэратуры. Прі гэтым, вядома, і ня аблінуць ды спыніца над выдатнейшымі яе прадстаунікамі.

Спачатку, як усе заусяглы, творчасць Янкі Купалы, датыркалася тых тэм, ля якіх кармілася і лера В. Дунін-Марцінкевіча, Францышка Багушэвіча, Я. Няслухоускага і інш, з тэю толькі рожніцаю, што равалюцыйны уздым прыдау ім боляй пэнту і гарачнасці. Ужо даволі адметна переважывая у яго зеу і окліч іці да змаганьня, абы здабыць належная. Нават, спрауднай сказаць, мейста жуцасці і жальбе даецца досі мала. Толькі паміжходна чапая іон іх але с таго боку, каб зачапіуши, боляй падбухторъць пачуцьцю помсты.

Грай мая жалейка,
Пей, як салавейка
Алевай нядолю,
Алевай няволю
І грымні свабодна,
Што жыве край родны!

Ды, трэба сказаць, што у сілу народа, моснью і няпаборную, верыу паэта. Нават культам яго музы стала тая мага і крэпасць, э якою мужык можа усе зрабіць... і зробіць, калі захоча.

Вось як іон гавора аб мужыку:

„Я богач, я магнат!—
Што мне пан, што мне кат?
Цэлы сьвет мне адкрыт?
Я усё закляну,
Усё сілай папру!

(«З песянь беларускага мужыка» (Жалейка, 5 стр.)

Нават зрабіу ужо ён гэта, да быццам сам азнае, што няхватая у яго однаго, што патрэбна ля творчае працы:

Эх, каб ціомны ня быу,
Чытаць ксіонжкі умеу,—
Я бы долю здабыу,
Я бы песянкі пеу!
Яб патрапіу сказаць,
Што і я чалавек!

Паэта верыць, што гэта, беларускі народ зробіць, зробіць няпрыменна і каб ня пацягla за сабою гэта работа благіх скуткау ля моцных гэтаго сьвету, іон прабуя прасьцярагці іх і пахіліць пайci насутрэч працунаму народу—пашкадаваць яго, каб потым ня каяцца:

Пажалей мужыка бедака...
Бо на съвет прыдзя многа бяды,
Бо за крмуду сваю адамсціць,
Свіням будзя крыві ня набрацы!—
Адамсціць, аж зямля задрыжыць,
Аж віхры зашумяць, загудзяцы!

Але робячы гэту прадасьцярогу, Янка Купала, рабіу гэта больш ля далікатнасьці, бо ні каліва ня веру ў іх літавосьці і, у свой чарод, прадаеца— рагау сваіх братоу, бедакоу-селян, ня чакаць гэтае іх спагады і ня рвачца к «багатым» у цяшкія часы «шад стрэхі» ды «ня шукаць у іх палацах уцехі», а «быць чалавекам бо ты ж ня забіты». І сваімі способамі шукаць скутку да паляпшэння жыцця.

Ах! ці доуга, браццы, будзям
Пад няволяй мы стагнаць?
Ах ці доуга сваё шчасльця
Сваю долю праклінаць?
Ці так цягам, як сягоньня
Цярпець будзям мы бяду?

Грамадзянскія матывы, як і у папярэднікау, у першыя часы перасіль велі у Янкі Купалы над іншім. У гэты бок, пад уплывам часу, іон боляй і націскау, чаму нядбайна адносіцца да паглыбленьня сваіх думак і мастацтва іх выкладу, на што меу усе даннага.

Вось і творы яго, як па скончаннасьці хвормы, гэтае і па пекнаце яе крыху бракуюць і выглядаюць стаубуном, ня развесістым дубам. Ну, затоу у іх поунасьцю укладзяна мяцежнасьць рушы устаючаго беларускаго селяніна і пільная адшука сцежак да паляпшэння свае долі, якая у канец гразіць замучыць і ня дае змогі далій маучаць. Селянін родам, пазнауши з дэічных гадоў жыццю сіраціны, іон дужа спраудка адбівая яго у сваіх творах-вершах.

Янка Купала, аднак, доуга ня спыняцца на грамадзянскіх матывах і над вымогаю няпярасціханнага развіцця свайго таленту, паглубляя сваю творчасць і з боку мастацтва, і з боку пашырэння думак і ахопу шырэйших галау і абшарау жыцця. Верш с кожным часам прымая рожныя вобразы і форма, і музычнасьцю. А мастацкая усебаковая валаданьня роднаю моваю дае можнасьць рабіць найтанчэйшыя выхілясы і найляхчэйшыя звароты, даючи можнасьць дапааваньня да якіх угодна хвормау.

І мы можам дзівіцца вартасці і здольнасьці, адбітай у яго творчасці далейших часоу. Самабытна ушчаушки, бяручи самы просты матер'ял, іон толькі мегутнасьцю таленту дайшоу да таго, што мы ад яго дасталі.

А дасталі мы тоя, што з гарнасцю можам сказаць, што Янка Купала—беларускі Шэученка і Міцкевіч—есцяка і нацыянальна-свядомы ба-рэц за атраджэння свайго народу, чаму у многум паслужыла яго лера. Навет нацыянальная пачуцьцё, бурлячая у ім і бяручая верх у этымэнці яго творчасці, і памагло яму стварыць шэдэуры. Можна ня абмыліцца, калі сказаць, што усе іншыя беларускія паэты выраслі на іом, і свае таленты прычасцілі яго творамі. За перыяд з 1905 г. і да 1915 г., пошля якога фактычна Янка Купала пакінуу пісаць, за кароткі дзесяці-гадовы тэрмін свае працы, ен унес нязлічаны і нязцэнняны дар у скарбніцу беларускай лі-тыратуры, боляй таго—ен дау палову усяго. Творы яго выданы трymа кніж-камі вершау, у якіх сабраны верши асобных перыядau і двымі кніжкамі бойных яго работ прозаю. Гэта: «Жалейка», «Гусляр» і «Шляхам жыцьця» верши. «Сон на кургане» вершаваная паэма, і «Паулінка» цэннічныя творы. Засталося некулькі рабчай яшчэ ня выданых, з якіх асобную цэннасць мая сцэнічны твор драма—«Раскіданае гняздо», якая ужо ставілася у Мінску на сцэня. Але творчасці прозаю яго ня цягнула і уся здольнасць вылілася у вершах, акія шмат талентнайшыя за драматычныя рэчы.

Янка Купала родам з ваколіц Аконы ля Мінску, сын беднага хляба-роба, радзіуся у 1883 годзе. Як дапаміналася, пад уплывам апошніх гадоу, іон з некае, няведамай нам прычыны, кінуу пісьменно-літэрацкую работу, што дужа утратна—калі зроблена гэта ім праз сваю віну. Ці можа ужо выпісауся? Гэтаго думаць ня можна! Хочацца верыць, што талента яго яшчэ абрадуя нас многімі цэннасцямі яго твору. Гады к таму яго яшчэ даюць на гэта можнасць і надаюць.

У канцы, пераходзючы к другім, пазнаемся з яго творамі, па узятым прыпадкам з пачатку яго пісьма і с часу яго поунаго разцвету таленты:

С пачатку свае працы іон пісай:

Навясіолая старонка—
Наша Беларусь:
Людзі—Янка ды Сымонка,
Птушкі—дрозд ды гусь.
Поля—горы да каменьня,
Потам зліта усе;
Сенажаць—адні каменьня,
Сівец ды куп'е.
Родзя шнур нясамавіта
Сколькі б працы унес;
Ячмень з сажай, з званцом жыта,
З свірэпкай авіос.
Ня багатыя і віоскі,
Садоу у іх ня знаць;
Толькі часам дзе бярозкі,
Як тычкі стаяць.
А у весках люд убогі,

Век беда у крук гне.
Вечна у лапцях, гное ногі,
Зрэб'я спіну тне.
Цюмны, цюмны народ гэты
Трудна і сказаць,
Аборваны, нядзеты,
Ня умея чытаць.
З яго кожны насьмяецца,
Бедны люд... так бы здаецца
Плакау разам з'ім.
Так няміла, як магілай
Неік выдае
Беларусь, мая старонка,
Но люблю ж яе.
Як каліб з ей разлучыся
Плакау б с усіх сіл,
Эй, бо дзе воук урадзіуся
Яму куст той міл!
У хаця голодна да-знаю,
З'ем хлеба, вады...
Горай жыці у чужым kraю,
Боляй сліоз, пуды.
Там ня найдзяш братніх сэрцау,
Там кожны чужым,
Будзячи жыці у паняверцы
Ды адзін адным.
Песьню родную зягняш,
Хто пачуя, хто?
Там любіць свой край прысягняші
Лепяй, як жыцьцю.

А вось верш с пазнейших часау:

Песьня сонцу.

Вольным гоманам хвояк высокіх,
Туманамі санлівых нізін,
Казкай векау блізкіх ці далёкіх
Клічэм, сонца, цябе, як адзін!

Распусьці залацістыя косы,
Схаладзелы загон ацяплі,
Асвяці лугавыя пакосы,
Усходы новыя сей па зямлі.

З няпатульнай цакорнай зямліцай
Заручыся, шліоб вечны вазьмі,
Разлівайся люстронай вадзіцай
Між даламі, гарамі, людзьмі...

Разсынайся на салах па нівах
Брылянцістай ажычай расой;
У вясцолках купайся цвятлівых,
Ласкай сэрца, душу супакой...

Як у сьвята купальская, сонцэ,
Свой жывы аднауляш пагліод,
Аднаві славу нашай старонцы,
Аднаві яе сумны народ:

Хай нам явары вечныя думы,
Думы байкі шасьцяць, шалясьцяць,
І нясуцца хай гэтая шумы,
Пабел съвету ляцяць, хай ляцяць!

Дык глянь с хорамау вольных высокіх
Да крывіцкіх туманных мізі...
Казкай векау блізкіх і далекіх
Клічэм, сонца, цябе, як адзін

Або: Адцвітання:

Не шасьцяць каласы,
Звон ня валіцца с касы,
На кладуцца у стог пласты,
Толькі сыплюццы лісты
На яловыя кусты,
На сухіе верасы.

Не іскрыцца небазор,
Ня цвіце трава чабор,
На цыглінь птушыны стан,
Толькі поузая туман,
Вецир б'е у нямы курган,
Шэнаціць імглісты бор.

Змога вольная снуе,
Вочы уставіушы свае,
То голубне, то пужне.
Сэрца б ецца у паусьне,
Думка сэрцу ўб вясне
Здрадны голас падае.

III.

Ня менай слауны, ня менай знатны, ня менай вядомы Янкі Купалы, гэта другі вялікан беларускае літэратуры, Якуб Колас (Костусь Міцкевіч). Як і Янка Купала, родам ен з бедных мужыкоу, з вескі Мікалаяушчына Мінскага павету і губерні (радзіусі у пачатку 80 г.г.), як і Янка Купала, Якуб Колас з калыскі стрэуся з нядоляй і горам, нядлучна жывучым у хаця мужыка беларуса. Толькі змог ен разумець, як журба наспрэс, і у полі, і у беднум выглядзя весак, і вузкасьці ніу, ахапіла яго душу спагадай і крыудай, напоуніла болью і прагай пазбыцца усяго гэтаго, знайсьці сцешку, каб выйсьці на шырокі шлях лепшаго, шчаснейшаго жыцьця. Засьмяяушая шчасьця яму, прыхільняй і цяплей, ніж Янку Купала даушая можнасьць хоць вучыцяльскую сямінарью окончыць, і праз гэта дастаць боляй-меняй навукі, у многум пасобіла шырэй развярнуцца яго з маладых год рухаючаму таленту. Ужо з вучнеускіх заслонау Якуб Колас спрабавау пісац і напісаная „складна“ давау чытаць таварышам. А калі у Вільні вышла „Наша Доля“, та у трэйцім нумары ужо красаваўся яго верш. І гэты верш яго зразу паказаў сабою, што тварэц яго вялікі скаржнік прыгнячэннай стафонкі свае, роднай Беларусі, і яе народу, з якога сам вышвау. У сваем гэтум вершы Якуб Колас звертайцца к „Беларусам“ ёсць оклічам:

Устанця хлоцы, устанця браткі,
Устань ты, наша старана!
Ужо глядзіць к нам на палаткі
Жыцьця новага вясна!

Чы ж мы, хлопцы, рук ня маям?
Чы ж нам сілы Бог ня дау?
Чы над родным нашым краям
Луч свабоды ня блішчау?

Выйдзя� разам да работы,
Дружна станям, як сцяна,—
І прашнечца ад драмоты
З намі наша старана!

Якуб Колас час ад часу, між горкімі скаргамі і некрасаускім ап вам мутназаражным, важка-калючым, паднімая голас зову да працы над адбувоваю на нова нясцярпіма цяжкаго жыцьця стараны. Выбліснувшая зорка свабоды над яго краінай, як і над усію Расеяй у 1905—6 г., калі ен і прычэшчваўся да творчай працы у літэратуры, хоць і захапіла яго сваімі хвялямі ды уцягнула на свой віхор, зрабіўши актыуным палітычным дзеячом (ен шмат працы налажыў на хаурас беларускіх вучыцялю), але, аднак, на леры яго „будзячым да эмаганьня“ чынам ня адбіўся. Мелася цікавая спрэчка у ім, як у палітычнум работніку; як у паэты. Бурлячая хвала народнага паустання цягнула яго на верхаводзя хваль, а душа, у свой чарод, другую песньню пеяла, аплаквала нядолю стараны, сум лесу, ніу, зліваючыся з маркотнаю песньню аратая і плытніка на Немні. І у гэтум яго плачы, у жальбе яго тонау няспынна клакацела завіруха яго глыбокае, бязмернае

любашчы да краю. Здаецца, чытаючи яго стальныя радкі, з кароткіх мосных слоу, бяз нацягнасьці і пасільля—яскрава ачуваюш на сабе рухомасьць усіх праяу нядолі-урачонаго краю. Яго пэндзяль ня аблінау ні годнаго кутку люцкога жыцьця, ні годнаго боку; усякі змен пачуцьця і настрою, бываючы посля тых ці іншых квадрау у селянскум жыцьці, посля тых ці іншых здарэньняу у ім, як смерць, родзіны, вясельля, пажар, паветрая, здача у салдаты сынуо і г. д. адбіты у яго образох нявыказна праудзіва, нямерна яскрава і натурова. І вось чаму ён заслужвай правданья песьняра—народніка. Толькі народу пасвяціу ён свае „леры тоны“, толькі аб ем заклапочана яго душа—усё ж, што маяцца у жыцьці пекнаго, як вясна, краскі, як хаценьня і пазывы моладасьці—усе гэта ля яго мая вагу пастольку, паскольку до тыркай сацыяльнаго жыцьця усё-ж таго нарэду, які наперад усяго зобіты, замучаны і ня мая змогі далучыцца з-за будніх клопатау да пекнаты жыцьцівай. З гэтага паэта і кажа, перапыняючы тых, хто-б хацэу паслухаць ад яго вясіольых песьянь:

Ня пытайця, ня прасеца
Светлых песьянь у мяне,
Бо як песьню засьпываю—
Жаль усю душу скалыхнে.

Яб съмяяуся, жартавау бы
Каб вас чуць развесяліць.
Ды на жыцце як пагляняш,
Сэрца болям зашчымішь.

Няшчасліва наша доля
Нам нічога ня дала.
Ня шукайця кветак у полі,
Як вясна к нам ня прышла!

І, як казана было, пачуцьцю равалюцыйнаго экстазу цягло яго шукаць кветак шчасьця, душа ж ня верыла у можнасьць іх найсьці—і лера пеяла мінорным тонам жальбы. І толькі яго супакоіла, бо ня выгравала усіе любашчы да роднае краіны, усіе гарачасьці гэтае любашчы. Ня вылівала, бо ен за усіх і за усе кахау яе. Ні сонца, ні зоры, ні бог-ня мелі спагады да яе. Смутак заусігоды—ня разганяяцца ні вясною, ні сонцам, хоць криху-криху і зараня у яго душу квадранцавай радасьці.

На усходзя неба грая
Дзіуным блескам жару,
Залацісты сноп купая
У полымі пажару.

Чуць-чуць дрогня прыліецца
Чэрвень на усходзя,
Гэта неба усміхненіца
Людзям і прыродзя.

І убірая залатую
Соняйку дарогу,
Паліць свечку дарагую
Прад аутарам Бога.

Над паямі змрок прарвауся,
Па нізу расплыуся,
Лес туманам заснавауся
Луг расой абмыуся.

Чистых хмарак валаконца
Сталі у кружочак,
Вышай лесу—проці сонца—
І сплялі вяночак.

Як жа добра пахня збожа,—
А кругом спакойна!
Эх, як сляуна, як прыгожа
Горача, прыстойна!

І сабрала неба ясна
Блеск усіх каліорау,
Стройна, дзіуна, сагалосна
Як бы песьняу хэрау! („Усход сонца“).

Многа пекнасьці, красы і съятла—а прыглядзецца—ня вясяляць яны, а яшчэ боляй суму наводзяць. Якуб Колас—паэта смутку, якому і самім жыцьцем застаулялся прычасьціцца да праяу яго са шчасліваго боку. Насьціла: рэакцыя 1906 г. наложыла на яго руку няво і Якуб Колас быў арыштаван за належнасьць да вучыцяльскага хаурусу і пасажан у вастрог, у яком прабыў боляй трох гадоу. Варункі вастрожнага жыцьця папрашкодзілі слабоднаму літу яго думак і маху ура жэніня, і развіцьцю таленту спынілася на адным быццам хтось прадпісау. „Толькі і мецьмяш ты змогу пісаць аб адным, шкадаваць і хацець!“ Прауда, вастрог калівам уніос свежую нотку у яго песьню, толькі гэта нотка прыдала суб'ектыунаого уплыву, так сама цьомнага і горыкага. Да прагі к волі із турмы, чым мяцца усё жыцьцё беларускага мужыка, дававілася другая—з вастрогу б вырвацца ў гэтую турму, дзе пакутаваць лягчэй, бо з усіма. Цяпер ужо і прырода мая у сабе сілу развейваць яго нуду, хоць ад яе так сама нясе нудою. Прыйдзкам разцвітшая кветка пад вакном вастрогу столькі радасьці дае паэту:

За агарожаю, перад вастрогам,
У ціхім куточку адна
Кветка красуя на грунці убогім,
Хораша з'яя яна.

Двор няпрытульны і глеба пешчана,
Грунт весь убіты, як ток,
Сонца ня сьвеціць скрося шчылін паркану,
Выдзымухау вецярь весь сок.

Белая крошка роскаю Божай
Чыста абыта, зяхціць.
Рад любавацца я кветкай прыгожай,—
Міла яна так глядзіць!

Мне успамінаюцца вобразы мілыя,
Роднаго краю, паліоу,
Бедныя віоскі, хаты пахілыя,
Песьні зяліоных гаев,

Вузкія стужкі меж зяляненых,
Жыта палоска, лянок,—
Рэчы пявучыя нівы благенъкай,
Узгорак, курганчык, лясок...

Толькі ж мне шкода кветкі: сіроткай
Ціха схілілась яна
За агарожай, як за рашоткай,
Сонцу, людзям нявідна...

Мілая кветка, дзіцятка поля,
Мяжы зяліонай убор!
Як ты папалася з волі у няволю?
Як занялася на двор?

„Кветка“.

„Кветка“—симвал паэты, сам паэта, яго думка. Вастрог, з яго цашкай прымусай, з ясна да болі ачуwanай няволяй—страшным адбіткам лег на паэца, і ня таму, што прынес яму уласна муку, што атабрау ад яго волю і гэтым падрэзау яго, як асобная штосьці, прагучая ля жыцьця толькі свайгу асобнаго—не! Уся трагед'я у тым, што яго разлучылі з віоскай, з полям, з народам, што ен ня так яскрава можа бачыць жывы яу і ачуваць усенародную муку, скардзіцца народнаю скаргаю—адным словам, варочацца у віхру жыцьця роднаго—заядая яго нашчэнт:

Нудна Сціопцы за рашоткай,
Нудна, эх, старому!
Плачуць думкі, рвуцца думкі
Сцёпкавы да дому.

Дома жонка, дома дзеткі...
Бог сьвяты іх зная,
Як жывеца нябаракам
Там у родным kraю!

Ходзіць Сціолка з вугла у вугал,
Гляня у ваконца:
За рашоткай відаць неба,
Хмарак валаконцы.

Эй, хмурынкі, плывеціо вы
У старонку тую.
Дзе лакінуу я сямейку,
Хатачку старую!

Ох, паплы бы я, здаецца,
Хмаркі, разам з вамі,
Каб на віоску сваю глянуць
Нуднымі вачамі.

Там, даліока, за дамамі
Разляглося поля,
Лес—гаючак, дол, курганы...
Эх, простор там, воля!

А у полі дым сінея—
Бульбу люд капая;
Сціопка ж бедны так марнея,
Долю прокліная.

Ляжа Сціопка спаць на нары
І праз цэлу ночку
Усіо аб роднуй віосьцы сніца,
Аб радным куточку.

Нудна Сціопцы за рашоткай,
Нудна, эх, старому!
Плачуць думкі, рвуцца думкі
Сціопкавы да дому.

(«Сон у вastrозя»—«Песьні жальбы»).

Якубу Коласу ня бракуя ні лірызму, ні мастацтва, ні глыбіны захопу свайго ураженьня. Багаства мовы, запас усялякіх зверотау рэчы, сабранных пад рукою, напагатовя, памагая паэту лігкі гарманічна нізаць радкі за

радкамі, як каралы. І знізак атрымоуваяцца пекны, стройны, абмяркованы з усіх бакоу. Ні вытырку, ні ня дахслу у ім ня прыкметіць нічые правідкія вочы. Але, пераказаю, судны туль, звешваемы ім над кожнай рэччу сзае творчасці, ня дае варі прабіцца да іх праменьням сонцу. „Песьні жальбы“ гэтак празвау іон збор сваіх вершау, выпушчаны у Вільні. Але, песьні жальбы ахапляя усе яго творы, як вяршаваныя, гэтак і празаічныя, якіх Якуб Колас так сама шмат напісау.

Усе яго творы выданы цэлым лікам сышткау праз гэты час. Гэта ужо успомняныя: „Песьні жальбы“, даляй „Батрак“, „Як Юрка збагацеу“, „Прапау чалавек“ і пад псеуданімам Тарас Гушча творы прозаю: „Родныя з'явы“, „Апавяданьня“, „Немнау дар“ і „Тоустая палена“.

Цікава, што цяшкі адбітак, легши на ем—ня змог эжыца з тым наплывам, які прынясла сабою вялікая рэвалюцыя. Чытаючы змешчаючыя яго творы у „Вольнай Беларусі“—атдаюць усе тым жа подухам, што і с пачатку. Вось гэтым, аднастройнасьцю, аднатоннасьцю сваіх песянь, Якуб Колас, кажучы з узгляду мастацтва, крыху і траціць у зроуні з Янкам Купалам. Апошні няабмежан у ахопя тэм, у уладаньню рожчамульнасьцю хварбау! Пекнасьць аброзоу, багацьця, малярнасьць, шуканыя няспаханная новых хвормау, свежых муляу і поміж жа творчая камбінацыя і ігра дужа удачная і прыемная у моуных зваротах—выносяць яго творы на шырокую арэну няпадчэпнаго мастацтва. Якуб Колас—ня гоніца за шыр'ю, за рожчамульнасьцю і вытворамі свежых хвормау—а стараяцца з маючаго матэр'ялу выкарыстаць усе, каб даць яму праудзівы выгляд. Сталь і вагкасць яго творау стамляюць думкі, глянуць задужа да зямлі—калі Янкі Купалы носяць па абшары паліоу, цягнуць да зор, воблакау і прагуць у завідныя, манячыя далі.

Якуб Колас зредку пісау і на палітычныя тэмы дню. Яго вершы гэтакаго гатунку захованы моладзю і усюды іх можна чуць у Міншчыня. Адна харктэрная жылка прайходзіць, найболей у прозаічных яго рачах, гэта здаровы, гостры гумор, які найболей пахож на сатыру.

Гэта крыху злягчая цяжкар ад уплыву сумнаго настрою. Наагул, Янка Купала і Якуб Колас роуны і у славнасьці і у заслужа ля беларускае літаратуры. Большасцю свайго развіцьця яна вінна ім і у знатнасьці абудвым.

IV.

Вялікаю заслугаю карыстая у беларускай літэратуре і Ціотка, аб якой крыху вышэй успамінау я міжходам. Заслуга яе паглубляяцца яшчэ тым, што яна аднэй с першых ушчала абраўляць і гатовіць тую глыбу, на якой у скорум чася началі выростаць пекныя расліны. Алоіза с Пашкевічу Кайрысовая—піанэр у справе маладога беларускага руху і адна ад выдатнейших яе асонау. Ужо у 1904 годзе, у пачатку узросту нацыянальна-культурна-сацыялісткага руху сярод беларусау, яна з'яўлялася у Вільню і стараваща гуртаваць колка беларуская. Сацыялістка шчырая па напрамку і

погляду, яна дамагаяцца таго, што гурток, сабраны ёю, злучая у сваёй працы дэ́зве ідэі, якія адна другую папауняюць—барацьбу за сацыялізм і барацьбу за нацыянальная аслабаджэння прыгнечаных народаў. Разам з некаторымі другімі дзеячамі (Браты А. і І. Луцкевічы, В. Іваноускі і інш.) Пашкевічанка (Ціотка) закладая партыю „Беларускую Рэвалюцыйную Грамаду“, (потым перайменованую у Беларускую Сацыялістычную Грамаду), якая і бярэ на сябе кірауніцтва беларускім рухам. Поруч с палітычнаю працаю, якой яна шмат атдала і сілы, і мочы, Ціотка пісала.

Прауда, час ня давау юй змогі шмат атдаваць яго на пісаньня, і яна за у весь час напісала зусім нямнога. Але творы, вышаушия с пад яе пяра да таго аздатны, да таго вартны, што займаюць у скарбніцы беларускай новай літэратуры пачэсная мейста. Першы перыяд свае паэтычнай творчасці Ціотка пасвяціла тэмам палітычным—уплыву таго часу—равалюцыйнаму руху. Усе эдарэнныя вялікай значнасці, як 9 студзеня, убіство князя Сяргея, палітыка Паведаносцева—апісана ёю у знатным вершу, „Хрэст на свабоду“ разам з другімі змешчанаму у зыштку няможных па тым часу вершаву „Мора“.

Зыштак гэтых вершау друкаваўся у Вільні нелегальна і паусюжыўся дзісяткамі тысяч. Але поміж гэтага Цетка пісала і на другія тэмы. І уплыу равалюцыйнага настрою прыдае усім яе рачам бадзіоры, рамантычны выраз. Яна уся—адзін пазыу—адно хаценьня, прага. Помачы роднаму краю! Вось яе окліч, і гэту помач зрабіць—вось мэта усяго жыцця яе.

Хацела б быць зярном пшаніцы,
Упасць на ніукі вескі,
Зазалатіца бяз мяліцы,
Даць хлеб смачнейшы трошкі!
Хацела б быць я рэчкай быстрай,
Абегчы родны край,—
Гдзе напаіць, а гдзе скупаць,
А дзе утуліцца у гай,
Та зашумець, та зашаптаць,
Та стаць у салодкім сне,
Та зноу сарвацца, зноу гуляць,
Агніем кіпець у дне,
Да так сагрэцца, ды сп'яніцца,
Каб у неба хвалій здаць,
Украсці сонца, зноу спусціцца,
Больш съвету людзям даць!
Усю прыгарнуць у дарозя,
І каплю шчасціця й долі уліць,
Усюды думаць аб народзя
І родны край усюды сніць.
Пашля разсыпца расою

Скрось па галінках, па лістох
І так абняціся з зямлію,
Каб нас ніхто разняць ня мог!

Але усім гэтым шырокім хаценьням ня было ніякай рады збыцца. Благая з'явішча часу, як наперакор, руйнувалі яе планы і разбівалі жаданьня. Страшная палэтычна раакцыя, прышоушая на змену вялікаму уздыму, аслабадзіцяль яго руху у 1905 г., датыркнулася сваю губляюча рукою і Цюткі: яе прыцягнулі да суду за сацыялістычную працу, і яна была вымушана уцячы за граніцу, у Львоу. Ціжар разлукі з роднаю старонкаю, уступішай першымі крокамі на сцешку атраджэнія—катаўала паэтку за межамі яе, на чужыня, убівала яе здароуя і суміла надзею.

Да іншых хаценьняу, вытыркаючых бурлячым жаданьням памагчы працуунаму народу дайсьці да лепшай долі, прыбавілася прага вярнуцца да родны краіны. З чужыны яна пісала таварышам у Вільню:

І душна, і цесна,—і сэрца самлела
Мне тут на чужыня, здалюк ад сваіх...
Як птушка на скрыдлах ляцець бы хацела,
Як хваля па моры, плыла бы да іх.

Бадзяйня заграніцаю, скітаньня у Рasei і бурныя здарэнія, злучаныя з трывожным часам у яе асабістым жыцьці, вымагалі Цютку пісаць перывамі, часткамі, брацца за працу урукумі. Дзе-дзе яна ня прыкладала яе! Але здароу я усіожткі адрывала яе весь час, і іой прыходзілася лячыцца, кідаючы працу. Апошняя работа—яе выданьня у 1914 г. у Мінску месячніка ля дзячей—«Лучынка».

У ім яна падпісвалася сваім псеуданімам—Мацей Крапіука. Гэтым псяуданімам яна карыстала і уперад. Ня пярамогшы хваробы, Цютка умерла у лютым (з 4 на 5) 1916 г. яшчэ ня старою.

VI.

Як дапаміналася вышэй-нацыянальна-культурны рух беларусау захапіу усе слаі беларускага народу. Сацыяльная дыферанцыя, захапляючы усе станы людзей і усе бакі жыцьця, уплыла і у беларускую літэратуру. Жыцьці станові мяя свае асобныя назывы і погляды, згодна клясавага яго анонімнага. Нельга намаляваць поуна вобраза, калі пры маліоуцы ня дадаць яму усіх колірау, патрэбных ля ахварбоукі маючага густу: вобраз зусім страціць і вартасць, і сілу, і ня будзя мець сяпрауднага адбітку. Гэтак і бакі люцікага жыцьця, гэтак найбардзей і літэратура. Як ня мосна і ня шырока аднакавасць у эканамічнум і духоунум значэнню сярод беларускага народу, аднак нельга сказаць, што яна захапляя сабою усяго яго. І калі скажаць—што адзін паэта, гэткі, напрыклад, здольны і многабокі, як Янка

Купала—адбірая настрой усіх бакоу і станау беларускага жыцьця, дык гета ведама, абмұліцца. Патрэбы работніка у многім рожняцца ад патрэбау се ляніна, натрэбы інталігэнта ізноу іншыя. Псыхалігія, светагляд так сама іх рожныя. Песьняр вескі, прыкаваны к зямлі з малку, жывучы ёю, думаючы аб ей на яву і у сне—большую вагу сваіх думак пасъвячая ідэялу жаданьня зямлі, свабоднае працы на ей. Работнік ікрас мала успаміная аб гэтай рэчы: праца паднявольная у хвабрыца ці майстэрні—родзіць жаданьня палепшыць яе варункі, скін уць гвалтбуя сць яе хараектару, аслабаніць. Праца—муся быдь творчасцю, вольнай і незалежнай, аздарауляючай і душу і цела. Праца павінна даваць радасць, навеваць рады над й.

Праца—а пліон яе—улада усяго народу. Яна муся аслабаніць свет чалавецтва і прынясці на замлю пліон яго аслабаджэння—панства сацыялізму. Вось ідэаль творчасці паэты пралятарыя. У беларускай літэратуры прадстаунікам гэтаго настрою з'яўляюцца Цішка Гартны—паэта пралятары.

, Я рабочы—гарбар,
Рыцар працы цяшкой.
Я з жалезнай душой,
З сэрцам зыркім, як жар!

У вачах іскры маіх,
А жалеза у руках,—
Шкура гнецца ад іх
У адзін міх, у адзін мах!

Я здружыуся с трудом,
Я у ім рос, я у ім крэп;
Запрацованы хлеб
Люблю мець за сталом.

Ня хачу, ня прывык
Склаушки руکі хадзіць:
Я гарбар—працаунік,
Я жыву, каб рабіцы!

Фундаментны мэтыу яго песьні—гэта пачуцьцю свае сілы—сілы усяго рабочага клясу, які творць скарбы сьвету. Вось чаму усе муکі яго жыцьця—нічога перад яго сілаю і ня надрываюць у ем веры і надзеяй. Зварот чыстых ідэй у дзела—упорнаю працаю—захапляя у Цішы Гартнага сваеу вे-раю і ня перадатнасцю. Шчасця і воля народу, любасць да яго і гатоу-насць легчы ахвяраю на аутар за яго аслабаджэння—ня даюць яму спа-кою. Яго няспакоіць вечная пакора, нявольнасць і нядбайнисць за свае налажэння—якоя паэта лічыць самым страшным варагом зацяглагао пана-ваньня нядолі. Вось чаму ен пражэ буры, у якой бачыць элементы вызва-леныя ад рабства і светач свабоды:

«Ня прашу спакою, ня прашу забыцця,
Бо жыццю заусюды у цышы замірая,—
А прашу я буры, бо із буры жыцця
З сілаю магучай біцца пачыная».

X

Але калі Колас, Купала, Ціотка, Гартны і шмат іншых імяу у сучаснай беларускай літэратуре з'яуляюцца прадстаунікамі самавітасці, вышаўшымі з гушчи народу; з сям'і селян і. работнікау, Божаю міласцю надараных з нараджаньня талентамі ля выявы души самога народу, яго перажываньняу, пачуцця і жаданьняу—та Максім Багдановіч—паэта з усім іншага тыпу—ен паэта дасканалы інтлігэнт, усебакова свядомы, з вялікімі задаткамі нязвычайнага дару, падмацаванага шырокім пазнаньням—ен зразу ж ідзе свядомай дарогаю сваей, асабісцай—Індывідуальна—раунуючы да усей грамадкі народных паэтау.

Максім Багдановіч радзіуся у 1892 годзя у сям'і вучыцяля з Гродзяншчыны і доля яму з маладых гадоу папрыяла, бо дала можнасьць вучыцца, багаціць укладзяны з роду талент, шырыць і глыбіць яго. Яму удалося скончыць ніжэйшую школу і перабрацца у вышэйшую у Яраслаускі Ліцэй. З двух гадоу ен быу разлучан з бацькаушынай—Беларусяй і жыту на чужыня, але ужо с часу свайго свядомага жыцця затужыу аб ей. Цяга да роднай краіны абуяла ім, і ен рвауся да яе. Нявеаньня ж роднай мовы—многа прашкодзіла яму. Дзяякуючы сваей здольнасці, ен саматугам, з кніжак і газэт, тэаратычна адвучвай родную мову і начыная пісаць беларускія вершы. Гэта яму удаецца і творы зразу выходзяць чыстымі ды здатнымі. Артыста у души, іон пачуццю красы, багатая і буйная, мастацкая выліу у свае творы. І творы яго ка арыгінальнасці і па дзіунум сплету рожных хворм—цудоуны і асабісты у беларускай літэратуре.

Янка Купала узбагаціу беларускі слоунік многімі пекнымі словамі у сваіх творах—Максім жа Багдановіч—хвормамі верша. У выпушчаным зборніку яго вершау пераважваюць сонэты, за імі у прыгожум знізку ідуць мала ужываныя пэнтраменты, зграбныя трыволеты, музичныя рондо, октавы, тэрцыны. Усе гэта ен стараўся рабіць, каб дасягнуць найбольшай гібкасці роднай мовы, найрожнайшаго выхілу. І нельга сказаць, каб ен гэтаго ня зрабіў.

Ля прыкладу колькі яго вершау:

Т р ы о л е т :

Калісь глядзеу на сонца я,
Мне сонца асляпіла вочы.
Ды што мне цемень вечнай ночы:
Калісь глядзеу на сонца я!
Няхай усе з мяне рагочуць,
Адповець вось ля іх мая:
Калісь глядзеу на сонца я,
Мне сонца асліпіла вочы!

Рондо:

Узор прыгожы лекных зор
Гарыць у цем і небасхіла.
Вада стаукоу, балот, вазіор
Яго у глыбі сваей адбіла.

I тімн спявая жабау хор
Красе, каторую з'явіла
Гразь луж; напоуніць мгла прастор
I у станя з іх, гарачы міла,

Узор:

I сонца дальш клянүць, што скрыла
Луж зоры дніом. I чуя бор,
I чуя поле крэхат хілы,—
Ды жаб няучуць вышэй ад гор
Там, дзе ж чыя рука зрабіла узор.

Актава:

Як мосны рэактыу, каторы выклікая
Між строк ліста, мауляу нябошчыка з землі,
Рад раныш нявідных слоу —так цемень залівая
Зелены, быц ам лед, халодны нябасхіля,
I пряз Імглу яго патроху выступая
Маленьких, мілых зор дрыжашчы срэбны пыль.
Здароу, радзімья! Масней, ясней, гарэця
I сэацу аб красе прыроды гаварэця!

Пэнтамэтр:

З нізкаго берагу дно акіяна вачам нядаступна,—
Глуха укрыла яго сіняя цемянь вады.
Але узбярыся у гору на вяршину прыбрэжная страмціны,—
Кожны каменчык на дне пэуна пабачыш ты стуль.

А вось адзін з яго санатау:

На цюмнай гладзі сонных луж балота,
За снег нябеснай вышыны бялей
Кругом паусталі чашачкі лілей
Між начарнеушных кораньняу чарота.
Укруг плесьня, бруд,—разводці гніль спякота,
А краскі у сюж ня робящца гразней
Хоць там плаве парою слізкі зьмей
I ржаучына ляжыць, як пазалота.
Цяпер даволі толкая багно
Гніль сотні год збіраючы, яно
Смуроднай жыжкаю узгадавала
Цвятоу расістых чистую красу
Маліся ж, каб злітоунасці стрымала
Тут смерць сваю ня звонкую касу.

Ці ж ня жывая пекната паэзі! Здаецца Максім Багдановіч і радзіўся толькі ля яе, бо нішто яго ня цікавіла гэтак у жыцьці: ні змаганьня за жыцьцё, ні доля нядоля адных і багацьця другіх, ні жаданьня і бараньба за вялікі ідэалі у жыцьці – нічога. Яго было усе—краса, прыгожасць. І штоб ня апісвау ен павядальная—усяроупа элемэнт прыгожато глушыу усе. Бадай ен усю эдольнасць атдау бы сваю ей адной, усе песні ей выс-півау бы, каб ня зьве прычыны, якія і да сябе вымушалі звярнуць увагу і датыркнуцца песнямі; гета разлука з роднай краінай і глыбокая любошч да яе і, дружгая, хвароба, якая з маладых год тачыла яго (сухоты. І дзівзе гэтыя прычыны, кожная дс сябе цягнучы, атрывали паэту ад любага яго ачу-ваньня і упою, і ен піеяу аб адным і другім. Краіня сваёй, яе мінувшчыня слануй, яе долі—нядолі — Максім Богдановіч пасвяціў троха сваі творау. якія вышлі шэдэурамі с пад яго перак, да таго москімі, да таго сільнымі, Хвароба ж сваім чарадом выцягла са струнау яго леры гэткія ж сільныя речы па суму.

Ня кукуй ты, шэрэя зязюля,
Сумным гукам у бары!
Мо і скажаш, што я жыці буду,
Але лепш ня гавары:
Бо ня тоя сведчыць мае сэрца,
Грудзі хворая мае;
Боль у іх мце душу агартая,
Думцы голас падае.
Кажа, што ня доуга пражыву я.
Што загіну без пары...
Прыляці ж тады ты на магілу
Закукуй, як у бары!

Азнаньня ня доугавечнасці свае, прагляд у блізкі канец, і безмерна катавалі Максіма Багдановіча; сваю творчасць ен вел мі шанавау ды ста-віу вышэй усяго, бу лічыу яе службаю таму краю, таму народу, якія былі яго роднымі. Трэба сказаць, што Максім Богдановіч адзін ад першых за-чапіу сваім пэндлям і места, у яком знашоу асобную прыгожасць, датыр-кнучую яго пачуцьця і вызваушую песні тоны.

Аглядаючы творчасць Максім Багдановіча, нельга ня спыніцца ля ад-наго верша, каб ня прачытаць яго. Гэта — «Слуцкія ткачыхы» з цыкллю «Старая Беларусь».

Вось ен:

Ад родных ніу, ад роднай хаты
У панскі двор дзеяля красы
Яны, бездольныя, узяты
Ткаць залатыя паясы.
І цягам доугія часіны,
Дзявочыя забыушки сны,

Свае шырокія ты іны
На лад персіцкі ткуць яны.
А за сцяной смяеца поля,
Зіяя неба з за вакна,—
І думкі мкнунца мімаволі
Туды, дзе разцвіла вясна,
Дзэ блішча збожа у яснай далі
Синеюць міла васількі,
Холодным срэбрам з'яюць хвалі
Між гор ліучайся ракі.
Цямнея край зубчаты бору...
І тчэ, забыушыся, рука
Замеся персіцкаго узору
Цвяток радзімы васілька.

Багаты талент М. Богдановіча суліу многая даць у скарбніцу беларускай літературы, але вораг сухоты, весь час перапынялі яго творчую працу, пакуль ня звялі у 1917 году у магілу. Паследя ад яго засталося—гэта упомянуты, зборнічак яго вершау «Вянок», які служыць эмблемай вянка на яго маглу.

XI.

Малалая, але багатая, беларусская літэратура, ня адну «Ціотку» як жаноцкую прадстауніцу-паэтку мая у зніску імяу мужчынскіх паэтаў. Дужа здольная і выдатная маладая паэтка, яе паслядоука—Канстанція Буйла. З гарачым сэрцам, с прагнай душой—яна поуна жыцця і ахвоты да яго. І вось, творы яе дыхаюць пачуццем любасці, жарам хатенія шчасця, трывогаю разлукі і ачуваньням спатканьня. Канстан. Буйла — паэтка любасці—маладых гадоу, іх пазывау. Лірычныя прыгожыя верши яе—як у люстры адбіваюць сабою усе гэта.

О, ня кажы ты мне, што жыццю надаела
І што на свеця жыць ня хочашь болій ты:
Бо ужо ад мук жыцця душа твая збалела
А у свеця столькі есць гразі і цямнаты...

Быць здаліок ад усіх, жыць уласным жыццем, і гэта жыццю дзяліць толькі з блізкім другам—вось—аснова ня жыцця... Укруг гэтага уся зямля верціца, укруг яго яна живе. Ціж есць што даражай гэтага? Не, пакуль яна маладая і жыцярадая—німа другога вялікшага і значнейшаго яго. Ей ня ідзе думка у голау, каб хто змог асмучаць радасць гэтых дніоу, і страх ахапляя, калі з'яу пррабіваяцца да азнаньня і кажа, што упартая жыццю ня лічыцца нішчым: зазлуе на кагось і адбірай ад яго навіт волю. О! як страшна гэта! Паэтка ня можа з гэтым згадзіцца: яна б усе зрабіла б, гэтаго ня было. Але сілау у яе ня стае і калі пераняць магчымасці дык хоць што небуць яка рвецца зрабіць, каб павясяліць такіх няшчасных, скрасіць іх жыццю у няволі, папоуніць нядастачаю пекнасцю. Але і гэта ня па яе сілам—астаюцца адны ціоплыя пажаданьня, якія дадзялаўца ў других:

Каб я крылья льгкай пташкі
Салавейкі мела,
У гай вясіолы, у гай зяліоны
Яб ня паляцела.
Каб я мела голас звонкі.
Голас салау, іны,
Яб спеваці ня ляцела
На дрэуцау вяршыны.
Я бы с песніяй паляцела
У горад той далекі:
Там есць дом пануры-сумны,
Цюмны і высокі.
На вакіе загратаваным
С песніяй я бы села
І вастрохнікам няшчасным
Сваю песнью б пела.
Я пеяла б аб свабодзя,
Аб шчаслівай долі,
І забыліся б пры песні
Яны аб нядолі.
Галасамі дзіуных чарав
Я бы залівалась,
Лясоу нашіх, ніу прывольне
Успомніць ім старалась.
І пад песнью маю думкі
Іх бы прасвятлелі,
Твары радасным бы смехам,
Шчасцям заснелі.
І ня цяжкая была бы
Ім тады няволя,
Бо пад песнью яны б снілі
Аб шчаслівай долі.

(«Баб я мела»)

Свае творы паэтка сабрала у зборнічак пад назваю: „Курганныя кветка”,
які выдан у Вільні. Кан. Буйла гадоу 23. Яна народная вучыцялька. Беларуская літэратура шмат чакая ад яе.

XII.

Казаць толькі аб успомніных намі самых выдатных прадстауніках беларускае літэратуры, якія кожны паасобку так сама выяуляюць сабою той ці іншы яе напрамак і настрой, яшчэ патом цаліком ня сказаць наагул аб усей беларускай літэратуры. Па пад ліку, зроблянаму некулькі часу таму назад, у „Нашай Ніве” друкавалася боляй 60 рожных паэтаў і пісьменнікаў беларускіх. І сярот іх бяз сумлення, шмат выдатных, плодных і здольных

людзей. Многія ніколькі ня уступаюць па таленту абгавораных намі — можа толькі крыху, таму, што яшчэ ня паспелі яны у іх у канец развярнуцца. Гэтак, я удамяну аб. Ф. Чарнушэвічу, А. Гаруну, Галубку, З. Бядулю, А. Зязюлю. Кожны з'іх сваімі творамі паказалі якая сіла і талентнасць захавана у іх; трэба толькі папрацаваць над ашліфоукаю яе ды папоуніць крыху пазнаньнямі. Але і бяз гэтага яны паспелі ужо адмеціць сябе у беларускай літэратуре і заваяваць асобная мейсца. Кожны з'іх мая гардасць пахваліцца выданнымі зборнікамі сваіх творау, дзе можна шмат найці удалых і сільных рачэй. Так, надоячы вышау зборнік вершау А. Гаруна „Матчын Дар“. Раней выпушчаны пекныя „абразакі“ З. Бядулі, некулькі апавданьняу Галубка, вершы Зязюлі. Нельга ня упомніць паміж ходам, што Галубок у апошні час напісау некулькі сцэнічных творау, якія маюць пацеху бачыць са сцэны у Мінску і другіх гарадох Беларусі. Ф. Чарнушэвіч пералажыу на беларускую мову шмат рачэй Т. Шэучэнкі, між іншымі яго пазму „Кацярына“.

За імі трэба ластавіць яшчэ двух ня слабых пісьменнікаў — гэта А. Пауловіча і Ядвігіна Ш. Творчасць іх зусім асабістая: А. Пауловіч — гэта талентны гумарыста і жартаунік. Яго пекныя плаукія вершы усюды вядомы на Беларусі і рэдка хто ня пукауся со смяху, чытаючы іх. Ядвігін Ш. здольны лірыст і сымволік хаця і бытаванная речы яго талентныя. Ня чуж Ядвігін Ш. здаровага бадзюручага гумору. Той і другі маюць ужо выпушчаныя кніжкі сваіх творау. Першы, А. Пауловіч, „Снапок“, другі Ядвігін Ш. „Васількі“ і „Казкі“.*)

*) Спіс сучасных беларускіх пісьменнікаў:

1. Янка Купала (вершы, драмы, рэчы) — селянін, служачы;
2. Якуб Калас (вершы, проза, драма) — селянін, народны вучыцель;
3. Максім Багдановіч (вершы, проза, крытыка) — сын вучыцеля з селян, служачы;
4. Алесь Гарун (вершы, проза, публіцыстыка) — рабочы 8 селян (сталяр);
5. Цішка Гартны (вершы, проза, драма, публіцыстыка) — рабочы 3 селян (трабар);
6. Кароль Каганец (вершы, проза, драма) — ляскік з селян;
7. Максім Гарэцкі (проза, крытыка, публіцыстыка) — селянін, каморнік;
8. Машей Крапіука (інчэй Цётка) (вершы, проза, публіцыстыка, селянка, вучыцелька);
9. Альберт Пауловіч (вершы сатырычныя і гумарыстычныя) — мещанін, служачы;
10. Змітрок Бядуля (вершы, проза, публіцыстыка) — мещанін, гандлёвы служачы;
11. Канстанція Буйло (вершы, драма) — мещанка, вучыцелька;
12. Галубок (вершы, проза, драма) — селянін, жалезнадарожны служачы;
13. Алехновіч — Чэркас К. (вершы, проза, драма) — артыста;
14. Антон Новіна (крытыка, публіцыстыка) — літаратар;
15. Еласт (В. Ластоускі) (проза, публіцыстыка) — літаратар;
16. Шантыр Фабіян (вершы, проза, публіцыстыка) — рабочы з селян (муляр);
17. Лёсік Яз п (проза, крытыка, публіцыстыка) — нар. вучыцель з селян, літаратар;
18. Ядвігін Ш. (проза, публіцыстыка) — з дробнай шляхты, служачы;
19. Чарнушэвіч Тодар (вершы) — рабочы з мещан (кравец);
20. Леучык Гальяш (вершы) — служачы;
21. Бульба А. (ён жа Стары Піліп) (крытыка, публіцыстыка) — З служачай інталігенцыі, гандлёвы служачы;
22. Земкевіч Р. (крытыка і бібліографіка) — з дробнай шляхты, інженер;

XIII.

Весь тыя кропкі вядамосцяу, якія у варунках свае працы і залежна карыстаньню, удзеляным у распараджэння часам, удалося накідаць і выла-
жыць перед вами, шаноуныя слухачы. Пэуна, гэтым можа і ня удаслася да-
сягнуць тae мэты, якоя б жадалася, зацікавіць вас значнасцю і гістарыч-
най важнасцю таго хватку, якім маяца маладая беларуская літэратура. Калі
гэта так, та зусім ня таму, што ня вагкі знак, што і ціку да себе ня вы-
зывае, а таму, трэба думаць, што дару нарысу яе абразоу і значнасці я
ня маю. Каб ахапіць яе усебакова і вылажыць перад вами, раунуючы з дру-
гімі, яе уплыу на агульны прагрэс і развіццю ды нацыянальная атраджэння,
трэба здольнасць мастака-маляра. Німа, аднак суменъня, ды чужды яго і вы,
што беларуская літературане уздутая реч, а багаты уклад у люцкую культуру.

Тыя варункі, у якіх яна жыла і тыя прыпноны, якія стаялі і стаяць на
дарозя яе развіцця—цяшка адазваліся на ей. Трэба мець у воку, што пры
забітасці і цямнаце ня толькі у сэнся нацыянальнага самапазнаньня, а і з
боку агульной граматнасці, няймючасць можнасці мець сваіх часописоу і
нужнага апарату—многа гіня і талентау і іх творау у ня веданьня ня
дастатны патураньня сабе. Усе тое, што мы маям, гэта праца апошніх
33 годоу, лічучы з першым перыядам—В. Дуніна і Багушевіча, заслуга „Наша
Нівы“, якая вывудзіла з ямы завяданьня усе гэтыя цэннасці. Так, цэннасці! Цэннасці гэты, можа і ня па вартасці яшчэ усімі ацэньваючыя па насыядо-
масці закінутыя—але с часам маючы заняць ня апошняя мейста у гісторыі
народных літэратур. Прачуткія і прабачныя людзі, з нашых суседзяу, ужо
зварочвалі увагу на яе ня раз і давалі свае думкі аб ей. Маям шчасця ка-
ааць аб ім і мы самі.

Цаперашні час, які прыносяць пачатак новай эры жыцця—эры асла-
баджэння працунаго народу ад прыгону сацыяльнага і нацыональнаго—
дасць чулы штырх свободнай прајве творчасці шырокіх народных грамад.

23. Зазюля А. (вершы, перэклады) ксёндз з селян;
24. Гурло А. (вершы)—селянін, служачы;
25. Арол М. (вершы, проза)—селянін, нар. вучыцель;
26. Лобік Лявон (вершы)—рабочы з селян;
27. Лаўрын Жорсткі (ён жа Наз. Бываёўскі (перэклады і публіцыстыка)—мешканін,
гандлёвы служачы;
28. Лявон Гмырак (крытыка,—публіцыстыка) служачы (тэхнік);
29. Нéманскі (Пятровіч) (публіцыстыка)—селянін, служачы;
30. Янук Журба (вершы)—селянін, нар. вучыцель;
31. Стары Улас (вершы, проза)—ляснік;
32. Піліпау (вершы, проза—селянін, служачы;
33. Фарботко Ю. (вершы, крытыка, публіцыстыка) - літэраратар;
34. Петрашкевіч А. (Ф. Калінка) (вершы, проза, публіцыстыка —селянін, земляроб;
35. Леушчэнка Е. (публіцыстыка)—вучыцель;
36. Леуко Кандрат (вершы, драма)—селянін, служачы;
37. Галка Міхалка (вершы)—селянін, вучыцель і шмат другіх.

Справе падмогі прыходу гэтаго часу ва многум паслужыла беларуская народная літэратура, стаужапалірэдніцай новай літэратуры працунаого народі. Мы сведкуем шырокаго абудзяжэння і нашаго беларусскага народу ад сіннякавога нябыцьця, за чым ідзе зоу да творчасці гасударскае і грамадзякскае цяшкай і трудная гэта задача—але пры тых здольнасцях, якія з'яўлягаюць у души беларусскага народу усе можна зрабіць. Прыкладам—мі ладая бадзіорая і сільная беларуская літэратура!

Эмітро Жылуновіч.

СПІС ВЫДАНЬЯУ па БЕЛАРУСКУЙ ПІСЬМЕННАСЦІ.

А. ГІСТОРЫЯ І КРЫТЫКА БЕЛАРУСКАЙ ПІСЬМЕННАСЦІ.

- 1 Б. Г.—Песьняр чыстай красы. (Наша ніва. 1914. № 8).
- 2 Богданович М.—Бѣлорусское возрождение. (Украин. жизнь. 1915. № 1 и 2). ✓
- “ (Глыбы і слай), (Агляд белар. краснай пісьменнасьці 1910 г.).
“ (Наша ніва. 1911. №№ 3, 4 и 5).
- “ Забыты шлях. (Вольная Беларусь. 1918. № 15).
- “ За тры гады (агляд беларускай краснай пісьменнасьці 1911—13).
(Колядная пісанка. 1913 г.).
- 3 Бульба А.—Грамадзянскае становішчэ В. Дунін-Марцінкевіча. (Наша ніва. 1910. № 48).
“ „Гусъляр“ Я. Купалы. (Наша ніва. 1910. № 43).
“ „Песьні жальбы“ Якуба Коласа. (Наша ніва. 1910. № 40).
- 4 Бядуля З.—М. А. Богданович (+ 12 мая 1917 г.) (Вол. Беларусь. 1917. № 1).
- 5 Віndoускі Д.—„Кургнная цветка“. Наша ніва. 1914 № 47.
- 6 Гмырак Ляўон—Беларускае національнае адраджэнне. Вялікодная пісанка. 1914 г.).
- 7 Горэцкі М.—Доктор Францыск Скарына. В. Беларусь. 1917. № 12.
- 8 „Дзьве страты“. (В. Беларусь. 1918. № 20—1).
- 9 Довнар—Запольскі М.—В. Дунін-Марцінкевіч и его поэма „Гапон“.
“ —В. Дунін-Марцінкевіч и его поэма „Тарас на Парнасѣ“. Вітебск. 1896. 32 стр.
- 10 Дорошэнко Д.—Беларусы і іх національнае адраджэнне. (І лацінікаю; яшчэ у „Нашай ніве“. 1909 г. № 4).
11. Дыяменты беларускага прыгожага пісьменства. (Зборнік абраных творау, з карткімі аглядамі працы пісьменнікау). Кіяу. 1919).
- 12 Жылуновіч Эмітро-Беларуская літэратура. (Зборнік „Зажынкі“ М. 1918).
- 13 Земкевіч Ромуальд-Вінцук Дунін-Марцінкевіч, яго жыцьцё і літэратурнае значынне. (Наша ніва. 1910. № 48).
“ Значэнье Францішка Скарыны у беларускай культуры.
(В. Беларусь. 1917. № 13).
“ 400-лецця беларускага друку. (В. Беларусь. 1917. № 12).
“ —Ян Баршчэускі, першы беларускі пісьменнік XIX стагоддзя.
Вільня. 1911. (І лацінікаю; яшчэ у „Нашай ніве“. 1911. № 51—2).
- 14 Карскій Е.—Бѣларусская Энеида на изнанку. Хар’ков. 1908.
- 15 Л. (астоускі) В.—„Василькі“ (Наша ніва. 1914. № 25).
“ —Памажыця! Н. ніва. 1913. № № 37 и 38).
“ —„Родныя зявы“ Т. Гушчы (Наша ніва. 1914. № 41).
“ —„Руну“ М. Горэцкага (Наша ніва. 1914. № 39).
- 16 Л. Л.—Адбіткі клясовага змагання у беларускім пісьменстве. (Школа и культура совет. Белоруссии. 1919. № 2—3).
- 17 Лёсік Язэп.—„Антось Лата“. (В. Беларусь. 1917. № 33).
- 18 М. І.—Мае увагі. (Наша ніва. 1912. № 32).

- 19 Новина А.—Бѣлорусы, (Зборнік „Формы національнага двіжэнія“. Спб. 1909).
"   —Білоруський національны рух. (Літ.—науковій вістнік. 1910).
"   —Бѣлорусское двіжэніе (Новый энцикл. словарь Брок.—Ефр. полуто. 8).
"   На дарозі да новага жыцця. Пецярбург. 1912.
"   —Наши песьніры. Вільня. 1918. (лацінікаю).
20 Палуян С.—Білоруська позія в ії типовых представниках (Украін. хата. 1910 № 31).
21 Пыпин А.—Історія русской этнографіи. 4 тт. Спб. 1819—92 г.г.—аб беларусах. т. 4.
22 Романов Е.—„Тарас на Парнасѣ“ и др. белорускіе стихотворенія. Могилев. 1902.
23 С. В. с.—„Адвечная песьня“ Янкі Купалы. (Наша ніва. 1910. № 38).
24 Святыцкій І.—Відроджене білоруського пісьменства. Львоу. 1908.
25 Ф-ко Ю.—Беларусь у песнях. Бѣлорусское эхо. 1918. № 4, 5 и 6).
"   Згукі сусветнай вайны 1914—18 г. у беларускай пазії.
"   (Школа и культура совет. Белоруссии. 1919. № 1).
26 Хлѣбцевич Е.—Народническая позія бѣлоруссов. Спб. 1917.
27 Ш. Ядвігін—В. Марцінкевіч у практичным жыцьці. (Наша ніва. 1910. № 48).
28 Янулайтіс А.—Аб маладым наеце с Крошына. Маладая Беларусь, т. I., сш. 3.
29 Янчук Н.—Нѣсколько слов о новѣйшей бѣлорусской літературѣ.
"   Ізвѣстія общ. слов. культуры. 1912. т. I. кн. 1.
30 Ясеновіч С.—Беларусская літэратура у 1909 г. Наша ніва. 1910. № 7.
31 Карский Е.—Белоруссы, т. III, вып. III аб новай беларуской літэратуре—друкуеца.
32 Очарк белорусской літературы, под ред. Янчука Н.—друкуеца.

Б. ВЫДАННЯ па БЕЛАРУСКУЙ ПІСЬМЕННАСЦІ.

I. ВЕРШЫ.

- 1 Апаведання і легенды вершам рожных аутороў. Вільня. 1914. лацінікаю
2 Богдацовіч М.—Вянок; кнішка выбраных вершоу. Вільня. 1913.
3 Буйло К.—Курганныя кветка. Вільня. 1914.
4 Бурачок М. (Богушевіч Ф.) Дудка беларуская. Пецярбург.
"   Тое самае. Вільня. 1918. лацінікаю.
5 Быліна Янка—На прызбе. Вільня. 1918. лацінікаю.
6 Гартны Цішка—Песьні. Пецярбург. 1913. лацінікаю.
7 Гарун Алес Матчын дарь.думы і песьні. 1907—1914,—Менск. 1918.
8 Зязюля А.—З роднага загону. лацінікаю.
9 Колас Якуб—Батрак. Як. Юрка забагацей. лацінікаю.
"   —Песьні жальбы.
"   —Сымон музыка—по эма, ч. 1—3. Менск 1918.
10 Купала Янка—Адвечная песьня. Пецярбург. 1910.
"   Гусъляр. Пецярбург. 1910. лацінікаю.
"   Жалейка—зборнік вершау. Пецярбург. 1908.
"   —Шляхам жыцьця—зборнік вершау. Пецярбург. 1913.
"   Спадчана. зборнік творау —друкуяца.
11 Леўчык Гальш—Чыжык Беларускі, зборнік вершоу. Вільня. 1912. і лацінікаю.
12 Лучына Янка (Неслугоўскі Іван)—Вязанка. Пецярбург. 1903.
13 Марцінкевіч В.—Вечарніцы. Пецярбург. 1909. лацінікаю.
"   Гапон (аповесць). Пецярбург. 1907. лацінікаю.
"   Стайры—гаўры. лацінікаю.
"   Шч.роускіе дажынкі. Купала. (аповесці). Пецярбург. 1910. лацінікаю.
14 Паўловіч Альберт.—Снапок.—зборнік вершоу. Вільня. 1910.
15 Райка Сымон (Богушевіч Францішек)—Смык беларускі. Пецярбург. 1908. лацінікаю.
"   Тое самае. Вільня. 1918. лацінікаю.

- 16 „Тарас на Парнасѣ“ бѣлор. поема. Витебск. 1896. Тоже. 1898. Тоже. 1910. изд. 3.
Могилев. 1902. изд. Е. Романова. Вільня. 1909. і лацініакаю.
Мінск. 1917. Наша ніва. 1909. № 40. „Мінскій листок“ 1889. № 37.
„Смоленскій вѣстник“ 1890. № 37. „Вітеб. губ. вѣд. 1895—96 гг.
Радимич Е.—Із міра русских народных преданий. Витебск. 1896.

17 Цѣтка (Алоїза з Пашкевічоу Кейрісовая)—Скрыпка Беларуская. Вільня. 1918. лацініакаю.

ПЕРЭКЛАДЫ:

- 18 Косич М.—Переложеніе некоторых басенъ Крылова на белорусское нарѣчіе. Чернигов. 1903.

19 Міцкевіч Адам.—Пан Тадзуш: перавярнуў Марцінкевіч. Пецярбург. 1907. лацініка.

20 Шэвчэнко Т.—Кацярына: переклад Ф. Чернышевіча, пад ред. Янкі Купалы. Вільня.

II. АПАВЕДАНЬЯ.

- 1 Беларускіе жарты. Мінск. 1915.
2 Беларус П—Якім Бядольны. Вільня. 1914.
3 Бірыло Сыцепка—Стражнік. Вільня. 1915.
4 Бядуля Змітрок—Абрахам. Пецярбург. 1913. лацінікаю.
5 Галубок—Апаведаньня. 1913.
6 Гвозд Л.—Пракленашы. Пецярбург. 1913.
7 Горэцкі Максім—Рунь (апаведаньня). Вільня.
8 Гушча Тарас—Апаведаньня. Вільна. 1912.
" Нёйаноу дар. Пецярбург. 1913.
" Родны зъявы. Вільня. 1914.
" —Тоустае палена. Пецярбург. 1913.
9 Колас Якуб—Пралау чоловек. Пецярбург. 1913.
10 Лесік Я.—Ня усе разам, ягомосьці!..
11 Мятавые лісточкі.—лацінікаю.
12 Новіч А. Амерыканец—апаведаньне.
" —У дому лепей —апаведаньне. Пецярбург. 1911.
13 Таўрус—Аб чым шацелі лісьця. Пецярбург. 1913.
14 Ш. Ядвігін—Бярозка і др. Вільня. 1912.
" Тоя самае. Менск. 1918.
" Василькі.
" Дзед завала. Вільня.
15 Амфітеатроў—Хлібэртава пакута і др.; вольны переклад В. Л. Вільня.
16 Бэльлямі—Казка аб вадзе; перел. А. В. Вільня. 1907. і лацінікаю.
17 Гаршін Всеволод—Сыгнал—Москва. 1918.
" Усевалод—Сыгнал. Вільня. 1914.
18 Горкій М.—Архіп і Лявонка; перекл. Т. Г. Вільня. 1910. і лацінікаю.
19 Конопніцка Марыя—Дым; перекл. Зязюля. Вільня. 1909.
20 Ожешковая Эліза—Гэдзали—апаведанье. Вільня. 1917. і лацінікаю.

III. ДРАМЫ.

- 1 Алехновіч (Олехновіч) Францішк—Базілішк—казка у 3 актах. Вільня. 1918. друкована; лацініако.

" Бутрим Няміра (Каменная труна) піеса у 2 актах с прологом. Вільня. 1918. друковано; лацініако.

" Калісь—драмат. образок у 2-х актах. Вільня. (друковано).

" —Мамька—п'єса у 4-х актах. Зборнік сцен. творуа, т. I. сш. I.

- Францішк—На Антоналі—піеса у 3 актах са спевамі і танцамі Вільна. 1918 г. друковано; лацінікаю.
- “ —У лясным гушчары—казка у 1 акці. Вол. Беларусь. 1918. № 28.
- “ —Чорт і баба—жарт у 1 акце. В. Беларусь. 1918. № 32; таксама у Зборніку сцэн. творау, т. I, сш. 2.
- 2 Беларус Максім—Атрута. (Абразок). Наша ніва. 1913. № 8 і 9.
- 3 Валодьські А.—Як яны жаніліся; перэклад Власта; літографовано.
- “ Тоя самае. Зборнік сцен. творау, т. I, сшыт. 2.
- 4 Гартны Цішка—Хвалі жыцьця—драма у 3 дзеях. Зборнік „Зажынкі”.
- 6 Грамыка М.—Зымітрок з „Высокай Буды”, драма у 4-х дзеях. В. Беларусь. 1918. № 33, 34 і 35.
- 7 Гушча Тарас—Антось Лата—камедыя на 2 акты. В. Беларусь. 1917. № 27 і 28.
- “ —Антось Лата—сценічныя творы на 2 акты. „Сценічныя творы” Т. Гушчи.
- “ —На дарозі жыцця („Сценічныя творы” Т. Гушчи).
- 8 Долгікіе Міхалка камедыя у 1 дзеі). Пецярбург 1911. (літаграфовано).
- “ —Тоя самая. Зборнік сцэнічных творау т. I, сш. 2).
- 9 Каганець К. Модны шляхтюк (бытавая камедыя у 1-ым дзеі). Пе ярбург. 1910. (літаграфовано; таксама у Зборніку сцэн.—творау, т. I, сш. 2).
- 10 Кратунікі М.—Па рэвізіі (камедыя у 1 дзеі). Пецярбург. 1911. (літаграфовано; таксама у Зборніку сцэн. творау, т. I, сш. 2).
- “ —Пашыліся ў дурні (жарцік у 3-х дзэях). Пе ярбург. 1910. літаграфовано; таксама у Зборніку сц. творау т. I, сш.
- 11 Купала Янка—Паўлінка (камедыя у 2 дзеях). (літаграфовано).
- “ Тоя самае (сцэны із шляхтоўскага жыцця у 2 актах). (Зборнік. сцэн. творау, т. I, сш. 1).
- “ —Сон на кургане (у 4-х абразок). Пе ярбург. 1912. (друковано)
- 12 Ожошко Эліза—Ў зімовы вечэр (сцэна ў 1 дзеі, перэклай Бласта.) Пецярбург. 1910. (літаграфовано; яшчэ і лацінікаю).
- “ —Хам (мужык) (образ). Пецярбург. 1912 (літаграфовано).
13. Пригаворка Наум (Еінцук Дунін—Мар. Інкевіч,—Залёты (съмяхотная штука у 3-х дзеях). (В. Беларусь. 1918. № 10, 11 і 12).
- “ —Тоя самае (Зборнік сцэн. творау, т. I, сш. 1).
- “ —Пінская шляхта (фарс—водзвіль у 1 дзеі) (Беларусь. 1918. № 30 і 31).

П Е Р Е К Л А Д Ы.

1. Чехов А.—Мядзьведзь (жарт у 1-м акці. (літаграфовано; таксама ў Зборніку сцэн. творау, т. I, сш. 2).
- “ —Сватаныне (жарцік); пералажыў Н. Чарноцкі. Пецярбург. 1910. (літаграфовано).
- “ —Тоя самае (жарт у 1 акце) (Зборнік сцэн. творау, т. I, сш. 2).

IV. Д З Е Л Я Д З Я Ц Е Й.

1. Віткевіч С.—Дзядзька Голад (апаведанье; перэлажыла Зязюля. Вильня. 1911.
2. Даі: ячая чытанка. Мінск. 1917.
3. Жеромскі Ст., Еіткевіч Ст.—Штоб не здарылася і др. перетлумачыла Зязюля. Мінск. 1914.
4. Лейко К.—Снатворны мак. (сцэна для дзі-ячых та троу). Вильня. 1912.

V. ЗБОРНИКІ

1. Еялікодная пісанка на 1913 г. 2. (1904—1914). Вільня 1914.
  3. Гушча Тарас—Службічныя творы. Мінск 1917.
  4. Дыяманты беларускага прыгожага пісьменства № 1. Кіеў. 1919.
  5. Зажынкі першы збор творау беларускіх песьньроу і пісьменнікау вышаўшых 3 сям
і правоунаага народу). Москва. 1918.
  6. Зборнік „Нашей нівы“ № 1. Еільня. 1912. (Ілацінікаю).
  6. Зборнік „Нашей нівы“ № 2. „ 1912.
  7. Зборнік сігнічных творау, том 1, сыштак 1 (камэдыі). Менск. 1919.
  8. Той ж, т. 1, сыштак 2 (вадэвілі). Менск. 1918.
  9. Календарь „Нашае нівы“ на 1910. Вільня 1910, 1911,—1915. гг. Вільня 1910,—1914. гг.
  10. Беларускі календар на 1916 г. 1917, 1918 г. Еільня.
  11. Календар „Зааранка“ (праваслаўны і каталіцкі) на 1919 год. Менск.
  12. Беларускі календар на 1919 Вільня.
  13. Колядная пісанка 1913. Вільня. 1913.
  14. Літаратурны зборнік „Вольнае Беларусі“, сыштак 1. Мінск. 1917.
  15. Маладая Беларусь (зборнік—часопіс), сарыя 1, ш. 1. Пецярбург. 1912. (рускім
і лацінскім шрыфтам набор).
  - „ „ с'рыя 1, сыштак 2. Пецярбург 1912. (гражданкаю і лацінікаю).
  - „ „ с'рыя 1, сыштак 3. Пецярбург 1913. (гражданкаю і лацінікамі).
  16. Раніца (думкі беларускай студзянкай мелочі—зборнік № 1.

VI. ЧАСОПИСІ

1. Наша доля—газета (Еільня. 1905).
  2. Наша ніва—тыднёвік, (вых. у Вільні з 1906 па 1961 г.).
  3. Гоман—газета (2 р. у тыдзені) — Еільня, 1916, 17 и 18 гг.
  4. Вольная Беларусь—газета (1917), тыднёвік (1918) Мінск.
  5. Беларускі шляхт—штодзеннай газета (Менск. 1918 р.).
  6. Дзяяніца—галота (№ 1—5 у Пецярбuri, № 6—44 за 1918 г. і 1—5 № за 1919 г. у Маске).
  7. Грамядзянін—газета (Еільня. 1919).
  8. Беларуская думка—газета (Еільня. 1919).
  9. Беларусь—тыднёвая каталіцкая газета (с 1913 р. і далей; Еільня) (ла Інікаю).
  10. Фарта—штомесячнік. Менск (19 8 г.).
  11. Грамада—газета (№1—4) у Менску (1917 р.).
  12. Крыўчанін—месячнік (Еільня. 1918). (лацінікаю).
  13. Крапіва—журнал, адзін № 1 у Еільні.
  14. Лучынка—месячнік (Менск 1914).
  15. Беларуская Рада—газета (по рускі і беларускі /с 25—ХІ 1917 по янв. 1918 Менск).
  16. Беларусское слово—газета (по рускі і беларускі) (Киев. 19 8 .
  17. Белорусское эхо—газета (по рускі і белорусскі) (Киев. 19 8).
  18. Новый вѣстник—газета нѣм. оккупации. (Вільна. 1918).
  19. Школа и культура совет. Белоруссии.—ежемесячнік (с белор. отд.) (Менск. Бобруйск 19'9).
  20. Белорусская земля № 1 от 19 8 г. (за 1 марта) больше не вых. (Менск; на р. яз.)
  21. Белорусская криніца—двутиднёвік на русск. яз. (№ 1—2 за 1918 г. і 1—2 за янв. 1919). (Петроград).
  22. Червоны шляхт—двутиднёвік (Петербург 1918) (на русском яз.).
  23. Сове кая Белорусь. Смоленск. 1920 г. (на белор. яз.).
  24. Белорусь—Менск (на белор. яз.).

КЪ ВОПРОСУ О МЕТОДИКѢ РОДИНОВѢДЪНІЯ

(Краткій очеркъ, читанный на курсахъ Бѣлорусской
вѣдѣнія).

Всякій научный и учебный предметъ, чтобы имѣть право на вниманіе аудиторіи или читателей, долженъ прежде всего доказать свое право на самостоятельное существованіе и выявить свое лицо; а затѣмъ доказать все то свое значеніе, благодаря которому онъ выбранъ среди громаднаго запаса систематическихъ знаній и имѣть притязаніе, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, на активное вниманіе слушателей или читателей.

Тѣмъ болѣе справедливо это требование по отношенію къ научно-учебн. предметамъ сравнительно новымъ, какимъ является въ данномъ случаѣ родиновѣдѣніе. И на обыденномъ языке и въ научно-учебной литературѣ до сихъ поръ не только различно называютъ данный предметъ, но и различно понимаютъ неправильные синонимы родиновѣдѣнія: отчизновѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и отчасти краевѣдѣніе.

Неправильно понимаютъ Родиновѣдѣніе, считая его только методомъ нагляднаго прохожденія курса естественно-историческихъ наукъ. Способствуя въ большой степени наглядности, Родиновѣдѣніе не есть только методъ, но и самостоятельный вполнѣ опредѣленный кругъ систематического знанія съ собственнымъ методомъ. Однако, Родиновѣдѣніе, правильно понимаемое, не слѣдуетъ излишне расширять ни до понятія отечествовѣдѣнія, ни даже до понятія краевѣдѣнія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ). Точно также нѣльзя понимать Родиновѣдѣніе, какъ пропедевтическій курсъ школьнай элементарной географіи и естествознанія въ цѣляхъ усвоенія нѣкоторыхъ элементовъ географическихъ понятій и естествовѣдѣнія.

Даже и на школьнай ступени Родиновѣдѣніе должно считаться за самостоятельный предметъ изученія, однако съ особенностями трактовки, принаруженной къ дѣтскому пониманію.

Родиновѣдѣніе, правильно понимаемое, есть системетическое познаніе родины, въ смыслѣ губерніи, уѣзда, города, завода, села по методамъ и принципамъ географіи. Родиновѣдѣніе—мѣстная географія.

Правильность такого и только такого пониманія Родиновѣдѣнія доказывается объективнымъ разсмотрѣніемъ исторіи развитія предмета. Ходъ этого развитія зависитъ съ одной стороны, отъ эволюціи географіи, какъ науки и учебнаго предмета, съ другой—направляется мощнымъ государственнымъ и общественнымъ движеніемъ и всѣмъ комплексомъ соціально-экономическихъ отношеній культурныхъ народовъ. Риттеръ и Гумбольдтъ—основатели научной географіи—дали геніальныя схемы, съ одной стороны,

разсмотрѣнія земли въ ея цѣломъ («Космось» Гумбольта), съ другой стороны, такиѣ крупныхъ географическихъ объектовъ, какъ цѣлая часть свѣта («Европа» Риттера), и уже намѣтили путь къ дальнѣйшей дифференціаціи предмета.

Послѣдующая плеяда ученыхъ всего свѣта, вѣрная завѣтамъ научной географіи, и пошла по намѣченному пути. Отъ общаго землевѣдѣнія къ страновѣдѣнію, понимаемому все уже и уже. Отъ частей свѣта къ крупнымъ государствамъ, отъ этихъ—вообще къ самостоятельнымъ государственнымъ единицамъ; отсюда къ крупнымъ составнымъ частямъ каждого государства и остановилось, наконецъ, на изученіи по тѣмъ же методамъ и принципамъ на сравнительно узкомъ, районномъ, но зато полномъ и систематическомъ изученіи—на Родиновѣдѣніи. (Конечно, здѣсь дается лишь общая направляющая эволюція географіи) Съ другой стороны, политическая жизнь, выдвинувшая на сцену федерацію и иные формы соединенія мелкихъ государственныхъ организмовъ, заставила ихъ опасаться за утрату собственного лица, за потерю индивидуальности, обостряла иногда національные и экономические интересы, всѣмъ этимъ поощряла къ болѣе полному ихъ самоопределѣнію, самопознанію. Примѣры: Швейцарскій Союзъ, С.—А. Соединенные Штаты, Германія, Австро—Венгрія и др. У насъ въ Россіи къ краевѣдѣнію естественно вели наши далекія и обширныя окраины Кавказъ, Сибирь, Туркестанъ, Финляндія *). Быстрый расцвѣтъ экономической культуры и обостренная борьба за существование вызвали дальнѣйшій шагъ. Въ цѣляхъ полного и всесторонняго использования природныхъ богатствъ каждой мѣстности, началось систематическое изслѣдованіе сначала болѣе или менѣе крупныхъ районовъ, а затѣмъ и небольшихъ.

Созданіе планомѣрной и цѣлесообразной жизни, общественного организма государства, властно потребовало изученія всѣхъ его элементовъ. И чѣмъ детальнѣе и систематичнѣе идетъ изученіе, тѣмъ выше результаты государственного и общественного строительства. С.—А. Соединенные Штаты, напр., покрываютъ всю страну сѣтью агрономическихъ и метеорологическихъ станцій и тратятъ колоссальныя деньги на районные изслѣдованія. Франція каждый годъ премируетъ труды по детальному изслѣдованию родины и т. д. Въ Россїи вопросъ о районныхъ изслѣдованіяхъ былъ выдвинутъ и отчасти осуществленъ въ формѣ: «статистическо-экономическихъ изслѣдованій губерніи и уѣздовъ». Но и у насъ и на Западѣ, какъ скоро была выдвинута проблема изученія по районамъ и усвоено все ея значеніе, такъ отчетливо обрисовалось, что въ мѣстнаго общества въ его широкой и активной работы, разрешеніе этой проблемы невозможно. Слишкомъ она широка, многостороння. Посему насаждаются и появляются кружки и общества познанія родного края.

*.) Въ последней краевѣдѣніе достигло большой высоты и совершенства и ранѣе другихъ частей русск. государства вылилось въ стройную и опредѣленную систему мѣстнаго узко-районнаго родиновѣдѣнія, давая въ конечномъ итогѣ синтез мѣстныхъ родиновѣдѣній исчерпывающую картину краевѣдѣнія.

Съ этого момента, когда само общество мѣстами доростало до сознанія важности и необходимости Родиновѣдѣнія, послѣднему уже обеспечено прочное существованіе. Нельзя не отмѣтить также громадной роли мѣстной прессы. Цѣлый рядъ газетъ и журналовъ ставили и ставятъ себѣ задачей первой очереди освѣщеніе нуждъ и потребностей мѣстного населенія, условій его быта и культуры, а въ силу этого естественно давали рядъ цѣнныхъ сообщеній вообще по Родиновѣдѣнію и тѣмъ способствуютъ формированию предмета. Въ тоже время и педагогическая мысль въ стремлениі создать рациональные принципы образованія и воспитанія, остановилась какъ-разъ на тѣхъ, которымъ наиболѣе отвѣчаетъ Родиновѣдѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, современная педагогическая мысль считаетъ прочно установленными слѣдующія положенія: обученіе должно быть воспитывающимъ, жизненнымъ и нагляднымъ. Какой же предметъ обладаетъ въ такой степени воспитывающей силой какъ Родиновѣдѣніе. Вѣдь оно больше чѣмъ какой-либо другой предметъ базируется на самодѣятельности. Оно своимъ методомъ разсмотрѣнія предметовъ закладываетъ правильныя основы міросозѣданія; оно воспитываетъ высшія эмоціи человѣческаго духа: чувства общественности, гражданственности, любви къ отечеству и родинѣ, не говоря уже о высокихъ интеллектуальныхъ и эстетическихъ переживаніяхъ. Рѣчью образомъ и принципъ «жизненности» недосягаемо полно осуществляется въ Родиновѣдѣніи. Здѣсь каждый шагъ по пути познанія и изслѣдований затрагиваетъ самыя близкія жизненные стороны и отношенія, въ кругу которыхъ человѣкъ живеть и дѣйствуетъ. Наконецъ—и послѣдний принципъ—наглядность имѣть максимумъ своего осуществленія въ Родиновѣдѣніи. Здѣсь, именно, все основано на наблюденіи и изслѣдованія самой дѣйствительности, и экскурсионный методъ—основной и доминирующей методъ Родиновѣдѣнія. Такимъ образомъ и развитіе научно-учебной географіи, и политическая жизнь государствъ, и культурно-экономическія отношенія, и задачи внутри каждого государства, и, наконецъ, педагогическая мысль—не только даютъ полное основаніе на признаніе Родиновѣдѣнія самостоятельнымъ предметомъ, но и отводятъ ему заслуженное почетное мѣсто среди другихъ научно-учебныхъ или вообще образовательныхъ дисциплинъ.

Въ школьній системѣ образованія Родиновѣдѣнію уже теперь на Западѣ и у насъ по новѣйшимъ программамъ отведено важное мѣсто, а судя по примѣру Америки, будетъ суждено занять руководящую роль. Но, быть можетъ, особенно должна быть велика эта роль во внѣшкольномъ образованіи. Здѣсь прежде всего умѣстно отмѣтить, что Родиновѣдѣніе вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ специфическимъ принципамъ внѣшкольного образования. Оно базируется на принципѣ самодѣятельности населенія—и, слѣдовательно, въ дѣловой степени отвѣчаетъ принципу общественности; оно общедоступно; самостоятельно, систематично и планомѣрно и всецѣло основывается на принципѣ районной организаціи. Но, сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что положеніе Родиновѣдѣнія среди предметовъ внѣшколь-

наго образованія исключительно благопріятно потому, что большинство предметовъ (народный домъ, библіотеки, читальни, курсы, театръ и т. д.) имъютъ задачей сообщить рядъ практическихъ свѣдѣній по тому или другому вопросу, указать средства къ вицьшкольному образованію, тогда какъ Родиновѣдѣніе, являясь однимъ изъ самыхъ активнѣйшихъ средствъ образования, въ тоже время является самоцѣлью, такъ какъ заключаетъ въ себѣ максимумъ образовательного и, притомъ, самаго жизненнаго материала. Въ виду всего указанного, съ достаточнымъ основаніемъ выясняется все громадное значеніе Родиновѣдѣнія въ дѣлѣ школьнаго образования. Въ низшей школѣ Родиновѣдѣніе должно являться тѣмъ основчымъ образовательнымъ предметомъ, въ которомъ берутъ себѣ материалы не только естествознаніе и исторія, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, приводимому проф. Ивановскимъ въ своей книгѣ: «О преподаваніи географіи», и «списываніе, чтеніе, счетъ, пѣніе—все это при первоначальномъ обученіи должно брать свое содержаніе изъ родины». Въ средней школѣ—это незамѣнимый общеобразовательный предметъ одинаково важный на всѣхъ ступеняхъ ея, и имѣющій, помимо самостоятельнаго значенія, значеніе серьезнаго пропедевтическаго курса географіи. Въ высшей—это плодотворное поле научно-исслѣдовательской дѣятельности, при правильной и планомѣрной постановкѣ которой могутъ получиться громадные научные результаты. Воспитывающее значеніе Родиновѣдѣнія велико. Оно развиваетъ наблюдательность, активность, любовь къ родинѣ и отечеству общественность, интеллектуальная и эстетическая эмоціи, живое чувство любви и бережнаго отношенія къ природѣ, кладетъ основу и вырабатываетъ стройное міросозерцаніе,

Всѣ эти воспитывающія и обучающія стороны Родиновѣдѣнія еще въ большей степени присущи во вицьшкольномъ образованіи. Являясь незамѣнимымъ средствомъ для организаціи непрерывнаго широкаго и глубокаго изслѣдованія русской природы и жизни населенія, Родиновѣдѣніе имѣть крупное государственное значеніе. Безъ него немыслимо ни изслѣдованіе производительныхъ силъ Россіи, а иногда и установленіе правильныхъ нормъ общественныхъ и соціальныхъ отношеній; наприм., правильное разрешеніе вопроса о мелкой земской единицѣ и т. д. Въ детальномъ и всестороннемъ изслѣдованіи своего отечества по районамъ мы отстали отъ Запада и Америки, а, между тѣмъ, территорія Россіи необъятна, природа чрезвычайно разнообразна и богата, громадно и населеніе, какъ по численному, такъ и этнографическому составу,—вотъ почему Родиновѣдѣніе для Россіи имѣть особенно важное значеніе.

Современная міовая война подчеркнула съ особенной силой вышесказанную мысль. Проф. Вернадскій въ своей рѣчи по этому поводу въ Академіи Наукъ говоритъ: «Пробилъ грозчай часть, требующій напряженія всѣхъ силъ, всей воли, всего разумѣнія. И его уроки не прошли даромъ. Сей часъ всѣ поняли необходимость и неотложность планомѣрнаго и широкаго изслѣдованія производительныхъ

силь Россії, ея природы и ея населенія, поняли, что только въ подъемъ этихъ силь заключается наше спасеніе.¹⁴ И это возможно и достижимо только однимъ путемъ—путемъ широкой организаціи какъ познанія, такъ и использованія нашихъ производительныхъ силъ. Вмѣстѣ съ Тальгреномъ нельзя въ заключеніе не сказать, что «сознательное Родиновѣдѣніе является передовой силой общей культуры». (Тальгренъ, Родиновѣдѣніе Финляндіи).

Имѣя своей задачей всестороннее и планомѣрное познаніе родины, Родиновѣдѣніе производитъ это познаніе своимъ собственнымъ методомъ, съ особыхъ установившихся точекъ зре́нія. Гармонический синтезъ этихъ точекъ зре́нія, съ которыхъ изучается родина, и даетъ Родиновѣдѣніе. На первомъ планѣ вездѣ выступаетъ, такъ называемая, хорологическая точка зре́нія или пространственная, дающая возможность ориентировать и все объекты родины и ее въ цѣломъ въ пространственномъ отношеніи. Затѣмъ идетъ хронологическая точка зре́нія или времененная, широко понимаемая и въ смыслѣ геологическихъ периодовъ, и въ смыслѣ исторического времени. Предметы Родиновѣдѣнія рассматриваются съ точки зре́нія распределенія во времени. Третья точка зре́нія—морфологическая, описательная, дающая описание качественныхъ и количественныхъ признаковъ родины. Слѣдующая—гидрологическая точка зре́нія, систематизирующая по законамъ логики весь данный материалъ родины. Всѣ эти четыре точки зре́нія даютъ лишь материалъ для описанія родины и называются описательными. Но Родиновѣдѣніе, какъ истинно научная дисциплина, стремится не только описать, но и истолковать факты и явленія. Посему родина поллежитъ разсмотрѣнію еще съ трехъ точекъ зре́нія, истолковательныхъ. Первою задачей является установить генетическую связь фактovъ, явлений, ихъ причинную зависимость, закономѣрность—это дѣлаетъ генетическая точка зре́нія. Чрезвычайно важно также обратить вниманіе и истолковать факты и явленія съ точки зре́нія динамической, т. е. дѣйствія и вліянія одного объекта родины на другой, за исключениемъ, однако, самого человѣка, такъ какъ взаимодѣйствіе человѣка и природы, вліяніе природы на человѣка и его дѣятельность и обратно, составляетъ задачу особенно важно съ точки зре́нія Родиновѣдѣнія—антропогеографической.

Детальное, расширенное и углубленное развитіе какой-либо изъ этихъ точекъ зре́нія передаетъ дѣло уже въ область отдельной научной дисциплины (Исторія, Естествознаніе и т. д.).

Внѣшней формой выявленія занятій по Родиновѣдѣнію являются, главнымъ образомъ, экскурсіи, а работа съ руководителемъ идетъ и на экскурсіяхъ и въ формѣ лабораторно-эвристического метода. (Опытно-изслѣдовательский методъ съ выявлениемъ работы посредствомъ ручного труда: лѣпка, черченіе, рисование, фотографированіе, аппликація, моделированіе, создание коллекцій, разработка письменнымъ способомъ и т. д.).

Родиновъдѣніе, какъ въ школьніомъ, такъ и во внѣшкольномъ образованіи имѣть двѣ главныхъ ступени: низшую, на которой происходитъ, главнымъ образомъ, усвоеніе уже готоваго материала по мѣстному краю, и высшую, на которой происходитъ самостоятельное собираніе и обработка материала и, въ полномъ смыслѣ, научное изслѣдованіе родины съ той или другой стороны, въ результатѣ чего должно явиться научное Родиновъдѣніе. Границу между этими ступенями, однако, трудно провести а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно.

Переходя теперь къ вопросу о содержаніи Родиновъдѣнія, какъ образовательного предмета, слѣдуетъ не только отмѣтить, но и подчеркнуть, что это содержаніе полно и всесторонне передается идеальнымъ построениемъ содержанія Музея роднаго края. Послѣдній—есть фокусъ мѣстной природы и жизни человѣка, а потому такъ ярко и отражаетъ содержаніе Родиновъдѣнія. Онъ же является и первымъ самымъ важнымъ средствомъ осуществленія Родиновъдѣнія. Его литература по Родному Краю, его просвѣщеніе дѣятели, его наглядный материалъ не только помогаютъ первымъ шагамъ въ этомъ направленіи, но и являются въ значительной степени критеріумомъ активности каждого работника по Родиновъдѣнію. Въ его источникахъ и научный изслѣдователь почерпнетъ не мало нужнаго материала и установить известную преемственность изслѣдовательской работы, немало сохранивъ, такимъ образомъ, дорогое времена. Здѣсь же собираются и хранятся, насколько возможно, и практическіе результаты работы по Родиновъдѣнію: описанія и изслѣдованія, материалы, собранные на экскурсіи, коллекціи и т. д.

Музей роднаго края наиболѣе другихъ типовъ музеевъ отвѣчаетъ основнымъ принципамъ внѣшкольного образованія: общественности, самодѣятельности, общедоступности, бесплатности, систематичности, планировности и принципу районной организаціи, а въ тоже время и общепедагогическимъ принципамъ. Въ особенности важно подчеркнуть, что получившій общее признаніе принципъ необходимости начинать изученіе окружающего міра съ того, что окружаетъ насъ непосредственно, съ окружающей мѣстности, съ родины, только въ этомъ типѣ музея находитъ свое осуществленіе. Музей роднаго края—фокусъ мѣстной природы и жизни человѣка, колыбель и очагъ Родиновъдѣнія, учебный кабинетъ и лабораторія, дѣятельный проводникъ культуры, самознанія и бережно, любовно-охраннаго отношенія къ памятникамъ природы и человѣческаго творчества, основное ядро Музея въ самомъ широкомъ его пониманіи.

ПРИМѢРНЫЙ ПЛАНЪ СОСТАВА МУЗЕЯ РОДНОГО КРАЯ:

1. Глобусъ съ отмѣткой роднаго края. Компасъ.
2. Физическая и политическая карта Россіи съ такой же отмѣткой.
3. Карта губерніи, уѣзда, съ отмѣткой мѣста Музея.
4. Фотографическій снимокъ города или села, где находится музей, съ высоты птичьаго полета.

5. Планъ города или села, гдѣ находится музей.
6. Фотографические снимки и картины—рисунки данной мѣстности.
7. Фотографические снимки съ зданія Музея и планъ Музея.
8. Схематическая картограмма пространственного отношенія Родного края къ ближайшимъ сосѣдямъ (волостямъ, уѣзdamъ или губерніямъ, къ естественно историческимъ и культурно - историческимъ областямъ Россіи, къ самой Россіи въ ея цѣломъ, къ нѣкоторымъ Западно-Европейскимъ государствамъ. Диаграммы на % же.
9. Схематическія картограммы и діаграммы на разстояніи отъ ближайшихъ культурныхъ центровъ, губернского или уѣзднаго города, столицъ отъ моря, первого меридіана, экватора. (Иногда и разстоянія отъ ближайшей станціи желѣзной дороги, пароходной пристани и т. д.).
10. Доисторическое прошлое Родного Края.
Геологическія карты и схемы съ отмѣткой того, что было на мѣстѣ родины въ доисторическія времена.
11. Памятники доисторического человѣка: оружіе, украшения и т. д.
Образцы, фотографіи, рисунки, модели.
12. Историческое прошлое Родины въ типическихъ моментахъ.
13. Иллюстрированный календарь мѣстныхъ фенологическихъ явлений и особенно важныхъ дней въ году у мѣстного населенія. (Рисунки, фотографіи и т. д.).
14. Геологический разрѣзъ родины въ краскахъ, фотографіи и схематическихъ чертежахъ и соответственно подобранные образцы мѣстныхъ горныхъ породъ и ископаемыхъ. Фотографіи, рисунки.
15. Геологическая карта и картограмма.
16. Почвенный разрѣзъ родины въ краскахъ, фотографіи и схематическихъ рисункахъ.
17. Образцы мѣстныхъ почвъ въ монолитахъ и коробочкахъ, съ приложениемъ въ образцахъ ихъ химического анализа, а такъ же образцовъ веществъ нужныхъ для рационального удобренія каждой изъ почвъ.
- 17 а. Гипсометрическая карта. Высота Музея надъ уровнемъ океана.
Картины, фотографіи: горъ, возвышенностей, долинъ и низменностей.
18. Климатологическая карта общая и для данной мѣстности.
Картограммы, діаграммы, схемы и кривые для характеристики родины по облачности, господствующему направлению вѣтровъ, количеству атмосферныхъ осадковъ, продолжительности сезоновъ, вскрытия и замерзанія рѣкъ и озеръ, грозъ, града, мглы, тумановъ и т. д. Фотографіи и картины метеорологическихъ эффектовъ. Родное небо по сезонамъ — днемъ, ночью; картины, фотографіи, карты и діаграммы.
19. Метеорологические приборы. Термометры: воздушный, почвенный, водный; барометры: обыкновенный и анероидный; гигрометръ, психрометръ, дождемѣръ, лотъ, резиновый футштокъ, рейка и т. д.

20. Схема распределения грунтовыхъ водъ. Карта распределения озеръ, болотъ, прудовъ и рѣкъ долины съ указаниемъ водораздѣловъ. Картиграммы. Картины, фотографіи и кинематографическая ленты: рѣкъ, пороговъ, водопадовъ, особенно красивыхъ частей рѣкъ и озеръ, полой воды, наводненія и т. д.
21. Карта распределенія растительного царства данной мѣстности. Картиграммы и діаграммы этого распределенія. Фотографіи, картины, кинематографическая ленты, характеризующія родину во всѣ времена года съ точки зрѣнія жизни растительного царства.
- 21 а. Лѣсъ. Музей родного лѣса по Морозову. Фотографіи и картины.
- 21 б. Лугъ. Музей луга родины, составленный по Ускову. Засушка въ пескѣ. Луга заливные, сухіе, лѣсные, культурные. Картины, фотографіи, картограммы.
- 21 в. Поле. Образцы хлѣбныхъ злаковъ. Фотографіи, картины изъ всѣхъ сезоновъ.
- 21 г. Сады и огороды. Планы, фотографіи, картины. Образцы продуктовъ.
22. Вредители растительного царства и благодѣтели тоже растительные, наприм., спорынья, грибки, бактеріи, Препараты, образцы, микрофотографіи, рисунки, схемы.
23. Неудобная для сельско-хозяйственной культуры мѣста: овраги, болота, пески, солончаки, крутые склоны возвышенностей и т. д.
Карты, картограммы и діаграммы, фотографіи, картины.
24. Мѣры борьбы съ ними.
25. Животный міръ родины по обществамъ растительного царства.
Картины, фотографіи, модели, чучела, коллекціи. Діаграммы и картограммы.
26. Человѣкъ. Карты: распределеніе населенія по родинѣ и этнографическому составу; типы мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, представленные на фотографіяхъ, картинахъ, моделяхъ. Коллективный портретъ.
27. Жилища и постройки человѣка. Общій видъ города, села, деревни, хутора, помѣстія въ рисункахъ, фотографіи, кинолентѣ. Картограммы и діаграммы.
28. Бытъ и культура.
Постройки: избы, сѣни, дворъ, рига, овинъ, амбаръ, клѣтушка, половень, погребъ. Модели, картины, фотографіи.
Одежда и украшенія. Образцы, модели, фотографіи, картинки.
Пища и напитки. По сезонамъ, по буднямъ и праздникамъ. Образцы, матеріалъ, словесное описание меню и рецептовъ кушаній. Иллюстраціи.
Утварь. Образцы, модели, фотографіи, картины.
Техника въ народномъ быту. Виды мѣстнаго производства и способы обработки сырыхъ продуктовъ изъ камня, кости, рога, дерева, кожи, металловъ, глины, волокнистыхъ веществъ и т. д. Образцы орудій и образчики сырыхъ продуктовъ и изделий по возможности во всѣхъ стадіяхъ обработки.

Картины, фотографії, киноленты, словеснія описанія. Способы передвижения: сани, волокуша, экипажи, лодки, суда и проч.

Модели, фотографії, чертежи, рисунки.

Мѣстные пути сообщенія: дороги, мосты, плотины, канавы, переправы черезъ рѣки, зимніе знаки дороги и т. д. Фотографії, рисунки. КартоGRAMмы. Жизнь крестьянской семьи въ будни: въ теченіе круглыхъ сутокъ. Фотографії, рисунки, киноленты. Въ празднікъ; крестины, похороны, свадьба, посидѣлка, сходка, базарь и т. д. Фотографії, рисунки, киноленты, грамофонныя пластинки, словесное описание.

29. Занятіе жителей. Карты, діаграммы, картограммы, киноленты, фотографії, рисунки, картины, образцы результатовъ труда и т. д. Занятія по сезонамъ. На полѣ, лугу, въ лѣсу, саду, огородѣ, на неудобныхъ земляхъ, въ домѣ, на дворѣ; кустарная промышленность, на фабрикахъ и заводахъ, въ торговлѣ, въ путяхъ и средствахъ сообщенія.
30. Картины семейной и общественной жизни: кинолента, фотографії, рисунки и словесное описание.
31. Мѣстные народные примѣты и суевѣріе, гаданія. Словесное описание, иллюстрація.
32. Народная религіозная вѣрованья. Старообрядцы и сектанты. Словесное описание, фотографії, рисунки.
33. Народная медицина. Словесное описание, образцы, иллюстраціи.
- 33 а. Народная музыка и народное искуство. Образцы, словесное описание и грамофонныя пластинки.
34. Языкъ, грамотность и просвѣщеніе.
Особенности мѣстного говора, сказки, преданья, побасенки, анекдоты старинны, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, причитанія, пѣсни старинны и новыя и т. д. Словесное описание, иллюстрація. Грамофонныя пластинки.
- Грамотность населенія на прogramмѣ. Образчики грамотности въ письмахъ и письменныхъ работахъ. Школы, просвѣтительныя учрежденія при кооперативахъ, потребительскихъ обществахъ, земскія, общественные и частныя. Отчеты, факты, иллюстраціи и словесное описание.
35. Храмы, молельни, часовни, больницы, богадѣльни, ночлежные дома. Фотографії, рисунки, модели, отчеты.
36. Барскія усадьбы, желѣзодорожныя станціи, телеграфъ, почта, телефонъ, агрономическія станціи, сберегательныя конторы. Фотографії, рисунки, картограммы, діаграммы, отчеты.
37. Заповѣдныя и особенно красивыя мѣста. Рисунки, фотографії описанія.
38. Коллекціи: карты, плановъ, фотографії, кинолентъ, грамоф. пластинокъ, діаграммъ, картограммъ, чертежей, рисунковъ.
39. Коллекціи и образцы: мѣстныхъ горныхъ породъ, ископаемыхъ организмовъ, полезныхъ ископаемыхъ, металловъ и минералловъ, почвъ,

- гербаріумовъ, терраріумовъ, акваріумовъ, жуковъ, бабочекъ, насѣко-
мыхъ, рыбъ, ракообразныхъ и т. д.
40. Образцы мѣстныхъ издѣлій и производствъ.
  41. Экскурсіонное снаряженіе.
  42. Прозекціонный фонарь, кинематографъ, стереоскопъ, глобоскопъ, лупа,
микроскопъ, образцы мѣръ мѣстныхъ и общепринятыхъ, фотографи-
ческіе аппараты и граммофонъ.
  43. Запасъ матеріаловъ для коллекціи и препаровочная комната.
  44. Архивъ и библіотека Родиновѣдѣнія.
  45. Каталогъ Музея и инструкція его использованія.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ составъ Музея родного края. Какъ видно, планъ этого состава выработанъ въ соотвѣтствіи съ тѣми основными точками зрењія, съ которыхъ рассматриваетъ родину Родиновѣдѣніе, однако, явно выраженная цѣль Музея—служить наглядности—заставляетъ отвести доминирующее мѣсто морфологической точкѣ зрењія съ подчеркиваніемъ и хорологической.

Что же касается точекъ зрењія генетической, динамической и антропогеографической, то они отчасти проводятся самимъ расположениемъ матеріала, но для ихъ выявленія можетъ быть построена и самостоятельная иллюстраціонная схема, устанавливающая должные связи и отношенія, и тѣмъ или другимъ способомъ позволяющая въ нихъ легко разобраться. Мѣсто этой схемы—иллюстраціи—въ заключительной части Музея родного Края.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что при Музеѣ Родного Края долженъ быть и Исслѣдовательскій Отдѣлъ. Въ дѣлѣ организаціи Музея родного края должны соединиться частная инициатива съ иниціативой кооперативовъ, потребительскихъ обществъ, просвѣтительныхъ учрежденій и кружковъ и обществъ Родиновѣдѣнія и само общество. Отсюда понятны матеріальные источники и составъ работниковъ. Однако, во главѣ дѣла должно быть поставлено лицо, вполнѣ компетентное и искренне любящее и преданное дѣлу. Являясь ядромъ образовательного Музея, Музей родного края не долженъ останавливаться на этой стадіи, но идти и дальше какъ по пути углубленія матеріала, такъ и расширенія, постепенно создавая и пріобрѣтая все болѣе и болѣе элементовъ общеобразовательного Музея со всѣми его функціями.

Организація музеевъ, какъ и всѣхъ вообще мѣропріятій по Внѣшкольному образованію, строится по районной системѣ.

М. Силищинский.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО РОДИНОВЪДЪНЮ.

1. Никитинъ. Замѣтки для преподавателей. Элементарный курсъ географіи. М. 1875 г.
2. Сельскій. Методъ наблюденій въ преподаваніи географіи.
3. Малышевъ. Съ чего и какъ начинать географическое обученіе въ средней школѣ.
4. Розановъ. О введеніи Родиновѣдѣнія въ число учебныхъ предметовъ школы. (№ 12 „Свободнаго Воспитанія“ за 19.4—15 г.).
5. Е. А. Заягинцевъ. Локализація учебнаго материала въ выпускѣ 1-мъ сборникѣ „Народная жизнь и школа“.
6. Е. А. Заягинцевъ. Кружки Родиновѣдѣнія и участіе въ нихъ народныхъ учителей.
7. Е. А. Заягинцевъ. Въ трудахъ 1-го общеземскаго съѣзда по народному образованію напечатанъ его докладъ „Свѣдѣнія о природѣ и жизни иѣстнаго края“, какъ учебный материалъ въ земской школѣ.
8. Шульцъ. Исторія развитія Родиновѣдѣнія. (Естествознаніе и географія 1904 г., 7—8).
9. Шубинъ. Къ вопросу о преподаваніи Родиновѣдѣнія (Рус. нач. учитель 1909, 11).
10. Селищенскій. Родиновѣдѣніе и музей родного края. Конспектъ лекцій, читан. на Костромскихъ и Калужскихъ курсахъ 1916 г.
11. Журналы: Естествознаніе и географія и землевѣдѣніе.
12. Журналъ: „Русский Экскурсантъ“.
13. Д. Розановъ. Родиновѣдѣніе въ Россіи („Русский Экскурсантъ“ 19.6 г. 1—2).
14. Н. Софоновъ. Польское Родиновѣдѣніе (Русский Экскурсантъ 1915 г. 6).
15. Н. Софоновъ. Финляндское Родиновѣдѣніе (Русский Экскурсантъ 19.5 г. 3).
16. Д. Золотаревъ. Изъ исторіи Родиновѣдѣнія Россіи (Русский Экскурсантъ 19.6 г. 6).
17. Журналъ „Экскурсионный Вѣстникъ“, издаваемый при Моск. учебномъ округѣ.
18. Журналъ. Школьные экскурсіи и школьный музей.
19. Изд. Таврической губ. Зем. Управы: „Журналъ засѣданія жюри, созданного для разсмотрѣнія учебниковъ и книгъ по Родиновѣдѣнію“.
20. Докладъ Н. Ф. Езерскаго. Опытъ плана преподаванія географіи и естествознанія въ народной школѣ. См. Труды 1-го общеземскаго съѣзда по народному образованію.
21. Д. В. Розановъ. О преподаваніи Родиновѣдѣнія. № 9—10 „Русской школы“.
22. Д. В. Розановъ. Выставка по Родиновѣдѣнію при съѣздахъ препод. географіи. (№ 3 Своб. Воспитанія 1916—17 г.).
23. Райковъ. Школьные экскурсіи, ихъ значеніе и организація Ія. Спб. 1910 г.
24. Арепьевъ. Общеобразовательные экскурсіи въ средней школѣ. „Рус. школа“, 1900, 5—6
25. Березинъ. Географическая экскурсія Тенишевского училища.
26. Готлибъ А. Общеобразовательные поездки съ учащимися по Россіи и заграницу. „Рус. школа“ 1909. 9.
27. А. Красновъ. Натуралистъ на Кавказѣ.
28. Дьячковъ-Тарасовъ. О значеніи и организаціи дальнихъ ученическихъ экскурсій по Россіи.
29. А. Мироновъ. Организація общеобразоват. экскурсій въ Москву.
30. Цыбульскій. Поездки учащихся заграницы. „Рус. Школа“ 1901, 4.
31. А. Ярзевъ. Подмосковные прогулки. Перечень ихъ въ „Естеств. и Географ.“ 1900, 6.
32. Русские учителя заграницей. Изд. Комиссіи по организаціи юн. экскурсій.
40. Образовательные экскурсіи по Россіи. Сборникъ — отчетъ.
41. Даиверъ. Экскурсіи учащихся въ Смоленскъ.
42. Россія подъ ред. Семенова. 9 томовъ.
43. Клетнова. Изученіе Родного края.
44. Заягинцевъ А. Родиновѣдѣніе и локализаціи въ народной школѣ. Москва, 1919 г..

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. Предисловие	1
2. В. И. Пичета—История белорусского народа	1
3. Д. Н. Анучин—К вопросу о белорусской территории	87
4. И. П. Силинич—Географический очерк Белоруссии	101
5. А. Ф. Фортунатов—Из сельскохозяйств. статистики пяти белорусских губ.	126
6. Е. М. Чепурковский—Антропология белоруссов.	145
7. Н. А. Янчук—Этнографический очерк Белоруссии.	152
8. П. А. Растворгуйев—Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии.	185
9. Д. Ф. Жылунович—Беларуская літаратура.	258
0. М. И. Силищенский—К вопросу о методике родиноведения.	294
1. Акад. Е. Ф. Карский—Этнографическая карта Белорусского племени.	

